

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиоэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Номер 3

Июль–Август–Сентябрь
2013

ISSN 0869-6063

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2013, № 3

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 3 • 2013

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“НАУКА”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2013

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2013
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2013

Статьи

Орудия-гигантолиты в индустрии олдована Дагестана <i>Амирханов Х.А.</i>	5
Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? <i>Афанасьев Г.Е.</i>	13
Фантастические животные в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая <i>Король Г.Г.</i>	26
Средневековые комплексы с височными подвесками из Волгоградского Поволжья <i>Блохин В.Г., Петров П.А.</i>	37

Новые материалы по археологии Узбекистана

Реконструкция оссуария с городища Дурмен в Центральном Согде <i>Мяжкова О.А.</i>	51
Новые находки гемм и их оттисков с городища Старый Термез <i>Пидаев Ш.Р.</i>	57
Керамика и вопросы хронологии жилого квартала Пайкенда VII–VIII вв. <i>Сапаров Н.Ж., Торгоев А.И.</i>	66
Неизвестный орнаментальный мотив в резьбе по ганчу из Варахши <i>Цветкова Т.Г.</i>	76
Горная Уструшана и некоторые вопросы исторической географии Средней Азии <i>Сверчков Л.М.</i>	80

Публикации

Комплекс эпохи мезолита с погребением волка в Прибайкалье <i>В.И. Базалийский, Р.Д. Лозей, Д.В. Пежемский, С. Гарвье-Лок, М. Жермонпре, Д.А. Леонард</i>	92
Протокуро-аракская керамика Нахчывана <i>Бахшалиев В.Б.</i>	105
Позднепрохоровское погребение из Нагорненского курганного могильника в Западном Казахстане <i>Гуцалов С.Ю.</i>	108
Склеп 96 могильника Левадки (Центральный Крым) <i>Мульд С.А., Кропотов В.В.</i>	114
Роговые топорики с Рождественского городища <i>Крыласова Н.Б.</i>	125
Находки подвесок “гнездовского типа” в бассейне Верхней Оки <i>Модин Р.Н.</i>	129
Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского <i>Коваль В.Ю., Медынцева А.А., Еремеев А.А.</i>	134

История науки

К 250-летию скифской археологии	
<i>Гуляев В.И.</i>	146
К 120-летию Международного конгресса по антропологии и доисторической археологии	
<i>Гусев К.А.</i>	155

Критика и библиография

J. Żrałka. Terminal Classic Occupation in the Maya Sites Located in the Area of Triangulo Park, Peten, Guatemala. Krakow, 2008	
<i>Савченко И.А.</i>	160
Chris Wickham. Framing the Early Middle Ages. Europe and the Mediterranean, 400–800. Oxford, 2005	
<i>Коробов Д.С.</i>	162
Grotowski P. Arms and armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovations in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston, 2010	
<i>Попов А.С.</i>	168

Хроника

III Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Г.К. Шамба. Сухум, 2011	
<i>Доде З.В.</i>	175
Вторая международная научная конференция “История археологии: исследователи и научные центры (к 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)”. Киев, 2012	
<i>Смирнов А.С.</i>	179
III Международный керамический рабочий семинар “Столовая посуда Эгейского побережья Анатолии от позднего эллинизма до средневековья – производство, имитации, использование”. Nieborów, Польша, 2012	
<i>Журавлев Д.В.</i>	183
К 50-летию группы “История керамики”	
<i>Цетлин Ю.Б.</i>	185
К юбилею Александра Михайловича Лескова	
<i>Полин С.В., Эрлих В.Р.</i>	188
Правила для авторов	190

CONTENTS

No. 3, 2013

Articles

Gigantolith tools in the Oldowan industry of Dagestan <i>Amirkhanov Kh.A.</i>	5
Saltovo-Mayatsk kitchenware: an ethnic marker? <i>Afanasyev G.E.</i>	13
Fantastic animals in the décor of medieval metal artifacts from the Sayan-Altai <i>Korol' G.G.</i>	26
Medieval assemblages with temple pendants from the Volga region <i>Blokhin V.G.</i>	37

New Materials on the Archaeology of Uzbekistan

Reconstruction of an ossuary from Durmen Tepe in Central Sogdiana <i>Myagkova O.A.</i>	51
New finds of engraved gems and their impressions from Old Termez <i>Pidaev Sh.R.</i>	57
Ceramics and the chronology of the residential quarter of Paikend in the 7 th –8 th cc. <i>Saparov N.Zh., Torgoev A.I.</i>	66
A previously unknown ornamental motif on carved <i>ganch</i> from Varakhsha <i>Tsvetkova T.G.</i>	76
Mountainous Ustrushana and certain issues of the historical geography of Central Asia <i>Sverchkov L.M.</i>	80

Publications

Mesolithic complex with a wolf burial in the Baikal region <i>Bazaliiski V.I., Losey R.J., Pezhemsky D.V., Garvie-Lok S., Germonpré M., Leonard J.A.</i>	92
Proto Kura-Araxes ceramics of Nakhchivan <i>Bakhshaliev V.B.</i>	105
Late Prokhorovka burial from the Nagornoye kurgan cemetery in Western Kazakhstan <i>Gutsalov S.Yu.</i>	108
Crypt 96 of Levadki cemetery (Central Crimea) <i>Muld S.A., Kropotov V.V.</i>	114
Horn hatchets from Rozhdestvenskoye settlement <i>Krylasova N.B.</i>	125
“Gnezdovo-type” pendants from the Upper Oka basin <i>Modin R.N.</i>	129
Pre-Mongol epigraphic find from Rostislavl <i>Koval' V.Yu., Medyntseva A.A., Yermeev A.A.</i>	134

History of Science

To the 250 th anniversary of Scythian archaeology <i>Gulyaev V.I.</i>	146
To the 120 th jubilee of the International Congress of Anthropology and Prehistoric Archaeology <i>Gusev K.A.</i>	155

Critics and Bibliography

J. Żrałka. Terminal Classic Occupation in the Maya Sites Located in the Area of Triangulo Park, Peten, Guatemala. Krakow, 2008 <i>Savchenko I.A.</i>	160
Chris Wickham. Framing the Early Middle Ages. Europe and the Mediterranean, 400–800. Oxford, 2005 <i>Korobov D.S.</i>	162
Grotowski P. Arms and armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovations in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston, 2010 <i>Popov A.S.</i>	168

Chronicle

III Abkhazian International Archaeological Conference in memory of G.K. Shamba. Sukhum, 2011 <i>Dode Z.V.</i>	175
II International Scientific Conference “History of Archaeology: Researchers and Scientific Centers (to commemorate the 165 th anniversary of F.K. Vovk)”. Kiev, 2012 <i>Smirnov A.S.</i>	179
III International Ceramics Workshop “Table Ware of the Aegaeon Coast of Anatolia from the Late Hellenistic Period to the Middle Ages: Manufacture, Imitations and Use”. Nieborów (Poland), 2012 <i>Zhuravlev D.V.</i>	183
To the 50 th anniversary of the History of Ceramics research group <i>Tsetlin Yu.B.</i>	185
To the jubilee of Aleksandr Mikhailovich Leskov <i>Polin S.V., Erlikh V.R.</i>	188
Rules for the authors	190

ОРУДИЯ-ГИГАНТОЛИТЫ В ИНДУСТРИИ ОЛДОВАНА ДАГЕСТАНА

© 2013 г. Х.А. Амирханов

Институт археологии РАН, Москва (amirkhanov@rambler.ru)

Ключевые слова: *олдован, каменные орудия, типология, Дагестан, Айникаб I, Мухкай I, II, орудия-гигантолиты.*

The article gives a characteristic of an uncommon category of Oldowan tools from Central Dagestan. Materials from the multilayer sites of Ainikab I and Mukhkai I and II are used to illustrate the occurrence of especially large bifacial tools in Oldowan base camp inventory on the territory in question. Typologically the tools are of the same shape as Oldowan choppers and picks.

При работе с материалами памятников олдована Центрального Дагестана исследователь не может не обратить внимания на очень интересную группу каменных орудий, отличающуюся чрезвычайной массивностью. По габаритам и особенно своему весу они во много раз (до 8–10 раз) превосходят экземпляры орудий аналогичных типов обычных размеров. В типологическом отношении указанные изделия представлены двумя формами: чоппером и пиком. Подобные орудия-гигантолиты обнаружены в слоях трех раскапываемых в настоящее время многослойных памятников олдована Дагестана: Айникаб I, Мухкай I и Мухкай II.

Специального описания и анализа олдованских предметов рассматриваемого здесь вида, насколько известно автору, не существует. Тем большую значимость имеют приводимые сведения, учитывая особенно то, что они происходят из первоклассных многослойных стратифицированных и надежно датированных памятников.

В целом по своей массивности орудия на желваках, гальках и обломках памятников олдована Центрального Дагестана можно разделить на три разновидности: ординарные (орудия обычных размеров) (рис. 1, 1), макроорудия (крупные орудия) (рис. 1, 2) и гигантолиты (сверхкрупные орудия) (рис. 1, 3). Кроме того, существует класс орудий на отщепе, который в настоящей работе не рассматривается. Необходимо отметить лишь, что в этой части инвентаря регулярно присутствуют микроорудия, орудия на крупных отщепах практически не встречаются, а основной заготовкой выступает отщеп мелких (до 3 см в длину) и средних (до 7 см в длину) размеров. Набор орудий на отщепах, в целом, не многочислен

и состоит из скребков, скребел, ножей, орудий с выемкой, шиповидных острий.

К орудиям-гигантолитам отнесены предметы, использование которых с точки зрения возможностей современного человека усилиями одной руки невозможно. Это, несомненно, двуручные орудия. Примечательно то, что при этом они изготовлены по модели, которая характерна для орудий обычных, т.е. рассчитанных для использования одной рукой.

Форма рассматриваемых изделий получена более или менее интенсивной оббивкой. Естественные участки или изломы краев заготовки целенаправленной обработкой приспособляются к задуманным очертаниям орудия. В отдельных случаях обработка носит частичный характер. Орудия-гигантолиты не образуют каких-либо специфических морфологических (можно сказать и функциональных) групп, не известных в типологическом составе обычных орудий изучаемых памятников.

Средние весовые параметры орудий-гигантолитов по той выборке, которой располагаем, составляют 4–6 кг. Имеются экземпляры, значительно превышающие эти рамки. В слое 13 стоянки Айникаб I найден, например, экземпляр пика-нуклеуса весом 8 кг.

Группа крупных орудий по рассматриваемому показателю укладывается в рамки от 2 до 4 кг. Это предельное значение веса орудия, пригодного (применительно к возможностям обычного современного человека) для эффективного использования усилиями одной руки.

Что касается орудий обычных размеров в виде чопперов на желваках и обломках, то в коллекциях

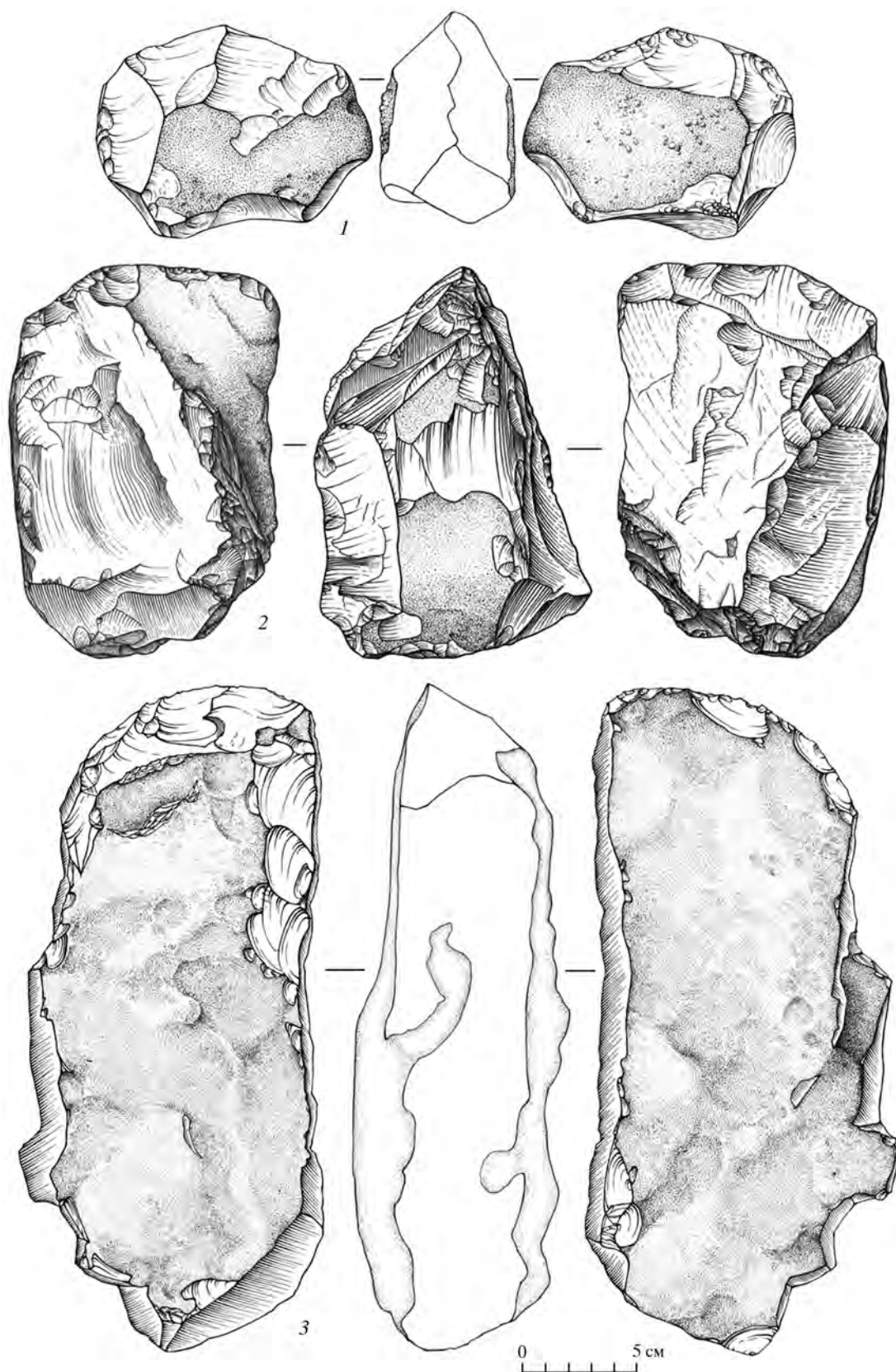

Рис. 1. Сравнительное соотношение чопперов олдована Центрального Дагестана по размерам. 1 – чоппер обычных размеров (стоянка Айникаб I, слой 10); 2 – крупный чоппер (стоянка Мухкай I, слой 7); 3 – чоппер-гигантолит (стоянка Мухкай II, слой 106).

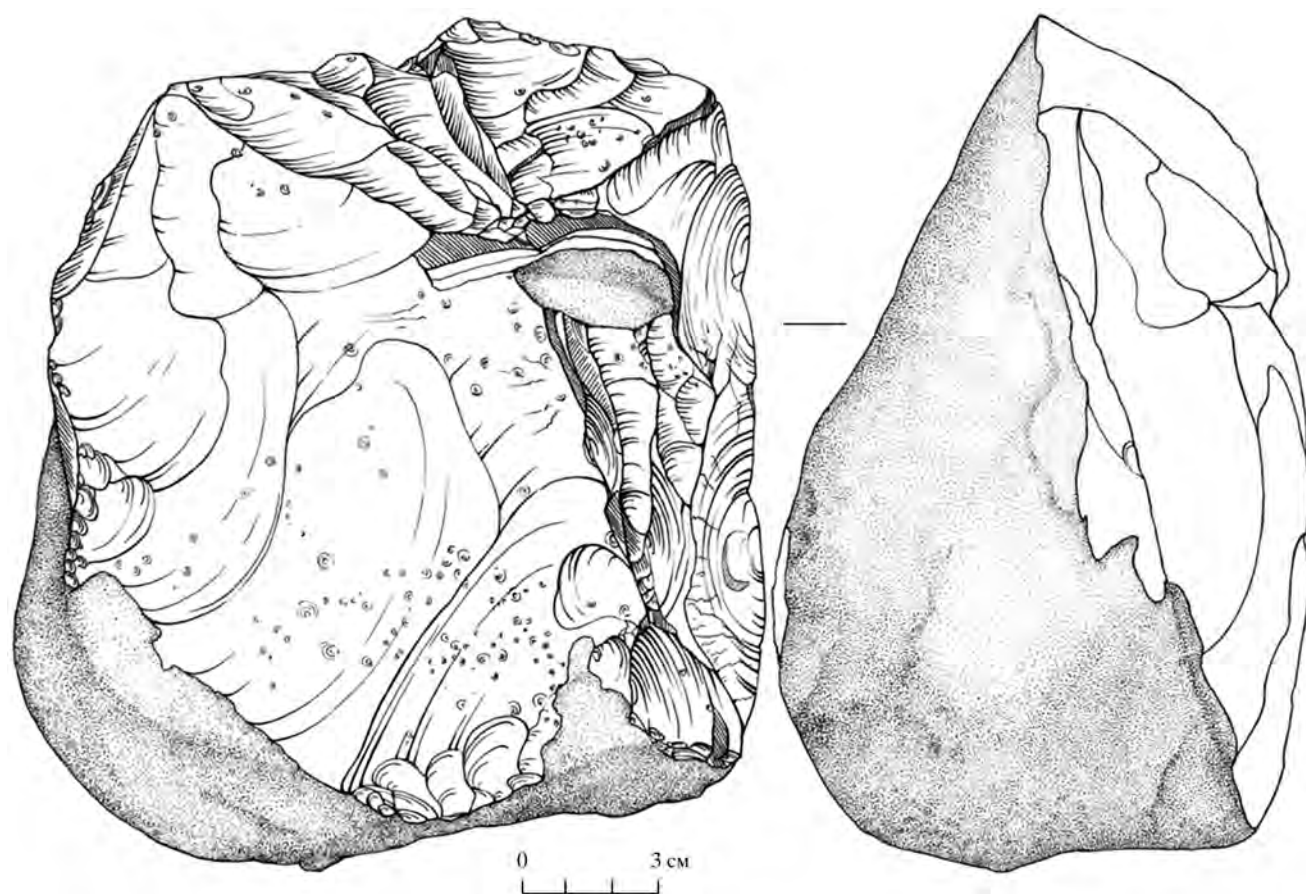

Рис. 2. Чоппер-гигантолит (стоянка Мухкай I, слой 32).

стоянок Центрального Дагестана их вес составляет в среднем 0.5–0.8 кг. С незначительными вариациями это относится и к аналогичной категории орудий из синхронных памятников других регионов.

В количественном отношении группа орудий-гигантолитов не была массовой. Определение их конкретной доли в той или иной коллекции будет возможно после раскопок стоянок на широкой площади. На данный момент можно сказать определенно, что в коллекциях базовых стоянок изделия этого рода не были случайными.

По сумме палеонтологических, палинологических, геоморфологических данных, а также результатам палеомагнитного анализа слоев, в которых обнаружены рассматриваемые находки, датируются в диапазоне от 1.25 до приблизительно 1.8 млн л.н.

Приведем описание нескольких изделий, о которых идет речь, происходящих из трех упомянутых выше памятников: Айникаб I, Мухкай I и Мухкай II. Материал хранится в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра (г. Махачкала).

Чопперы-гигантолиты односторонние. Один из предметов (рис. 2) этого типа происходит из стоянки Мухкай I (шифр: Мхк.-I/2012; сл. 32; № 91). Орудие изготовлено на крупной кремневой конкреции. У изделия хорошо выражены основные элементы: рабочая часть, противопоставленная ей чрезвычайно массивная пятка, а также края, один из которых обработан крупными продольными сколами. Последние срезают часть конкреции-заготовки и оформляют край изделия. Направление сколов, которые образуют этот край, – продольное встречное, т.е. удары наносились как со стороны пятки в сторону лезвийной части, так и обратно. Побочным результатом такой обработки должны были быть удлиненные отщепы. Они вполне могли использоваться в качестве заготовок для легких орудий.

Рабочий конец описываемого орудия представляет собой лезвие, оформленное односторонней обивкой. Кромка лезвия имеет интенсивную забитость, указывающую на активную утилизацию данного орудия в грубой, скорее всего, рубяще-дробящей функции.

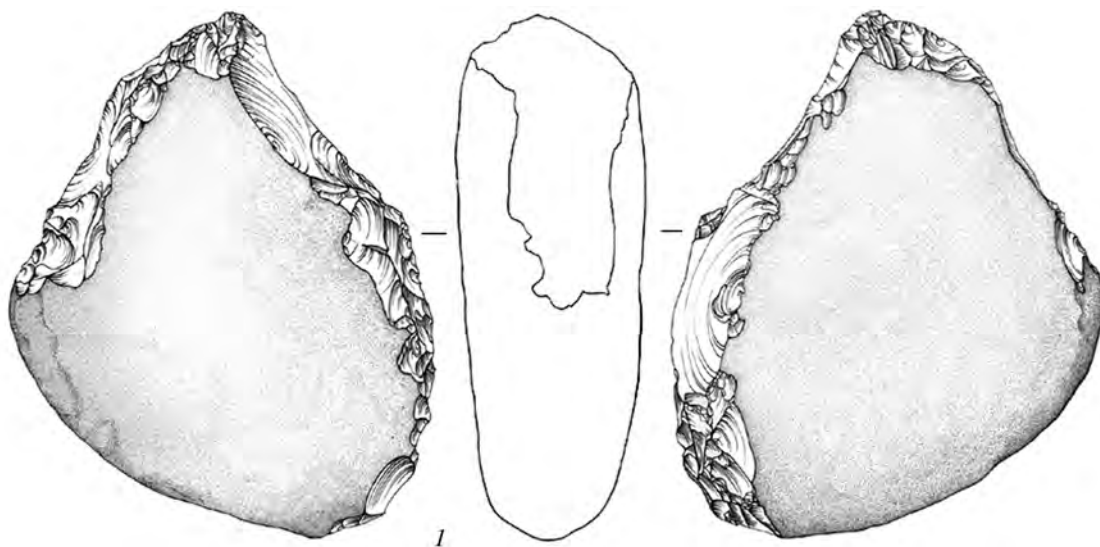

Рис. 3. Плоские пики-гигантолиты. 1 – стоянка Айникаб I, слой 13; 2 – стоянка Мухкай I, слой 23. Вес: 1 – 5.42 кг; 2 – 6.36.

Одна из плоских поверхностей изделия, а также один край и пятка покрыты сплошной желвачной коркой. Вторая плоская поверхность представляет собой плоскость крупного скола, возможно, естественного характера. На этой поверхности, а также на негативах сколов того края, который искусственно модифицирован, отчетливо видно множество ударных конусов, которые могли образовываться как при непосредственном ударе, так и при ударном усилии, передаваемом в ходе обработки с упором на данную поверхность другим предметом, т.е. собственно обрабатываемым изделием.

Размеры орудия: длина – 18.5 см; ширина – 16.4; толщина – 11.6. Вес – 4.525 кг.

Второе изделие рассматриваемой разновидности чопперов (рис. 1, 3) обнаружено на стоянке Мухкай II на глубине более 40 м от современной поверхности (шифр: Мхк.-II/2011; тр. 3; сл. 106; № 86). Изготовлен он на плоской кремневой плитчатой основе. Рабочая часть получена в целом односторонней обивкой. Лезвие слабоизвилистое с небольшим наклоном к одному из краев. Кромка лезвия имеет небольшую “замытость”, которая образовалась, по-видимому, в результате утилизации орудия. Непосредственно вдоль кромки лезвия отмечается ряд субпараллельных негативов мелкой ретушной обивки. Этот тип обработки обычно связан с дополнительной мелкой подработкой рабочего участка. В данном случае вероятно отнесение его к приему подживления лезвия.

Вертикальные, параллельные друг другу края получены встречным обрубающим поперечным скалыванием по всей длине и на всю их толщину.

Пятка представлена широкими поверхностями двух поперечных сколов.

Как лицевая, так и тыльная поверхности орудия покрыты желвачной коркой. На них отсутствуют следы скалывания, за исключением участка оформления лезвия с одной стороны и трех небольших негативов мелких сколов на противоположной стороне рабочего участка орудия. Отмечается также несколько тонких, горизонтальных коротких снятий, подправляющих краевую часть, примыкающую к лезвию чоппера.

Характер и интенсивность обработки, а также завершенность его формы, выражающаяся в целенаправленной и специальной отделке каждого из элементов орудия (лезвие, пятка, края) свидетельствуют о том, что основные параметры предмета, включая и его необычно большой вес, изготовителем планировались заранее.

Размеры орудия: длина – 29.3 см; ширина – 13.2; толщина – 8.2. Вес – 3.85 кг.

Плоские пики-гигантолиты с очень сходными параметрами происходят из двух разных памятников: Айникаб I и Мухкай I. Первый (шифр: Айникаб I/08; сл. 13; кв. 3-7; № 299) имеет в качестве исходной заготовки крупный уплощенный кремневый желвак, который в естественном виде был, по-видимому, близок к линзовидной форме (рис. 3, 1). Данное орудие демонстрирует случай переоформления гигантского чоппера в гигантский же пик. Первоначально изделие представляло собой односторонний продольный (краевой) чоппер. Судя по всему, в процессе использования лезвие этого орудия наполовину откололось. Свидетельством

того, что орудие активно использовалось в качестве чоппера, говорит интенсивная забитость и выкрошенность кромки сохранившейся части лезвия. Участок в месте излома лезвия трансформировался в вертикальную плоскость, и использование предмета в его первоначальном назначении стало невозможным. Тогда рабочая часть была перенесена на торцевую часть удлиненной массивной заготовки. В результате оббивки она приобрела характер остроконечного выступа, приходящегося на линию продольной оси симметрии изделия. Для оформления этого выступа второй, не затронутый обработкой край заготовки (который был ранее частью обушки чоппера), подвергся тщательной вертикальной оббивке. В результате был получен рабочий конец в виде тяжелого, массивного зубца, ориентированного функционально на “пробойную” функцию и типологически примыкающего к изделиям типа плоских пиков, в данном случае – плоским пикам-гигантолитам. Рабочая часть описываемого орудия имеет интенсивную забитость и “замятость” кромки. Эти признаки трудно определить иначе, как макроследы утилизации орудия. Пятка данного орудия, как и обе его плоские стороны, покрыта сплошной желвачной коркой.

Существенно отметить, что на негативах широких сколов по обоим краям изделий фиксируются ударные конусы в виде кольцевых глазков. Они аналогичны тем же глазкам, которые были отмечены выше при характеристике одного из чопперов. При этом на плоских поверхностях орудия, покрытых желвачной коркой, какие-либо выбоины, мелкие трещины или глубокие царапины не заметны. Такая избирательность в расположении глазков указывает, по-видимому, на эпизодическое использование данного предмета в функции наковальни или, другими словами, пассивного элемента раскалывания.

Размеры описанного выше орудия: длина – 25.2 см; ширина – 19.4, толщина – 9. Вес – 5.42 кг.

Второй (рис. 3, 2) из плоских пиков-гигантолитов этого типа (шифр: Мхк.-I/2011; сл. 23; № 137) по форме и массивности заготовки, а также по характеру обработки очень похож на описанное выше орудие из стоянки Айникаб I. Если и есть отличие, то оно относится к большей близости рабочего элемента данного предмета к типичным формам пиков с трехгранным сечением.

При изготовлении этого орудия активной обработкой подверглись края заготовки. Оббивка направлена на оформление заостренного конца и придание орудию заданной формы. Последнее предполагало выделение, прежде всего, двух основных частей изделия: рабочей и аккомодационной. Эта задача достигнута способом, обычным при изготовлении

орудий такого рода: крутой оббивкой краев заготовки, срезающей непродуктивную часть исходной заготовки. Обработка наиболее активна в части, непосредственно примыкающей к острию пика.

Размеры орудия: длина – 24.2 см; ширина – 24.7; толщина – 8.6. Вес – 6.36 кг.

Пик-гигантолит клювовидный (шифр: Мхк.-II; тр. 3; сл. 130; кв. А-82; № 96) изготовлен из низкоккачественного кремня, близкого к окремнелому известняку (рис. 4, 2).

Исходная форма отдельности сырья – удлиненный плитчатый желвак. Одна сторона заготовки плоская, другая – бугристая; обе целиком покрыты желвачной коркой. Края и основание орудия обработаны вертикальными сколами, которые оформляют общие контуры заготовки, придают орудью запланированные размеры и, следовательно, определяют общую массивность изделия.

Рабочий элемент в виде массивного клювовидного выступа оформлен крупными сколами, которые образуют с обеих сторон основания “клюва” широкие симметричные выемки. Таким образом рабочая часть, имеющая заостренный конец, намеренно акцентирована. Обработка рабочего элемента осуществлена так, что на верхней плоскости орудия на протяжении всей длины клювовидного выступа (8 см) оббивка образует гребень, линия которого совпадает с продольной осью симметрии орудия и придает поперечному сечению этой части изделия трехгранные очертания.

Размеры орудия: длина – 30.3 см; ширина – 18.4; толщина – 12.4. Вес – 5.5 кг.

Пик-клевец гигантский (шифр: Мхк. I-12/тр. 2; сл. 32; № 12), обнаруженный в слое 32 стоянки Мухкай I, представляет собой (рис. 4, 1) своеобразный вариант писанной выше формы гигантского клювовидного пика из стоянки Мухкай II. Изготовлено это орудие на плоском массивном желваке кремня. Основание орудия, являющееся обушкой, целиком оформлено вертикальными усекающими сколами. Рабочий элемент имеет очертания узкого и сильно вытянутого клювовидного выступа с заостренным концом. Поперечное сечение клюва – трехгранное. Длина суженного выступа – 11 см. На кромке завершения этого функционально значимого участка орудия отмечаются мелкие заломы. Верхняя и нижняя плоские поверхности изделия обработкой не затронуты.

Размеры орудия: длина – 25.8 см; ширина – 19.5; толщина – 8.5. Вес – 3.29 кг.

Переходя к интерпретации рассматриваемой категории находок, можно, прежде всего, конста-

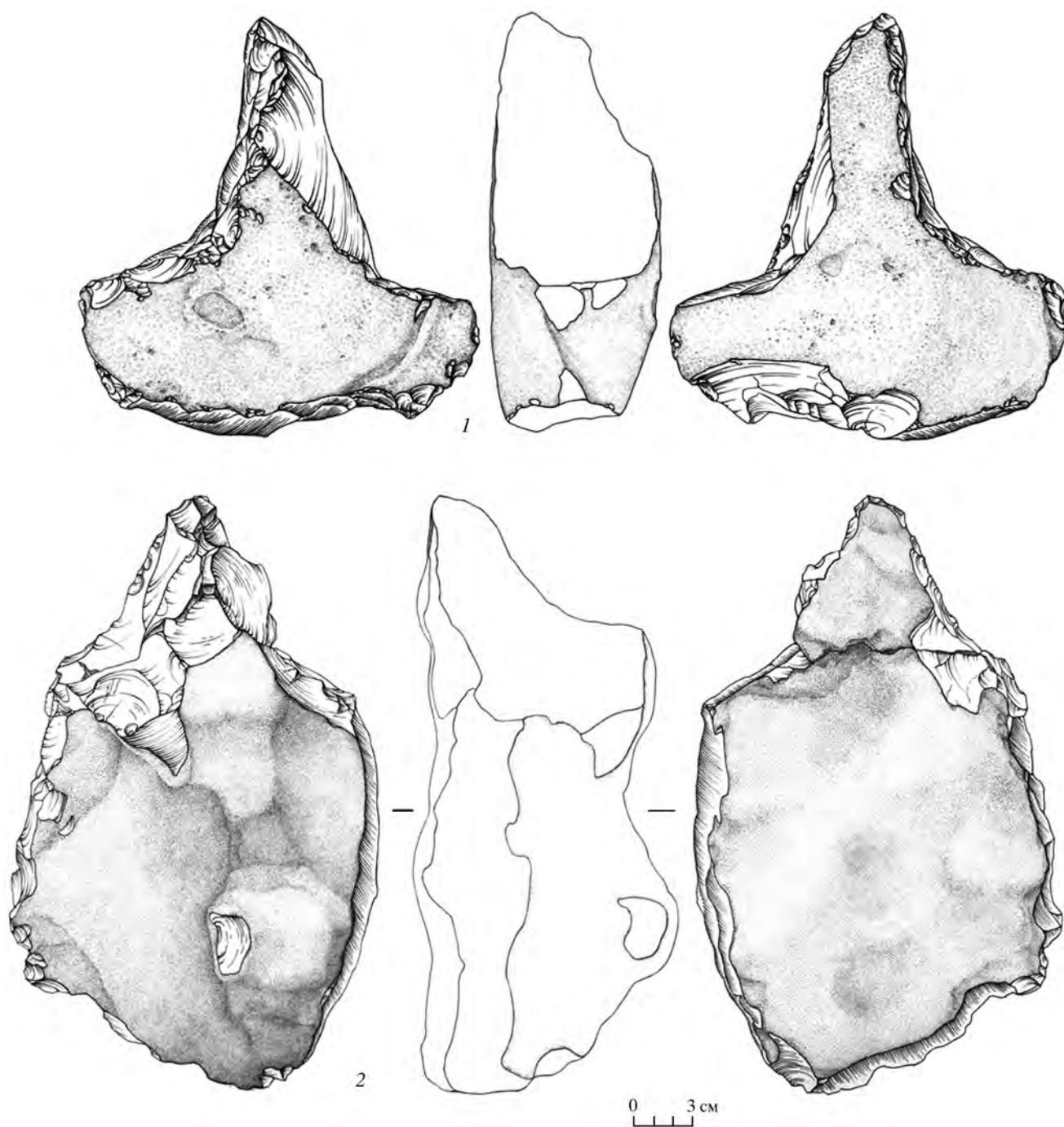

Рис. 4. Гигантолиты. 1 – пик-клевец (стоянка Мухкай I, слой 32); 2 – клювовидный пик (стоянка Мухкай II, слой 130). Вес: 1 – 3.85 кг; 2 – 5.5.

тировать, что обнаружение орудий-гигантолитов правомерно ожидать в памятниках, расположенных на месторождениях сырья или в непосредственной близости от них. Подавляющее большинство выявленных памятников олдована приблизительно так и расположены. Но при этом у изготовителя орудий той эпохи, жил ли он в Восточной Африке или на Кавказе, существовало избирательное отношение

к сырью и местное сырье, как правило, не вполне и не всегда соответствовало требованиям, отвечавшим сложившейся технологии изготовления каменных орудий. В таких случаях необходимая разновидность сырья, отсутствовавшая непосредственно вблизи от стоянки, доставлялась из пунктов, удаленных на расстояние несколько километров.

В классических памятниках олдована Олдувайского ущелья (например, стоянки DR, FLK Zindj) использовалось три-четыре разновидности сырья, включавшие базальт, кварц, фонолит и гнейс (Torre, Mora, 2005. Р. 205). Большая часть изделий в коллекциях этих памятников приходится, естественно, на местную породу – базальт. Не случайно поэтому наиболее крупные орудия здесь изготовлены из базальта, а доля принесенного сырья по своей массе уступает сырью местной разновидности. То что в этих памятниках транспортированное сырье представлено относительно мелкими блоками, соответственно и малыми размерами изделий из них, должно было бы казаться естественным. Однако в материалах некоторых раннеашельских памятников Олдувайского ущелья отмечается наличие валунов того же самого вида сырья (кварцит), принесенных из того же месторождения, что использовалось обитателями стоянок олдована, но имеющих массу до 20 кг. На основе этого делается вывод о том, что “группы гоминид, различающиеся хронологически, а также в культурном и биологическом отношении, имели и реализовывали разные предпочтения в подборе размеров и формы транспортируемых блоков” (Torre, Mora, 2005. Р. 207).

У обитателей айникабско-мухкайских стоянок не существовало проблем с транспортировкой сырья. Качественное сырье в виде кремневых обломков и желваков различной формы (кубовидные, плитчатые, уплощенные желвачные, многогранные), размеров и веса имелось в непосредственной близости от стоянок, а иногда и на площади самой стоянки. Соответственно изначально здесь имелись возможности реализации любых предпочтений, относящихся к размерам орудий.

Рассматриваемые здесь объекты не составляют исключения с точки зрения хорошей обеспеченности сырьем. Однако выясняется, что далеко не на всех памятниках, на которых не было дефицита сырья, обнаруживаются орудия-гигантолиты. Наиболее распространенным видом орудий этого рода можно считать наковальни. Они являются, например, важной частью инвентаря в памятниках Олдувайского ущелья (Leakey, 1971). Наконьни встречаются в отложениях всех слоев известного олдувайского разреза. В наиболее древних стоянках этого региона описываемые орудия представлены в виде кубовидных предметов или валунов с выразительными участками забитости на их плоских поверхностях. Однако наличие здесь типологически выраженных орудий-гигантолитов иного рода, насколько известно автору, не отмечается. Нет указаний на их наличие и в известных памятниках Северной Африки (Айн-Ханеш) (Sahnouni, Heinzelin, 1998) и Южного Кавказа (Дманиси) (Lumley et al.,

2005), относимых ко времени классического олдована, а также в материалах стоянок Приазовья (Щелинский и др., 2010) и Армянского нагорья (Любин, Беляева, 2010; Любин и др., 2010).

Каково функциональное назначение этих гигантских орудий? Массивность и вес рассматриваемых изделий не оставляет сомнений в том, что они были предназначены для использования в качестве двуручных орудий. При этом общая функция их, по-видимому, та же, что и у орудий соответствующих типов более мелких размеров. В широком плане – это раскалывание, пробивание, дробление, разрубание. О таком характере использования говорят выразительные макроследы на лезвиях рабочих элементов в виде интенсивной забитости и замятости. Трасологический анализ рассмотренных изделий не проводился. Бинокулярный анализ микроследов изношенности лезвия орудий такого рода из материалов пещерной стоянки Аль-Гуза, сделанный в свое время В.Е. Щелинским, убедительно показал использование чоппера в функции рубящего орудия (Амирханов, 1991; 2006).

Помимо своей основной функции некоторые из описанных предметов использовались в качестве наковален – пассивных элементов раскалывания, скорее всего, кремня. Признаком, указывающим на это, является наличие иногда многочисленных, а в других случаях разрозненных кольцевых глазков, сколов на орудиях-гигантолитах от прямого или косвенного ударного контакта с поверхностью широких негативов. Глазки, конечно, могли образовываться и в том случае, если удары наносились непосредственно по поверхности гигантолита. Это было возможно в случае скалывания в технике “блок о блок”. Одно можно сказать определенно: удары, о которых идет речь, никак не могли служить улучшению или переоформлению уже выработанного и использованного в своей функции орудия. Они не указывают на “подживление” кромки лезвия, подправку краев орудия или какую-либо иную модификацию предмета.

Глазки расположены не на краевых участках орудий, а на плоских негативах, образовавшихся в результате предшествующих сколов с заготовки. Узкая локализация глазков, т.е. существование особых “зон забитости”, свидетельствует о том, что, скорее всего, данные предметы эпизодически использовались в качестве наковальни в прямом смысле слова: на орудие, используемое в качестве наковальни, устанавливался предмет, по которому производился удар.

Кольцевидные глазки могли образовываться и в случае, если наковальня использовалась для раскалывания на ней какого-нибудь органического мате-

риала (кость, косточки плодов, орехи и т.п.). Но к описываемому случаю это вряд ли имеет отношение, так как следы оббитости не отмечаются на довольно удобных для указанной цели поверхностях, которые покрыты желвачной коркой. Складывается впечатление, что, выбирая участок для упора предмета, по которому наносился удар, изготовитель отдавал предпочтение плотной, твердой поверхности. Желвачная же корка, которая покрывает большую часть поверхности описываемого предмета, будучи довольно толстой и относительно рыхлой, этим качествам не удовлетворяет.

Существенно отметить, что в функции накопальни описываемые орудия использовались после и/или в процессе утилизации по их прямому назначению. Об этом говорит то, что лезвия орудий-гигантолитов, использованных в качестве наковален, как отмечалось, имеют забитость и замятость, но вполне сохраняют свою функциональность.

Характеризуя рассматриваемые изделия, следует добавить, что косвенно они выполняли и функцию нуклеусов. Выше указывалось, что при оформлении орудий-гигантолитов осуществлялось скалывание, обрубающее в значительной мере часть краев исходных заготовок. В результате такой оббивки образовывалась серия отщепов, пригодных как для непосредственного использования в качестве орудий, так и для изготовления ретушированных изделий. Обрубание краев осуществлялось систематическими вертикальными сколами, и последние нередко срезали заготовку на всю ее толщину. По этой причине у целых отщепов айникабско-мухкайской индустрии как ударная площадка, так и завершение (дистальный конец) зачастую имеют желвачное покрытие. Аналогичную картину можно наблюдать и в материалах приазовских памятниках олдована (Щелинский и др., 2010).

Обобщая значимые с точки зрения автора моменты, связанные с изучением рассматриваемого класса орудий, можно отметить следующее. Во-первых, описываемые орудия встречаются как в стратиграфически синхронных, так и разновременных памятниках исследуемого района. Во-вторых, интенсивная целенаправленная обработка этих заготовок не только формирует рабочий элемент, но и подчинена сохранению и иногда подправке тыльной части орудия, с нацеленностью при этом на обеспечение чрезвычайной массивности данного предмета. В-третьих, орудия-гигантолиты сочетаются

в материалах рассмотренных памятников с изделиями средних и мелких размеров и предстают как немногочисленная, но органичная часть инвентаря.

Один из главных при рассмотрении орудий описываемого характера вопрос – чем эти орудия являются: выражением культурной специфики определенных индустрий олдована или показателем адаптации практики производства орудий к степени обеспеченности сырьем и характеристикам этого сырья. В поисках ответа на него возникает и другой вопрос – являются ли эти две возможности альтернативой друг другу? Как еще формируется культурная специфика вообще, если не адаптацией к окружающему миру вещей и явлений, в том числе и приспособлением к особенностям ресурсов, которыми человек обладает, и способам использования этих ресурсов?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. М., 1991.
- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. М., 2006.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб, 2010.
- Любин В.П., Беляева Е.В., Саблин М.В. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. к 60-летию Х.А. Амирханова. Махачкала, 2010.
- Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С. и др. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб, 2010.
- Leakey M.D. Olduvai Gorge. Cambridge, 1971.
- Lumley (de) H., Nioradze M., Barsky D. et al. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Georgie // L'anthropologie. 2005. V. 109.
- Sahnouni M., Heinzelin (de) J. The Site of Ain Hanech Revisited: New Investigations at this Lower Pleistocene Site in Northern Algeria // J. Archaeolog. Sci. 1998. V. 25. № 11.
- Torre (de la) I., Mora R. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai beds I & II. Liège, 2005 (ERAUL – Études et Resherches Archeologiques de l'Université de Liège; V. 112).

КУХОННАЯ ПОСУДА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ – ЭТНОМАРКИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК?

© 2013 г. Г.Е. Афанасьев

Институт археологии РАН, Москва (gennady.afanasiev@mail.ru)

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, болгары, хазары, аланы, кухонная посуда, горшки, котлы, Центральный Кавказ, Дон.

The article covers the topic of Saltovo-Mayatsk kitchen ware (pots and cauldrons) as a possible marker of the settling of Turkic-speaking Bulgar and Khazar tribes in Southeastern Europe. Analysis of the methodological approaches and correlation of the pottery specimens with the anthropological characteristics of the population allow assuming that the above hypothesis is untenable. The author concludes that the Alanic population of the Middle Don basin and the early medieval population of the Central Caucasus had been manufacturing such ware since and an earlier time.

Три года спустя после публикации своего энциклопедического труда “История хазар” в предисловии к книге Л.Н. Гумилева “Открытие Хазарии” М.И. Артамонов неожиданно написал: “Мы не знаем точно, кто такие были хазары, откуда они появились, какой образ жизни вели и даже где они жили” (Гумилев, 1966. С. 3). Это откровенное признание показывает всю сложность отождествления раннесредневекового археологического материала бассейна Дона с известными по письменным источникам хазарскими этническими группами. Иной подход к интерпретации археологического материала наблюдается у некоторых зарубежных и отечественных историков, затрагивающих проблему исторической географии Хазарии и убежденных в том, что салтово-маяцкая археологическая культура является “государственной культурой” Хазарского каганата. Из этого постулата делался вывод о том, что салтово-маяцкий керамический комплекс (рис. 1) может быть определяющим в этнической атрибуции населения VIII–X вв. в бассейне Дона, Волги и Кубани и Центрального Кавказа. К.А. Брук считает, что Хазария занимала территорию от Аральского моря на востоке до Киева на западе (Brook, 1999. Р. 41, 42). С.А. Ромашов уверен в том, что салтово-маяцкий керамический комплекс маркирует продвижение тюркоязычных болгаро-хазарских групп на Северный Кавказ (2002–2003. С. 117, 118). Ж. Пятигорский и Ж. Шапир очерчивают границы Хазарского каганата на основании произвольной выборки памятников, протянувшихся от Волги до Киева (Piatigorsky, Sapir, 2005. Р. 161–185). Б. Живков принимает потерявшую научную значимость гипотезу относительно свойств котлов

с внутренними ручками-ушками маркировать болгарский этнос (2010. С. 305). Но было бы ошибочно утверждать, что историки не высказывали сомнений относительно методической правильности такого подхода к определению этнического облика салтовских памятников. Оценив предпринятые во второй половине XX в. попытки этнической интерпретации материалов салтово-маяцкой культуры, Б. Вербарт пришла к выводу, что все исследования и дискуссии на тему этногенеза болгар и хазар были

Рис. 1. Керамический комплекс салтово-маяцкой культуры: 1 – лощеная кружка; 2 – кухонный горшок; 3 – лощеный кувшин.

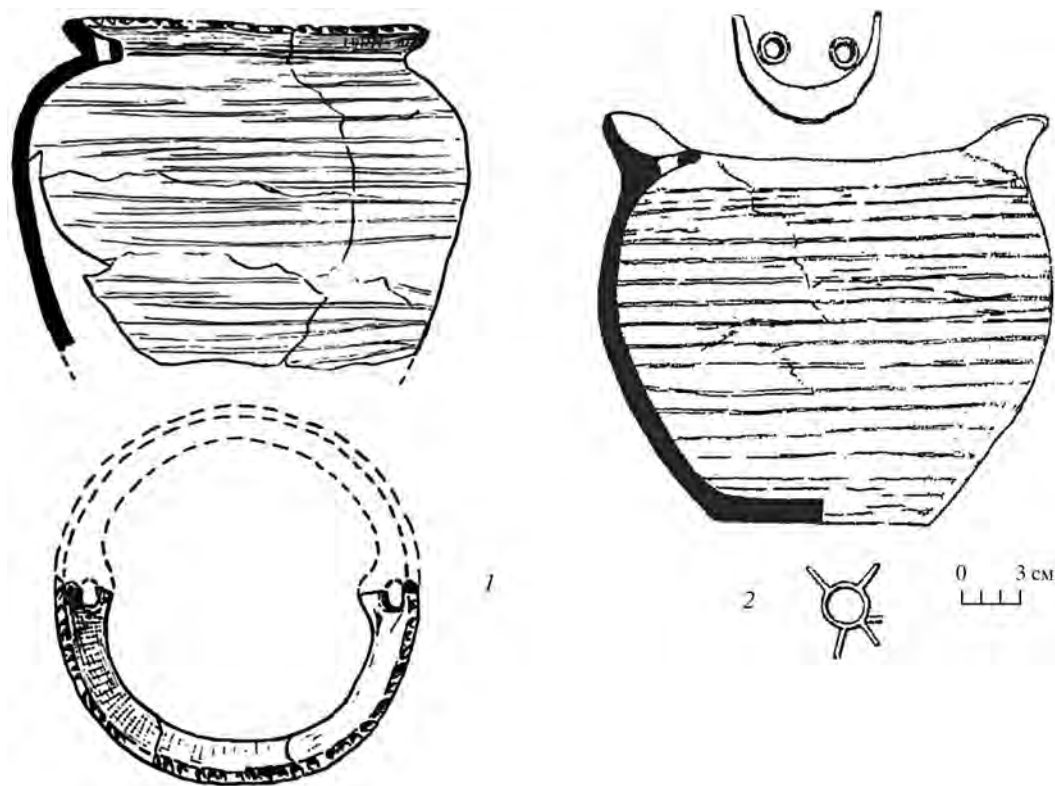

Рис. 2. Котлы с внутренними ручками-ушками: 1 – котел с внутренними ручками для подвешивания; 2 – котел с ушками для подвешивания.

бесплодны и фактически потерпели фиаско. Памятники салтово-маяцкой культуры – это многомерный источник, в котором экономические, социальные и религиозные аспекты преобладают над этнической спецификой материальной культуры (Werbart, 1996. Р. 199–221).

В сложившейся ситуации доля ответственности ложится на плечи археологов: мы не всегда перепроверяем аргументы предшественников, полагаясь на их высокий научный авторитет. Мысль о том, что салтовская кухонная керамика может маркировать определенный этнос, возникла в начале XX в. В.А. Бабенко (1907. С. 386–402, 440) и А.М. Покровский (1905. С. 465–492) считали, что традиция изготовления горшков была заимствована салтовцами у славян. Для М.В. Городцова славянское влияние на производство зливкиных горшков было очевидным (1905. С. 212). А.А. Миллер обратил внимание на то, что на Северном Кавказе использование горшков с гребенчато-волнистым орнаментом охватывало период начиная с V–VI по XIII в. (1926. С. 96–98). В споре с ним А.В. Арциховский заявил, что пренебрегать данными о славянском присутствии на Тамани нельзя (1930. С. 92, 93). М.И. Артамонов (1935. С. 64) и И.И. Ляпушкин (1941. С. 220) выступили против славянской версии

происхождения салтовских горшков. М.И. Артамонов подчеркивал, что на Дону, Кубани и Северном Кавказе горшки с гребенчато-волнистым орнаментом встречаются задолго до продвижения в этот регион славян. Исследователь полагал, что лепные горшки отражают местную гончарную традицию и относятся к более ранней хронологической фазе, чем круговые (Артамонов, 1935. С. 33–64). Факт находок котлов с внутренними ручками-ушками (рис. 2) в низовьях Дона он объяснял процессом оседания кочевников (Артамонов, 1940. С. 152). Но идея о славянских корнях салтовских горшков не была окончательно отвергнута. Когда в 1946 г. С.А. Семенов-Зусер раскопал в Верхнесалтовском могильнике ямное погребение с двумя лепными горшками с линейным орнаментом, он назвал их славянскими (1949. С. 137–143).

Во второй половине XX в. получили распространение четыре версии, объясняющие истоки керамической традиции у носителей салтово-маяцкой культуры. Первая была изложена Н.Я. Мерпертом и поддержана Б.А. Шрамко. Они считали, что салтово-маяцкая культура возникла на сармато-аланской основе и в качестве доказательства указывали на то, что формы салтовских горшков следует искать среди позднесарматских сосудов (Мерперт, 1951.

С. 28; Шрамко, 1959. С. 266, 267). Вторая принадлежит С.А. Плетневой, полагавшей, что кухонные горшки маркируют гончарную традицию тюркских народов (1967. С. 103–134). Третья была предложена Я.А. Федоровым, Г.С. Федоровым и М.Г. Магомедовым. В основе их взглядов лежало предположение о том, что страна Барсила, с населением которой этногенетически связаны ранние хазары, находилась в Северном Дагестане. Авторы указали на морфологическую и технологическую общность керамических комплексов этого региона и салтово-маяцкой культуры (Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978. С. 164–168; Магомедов, 1981. С. 62–77). С критикой этой гипотезы выступил А.В. Гадло: "...везде, где зафиксированы реальные бытовые памятники салтово-маяцкой культуры зрелого Хазарского каганата VIII–IX вв., специфические черты культуры Северного Дагестана VI–VII вв. не выявляются" (1983. С. 81). Четвертая версия была сформулирована А.В. Гадло, который пришел к выводу о том, что керамика Центрального Предкавказья тождественна посуде VIII–IX вв. Прикубанья, Приазовья и степной Таврики. Он полагал, что в VIII–IX вв. салтовский керамический комплекс распространился в Центральном Предкавказье вследствие продвижения туда булгаро-хазар, а граница между Хазарией и Аланией проходила по р. Кума (Гадло, 1994. С. 125–132).

Идея А.В. Гадло была поддержана В.А. Кузнецовым, который пришел к мнению о том, что салтовский керамический комплекс документирует продвижение булгаро-хазарских групп на коренную территорию Алании (1997. С. 163–168). Аналогичные взгляды излагали Х.Х. Биджиев, Н.П. Саволайнен и примкнувший к ним позже В.С. Флёров. Аргументы исследователей сводятся к априорной формуле: керамика салтово-маяцкого облика указывает на принадлежность памятников Хазарскому каганату, а его обитателей – к булгаро-хазарскому этносу (Биджиев, Саволайнен, 1982. С. 113–133; Флёров, 2011. С. 120). Этот же интерпретационный алгоритм применяет И.М. Чеченов при анализе керамического материала поселений Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (2006. С. 963, 964). Им же руководствуются участники "Хазарского проекта", называя "салтовским" верхний слой городища Горное Эхо (Отстойник) и объясняя его появление проживанием там хазар в IX в. (Петрухин и др., 2009. С. 101). Иных взглядов придерживаются Я.Б. Березин, В.Н. Каминский и В.Ю. Малашев, полагающие, что кухонная керамика Татарского городища свидетельствует о распространении центрально-кавказской аланской гончарной традиции на территорию Центрального Предкавказья (Березин и др., 2012. С. 58–62).

Нет положительных результатов поиска маркирующих признаков этнической культуры булгаро-хазар в горшках и котлах на территориях, сопредельных с Центральным Кавказом, Предкавказьем и лесостепным Донецко-Донским междуречьем. В ареале степного варианта салтово-маяцкой культуры, который связывается с булгарами/псевдобулгарами, фрагменты котлов с внутренними ручками-ушками встречаются редко. В памятниках бассейна Северского Донца они составляют 0.2–0.3% (Красильников, Красильникова, 2010. С. 169). Этот факт противоречит тезису о свойствах котлов, способных маркировать болгарский этнос. К.И. Красильников считает, что лепные горшки характерны для VIII – начала IX в., круговые получают распространение во второй половине IX – начале X в. (Красильников, 1999. С. 170–177), а их специфической болгарской особенностью является шаровидность тулова, низкий венчик и широкое дно (Krasil'nikov, 1990. S. 198–200). Если это так, то следует ожидать, что и в других районах Юго-Восточной Европы, где предполагается проживание булгаро-хазар, должны встречаться сосуды подобных пропорций, но там картина иная. На Нижнем Дону в подкурганных погребальных памятниках этнических хазар керамика второй половины VII – первой четверти VIII в. характеризуется лепными сосудами. Горшки, подправленные на круге и украшенные гребенчато-волнистым орнаментом, появляются только в комплексах рубежа VIII–IX вв. Параметрические характеристики горшков из подкурганных погребений показывают, что все они относятся к типу сосудов с яйцевидным туловом (Иванов, 1999. С. 97–100).

Типологически близкие лепные горшки встречаются в Волжской Болгарии. Т.М. Хлебникова датировала их VIII – первой половиной IX в. Появление горшков, сделанных на гончарном круге, приходится на начало X в. По мнению автора, распространение подобных сосудов свидетельствует о продвижении болгарских племен (Хлебникова, 1984. С. 52–55, 98–103). Эта точка зрения хотя и была принята археологическим сообществом, но Е.П. Казаков, А.Х. Халиков и Ф.Ш. Хузин все же признали, что такая керамика появляется позже периода, когда археологическая культура ранних волжских болгар находилась в начальной стадии своего формирования (Kazakov et al., 1990. S. 137–169). Действительно, диссертационное исследование С.Э. Зубова подкурганных захоронений Самарского и Ульяновского Поволжья показывает, что в погребениях новинковского и уреньского типов, относящихся к середине VIII – рубежу VIII–IX вв., встречаются только лепные горшки (2006. С. 92–

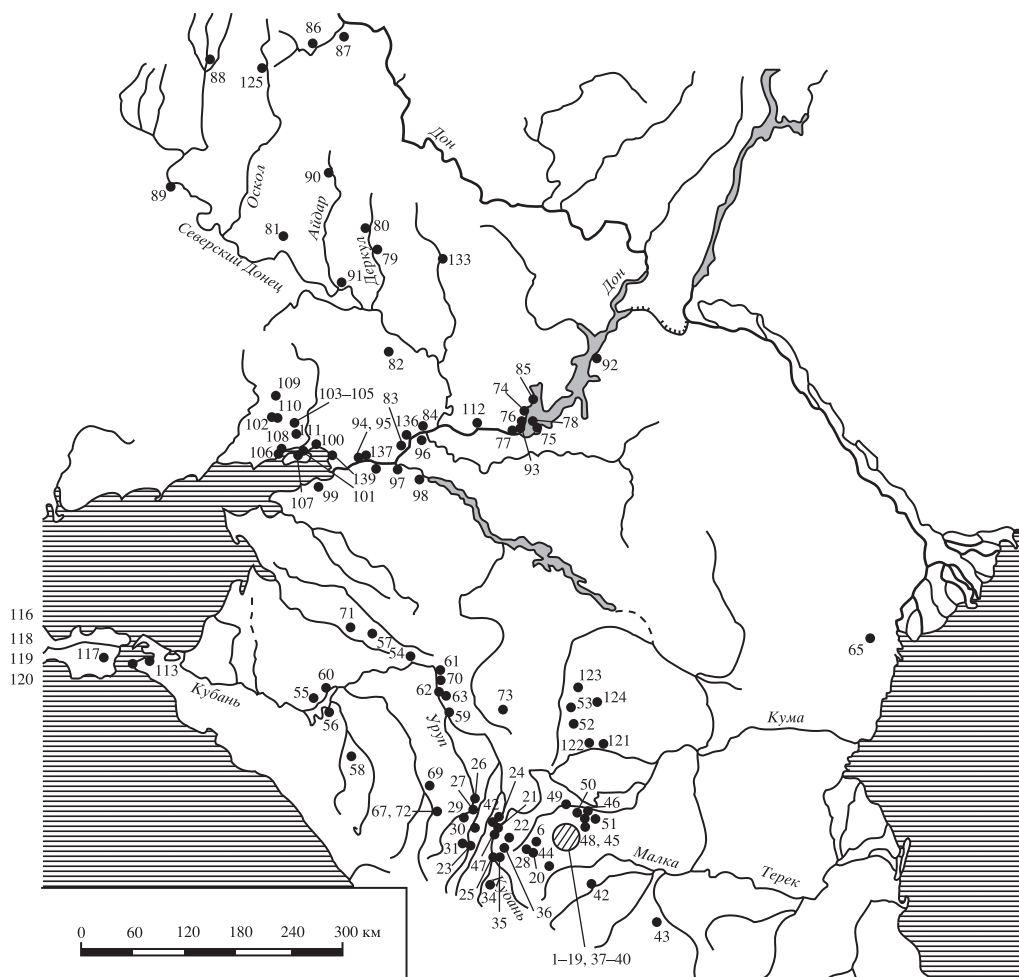

Рис. 3. Карта распространения котлов с внутренними ручками-ушками на юге России (по: Лопан, 2007).

94, 143). Круговые горшки с гребенчато-волнистым орнаментом там практически отсутствуют.

Крымские горшки морфологически близки горшкам салтово-маяцкой культуры. И.А. Баранов считал, что лепные сосуды преобладают в памятниках середины – второй половины VII в., а круговые начинают доминировать с рубежа VII–VIII вв. (1990. С. 89, 91, 92). Его идея о тюрко-болгарском компоненте в Крыму, представленном вариантом салтово-маяцкой культуры, нашла поддержку у одних авторов, но у нее есть и оппоненты. Ю.М. Могарычев подчеркивает, что погребения так называемого тюрко-протоболгарского населения – это всего 9-10 могил. Он полагает, что здесь преобладало традиционное местное население, а незначительный приток тюркских мигрантов находился под контролем византийских властей (Могарычев, 2010. С. 69, 70).

Для раннесредневековых памятников Подунавья также характерны и типологически близкие салтовским горшки с яйцевидным туловом (Дончева-Пет-

кова, 1981. С. 160–169; Kozlov, 1990. S. 171–191), и котлы с внутренними ручками-ушками (Spinei, 1990. S. 327–342). Во второй половине XX в. было предложено несколько версий (славянская, болгарская, румынская) этнического облика этой культуры, которую называли балкано-дунайской, дриду или вариантом салтово-маяцкой. На смену политизированным научным позициям пришла концепция, согласно которой раннесредневековая культура Нижнего Дуная представляет синтез традиций славян, болгар и румын, проходивший под влиянием византийской культуры (Madgearu, 2007. P. 51–59) и культуры тюрков (Spinei, 2009. P. 189, 190). Аналогичные салтовским болгарские круговые горшки буро-коричневого цвета с гребенчато-волнистым орнаментом, по мнению Р. Рашева, не являются специфическими ни для культуры болгар, ни для культуры славянского населения. Они появляются одновременно и на славянских, и на болгарских поселениях под влиянием гончарных традиций Аварского каганата (2008. С. 84, 85).

Все современные гипотезы археологов, на которые опираются историки, размещающие территорию Хазарского каганата в Волго-Донско-Кубанском междуречье, на Средней Волге, в Центральном, Северо-Западном, Северо-Восточном Кавказе, Крыму и Северном Причерноморье, основаны на предположении о булгаро-хазарском происхождении котлов и горшков, которые априорно рассматриваются как специфические салтово-маяцкие. Эта посылка устарела. За годы исследований котлов сформировалось несколько версий их этнической принадлежности – булгарская, хазарская, аланская, северокавказская, венгерская, печенежская. История вопроса изложена в специальной статье О.В. Лопан, которая пришла к следующим выводам. Во-первых, данный тип посуды не может считаться этническим маркером, так как котлы с внутренними ручками-ушками встречаются на обширной территории Юго-Восточной Европы, населенной различными этническими группами (рис. 3). Во-вторых, эволюция котлов проходила от горшкообразной формы с плоским дном к круглодонной, а это обстоятельство отвергает тезис об их кочевнических истоках. В-третьих, появление схемы внедрения в плоскодонный горшок внутренних ручек-ушек отражает переход к практике использования открытого очага, но не свидетельствует именно о номадизме в форме ведения хозяйства и в образе жизни населения (Лопан, 2007. С. 240–311).

Базовый тезис об этномаркирующей специфике салтовских горшков уже изначально излагался в декларативной форме, характерной для “культурно-исторической археологии” конца XIX – середины XX в. Прежде всего, вызывает глубокое сомнение сама возможность определения языковой принадлежности населения по признаку использования им горшков салтовского облика или котлов с внутренними ручками-ушками. Не была определена степень сопряженности керамического материала с производственными центрами и антропологическими характеристиками обслуживавшего их населения. Эти методические изъяны в исследованиях первоисточника ставят под сомнение правомерность использования котлов и горшков салтовского облика для моделирования пути продвижения на Центральный Кавказ булгаро-хазарских этнических групп.

Важен и хронологический аспект этой проблемы. В степной зоне Северского Донца и на Нижнем Дону прослеживается ситуация, при которой круговые горшки с гребенчато-волнистым орнаментом появляются не ранее рубежа VIII–IX вв., а на Средней Волге – даже в начале X в., когда салтово-маяцкая культура уже прекращает свое существование.

Возникают вопросы: к какому времени относятся наиболее ранние образцы круговых горшков в лесостепном варианте этой культуры, какова методическая процедура проверки тезиса об этномаркирующих свойствах салтовских кухонных горшков? Алгоритм исследования этнической специфики керамики может состоять из определения ареала изучаемой посуды, выявления мест производства сосудов и их датирования, выявления специфики погребальной обрядности, реконструкции антропологического облика населения, поиска в письменных источниках этнонима. Решение этой задачи представляет методическую проблему, имеющую дискуссионный характер. Понятие “этнос” многогранно и не все его компоненты могут найти отражение в археологическом материале (Клейн, 1991. С. 145–149). Как современные археологические и антропологические данные вписываются в этот алгоритм?

Ошибочность гипотезы о булгаро-хазарском происхождении горшков с гребенчато-волнистым орнаментом стала очевидна после открытия обжигательных печей в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья, когда было установлено, что такие же сосуды являются неотъемлемой частью керамического комплекса аланского населения. Гончарный горн, свидетельствующий о местном производстве горшков, обнаружен на территории Верхнесалтовского селища (Сарапулкин, 2003. С. 141–144), связанного с катакомбными могильниками. В.А. Сарапулкин считает, что там доминировали сосуды с яйцевидным туловом (2003. С. 68). Н.Я. Мерперт и О.В. Пархоменко документировали наличие и горшков с шаровидной формой тулова (Мерперт, 1949. Табл. 82; Parchomenko, 1990. С. 291–312). Антропологический облик населения этого памятника изучается на протяжении последних 85 лет. Г.И. Чучукало предположила, что верхнесалтовская популяция связана с аланским этносом. Г.Ф. Дебеч пришел к выводу о том, что основным морфологическим типом этого могильника является длинноголовый европеоидный. Исследование верхнесалтовских черепов В.П. Алексеевым подтвердило выводы об аланской принадлежности населения (1959. С. 86, 87).

На восточной окраине Маяцкого селища С.А. Плетнева и К.И. Красильников раскопали четыре керамических горна (рис. 4; 5). Найденные фрагменты сосудов, на которых отсутствовали следы использования в быту, свидетельствуют о том, что здесь изготавливались и горшки, и котлы (Плетнева, Красильников, 1990. С. 92–139). Пятый гончарный горн был исследован Д.С. Коробовым в центральной части Маяцкого селища

(Афанасьев и др., 1999. С. 113–117). По подсчетам В.А. Сарапулкина, сосуды с шаровидным туловом составляют 80%, а горшки с яйцевидным – 20 (2003. С. 101–104). На время изготовления таких сосудов (с известной степенью условности) могут указывать радиоуглеродные даты. В постройке 51 были взяты два образца. Наиболее вероятное значение образца 1 – середина VIII в. (по интервалу тоже), а образца 2 – конец VII в. (по интервалу – конец VII – начало VIII в.). Образец 4 был взят из заполнения ямы 1 над постройкой 53. Вероятная дата образования ямы была определена как конец VIII в. (по интервалу – конец VIII – начало IX в.). В постройке 52 образец 3 грунта датируется первой половиной IX в. (по интервалу – конец VIII – начало IX в.) (Афанасьев и др., 1999. С. 106–123). Следовательно, наиболее ранние образцы круговых горшков с гребенчато-волнистым орнаментом на Маяцком селище могут быть датированы рубежом VII–VIII вв. Изучив краниологическую коллекцию, Т.С. Кондукторова пришла к заключению о том, что для маяцкого населения характерны черты аланского морфологического типа, представленного двумя подтипами, различающимися между собой по степени долихокранности (1991. С. 144–170). В итоге можно сделать вывод о существовании у аланских гончаров Маяцкого селища уже в середине VIII в. собственных представлений о двух формах кухонных горшков, изготовленных на гончарном круге, среди которых сосуды с шаровидным туловом пользовались наибольшей популярностью.

А.Г. Николаенко и А.В. Степовой исследовали два горна на территории Ютановского селища (Афанасьев, 1987. С. 83; Николаенко, Степовой, 2005. С. 28–39). В одном из них, на полу обжигательной камеры был обнаружен развал сосудов, не бывших в употреблении. Он состоял из фрагментов корчаг, пифоса и кухонных горшков с гребенчато-волнистым орнаментом. Исследователи считают, что данная коллекция представляет собой производственный брак. Параметрические характеристики указывают на изготовление кухонных сосудов как с яйцевидным, так и с шаровидным туловом (Сарапулкин, 2003. С. 79–88). Эти следы гончарства территориально сопряжены с Ютановским и Нижнелубянским катакомбными могильниками. Краниологические материалы свидетельствуют о том, что ютановская и нижнелубянская серии относятся к тому же аланскому кластеру, что и маяцкие, дмитровская и верхнесалтовская серии (Ефимова, Кондукторова, 1995. С. 562–583. Рис. 1). Связь ютановских обжигательных печей с Ютановским городищем, поселением и могильниками говорит о том, что в среде местных аланских гончаров были популярны две основные формы кухонных горшков.

Приведенные факты дают основание утверждать, что круговые горшки с гребенчато-волнистым орнаментом в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья производились аланскими гончарами с рубежа VII–VIII – первой половины VIII в., т.е. до появления аналогичной традиции у населения соседних регионов Юго-Восточной Европы, которое традиционно идентифицируется с булгарами/псевдобулгарами или хазарами, где их производство относится к IX в. Можно полагать, что изготовленные аланскими гончарами круговые горшки пользовались популярностью и у других этнических групп региона. Показателем комплекса датированного арабским дирхемом 783 г. ямного болгарского/псевдоболгарского погребения на р. Воронеж, где А.П. Медведевым были найдены два сделанных на гончарном круге горшка, один из которых имел шаровидное, а другой – яйцевидное тулово (2009. С. 83–89). Нас, конечно, интересует вопрос: существовала ли традиция изготовления подобных горшков у населения Северного Кавказа до переселения в первой половине VIII в. части аланских племен в Донецко-Донское междуречье?

Горшки, форму, пропорции и орнаментацию которых можно сблизить с салтово-маяцкими, встречаются на всей территории Северного Кавказа от границ Абхазии (Воронов, 2003. С. 14–108. Рис. 4, 222) до Дагестана (Магомедов, 1981. С. 62–77). Они бытовали и в аланской среде задолго до миграции на Дон. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих существование хронологической цепочки в среде носителей катакомбного погребального обряда, которая связывает сарматские комплексы с этапом аланской археологической культуры, синхронным салтово-маяцкой культуре. В погребениях 21, 27, 29 Подкумского могильника были обнаружены фрагменты кухонных горшков, сделанных на гончарном круге и датируемых II – первой половиной III в. (Абрамова, 1987. С. 58, 170. Рис. 29–31). К рубежу IV–V вв. относится погребение 7 Алханкалинского могильника, в состав инвентаря которого входил горшок рассматриваемого облика (Мамаев, 1986. С. 51–53). Яркую картину хронологической преемственности подобных сосудов в пределах второй половины V – первой четверти VII в. дают комплексы Мокрой Балки: этап V – первой половины VI в. представлен горшками из катакомб 61, 119, 4-Аф, 4-К; этап второй половины VI – первой четверти VII в. иллюстрирует горшок из катакомбы 45 (Афанасьев, Рунин, 2001. С. 113. Рис. 62; Малашев, 2001. С. 86. Рис. 17, 8). Серия черепов из раскопок автора в Мокрой Балке была измерена В.П. Алексеевым. Они длинноголовы, имеют высокое, сильнопрофилированное лицо и резко выступающие носовые кости, узкий лицевой

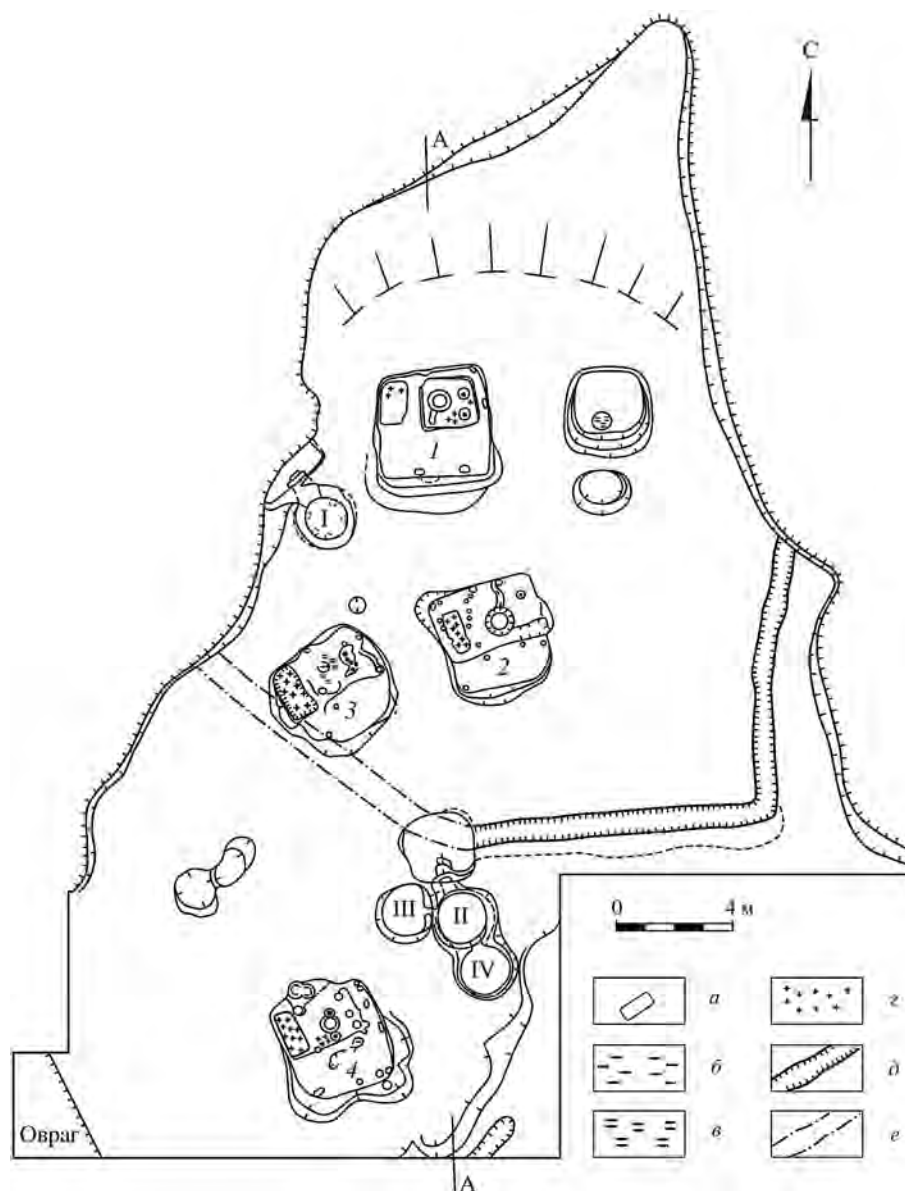

Рис. 4. План раскопа “хутора гончаров” на Маяцком селище (по: Плетнева, Красильников, 1990). Условные обозначения: *a* – обугленное дерево; *b* – глина; *v* – обожженная глина; *z* – заготовленная для работы глина; *d* – дренажный ров; *e* – направление несохранившегося отрезка дренажного рва. Арабскими цифрами на плане обозначены постройки-мастерские; римскими – гончарные горны.

скелет – признаки, характерные для аланского типа (Алексеев, 1980. С. 97, 98). Следующий хронологический этап, соответствующий второй четверти VII – рубежу VII–VIII вв., иллюстрирует комплекс катакомбы 29 могильника Клинь-Яр III, содержащий горшок, украшенный гребенчато-волнистым орнаментом (Малашев, 2000. Рис. 6; 13). Антропологические характеристики погребенных укладываются в кластер признаков, присущих аланской группе (информация любезно предоставлена М.В. Добровольской). Наконец, первую половину VIII – рубеж VIII–IX вв. иллюстрируют горшки из катакомб Хуламского могильника (Чеченов, 1987. С. 105–123).

Было бы ошибкой связывать северокавказские горшки с гребенчато-волнистым орнаментом только с аланами – носителями катакомбного обряда погребения, имеющими специфический антропологический облик. Долихокранный тип издревне был присущ и адыгам западных регионов Северного Кавказа, (Герасимова, 1986. С. 204–213). Керамический комплекс VIII–X вв. этого населения морфологически не отличается от салтовской и аланской посуды (Джигунова, 2000. С. 2–300). Есть свидетельства производства таких горшков и котлов населением Северного Кавказа. Две гончарные печи, раскопанные в обрыве берега Куба-

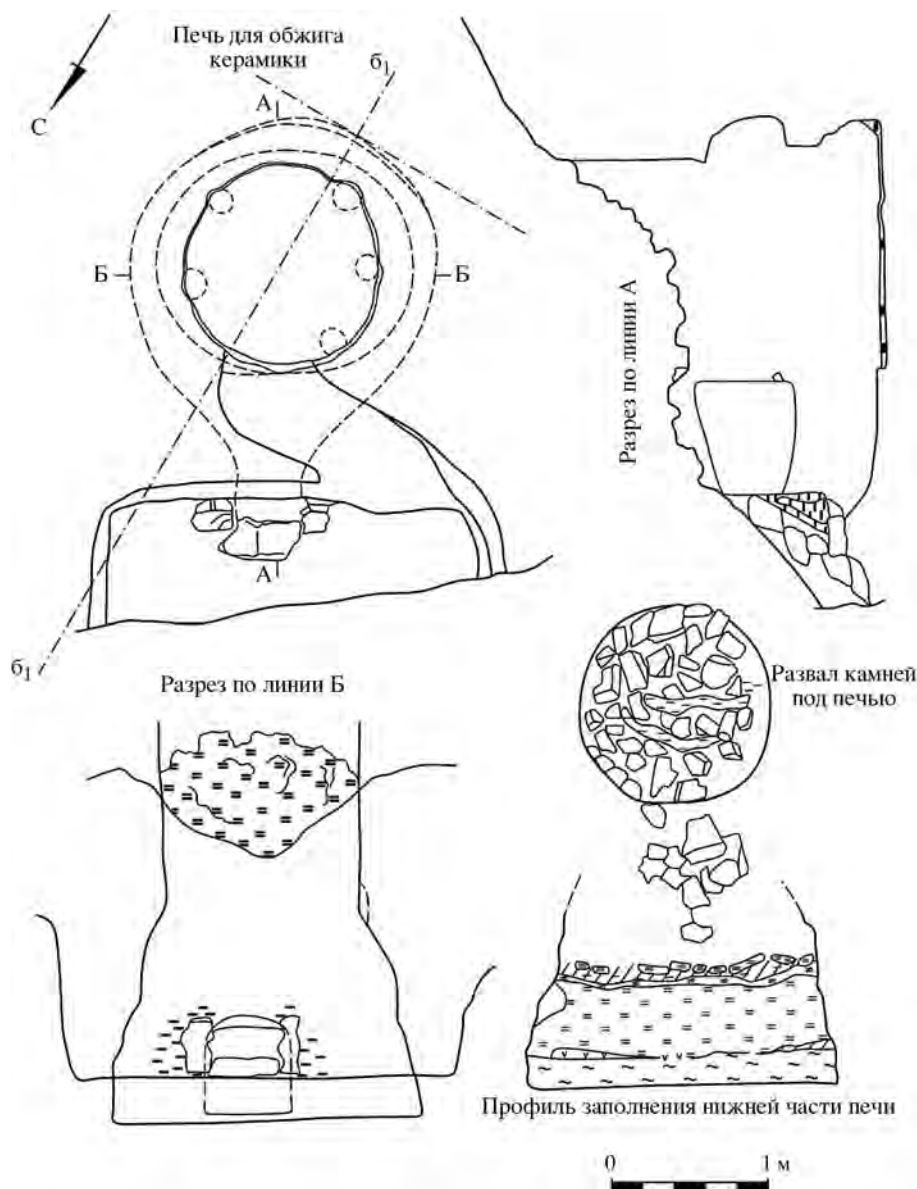

Рис. 5. План и разрезы гончарной печи 1 Маяцкого селища (по: Плетнева, Красильников, 1990).

ни, опубликовали Л.Э. Голубев и Е.В. Попик. Они идентичны горнам хазарского времени, открытым на Нижнем Дону (рис. 6), на Северском Донце и в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья (рис. 5). Изучение отходов производства показало, что основная продукция состояла из горшков с гребенчато-волнистым орнаментом и котлов с внутренними ручками-ушками (Голубев, Попик, 2005. С. 139–143). Авторы считают, что этот гончарный центр обслуживал и обитателей Горькой Балки. Диссертационное исследование памятника позволило П.В. Сокову высказать предположение о том, что раннесредневековое население Горькой Балки кроме тюркского включало и аланский компонент (2004. С. 3–194). Несколько иная картина склады-

вается при изучении антропологического материала. М.А. Балабанова установила, что местное население было смешанным и сформировалось на основе трех морфологических компонентов. Первый – аланский (41.2%), второй – горский (41%), третий – тюркский, хазарский. Все монголоидные черепа, связываемые с хазарским этносом, принадлежат женщинам (Балабанова, 2004. С. 200–215).

В низовьях Дона, на территории Крымского комплекса была обнаружена обжигательная печь (Савченко, 1986. С. 70). Раскопки городища дали материал, в котором значительное место занимают фрагменты горшков с гребенчато-волнистым орнаментом и обломки котлов с внутренними ручками-ушками (Иванов, 2010. С. 249–272). Грунтовый мо-

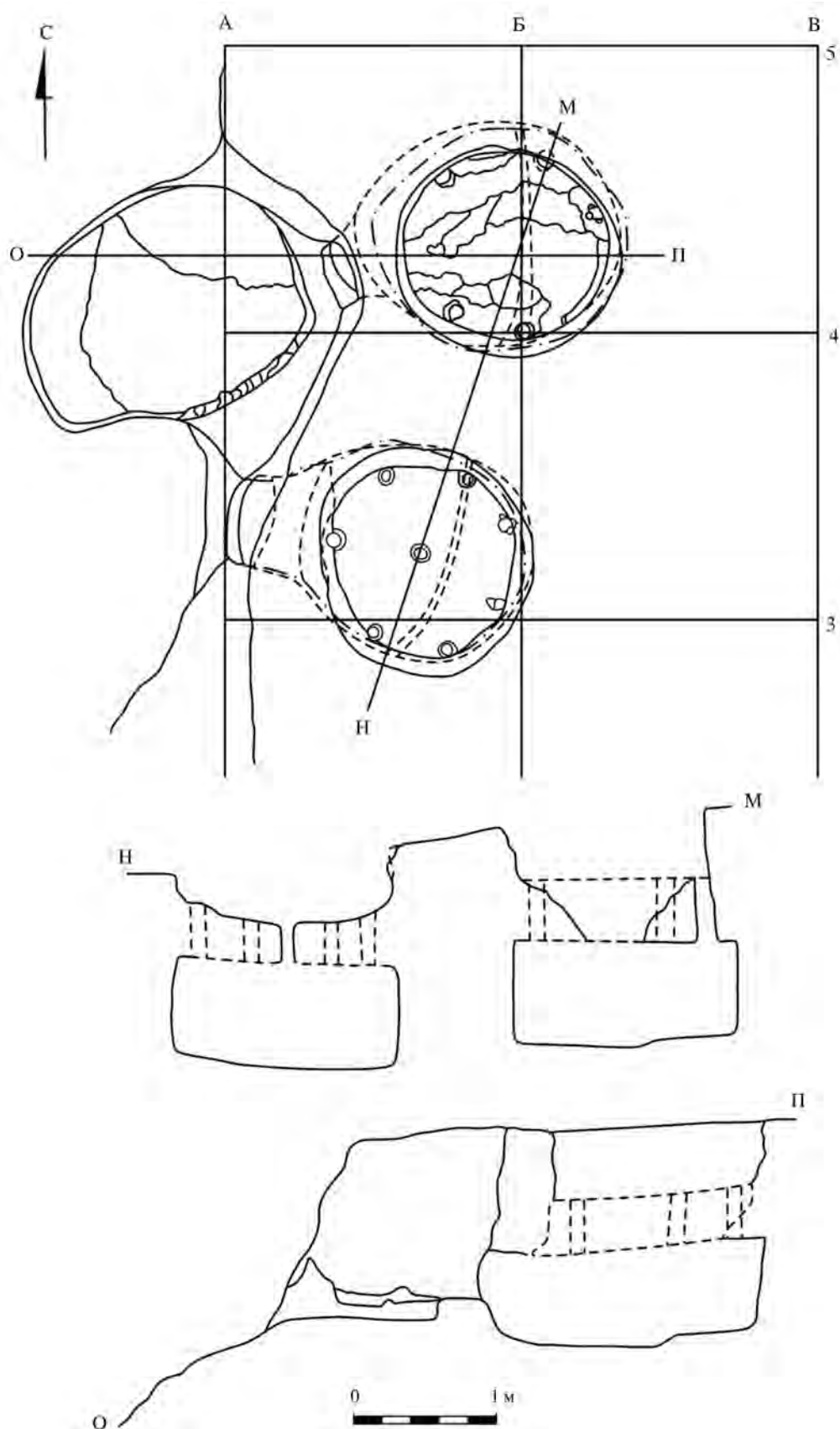

Рис. 6. Гончарные печи близ ст. Суворовской (по: Ляпушкин, 1958).

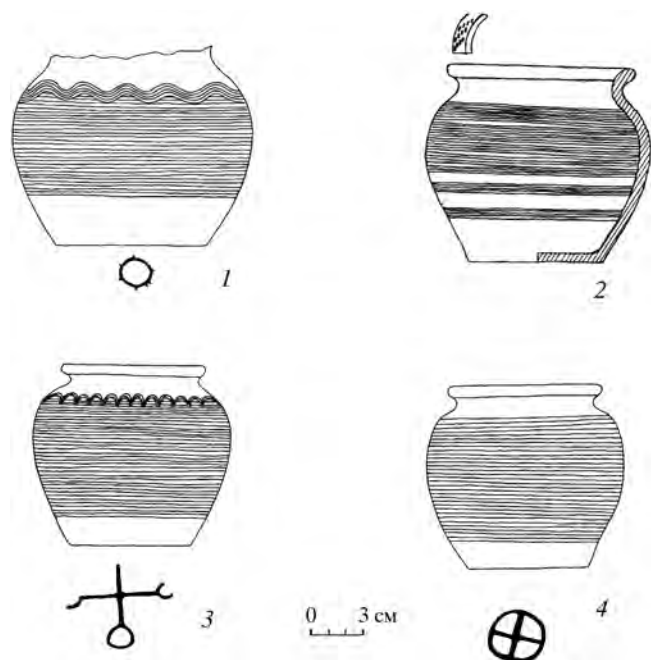

Рис. 7. Горшки салтово-маяцкой культуры: 1 – с. Белый Плёт (р. Ураева); 2 – пос. Хурцовка (р. Оскол); 3 – с. Борки (р. Оскол); 4 – с. Храпово (р. Оскол).

гильник исследовался Е.И. Савченко, а полученные антропологические материалы проанализированы Е.Ф. Батиевой в контексте изучения населения Нижнего Подонья в хазарское время. Краниологическая серия из грунтовых могильников Нижнего Дона различается с серией черепов из хазарских подкурганых погребений этого же региона на уровне рас первого порядка. В мужской выборке из грунтовых могильников по краниометрическим признакам европеоидный компонент обнаруживает сходство с сарматами Поволжья и Подонья, т.е. с местным аборигенным населением. В женской выборке из грунтовых могильников преобладают черепа монголоидного типа. Они, как мужские и женские монголоидные черепа из подкурганых погребений, наиболее сходны с черепами гуннов Забайкалья и тюрков Сибири, Алтая и Казахстана (Батиева, 2002. С. 71–101).

После выхода книги С.А. Плетневой “От кочевий к городам”, в которой была сделана попытка этнической идентификации горшков по признаку присадок в формовочную массу – шамота или песка (1967. С. 110–114), получила распространение точка зрения о том, что этих признаков достаточно для этнокультурной интерпретации керамического материала, найденного в процессе археологических разведок (рис. 7). Технологию изготовления сосудов из Саркела и Маяцкого селища изучала И.Н. Васильева, опубликовавшая результаты иссле-

дования обобщенной выборки, которая скрывает локальные особенности технологических цепочек у гончаров того и другого поселения (1993. С. 37–44. Табл. 15–20). Заметный вклад в этот вопрос внесло диссертационное исследование В.А. Сарапулкина. Автор пришел к выводу о наличии связи между географическим положением памятника и составом отощителей в формовочной массе: для долины Тихой Сосны характерной примесью является песок, для региона Поосколья – металлургический шлак, для долины Корочи – дресва, а для региона Северского Донца – шамот (Сарапулкин, 2003. С. 159). Этот вывод, в той части, где он касается ситуации в долине Тихой Сосны, нуждается в уточнении.

А.А. Бобринским, Ю.Б. Цетлиным и М.Р. Зотько проведено технико-технологическое изучение образцов маяцкой керамики и их компьютерный фотоанализ (Афанасьев, 1995; Цетлин, 2012). Полученные результаты исследованы методами многомерного статистического анализа, показавшего, что все образцы могут быть разделены на две группы. Специфическими признаками первой группы являются использование двух глин, шамот в формовочной массе и донная программа изготовления сосудов без применения гончарного круга. При изготовлении шамота были использованы ошлакованные фрагменты ранних сосудов, которые также содержали шамот из фрагментов более ранних ошлакованных сосудов. Этот факт позволяет говорить о том, что каждый исследованный образец первой группы фиксирует гончарную традицию в три поколения кухонных сосудов. Вторую группу характеризуют использование одной глины, песок в формовочной массе, емкостно-донная программа изготовления сосудов, применение гончарного круга. Общими для обеих групп являются органические добавки в формовочную массу и использование жгутов, уложенных по спиралевидной траектории. Сопоставление выделенных групп посуды с радиоуглеродными датами образцов установило полное отсутствие между ними хронологических различий, обе керамические традиции существовали одновременно начиная с рубежа VII–VIII вв.

Насколько выявленные на Маяцком селище технико-технологические особенности гончарного производства соответствуют традициям раннесредневекового центрально-кавказского населения? В настоящее время ответить на этот вопрос не представляется возможным. Центрально-кавказский керамический материал в этом аспекте массово не изучался. Единственный известный мне результат анализа был сделан А.А. Бобринским, исследовавшим донную часть сосуда из грунтового могильника VI в. Джамагат в Карачаево-Черкесии (Красин,

2012) Он был изготовлен на гончарном круге с помощью уложенных по спирали жгутов из формовочной массы сложного состава (глина + крупный шамот + навоз животного). Технологические особенности первой группы кухонной керамики Маяцкого селища находят параллели в данном образце, но этого слишком мало, чтобы делать обобщения.

Изложенные соображения приводят к выводу о том, что ни морфологические, ни технико-технологические характеристики горшков салтово-маяцкой культуры не позволяют говорить об их этномаркирующих свойствах. Антропологические характеристики населения, территориально сопряженного с гончарными мастерскими, выпускавшими подобные горшки и котлы, свидетельствуют о его принадлежности к кавказскому субстрату, аланскому, болгарскому/псевдоболгарскому и, возможно, в какой-то степени к хазарскому населению Волго-Дона-Кубанского междуречья. Исторические построения, очерчивающие территорию расселения булгаро-хазарских племен или границ Хазарского каганата и основанные на тезисе об этномаркирующих свойствах керамического комплекса салтово-маяцкой культуры, нуждаются в пересмотре. Следует согласиться с мнением А.А. Миллера о том, что на Северном Кавказе горшки с гребенчато-волнистым орнаментом встречаются раньше, чем на поселениях салтово-маяцкой культуры. Выводы М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, Н.Я. Мерперта и Б.А. Шрамко о том, что традиция изготовления донскими аланами горшков – наследие гончарства местного населения сарматского времени, подтверждены новыми материалами. Эту традицию унаследовали центрально-кавказские аланы, перенесшие ее в первой половине VIII в. в бассейн Среднего Дона. Таким образом, сходство кухонных керамических комплексов VIII–IX вв. Северного Кавказа, Кубани, Нижнего и Среднего Дона, Крыма, Поволжья и Нижнего Дуная следует рассматривать как отражение общности технологических и эстетических представлений населения того времени на данный продукт гончарного производства. Исключение горшков и котлов с внутренними ручками-ушками из списка идентифицирующих булгаро-хазар археологических признаков приводит нас к заключению, которое ранее уже сделал А.П. Новосельцев, проведя анализ письменных источников о Хазарии: “...являлось ли царство алан (северокавказских. – Г.А.) частью Хазарского каганата? Источники на него дают отрицательный ответ, поскольку аланы всегда выглядят как самостоятельный субъект политики, то выступая в союзе с хазарами (чаще), то склоняясь на сторону Византии или Халифата” (1990. С. 106).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987.
- Алексеев В.П. Антропология Салтовского могильника // КСИЭ. 1959. Вып. XXXI.
- Алексеев В.П. К палеоантропологии Кабардино-Балкарии эпохи позднего средневековья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980.
- Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 131.
- Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // СА. 1940. Вып. VI.
- Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г.Е. Отчет в Фонд “Культурная Инициатива” о выполнении научно-исследовательских работ по теме “Хазаро-русское пограничье (аэрокосмическое зондирование Маяцкого археологического комплекса)”. М., 1995 (Рукопись).
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги “космической археологии” в России // РА. 1999. № 2.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Дневник раскопок. М., 2001.
- Бабенко В.А. Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове? // Тр. XIII АС. Т. 1. М., 1907.
- Балабанова М.А. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая Балка 1 и 2) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // ДА. 2002. № 3, 4.
- Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012.
- Биджиев Х.Х., Саволайнен Н.П. Керамика Хумаринского городища VII–X вв. н.э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.
- Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.
- Воронов Ю.Н. Могилы апсиров. М., 2003.
- Гадло А.В. Этническая общность барсилы // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XII вв. СПб, 1994.

- Герасимова М.М.* Краниология могильника Мошечая Балка // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М., 1986.
- Голубев Л.Э., Потик Е.В.* Гончарные печи VIII–IX вв. поселения у хут. Красная Звезда (Новокубанский р-он Краснодарского края) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.
- Городцов М.В.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905.
- Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М., 1966.
- Дончева-Петкова Л.* Прабългарската керамика на територията на днешните български земи // Плиска; Преслав. Т. 2. София, 1981.
- Джигунова Ф.К.* Западное Предкавказье в IV–IX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С.* Население салтовомаяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
- Живков Б.* Хазария през IX–X век. София, 2010.
- Зубов С.Э.* Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Иванов А.А.* Раннесредневековые подкурганские кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999.
- Иванов А.А.* Крымский археологический комплекс: исследования 2006–2009 гг. // Хазары: миф и реальность. М.; Иерусалим, 2010.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Кондукторова Т.С.* Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.
- Красильников К.И.* Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita Antiqua. № 2. Київ, 1999.
- Красильников К.И., Красильникова Л.И.* Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
- Красин М.* Результаты изучения обломков сосуда из раскопок 1978 г. в могильнике Джамагат в Карачаево-Черкесской обл. // <http://www.elot.ru/forum>
- Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация Центрально-кавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997 (МИАР; № 1).
- Лопан О.В.* Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007 (Матер. и исследов. по археологии Дона; Вып. II).
- Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. Л., 1941 (МИА; № 6).
- Ляпушкин И.И.* Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. 1958. № 62.
- Магомедов М.Г.* Керамика северо-восточного Дагестана хазарского времени // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
- Малашев В.Ю.* Раннесредневековая керамика могильника Клинь-Яр III. Вопросы хронологии. М., 2000.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Мамаев Х.М.* Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV – первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- Медведев А.П.* Салтовское погребение на р. Воронеж // Дивногорский сб. Вып. 1. Воронеж, 2009.
- Мерперт Н.Я.* Верхнее Салтово. Салтовская культура: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949.
- Мерперт Н.Я.* О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
- Миллер А.А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии Истории Материальной Культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщ. ГАИМК. Т. 1. Л., 1926.
- Могарычев Ю.М.* Крым в VII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. 2010. № 4.
- Николаенко А.Г., Степовой А.В.* Гончарный горн № 1 (Ремесленный квартал Арсы) // Булат из Ютановки. Волоконовка, 2005.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрухин В.Я., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Флёров В.С.* “Хазарский проект”: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сб. Вып. 1. Воронеж, 2009.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967 (МИА; № 142).
- Плетнева С.А., Красильников К.И.* Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. М., 1990 (Матер. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции).
- Покровский А.М.* Верхне-Салтовский могильник // Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905.
- Рашев Р.* Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства // Finno-Ugrica. 2008. № 11.
- Ромашов С.А.* Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.). Ч. III // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2002–2003. V. 12.
- Савченко Е.И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М., 1986.

- Сарапулкин В.А.* Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2003.
- Семенов-Зусер С.А.* Розкопки біля с. Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949.
- Соков П.В.* Раннесредневековые памятники VIII–IX вв. Средней Кубани: Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004.
- Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- Флёров В.С.* “Города” и “замки” Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.
- Хлебникова Т.М.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.
- Цетлин Ю.Б.* Заключение по результатам технико-технологического изучения керамики из рва Маяцкого городища. М., 2012 (Рукопись).
- Чеченов И.М.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик, 1987.
- Чеченов И.М.* О правомерности выделения в Центрально-кавказском субрегионе тюрко-болгарского варианта салтово-маяцкой культуры // XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.
- Шрамко Б.А.* Кераміка Салтівської культури // Тр. історичного факультету Харківського державного університету. 1959. Т. 7.
- Brook K.A.* The Jews of Khazaria. Northvale, N.J.; Jerusalem, 1999.
- Kazakov E.P., Chalikov A.Ch., Chuzin F.S.* Die Keramik vom Saltovo-typ aus dem mittleren Wolgagebiet // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990 (Varia Archaeologica Hungarica; V. III).
- Krasil'nikov K.I.* Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur am Nördlichen Mittellauf des Donec // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990 (Varia Archaeologica Hungarica; V. III).
- Kozlov V.I.* Die Keramik der Siedlungen der Balkan-Donau-Kultur im 8.–10. Jh. an der Meeresküste des Fließbinnenlandes Dnester-Donau // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990 (Varia Archaeologica Hungarica; V. III).
- Madgearu A.* The Dridu culture and the changing position of Romania among the communist state // Archaeologia Bulgarica. 2007. V. XI. № 2.
- Parchomenko O.V.* Die Keramik der Saltovo-Kultur am Oberen Lauf der Don // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990 (Varia Archaeologica Hungarica; V. III).
- Piatigorsky J., Sapir J.* L'Empire khazar VIIe–XIe siècle. Paris, 2005.
- Spinei V.* Die Tonkessel aus dem Karpaten-Dnestr-Raum // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990 (Varia Archaeologica Hungarica; V. III).
- Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads north of Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Brill, 2009.
- Werbart B.* Khazars or “Saltovo-Majaki Culture”? Prejudices about Archaeology and Ethnicity // Current Swedish Archaeology. 1996. V. 4.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ В ДЕКОРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА САЯНО-АЛТАЯ

© 2013 г. Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва (ggkorol08@rambler.ru)

Ключевые слова: художественный металл, средневековье, Саяно-Алтай, культурные влияния, декор, образы фантастических животных, синкретизм.

The article analyzes and systematizes the images of fantastic animals in the décor of medieval artifacts from the Sayan-Altai: tiger/panther, lion, griffin, lion-dog, lion-human, wolf?, camel, deer, horse?, and dragon. The author identifies the sources of the images, the specifics of the iconography, and the geography of the cultural impact that influenced the evolution of the images in Sayan-Altai art. On the whole it is possible to say that the art was syncretic, whereas the cultural impact came from the south-west and the south-east. The former appears to have been predominant, and the conclusion is supported by the data from the study of the region's medieval petroglyphs.

Художественный металл Саяно-Алтая в конце I – начале II тыс. представлен в основном ремennыми украшениями всадников, деталями снаряжения и прочими литыми изделиями тюревтики малых форм из цветного металла. Их декор – вариант стиля так называемого степного орнаментализма, распространившегося с VIII в. по степной Евразии и прилегающим территориям.

В репертуаре орнаментально-декоративных мотивов преобладает растительный орнамент, имевший тенденцию к геометризации. Остальные мотивы (геометрические, зооморфные, антропоморфные) представлены в значительно меньшем количестве. Иногда они подчинены растительному орнаменту в простых и сложных композициях, нередко и самостоятельные мотивы-образы. Среди последних интересны образы фантастических (крылатых или полиморфных) животных.

Цель исследования – рассмотреть и систематизировать образы фантастических животных, выявить их истоки, особенности иконографии, аналогии, определить направления культурных влияний на формирование данных мотивов декора.

Образ крылатых фантастических животных имел широкое распространение и был хорошо развит на Переднем Востоке уже к III тыс. до н.э. В искусство Средней Азии он проникает в V–IV вв. до н.э. из ахеменидского Ирана. В ту же эпоху мотив появился в алтайских памятниках ранних кочевников, где манера изображения зверя имела свои особенности (Руденко, 1961. С. 36–38).

Среди рассматриваемых средневековых образов – *хищники*, в первую очередь кошачьи, условно “*тигры/барсы?*”. Идущие кошачьи хищники (тигры и львы) считаются типичным мотивом для бесстиария Центральной Азии с древности (о происхождении и распространении образов см. Царева, 2009). Декор ремennых накладок из Минусинской котловины на Среднем Енисее представляет вытянутую фигуру крадущегося зверя с повернутой назад головой (?), пожирающего голову оленя (?). Стилистические особенности этого изображения (рис. 1, 1)¹ – это смешение западных и восточных влияний, а также, возможно, местных традиций. Вытянутое туловище крадущегося животного с характерным расположением лап близко манере изображения драконов и хищников в танском (618–907 гг.) искусстве Китая (Gyllensvärd, 1958. Fig. 58, 70), в том числе мифического Бай-ху (Бо-ху, “белый тигр”), одного из духов четырех сторон света, покровителя Запада, где находится страна мертвых. В средневековом Китае Бо-ху изображали на воротах даосских храмов в качестве стражей (Мифы..., 1988. С. 150). Хвост в виде расщепленной пальметты близок к западным образцам. Крыло передано горизонтальными отрезками – “перьями”.

Сцена терзания животного традиционна для южносибирского звериного стиля эпохи ранних

¹ Здесь и далее рисунки выполнены, в основном, с “протирок” оригинальных предметов карандашом на тонкую бумагу (метод контактного копирования), которые с достаточной точностью (при условии хорошей сохранности предмета) фиксируют детали изображений. Это позволяет акцентировать внимание на декоре. Использовались и фотографии.

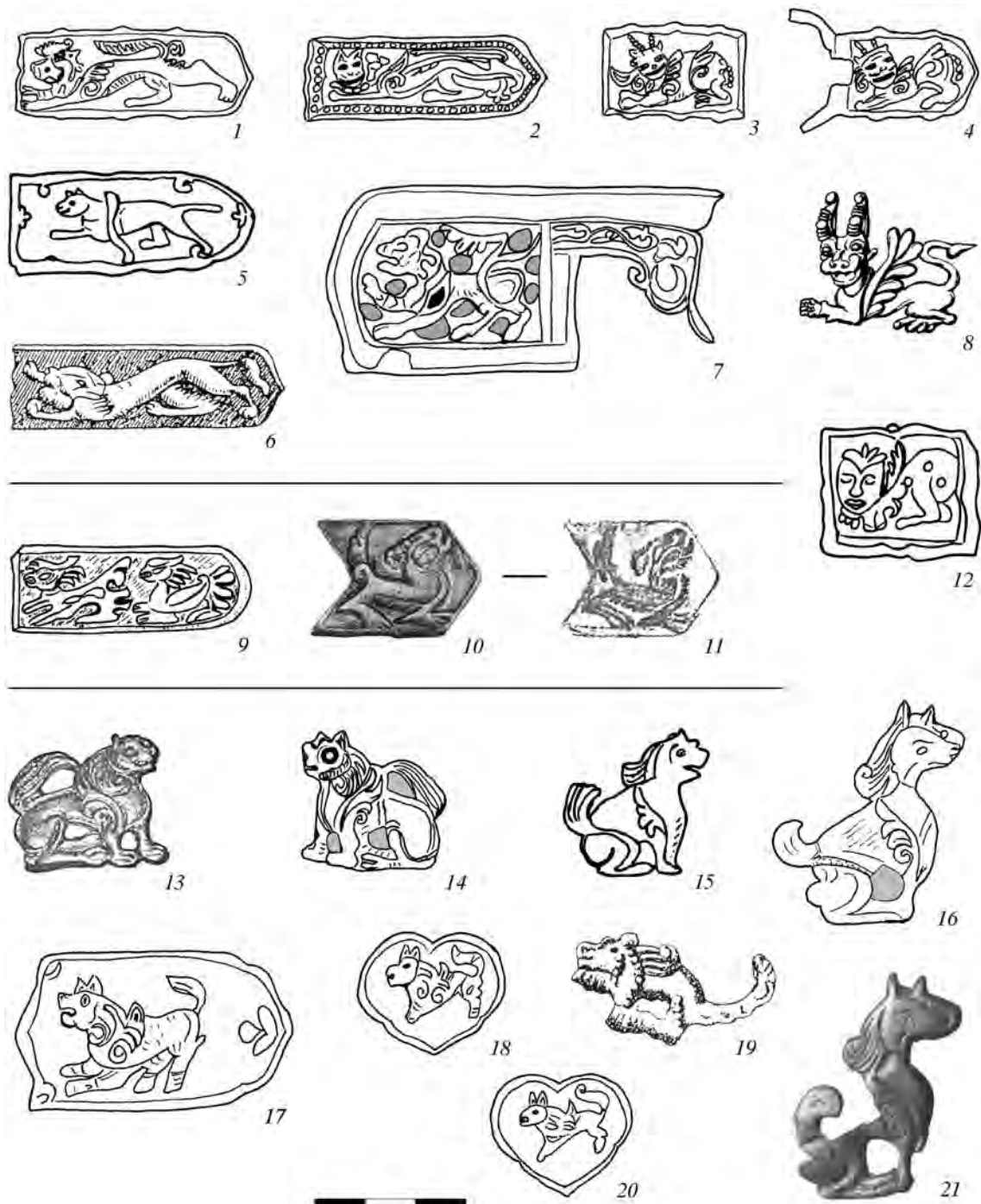

Рис. 1. Фантастические хищные животные (Саяно-Алтай) и аналогии (6, 8). Минусинская котловина, случайные находки: 1 – Минусинский музей (ММ), № 6111–6113, Казанцево, № 6478, Потрошилово; 3 – ММ, № 6101, Табат; 4 – ММ, № 6524, Потрошилово (?); 17 – ММ, № 6096–6100, 6103, 6106, Беллык; 18 – ММ, № 6131–6133, 6135, 6137, Беллык, № 6533, 6537, Потрошилово; 20 – МАЭ, № 240/50, Тюп(ь); Верхнее Прииртышье, УКМ: 2 – Карашат I, объект 23, погр. 2; 16 – Пчела, курган 10; 21 – Пчела (по: Древние сокровища..., 2008); Алтай и Обь-Иртышское междуречье: 5, 12, 15 – альбом В.В. Радлова 1861 г. (прорисовка по: Король, 2008); 7 – Сростки I, Бийский музей; 8 – Второй Пазырыкский курган, деталь украшения из рога (по: Руденко, 1961); 9 – Кирилловка III, курган 1, погр. 1; 10 (по: Кочевники..., 2012), 11 – район Змеиногорска (ГЭ, ОВ, № СК 643, 654); 13 – курган Олтарь 1, Новосибирский музей (фото И.В. Сальниковой); 14 – Екатериновка III, курган 3, мог. 1, музей Алтайского ун-та; 19 – из кургана (по: Миллер, 1937); Семиречье: 6 – Кадырбай I, курган 13 (по: Археологическая карта..., 1960). 5, 6, 8, 12, 15, 19, 21 – без масштаба.

кочевников, известна и в раннем средневековье (Кызласов, Король, 1990. Рис. 28). Близок к рассматриваемым изображениям бескрылый тигр/барс (характерных черт льва – длинный хвост с кисточкой, грива – здесь нет), “пожирающий” голову барана (Король, 2008. С. 211). Но, возможно, элементы, “читаемые” нами как “рога барана”, передают “гриву” льва (Кочевники Евразии..., 2012. С. 193. Кат. 518): ср., однако, со скупыми, но ясными деталями изображения черт льва на других находках с Алтая (Могильников, 2002. Рис. 5; Горбунов, 2006. Рис. 52, 4, 5), из Семиречья (Археологическая карта..., 1960. С. 205. № 2984. Табл. VIII, 201) (рис. 1, б).

Вариант композиции известен из могильника Карашат I, IX–X вв. (Археологические памятники..., 1987. С. 202) в Верхнем Прииртышье (рис. 1, 2). Шагающий крылатый зверь представлен на бляшке (рис. 1, 5) из альбома В.В. Радлова из его путешествия по Алтаю 1861 г. (см. Король, 2008. Прил. 10. Табл. XVI). Судя по заостренным ушкам, возможно, это барс.

“Барс” как родовое имя и имя собственное, как тотемное животное, не подлежащее охоте на него, известен по раннесредневековым руническим надписям Саяно-Алтая (Малов, 1952. С. 33, 53; Кормушин, 1997. С. 81–90, 273–275). Тигр упомянут в тюркской “Книге гаданий” из Восточного Туркестана: образ использован для описания силы, отваги и доблести хана (Кляшторный, 2006. С. 286).

Реалистичный образ тигра, хорошо представленный (как и образ барса) яркими образцами в искусстве ранних кочевников (Руденко, 1961. Рис. 20 и др.) и кочевников тюркского времени Алтая (Киселев, 1949. Табл. LVIII, 3), известен в росписи подземного тюркского мавзолея VII в. Майхан-уул в Центральной Монголии, где тигр изображен в одной композиции с драконом в китайской стилистической манере (Сарткожаулы, 2011).

С.В. Иванов отмечал широкое распространение у народов Южной Сибири представлений о крупных кошках, с которыми они были знакомы в природе и добывали их. “Шкуры тигров и барсов употреблялись, вероятно, и в качестве постилочных ковров, и как материал для изготовления одежды” (Иванов, 1979. С. 169). Снежный барс (ирбис) и сейчас водится на Алтае (Республика Алтай) и в Саянах (Хакасия, Тува). Что касается тигров, то они водились на Верхнем Иртыше, в предгорьях Алтая и Саян вплоть до середины XIX в.

Другой представитель крупных кошачьих хищников – полиморфный образ в виде лежащего крылатого “льва” с повернутой фронтально почти

квадратной головой², смотрящими на зрителя большими выразительными глазами³ и приоткрытой в оскале пастью (рис. 1, 3, 4). Между торчащих ушек – прямые заостренные рога, изображенные округло-овальными точками, широкими в основании: на прямоугольной накладке читаются даже шишковидные выступы, из которых растут рога. Сбоку головы – возможно, грива в виде полупальметты. На одном изображении (рис. 1, 3) задняя лапа проработана так, что напоминает мощную птичью лапу, делая образ близким к льву-грифону, но без птичьей головы грифа. Хвост, возможно, пропущен между лап. Подобное изображение хвоста, завершающегося пальметтой или полупальметтой, – элемент, чрезвычайно популярный в торовитке сасанидского (224–651 гг.) Ирана, раннесредневекового Согда в Средней Азии и в мусульманском искусстве. “Классический” вариант подобной иконографии крылатого льва известен на навершии меча (рис. 1, 7) из могильника Сростки I на Северном Алтае, восточная часть Алтайского края (Fettich, 1937. Taf. XXXI, 3; Киселев, 1949. Табл. LVIII, 5; Горбунов, 2006. Рис. 52, 3)⁴.

Вертикальные рога рассматриваемого полиморфного льва выполнены таким образом, что напоминают рога диких козлов, например серны, небольшие прямые и чуть загнутые назад рога которой имеют кольцеобразные бороздки. Рогатый лев-грифон (с головой и туловищем льва, крыльями и птичьими лапами вместо задних ног) – известный древний переднеазиатский образ (например, знаменитый фриз из дворца в Сузах). Образ льва-грифона в эпоху ранних кочевников известен в Среднеазиатском Междуречье, проникает в искусство племен пазырыкской культуры Алтая, известен по коллекции Петра I из Западной Сибири (Руденко, 1961. С. 50–52). Деталь одной из пазырыкских находок (рис. 1, 8) близка средневековому мотиву.

К полиморфным образам можно отнести **грифона**, в греческой мифологии чудовищная птица с клювом орла и телом льва, сторожевая “собака Зевса” (Мифы..., 1988. С. 336). Образ полулежащего

² Квадратная голова, небольшое крыло с завитками напоминают изображения крылатых химер и скульптур эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) в Китае (Exhibition..., 1941–1942. № 948), где крылатые львы и химеры появились под влиянием западного (персидского, хеттского) влияния. В танском искусстве львы иногда изображались с фронтально расположенной головой и завитками на туловище, но без крыльев (Gyllensvärd, 1958. Fig. 70).

³ Иконография получила распространение в Бактрии I–IV вв., включая Среднеазиатское Междуречье (Царева, 2009. С. 83).

⁴ На опубликованных рисунках крыло льва практически неопределимо. Оно хорошо читается при упомянутом выше контактном копировании.

или лежащего грифона известен в композиции из двух размещенных одна за другой фигур на концевой накладке (рис. 1, 9) из могильника IX–X вв. Кирилловка III, раскопки В.А. Могильникова 1984 г., в Обь-Иртышском междуречье на западе Алтайского края (см. Король, 2008. С. 219). Подобное расположение друг за другом лежащих львов (повторяющийся раппорт) представлено на серебряной обойме для ножен сабли конца VIII – начала IX в., найденной в горном Тохаристане, Таджикистан (Соловьев, 1987. С. 622).

Две одинаковые накладки из района Змеиногорска на юге Алтайского края декорированы фигурой лежащего, по-видимому, грифона (рис. 1, 10) с туловищем хищного зверя, мощными лапами хищной птицы. Четко обозначенного крыла нет⁵. Положение приподнятой головы не очень ясно. Отчетливо видны крупный глаз и проработанное гравировкой оперение с острыми концами на шее. Над головой, скорее всего, – мощный гребень с хохолком. Выступающий над глазом рог-хохол и гребень, идущий по затылку назад, – характерная деталь изображения грифонов в искусстве Алтая эпохи ранних кочевников, где “орлиноголовый” грифон, как и другие крылатые животные (лев, тигр, барс), хорошо известен: это был самый разработанный и популярный образ (Киселев, 1949. С. 202–204; Руденко, 1961. С. 47–50; Баркова, 1987; Чекрыжова, 2004; Черемисин, 2008. С. 33–39). К той же эпохе восходит и образ “алтайского сфинкса” – крылатого получеловека-полульва, имеющий “западные” истоки (Руденко, 1961. С. 56–61), на бляшке из альбома В.В. Радлова (рис. 1, 12).

Образ реального льва известен в мифологии и искусстве Азии с древности. Подборка сведений о дальних перевозках львов в разные государства, о важности данного образа в фольклоре и мифологии многих народов, данные письменных китайских источников о раннесредневековом государстве кыргызов, включая праздничную жизнь на Енисее, представленную играми: бегом верблюдов, львов, конскими упражнениями и пр., а также сохранившихся у современных хакасов “бывальщин” о пре-

бывании на их земле привозных львов приведена в статье Л.Р. Кызласова (1995).

Один из немногих мотивов, ведущих в поисках аналогий в Китай, – образ полиморфного кошачьего хищника: крылатого **льва-собаки**, небесной собаки шицза. Широко распространенный в буддийской иконографии и в восточноазиатском искусстве в целом, он восходит семантически к “льву Будды”, защитнику закона и стражу священных храмов, символу доблести и энергии, обязательно дополняющих мудрость (Williams, 1960. P. 251, 252). В Китае этот образ появился под индийским влиянием вместе с буддизмом. Исследователи отмечают, что “шицза хотя и рассматриваются китайцами именно как собаки, но иногда именуются и львами. И в традиционной иконографии шицза в определенных чертах стилизованы “подо льва”: львиная посадка, обозначенная грива, кошачьего типа лапы” (Мазурина, 2009. С. 67). Характерные иконографические особенности изображения гротескового льва “шицза” подробно описаны (Коренько, 2002. С. 28, 116, 117).

В саяно-алтайском искусстве лев-собака представлен двумя вариантами. Один из них (распространен в западной части региона⁶) соответствует традиционной позе сидящего льва-собаки и имеет больше основных иконографических черт оригинала: короткие ноги, укорочено-сжатые пропорции тела, специфические морда мопса и грива льва, пышный хвост-плюмаж и даже “вылезающие из орбит глаза” (рис. 1, 13, 14). Последние особенно впечатляют: второй глаз и не должен быть виден, так как животное дано в профиль, но он все же изображен, и вместе с “мордой гримасничающего мопса” создает яркий, легко узнаваемый образ. Такого же вида шицза представлен в альбоме В.В. Радлова (табл. XLII, 17), упомянутом выше (рис. 1, 15). Иконография здесь несколько иная, подчеркнут пропущенный между лап хвост; на других фигурных бляшках этот элемент читается не столь определенно. Фигурка животного более вытянутых пропорций (в том числе морда, не похожая на мопса), с иной посадкой и, по-видимому, тоже с пропущенным между лап хвостом (рис. 1, 16) происходит с Верхнего Прииртышья, из могильника Пчела IX–X вв., раскопки С.С. Черникова, 1954 г. Предмет известен автору по фотографиям из Усть-Каменогорского музея (УКМ) и архива ИИМК. Вероятно, второй аналогичный, но со свои-

⁵ При контактном копировании (рис. 1, 11) предмета (Король, 2008. Рис. 63, 9) можно было предположить намек (доработка гравировкой?) на крыло. На накладке после реставрации (Кочевники..., 2012. С. 193. Кат. 519) хорошо видно, что крыла нет, поэтому, видимо, животное названо львом, хотя детали говорят о полиморфном образе. Кроме того, район Змеиногорска северо-западных предгорий Алтая ошибочно обозначен как “Северо-восточный Алтай”. Изделия из данной коллекции П.К. Фролова, включая технологию изготовления и состав металла (77 проб из 80 рассмотренных предметов), специально исследованы (Король, 2008. С. 192–220; Король, Конькова, 2012. С. 121–156).

⁶ Находки на крайнем западе, могильник Екатериновка III (Чекрыжова, 2002. Рис. 1, 5) и в центральной части, курган Поповская Дача (Горбунов, Тишкин, 2001. Рис. 1, 15) Алтайского края; на юго-западе Новосибирской обл.: 3 экз. из кургана Олтарь 1 (Бараба..., 1988. Рис. 40, 4).

ми иконографическими особенностями (рис. 1, 21), фрагментированный предмет из этого могильника представлен в публикации (Древние сокровища..., 2008. С. 124).

Другой вариант (из восточной части региона) – крылатая собака в динамично-агрессивной (?) позе (рис. 1, 17) – на крупных концевых накладках (в сочетании с растительным элементом – трилистником), а также спокойно стоящая – на маленьких сердцевидных накладках (рис. 1, 18, 20). В обоих случаях крылатая собака при довольно реалистичной манере трактовки образа (в отличие от первого варианта) сохраняет некоторые иконографические черты (морда мопса, остатки гривы, пропорции тела) шицза. Таким образом, изобразительные элементы этого образа имеют определенно “восточные” истоки.

И в то же время суть образа крылатой собаки восходит, по-видимому, к иранскому мифологическому Сэнмурву – Собаке-птице (Симург), получившему распространение далеко за пределами Ирана (Персии). В сасанидском, постсасанидском, согдийском искусстве хорошо известно изображение Сэнмурва. Его истоки следует видеть, вероятно, в собаководных грифонах античной Бактрии – Тохаристана. Отметим, что образ гигантских боевых собак, спутников богатырей, популярен в героическом эпосе хакасов, гигантские черные собаки как обитатели подземного мира – герои алтайских героических сказаний (Кызласов, 1995. С. 14, 15; Король, 2008. С. 145–150). Образ крылатого животного известен по хакасской сказке, записанной Н.Ф. Катановым (1963. С. 104, 105), о собаке, появившейся из яйца турпана (вид диких уток). Подобный образ известен в фольклоре других, в том числе тюркских, народов (Зеленин, 1936. С. 203; Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 45–48).

Собака, имеющая небесное происхождение по традиционным представлениям и других сибирских народов, – не только страж, помощник для людей, но и определенно посредник (“проводник”) между мирами (Мифология смерти, 2007. С. 28, 103, 199, 200). В мировоззрении и ритуальной практике хакасов образ собаки имел широкое распространение, исследователи подчеркивают двойственность его восприятия (Бурнаков, 2012). Мотив собаки сохранился в традиционном декоративном искусстве южносибирских народов, в том числе на ременных украшениях (Иванов, 1979. Рис. 62). Все это говорит об имевшейся прочной смысловой основе, обусловившей восприятие и распространение мотива, его популярность и длительное существование.

К псовым хищникам можно предположительно отнести фигурку (рис. 1, 19) крылатого зверя (воз-

можно, волка/собаки) с подчеркнуто пушистым хвостом из курганов “между Обью и Иртышом, степи и Колыванские рудники” (Миллер, 1937. Рис. 23). Образ волка как зверя-прародителя хорошо известен в генеалогических преданиях и мифологических сюжетах тюрков. Особое отношение к волку известно у саянских тюрков (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 96, 97).

В группу фантастических *копытных* животных входит единственная случайная находка подвески в виде фигурки крылатого **верблюда** (рис. 2, 1). В тюркской малых форм образ верблюда представлен лишь двумя примерами (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXVII, 16 – Музей антропологии и этнографии (МАЭ), № 58/24а, Означенное, Минусинская котловина). Отметим, что он также редок в наскальном искусстве региона. Анализ средневековых сцен с верблюдами из Саянского каньона и Минусинской котловины позволил предположить, что образ верблюда, как, по-видимому, и само животное, попали сюда не с восточных, как представлялось ранее, а с южных территорий (из Средней и Центральной Азии), что может свидетельствовать о более вероятном направлении распространения контактов в эпоху раннего средневековья с юго-запада на восток (Мухарева, 2007б). Образ верблюда в искусстве ранних кочевников Евразии был хорошо известен (Королькова, 1999); в раннем средневековье в Средней Азии был объектом особого поклонения, изображался на монетах и пр. (Акишев, 1984). Кроме того, напомним, что крылатый верблюд в тюркской – изобретение согдийских мастеров (Маршак, 1971. С. 82).

В группе копытных – **олени** в трех вариантах: парные крылатые олени, скачущие навстречу друг другу, в верхней части сложной декоративной композиции на бронзовых ажурных накладках на мешочек, найденных на Среднем Енисее в Минусинской котловине (рис. 2, 2) и в кургане 11 могильника Аргалыкты I, X в., на Верхнем Енисее в Туве (см. Король, 2008. С. 138–140); шагающий крылатый олень на ременных бляшках (рис. 2, 5)⁷ из эрмитажной (Отдел Востока, ОВ) коллекции П.К. Фролова из района Змеиногорска (фото см. Кочевники..., 2012. С. 193. Кат. 521) и фигурная накладка (рис. 2, 3) – стоящий олень (лось?) с рогами

⁷ Абсолютно идентичная концевая накладка происходит из разрушенного погребения в окрестностях с. Плотниково Каменского р-на на северо-западе Алтайского края. Помимо нее в этот набор входили еще шесть накладок других форм. На них изображение оленя имеет иконографические особенности, а в композиции (рис. 2, 6, 7) – растительный элемент в виде простой пальметты без бутона перед мордой животного (см. Король, 2008. С. 213).

Рис. 2. Фантастические копытные животные (Саяно-Алтай) и аналогии (9–11, 14, 15). Минусинская котловина, случайные находки: 1 – Знаменка (ММ, № 9197); 2 – Лугавское (ГЭ, Отдел археологии, ОАВЕиС, № 5531/1948); 8 – Малая Минуса (по: Кызласов, Король, 1990); Алтай и Обь-Иртышское междуречье: 3 – альбом В.В. Радлова 1861 г. (прорисовка по: Король, 2008); 4 – из кургана (по: Формозов, 1986); 5 – район Змеиногорска (ГЭ, ОВ, № СК 764–767); 6, 7 – Плотниково, разрушенное погребение (фото А.А. Тишкина); 12 – из кургана (по: Миллер, 1937); Верхнее Прииртышье: 13 – по: Молодин и др., 2000; Китай: 9 – по: Gyllensvärd, 1958; 10, 14 – по: Каогу, 1987; 11 – по: Каогу, 2009; Северный Байкал: 15 – случайная находка (по: Кочевые культуры..., 2002). 2 – 8.2×6.4 см; 8 – высота 8.5; 11 – высота 8.8; 15 – 4.3 × 3.8; 3, 4, 9, 12, 13 – без масштаба.

в виде треугольной короны (находки с Алтая⁸), образ, отличный от первых двух.

Среди случайных находок в Минусинской котловине известна бронзовая позолоченная сбруйная бляха с декоративной композицией, в которой олень без крыльев, но с развеваящимся шарфом на шее, с грибовидными (или в виде горизонтально вытянутой короны) рогами скачет (летит?) над горами среди облаков (рис. 2, 8). Манера изображения гор, облаков, а также густая обработка фона пуансоном – характерные черты торовитики танского Китая (Gyllensvärd, 1958. Fig. 54, a, b; 65, d; 75, c; 78, k). Изображения лежащих, идущих, скачущих оленей с подобными рогами известны в сасанидском искусстве и распространены в танском Китае. Среди них есть и крылатые олени (Gyllensvärd, 1958. Fig. 71). Подобный мотив в стиле танского искусства украшает ременную накладку (рис. 2, 9) популярной “тюркской” формы (возможно, относится к культуре киданей X – начала XI в. в Северо-Восточном Китае). Аналогичные и накладки других тюркских форм с упрощенным вариантом мотива (вероятно, крылатыми ланями) известны из могильника местных племен из района Хэйлунцзян, среднее течение р. Амур, на северо-восточной границе империи Ляо, 916–1125 гг. (Дунбэй..., 1982. С. 95–103. Рис. 1–7).

Образ крылатого оленя, как и коня, в танском искусстве возник под воздействием западного, “чужеродного влияния” (Salmony, 1934. S. 328). По мнению Бо Гилленсверда, идея образа крылатого оленя или коня заимствована из Персии, где она появилась очень рано. В Китай мотив попал незадолго до эпохи Тан. Он отмечает, что “хотя небесный олень мог быть создан китайцами, но сама идея, скорее всего, западная” (Gyllensvärd, 1958. P. 121). Отметим иконографическую деталь танских изображений крылатых пегасов, оленей и ланей: крылья, значительно выступающие над спиной. Подобная деталь характеризует и изображения на ременных украшениях (рис. 2, 10, 14) из киданьской гробницы (Каогу, 1987. С. 897. Рис. 2, 4, 7). Реже крылья (рис. 2, 11) бывают небольшими (Salmony, 1934. Fig. 1; Каогу, 2009. С. 81).

Рассматриваемые первые два варианта саяно-алтайских крылатых оленей (рис. 2, 2, 5–7) имеют маленькое крыло, незначительно выступающее (или совсем не выступающее) над спиной. Они представляют собой пример сохранения пережиточных черт скифо-сибирского “звериного стиля” в изоб-

ражении традиционных в скифское время оленей-маралов, хорошо известных местному населению: вытянутая вперед голова, большой глаз, закинута на спину длинные рога с выступами (иногда из полукольца), острый конец которых направлен назад-вверх (см. Грязнов, 1978. С. 226).

Таким образом, саяно-алтайские крылатые олени определенно имеют собственные характерные черты иконографии, отличающие их от танских крылатых образов копытных животных, в том числе оленей. Заметим, что в танском искусстве помимо крылатых оленей популярны и крылатые кони. Удивительно качественное изделие (возможно, выполненное в стиле танского искусства) с изображением лежащего крылатого коня в окружении растительных элементов представлено на тройнике – распределителе ремней, случайной находке из местности Баин-Хара в Северо-Байкальском р-не Бурятии, сборы 1981 г. (рис. 2, 15).

Конь, как хорошо известно, – атрибут (или образ) ряда божеств, в первую очередь солнечного, в евразийской мифологии. Конь и олень в искусстве семантически могли восприниматься как взаимозаменяемые образы. Удивительно, но крылатые кони, столь излюбленный образ, например, в хакасском героическом эпосе (Сунчугашев, 1984), не представлены в торовитике малых форм. По публикациям автору известны лишь две фигурки: из Обь-Иртышского междуречья и с Верхнего Прииртышья (рис. 2, 12, 13), которые условно можно отнести к “коням”. Вторая фигурка – возможно, попытка изобразить коня-грифона, судя по вытянутой морде, напоминающей клюв хищной птицы. В средневековых петроглифах региона мотив не известен автору; в скифское время он все же зафиксирован, как и другие крылатые копытные (олень, козел?), но это единичные находки (см. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 170, 171. Рис. 139). Единичны изображения крылатых копытных животных и эпохи хунну, появившихся, вероятно, не без влияния хуннуско-сяньбийской и сасанидской торовитики на наскальное искусство региона и прилегающих территорий (Миклашевич, 2010. С. 142. Табл. IV).

Подводя итог рассмотрению фантастических животных (тигр/барс, лев, грифон, лев-собака, лев-человек, волк? верблюд, олень, конь?) в репертуаре образов средневекового художественного металла Саяно-Алтая, можно сказать следующее. Некоторые образы (тигр/барс, лев-собака, олень) характеризуются иконографическими особенностями, связывающими их с “востоком” (китайским искусством). Одновременно они имеют не меньше черт “западного” (иранского, среднеазиатского) происхождения. Ряд мотивов отличают и традиционные

⁸ Трудно определимое копытное животное без рогов (рис. 2, 4) – на рисунке 1734 г. “древностей из сибирских курганов” (Формозов, 1986. С. 24), происходящих, вероятно, с Алтая.

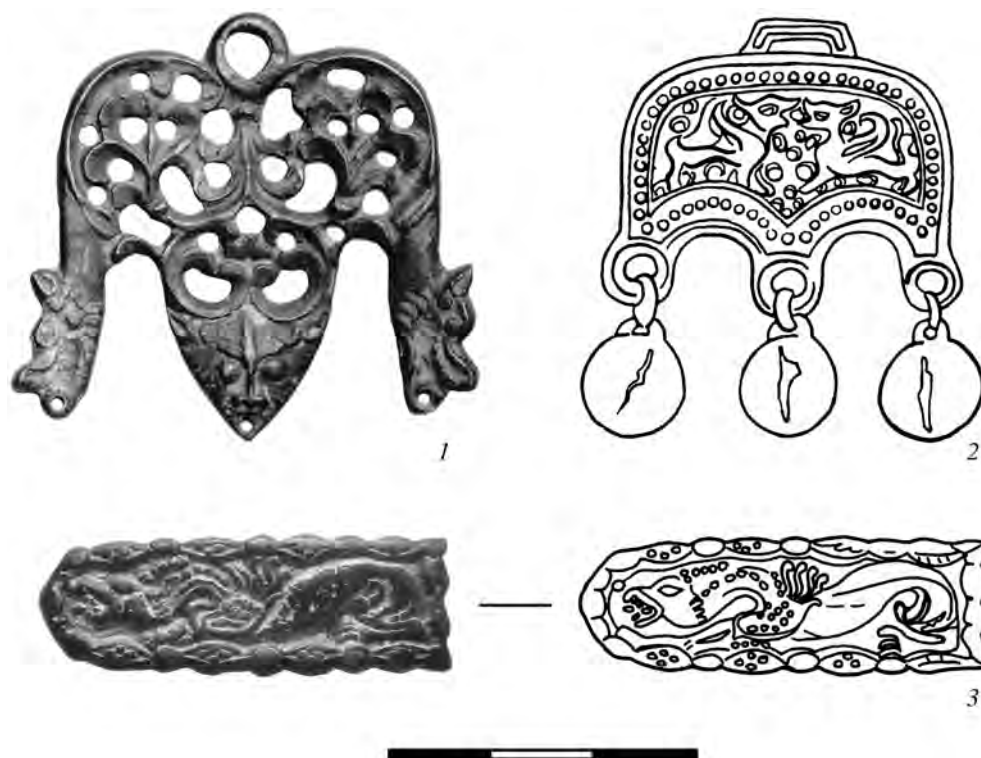

Рис. 3. “Драконы” (Саяно-Алтай) и аналогия (2). 1 – Копенский чаатас, тайник кургана 6, курган 7, Минусинская котловина (по: Конь и всадник..., 2003); 2 – Увгунтское погребение, Монголия (по: Кляшторный и др., 1990); 3 – Зевакино, курган 145, Верхнее Прииртышье (УКМ; фото по: Древние сокровища..., 2008). 1, 2 – без масштаба.

местные детали, уходящие происхождением иконографии (олень) или самого образа (тигр, барс, лев, грифон, лев-человек, олень, волк) в эпоху ранних кочевников. При этом, повторимся, многие образы крылатых животных или их иконографические черты в китайском искусстве привнесены в Китай эпох Хань и Тан с запада (Иран, Средняя Азия, Восточный Туркестан).

Влияние китайской материальной культуры на Южную Сибирь (шире – Саяно-Алтай) хорошо известно по археологическим данным. Оно отразилось, прежде всего, в находках значительного числа импорта: бронзовых зеркал, монет, шелковых тканей, ювелирных и лаковых изделий, сельскохозяйственных орудий (см. Киселев, 1949. С. 320, 321, 331–334; Лубо-Лесниченко, 1994. С. 266, 267). Но насколько значительным было это влияние на формирование синкретического орнаментально-декоративного искусства?

В китайской культуре самым известным из мифических крылатых животных, символов верхнего мира, можно назвать **дракона**, крылатого змея, в комбинированном образе которого часто совмещены черты самых сильных представителей животного царства: рога оленя или козла, голова ящера, крокодила или верблюда, шея змеи, крылья птицы,

лапы тигра или льва и т.д. (Мифы..., 1988. С. 394). Хотя культ дракона, божества в первую очередь водной стихии, можно считать глобальным, но для Азии районом формирования образа считается Юго-Восточная Азия. Особую популярность он приобрел в Китае, где дракон из мифологического, космогонического образа превратился с эпохи Хань и в символ власти императора (см. Решетов, 1981; *Mythical Beasts*, 1995. Р. 14–44). Представлен ли дракон в средневековом искусстве Саяно-Алтая? Найденные в Минусинской котловине китайские зеркала с мотивом дракона относятся к XI–XIII вв. и более позднему времени (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 69, 71, 86–88).

Среди известных материалов раннего средневековья интерес представляют подвесные седельные бляхи из курганов VIII–IX вв. известного своими находками Копенского чаатаса (могильника) в Минусинской котловине (рис. 3, 1). Совершенно условной может быть интерпретация профильных морд хищников с “перлами” во рту, украшающих концы блях. К черте, по которой в этих мордах можно предположить дракона, следует отнести характерный чуть приподнятый кверху нос. Наличие жемчужин как символа божественности и силы, которые нередки в китайских изображениях дракона, тоже может свидетельствовать о возмож-

ности предлагаемой интерпретации. Обрамляющий с двух сторон ажурный растительный декор центральной части подвески каплевидный элемент с углублением в центре можно представить условным крылом дракона. Декоративная композиция этих блях, включающая (помимо растительного декора и боковых морд хищников) украшающую центральную лопасть маску кошачьего хищника, рассматривалась и как отголосок мотивов звериного стиля эпохи ранних кочевников (Киселев, 1949. С. 349; Кызласов, Король, 1990. С. 84). В качестве аналогии конструкции бляхи исследователями приведена находка (рис. 3, 2) из Увгунтского погребения VIII–IX вв. в Монголии с любопытным для рассматриваемой темы декором в виде противопоставленных крылатых “львов” (на взгляд автора, это скорее драконоподобные существа) и отнесением истоков подобного эклектичного предмета к разным традициям, но преимущественно из “западных районов распространения древнетюркской культуры” (Кляшторный и др., 1990. С. 9).

Более читаемый вариант изображения драконоподобного существа можно предположить в декоре четырех одинаковых ременных накладок из могильника Зевакино, IX–X вв., в Верхнем Прииртышье (раскопки Ф.Х. Арслановой, 1970 г.). Этот фантастический зверь (рис. 3, 3) имеет крыло с четырьмя вертикальными отростками с загнутыми концами, вытянутое туловище с мощной изогнутой шеей, открытую пасть с двумя рядами зубов. Шея и крыло оформлены рядами кружков и овалов, что, по-видимому, является попыткой изобразить чешую (ср. с танскими изображениями драконов: Gyllensvärd, 1958. Fig. 56). Прямые рога дракона над шеей переданы с помощью округлых точек (ср. с рогами льва-грифона на рис. 1, 3). Отметим окаймление декоративного поля чередующимися удлиненными, подовальными и небольшими округло-овальными фигурами – деталь, не используемая в декоре основной массы саяно-алтайских находок, но характерная для южноуральских и восточноевропейских средневековых изделий тюркских малых форм из памятников, определяемых как венгерские (Fettich, 1937. Taf. XCIII, 1–11; Финно-угры..., 1987. Табл. СIII, 4, 9, 13). При этом на ряде овалов рамки-бордюра, как и на центральном изображении, помещены по 3–4 кружка-овала, что подчеркивает единый декоративный стиль. Поза дракона близка рассмотренным тиграм/барсам. Традиционные же китайские драконы, чрезвычайно популярные в танском искусстве, ставшие не менее популярными на ременных украшениях в монгольское время, в конце I – начале II тыс. в Саяно-Алтае не известны.

Исследование средневекового декоративно-прикладного искусства Саяно-Алтая в целом (Король, 2008) позволило проследить направления влияний и показать разные культурные традиции (местные, восходящие к искусству предшествующих эпох; “западные” – иранские, среднеазиатские, восточнотуркестанские и “восточные” – китайские) в рассматриваемом искусстве, что подчеркивает его синкретизм. Результаты представленного в данной статье анализа всех известных образов фантастических животных (мотивов декора) также свидетельствуют об этих основных традициях и направлениях влияния на формирование декора художественного металла.

Но всегда ли можно определить, откуда именно попал на рассматриваемую территорию тот или иной мотив, композиция декора тюркских малых форм? Характерной чертой эпохи раннего средневековья в Центральной Азии, включая и Саяно-Алтай, был синкретизм культуры. Синкретическим было и декоративное искусство эпохи Тан, впитавшее в себя, как уже говорилось, множество персидских, согдийских, а также индо-буддийских мотивов и композиций. Исследователи считают непростой задачей определения находок инородного облика на территории Китая танского времени: импорт это или местная имитация (см., например: Qi Dongfang, 2005).

О собственно китайском импорте предметов материальной культуры на территорию Саяно-Алтая сказано выше. Что касается потоков влияния на формирование декоративно-прикладного искусства, то их географическое направление установить нетрудно, а вот сказать, откуда именно попадали на эту территорию оригинальные образцы не всегда возможно. Определенно импортные изделия (обычно высокого качества, включая искусно выполненный декор) среди изученного автором ранее массива тюркских малых форм (более 2 тыс. экз.) чрезвычайно редки. Из рассмотренных здесь предметов, возможно, китайским импортом можно считать лишь подвесную бляху популярной тюркской формы с оленем (рис. 2, 8), выполненную в стиле танского искусства, вероятно, для “северных варваров”. Но изготовлена ли она в мастерской Китая китайским мастером или, скажем, согдийцем в Китае или в какой-то согдийской колонии вдоль трасс Шелкового пути далеко на западе от Китая в подражание танским образцам, определить практически невозможно без тотального (а не выборочного или единичного) исследования технологии, включая состав металла.

Кроме того, система производства и распространения популярной в конце I тыс. в Саяно-Алтае

декорированной торевтики малых форм носила, по-видимому, надэтнический характер, была многоуровневой и сформировалась в системе сложных культурных связей и разделения труда (Король, Конькова, 2007; 2012). При этом мастера (вероятно, разной этнической принадлежности, в первую очередь, возможно, согдийцы), снабжавшие определенные микрорегионы, учитывали предпочтения заказчиков, связанные с их вкусами, традициями и воззрениями. Отсюда в каждом регионе при кажущемся внешнем сходстве изделия имеют свои особенности. Отсюда преобладание декоративных образов, связанных с “западным” культурным потоком и местными традициями, сформировавшимися в эпоху ранних кочевников также под влиянием этого направления. Иконографические детали восточного происхождения прекрасно использовались для передачи “любимых” образов, иногда изменялись, сохраняя все же черты прототипов. Китайский образ дракона фактически не представлен в рассматриваемом искусстве.

Как показало исследование мотива фантастических животных в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая, можно говорить о синкретизме искусства, сохранившего на новом уровне некоторые черты предшествующих эпох, и лишь направления влияния на него: юго-западном из Восточного Туркестана, Средней Азии и Ирана и юго-восточном из Китая. Доминирующим представляется первое, что совпадает с выводами, полученными на основе исследования средневековых петроглифов региона (Мухарева, 2007а, б).

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.
- Баркова Л.А. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая // Археологический сб. ГЭ. Л., 1987. Вып. 28.
- Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2012. Вып. V.
- Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001.
- Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
- Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы, 2008.
- Дунбэй каогу юй лиши (История и археология Северо-Восточного Китая). Вып. I. Пекин, 1982 (на кит. яз.).
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М., 2005.
- Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М.; Л., 1936.
- Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979.
- Каогу (Археология). Пекин, 1987. № 10 (на кит. яз.).
- Каогу (Археология). Пекин, 2009. № 11 (на кит. яз.).
- Катанов Н.Ф. Хакассский фольклор. Абакан, 1963.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (МИА; № 9).
- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб, 2006.
- Кляшторный С., Савинов Д., Шкода В. Золотой бракетат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Информ. бюлл. Междунар. ассоц. по изучению культур Центральной Азии (МКАИЦА). Вып. 16. М., 1990.
- Конь и всадник. Взгляд сквозь века: Каталог выставки. М., 2003.
- Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002.
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфы. Тексты и исследования. М., 1997.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008 (Тр. Сиб. ассоц. исследователей первобытного искусства, САИПИ; Вып. V).
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012 (Тр. САИПИ; Вып. IX).

- Королькова Е.Ф.* Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Археолог. сб. ГЭ. СПб, 1999. Вып. 34.
- Кочевники Евразии на пути к империи: Каталог выставки. СПб, 2012.
- Кочевые культуры Центральной Азии: Каталог выставки. Улан-Удэ, 2002.
- Кызласов Л.Р.* Львы, тигры и гепарды в средневековой Сибири (о зрелой государственности и праздничной жизни на Енисее) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1995. № 4.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. М., 1994.
- Мазурина В.Н.* Львы и львы-собаки – защитники культовых сооружений в Непале // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб, 2009.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Маршак Б.И.* Согдийское серебро. М., 1971.
- Миклашевский Е.А.* Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л. 1937.
- Мифология смерти. СПб, 2007.
- Мифы народов мира. Энциклопедия [в 2 т.]. Т. 1. М., 1988.
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2002.
- Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.* Иоганн Рейнгольд Форстер – забытое имя в истории сибирской археологии // Немецкий этнос в Сибири. Новосибирск, 2000 (Альманах гуманитарных исследований; Вып. 2).
- Мухарева А.Н.* Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2007а. Вып. 3: Археология и этнография.
- Мухарева А.Н.* Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007б. № 4 (32).
- Решетов А.М.* Дракон в культурной традиции китайцев // Материальная культура и мифология. Л., 1981 (Сб. МАЭ; Вып. XXXVII).
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
- Сарткожаулы К.* Древнетюркский подземный мавзоль // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. II. Алматы, 2011.
- Соловьев В.С.* Раскопки в горном Тохаристане // АО–1985. 1987.
- Сунчугашев Я.И.* О крылатых лошадях хакасского героического эпоса // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987 (Археология СССР).
- Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Царева Е.Г.* Ворсовые ковры с сюжетом льва и тигра в Центрально-азиатских тканях кушанского времени // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб, 2009.
- Чекрыжова О.И.* Образ фантастического хищника в древнем и средневековом искусстве Алтая // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002.
- Чекрыжова О.И.* Полиморфные образы в древнем искусстве Алтая: Эпоха раннего железа. Автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
- Черемисин Д.В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск, 2008.
- Exhibition of Chinese Art. C.T. Loo. N. Y., 1941–1942.
- Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Taffelband. Budapest, 1937 (Archaeologia Hungarica. Acta archaeologica musei nationalis Hungarici; Bd. 21).
- Gyllensvärd B.* T'ang gold and silver. Göteborg, 1958.
- Mythical Beasts. L., 1995.
- Qi Dongfang.* The Hejiacun Treasure and Sogdian Culture // Les Sogdiens en Chine. Paris, 2005.
- Salmony A.* Ein chinesische Schmuckform und ihre Verbreitung in Eurasien // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1934. T. IX.
- Williams C.A.* Encyclopedia of Chinese Symbolism and art Motives. N. Y., 1960.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ВИСОЧНЫМИ ПОДВЕСКАМИ ИЗ ВОЛГОГРАДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2013 г. В.Г. Блохин*, П.А. Петров**

*Волгоградский государственный университет (blohinvasdar@mail.ru)

**Волгоградский областной краеведческий музей

Ключевые слова: височные подвески, черные клобуки, половцы, золотоордынский период, этнохронологическая атрибуция, миграции.

The article gives a characteristic of the medieval assemblages which contain temple pendants with biconic beads and conic spikes. Historiography gives different chronological attribution (from 12th to 14th cc.) and ethnic identification (Black Klobuk, Polovets, Saksin) for the burials which contain such pendants. The pendants from the Lower Volga show uniform typological and technological characteristics, hence we may assume they belong to a rather narrow chronological horizon. However, the assemblages belong to different types from the point of view of the traditional typology based on the orientation of the corpse and the features of the accompanying horse burial. This typological diversity may point to the heterogeneity of the nomad group that left the assemblages in question. The article substantiates the connection of the assemblages from the Lower Volga with the burials in the river Ros' region, which indicates that nomads from the Black Klobuk alliance may have moved to the Volga region in Golden Horde times.

В настоящее время на территории Нижнего Поволжья исследован ряд средневековых комплексов, в погребальном инвентаре которых присутствуют височные подвески с биконической нанизкой и коническими шипами. Подобные комплексы не многочисленны, но хорошо известны в Поросье, Поднестровье, Подонье и на Северном Кавказе. Обратившись к этим материалам, можно обнаружить, что этнокультурная трактовка комплексов с височными подвесками неоднозначна, а их хронологические определения различны.

Еще в 1958 г. С.А. Плетнева отнесла подобные украшения к торко-печенежским и черноклобуцким (1958. С. 170. Рис. 10, 2). Однако она подчеркивала, что такие украшения характерны и для половецкой группы погребений (IV – по классификации исследовательницы). Эти подвески, по мнению С.А. Плетневой, – проявление своеобразной “моды”, употреблялись всеми кочевниками и не были принадлежностью какого-то определенного народа (1958. С. 173, 179. Рис. 14, 2). Комплексы с височными подвесками включены ею в состав черноклобуцких погребений Поросья (Плетнева, 1973). Позже данный тип височных подвесок определен С.А. Плетневой как инвентарь, характеризующий половецкую группу погребений (1981. С. 218. Рис. 84), с последующим уточнением: этот набор “широко использовался и в среде Черных клобуков...” (2003. С. 165. Рис. 60). Таким образом, С.А. Плетнева всегда подчеркивала интернацио-

нальный характер таких украшений. Погребальные комплексы с подобными подвесками датировались ею достаточно узко: XII в. или XII – началом XIII в.

В середине 1960-х годов Т.М. Минаева опубликовала несколько работ, в которых была представлена история половцев на территории современного Ставропольского края. Височные подвески с биконической нанизкой определены в них как половецкие и датированы XII–XIII вв. (Минаева, 1964; 1965. С. 78, 79. Рис. 20). По всей видимости, в подобной интерпретации сказалось влияние до-революционной историографии. В частности, в работе И.И. Толстого и Н.П. Кондакова этот тип серег (подвесок) также назван половецким и датирован тем же временем (1897. С. 139. Рис. 197).

Г.А. Федоров-Давыдов, анализируя материалы средневековых кочевников, выделил два типа подобных височных подвесок: тип IV – с биконической гладкой нанизкой и тип V – с биконической нанизкой и коническими шипами (1966. С. 39, 40. Рис. 6, IV, V). При этом исследователь отмечал, что нет каких-либо оснований соотносить данные типы подвесок с половцами. А вот принадлежность их черным клобукам обосновывается, во-первых, распространенностью подвесок в домонгольское время в узко очерченном ареале – в Поросье и на Киевщине; во-вторых, находками их в основном в погребальных комплексах, типологически характерных для черноклобуцкого Поросья. Кроме

того, подчеркнуто, что комплексы с подвесками в Поднестровье, Поволжье, на Северном Кавказе маркируют перемещение, передвижение поросских племен в обозначенные районы в IV (золотоордынский) период. Таким образом, подвески IV, V типов датируются в достаточно широком диапазоне XII–XIV вв., но в зависимости от региона их местонахождения датировка подвесок IV и V типов может быть несколько сужена. Для Поросья и Киевщины подобные типы датированы домонгольским временем; для Поднестровья, Поволжья и Северного Кавказа – золотоордынским периодом (Федоров-Давыдов, 1966. С. 115, 152, 153).

В 1970–2000-х годах в публикациях позднечевических материалов с территорий Северного Причерноморья, Кубани и Предкавказья комплексы с височными подвесками указанных типов атрибутированы как половецкие и датированы достаточно узко: XII – началом XIII в. (Кравченко, 1978; Бессонова и др., 1984; Анфимов, Зеленский, 2002). Другие авторы предлагали и иные трактовки. Так, А.А. Горбенко, В.А. Коренько, В.Е. Максименко, публикуя позднечевический комплекс из кургана у хут. Нижняя Козинка в Ростовской обл., датировали его XIII–XIV вв., не акцентируя внимания на этнической атрибуции (1975). Е.В. Круглов в публикации погребений с серьгами (подвесками) V типа (по Г.А. Федорову-Давыдову) с территории Нижнего Поволжья (комплексы из могильников Барановка I и Ложки II) предположил, что они могли быть оставлены здесь не половецким населением, а племенами “саксинов” – потомков огузо-печенежского конгломерата, родственных черным клобукам. Их датировка – XII–XIII вв. или XI – начало XIII в. (Круглов, 1990. С. 62, 63; 2001. С. 7. Ил. XV).

В работах Е.И. Нарожного, посвященных пребыванию на Северном Кавказе черных клобуков, условиям, времени их перемещения сюда из Поднестровья и Побужья, определяющее значение в обосновании их миграций имеют комплексы с височными подвесками IV, V типов (2000; 2003). По мнению исследователя, отдельные захоронения с биконическими украшениями, декорированными коническими шипами, могли быть оставлены исключительно черноклобуцким населением. С завоеванием монголо-татарами восточноевропейских степей здесь усиливаются миграционные процессы. В период активизации деятельности Ногай на западных землях золотоордынского государства происходит переселение черных клобуков из Поросья в Поднестровье и Побужье (Нарожный, 2000. С. 141). Необходимо отметить, что этот процесс первой волны черноклобуцкой миграции А.О. Добролюбский датировал второй половиной XIII в. (1986; 1990).

Территории Поднестровья и Побужья, по мнению Е.И. Нарожного, – зона “исхода” черных клобуков на Северный Кавказ, куда они переместились в 60-е годы XIII в. вместе с Ногаем (2000. С. 141–143; 2003. С. 218). Здесь клобуки составляли заметный этнический компонент, что обусловило распространение дериватов черноклобуцких серег-подвесок и “многих видов предметов материальной культуры, позже ставшей частью материальной культуры населения Северного Кавказа” (Нарожный, 2000. С. 143, 144).

После возвращения Ногай в свои западные владения черные клобуки остались, расположившись на территориях степного Предкавказья, Подонья-Приазовья и пребывали здесь до 1300 г., т.е. до военного поражения и гибели Ногай. После этого происходит перераспределение племен, подвластных ранее Ногаю. Часть черных клобуков возвращается в Пруто-Поднестровье. Е.И. Нарожный соотносит эту часть со второй хронологической группой черноклобуцких древностей XIV в., выделенную А.О. Добролюбским по материалам Северо-Западного Причерноморья (Добролюбский, 1990. С. 157, 158; Нарожный, 2000. С. 146). Какая-то часть черноклобуцкого населения переместилась в Поволжье и на территорию Калмыкии, с чем связано появление здесь комплексов с “черноклобуцкими украшениями и их позднейших дериватов” (Нарожный, 2000. С. 145).

Серьезные возражения вызывает безусловная связь между переселением клобуков с территории Поросья или Пруто-Поднестровья и деятельностью Ногай в 60-е годы XIII в. Прежде всего проблематична локализация личного домена Ногай на западных территориях Золотой Орды до 70-х годов XIII в. Еще В.Л. Егоров обратил внимание на отсутствие каких-либо данных о том, что западный улус числился за Ногаем с самого начала существования государства (1985. С. 200). Отметим, что тезис о том, что власть Ногай над западными землями Улуса Джучи досталась ему по наследству от отца и деда весьма устойчив (Сафаргалиев, 1960. С. 58, 59). Между тем, как справедливо полагал Г.А. Федоров-Давыдов, для того чтобы признать этот тезис правомерным, необходимо доказать тождественность Мауци, которого упоминает Плано Карпини как владеющего “степью близ Днепра”, и Бувала (Мовала, Могола), деда Ногай (1973. С. 53). По сути же, тождественность Мауци Плано Карпини, Могучея Ипатьевской летописи и Бувала (Мовала, Могола) арабо-персидских источников определяется только созвучием вариантов имен этих фигур (Мысков, 2003. С. 46, 47). Вполне допустимо отождествление Мауци и Могучея, так как помимо созвучия имен эти фигуры объединяют территориальная привязка (близость к южнорусским землям) и хронологический период (1245–1247 гг.).

Согласно Плано Карпини, Мауци принадлежали степи по левому берегу Днепра, при этом в западных улусах он был значимой фигурой (1993. С. 61, 71; см. также: Мыськов, 2003. С. 46). Требование же Могучеем у князя Даниила Галича также говорит о близости кочевий улусного правителя к южнорусским землям. Интересно, что исходило это требование не от Куремсы (Коренцы), другого улусного правителя, земли которого непосредственно граничили с территорией Галицко-Волынского княжества (Ипатьевская летопись, 1998. С. 805), т.е. в этом эпизоде со всей очевидностью высвечивается старшинство Могучея в западных улусах Золотой Орды.

Упоминание в источниках фигур Мауци и Могучея относится к середине 40-х годов XIII в. Из описания, оставленного Плано Карпини, достаточно четко следует, что через владения Мауци он проезжал в начале марта 1246 г. по пути следования в Каракорум и в мае 1247 г., когда возвращался на родину (1993. С. 61, 71). При этом итальянский посол упоминает о том, что во время проезда польских и южнорусских владений (декабрь 1245 – январь 1246 г.) Даниил Галицкий отсутствовал в своих землях, так как “поехал к Бату” (Плано Карпини, 1993. С. 58, 59). Зафиксировал посол и свою встречу с Даниилом, которая состоялась во владениях Картана в степях Подонья (Плано Карпини, 1993. С. 61, 72). Скорее всего, она произошла в середине марта, когда русский князь возвращался из ханской ставки. Отъезд же Даниила в Орду достаточно четко датируется 26 октября, когда он “изииде же на празни святого Дмитрия” (Ипатьевская летопись, 1998. С. 806). Путь из Киева до ставки Бату на Волге у Карпини занял порядка двух месяцев. Очевидно, время пребывания в пути от Киева до Волги и у Даниила было примерно таким же. Точно известно, что князь пробыл в Орде 25 дней (Ипатьевская летопись, 1998. С. 808). Таким образом, поездка Даниила к хану может быть датирована концом октября 1245 – концом марта 1246 г. В Ипатьевской летописи события, связанные с поездкой Даниила в Орду, отнесены к 6758 г. (1250–1251 гг.). Очевидно, здесь имеет место неточность русского летописания – галицко-волынское повествование в составе Ипатьевской летописи составлялось как непогодное повествование, а хронологическая сетка накладывалась позже, причем годы проставлены неточно, с ошибкой до пяти лет. Требование Могучеем Галича датировано тем же 6758 г., при этом оно прямо связано с эпизодом, описывающим поездку Даниила в Орду, которую летописец рассматривал как ответную реакцию на активность улусного правителя. Таким образом, повторимся, Мауци европейского источника и Могучей русского летописания фигурируют в одном хронологическом периоде золотоордынской истории.

Но идентификация Мауци-Могучея с дедом Ногаем Бувалом не имеет под собой никаких оснований. В источниках нет даже косвенного указания на то, что дед (Бувал) или отец (Тутар) Ногай владели одним из западных улусов Золотой Орды. Имеются весьма веские основания относить утверждение Ногай на западных окраинных землях государства ко времени после кавказской войны, которую вели Берке и Менгу-Тимур в начале своего правления, с одной стороны, и ильханы Ирана, с другой стороны, т.е. к началу 70-х годов XIII в. До начала 60-х годов Ногай был еще очень молодым человеком и не принимал активного участия в политической жизни Золотой Орды (Мыськов, 2003. С. 113). Достаточно отметить, что во всем блоке письменных источников, причем, источников разнородных и вполне информированных (русские летописи, византийские хроники, арабские и персидские сочинения), ни военная, ни политическая активность Ногай на западных границах Золотой Орды не фиксируется вплоть до 70-х годов XIII в. В “Истории...” Г. Пахимера прямо указано, что на западную окраину Ногай был послан “от берегов Каспийского моря начальниками своего народа...” (2004. С. 217).

Таким образом, появление Ногай на Северном Кавказе в 60-х годах XIII в. отнюдь не означает перемещения черных клобуков в этот регион в указанный период. Абсолютно не подкреплен какими-либо аргументами тезис о том, что черные клобуки выступали сторонниками и союзниками Ногай в борьбе против Токты в конце 90-х годов (Нарожный, 2000. С. 145). Нет ни одного факта, который свидетельствовал бы о перемещении черных клобуков в Поволжье с Северного Кавказа именно после поражения и гибели всесильного военачальника, т.е. после 1300 г. Следует констатировать, что миграционная схема Е.И. Нарожного при всей ее кажущейся стройности выглядит достаточно гипотетично.

На сегодняшний день состояние источниковой базы таково, что наличие в Поволжье погребальных комплексов с подвесками может свидетельствовать о перемещении сюда группы кочевников из Поросья (а точнее, с территории южнорусского пограничья) в золотоордынский период. Но конкретные политические обстоятельства этого перемещения остаются за кадром исторической ретроспективы.

На территории Волгоградского Поволжья (Волгоградская обл.) к настоящему времени известны следующие находки комплексов с височными подвесками (рис. 1).

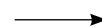
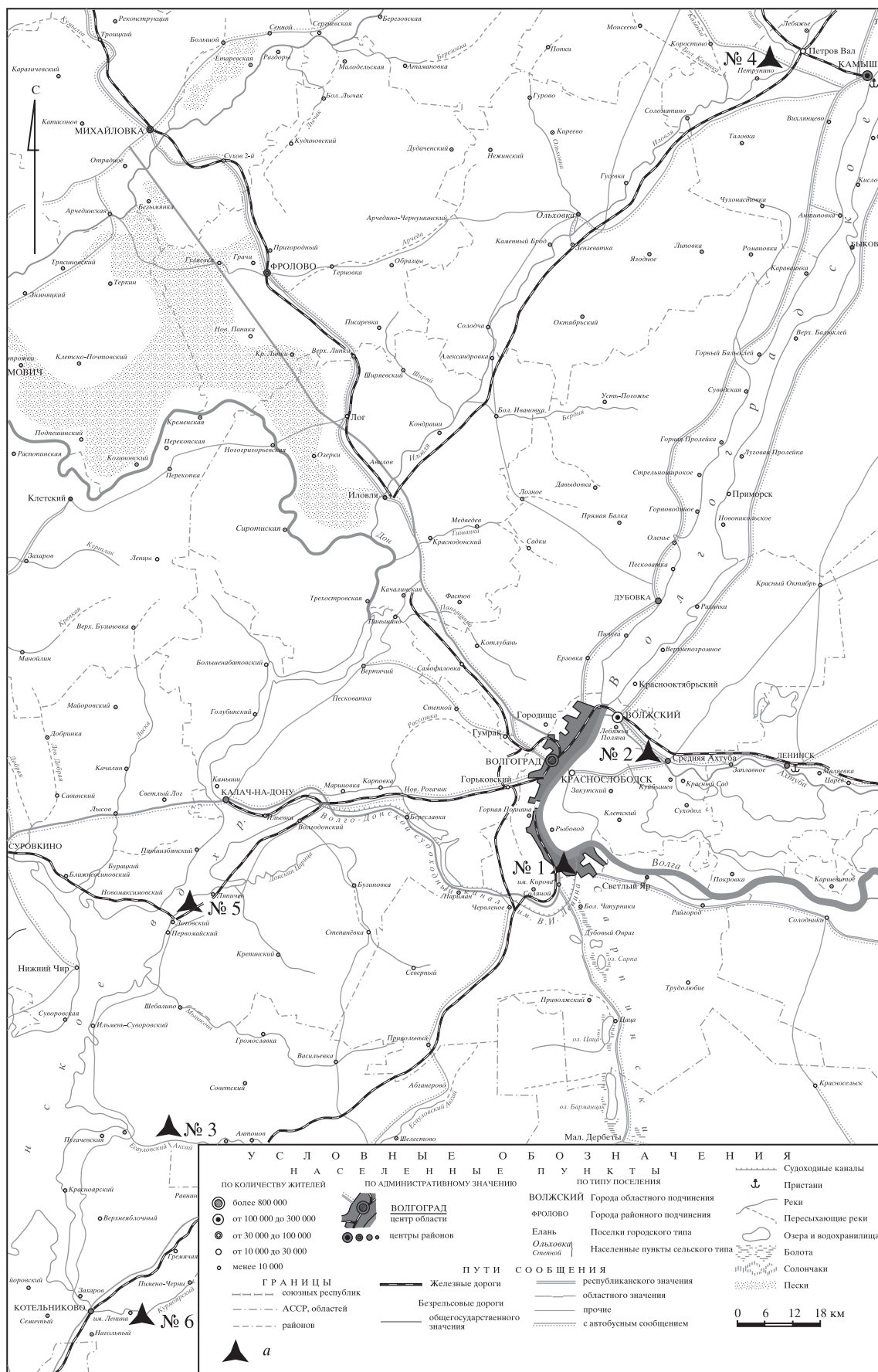

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников на территории Волгоградской обл. Условное обозначение: а – комплексы с височными подвесками (нумерация на карте соответствует нумерации памятников в тексте).

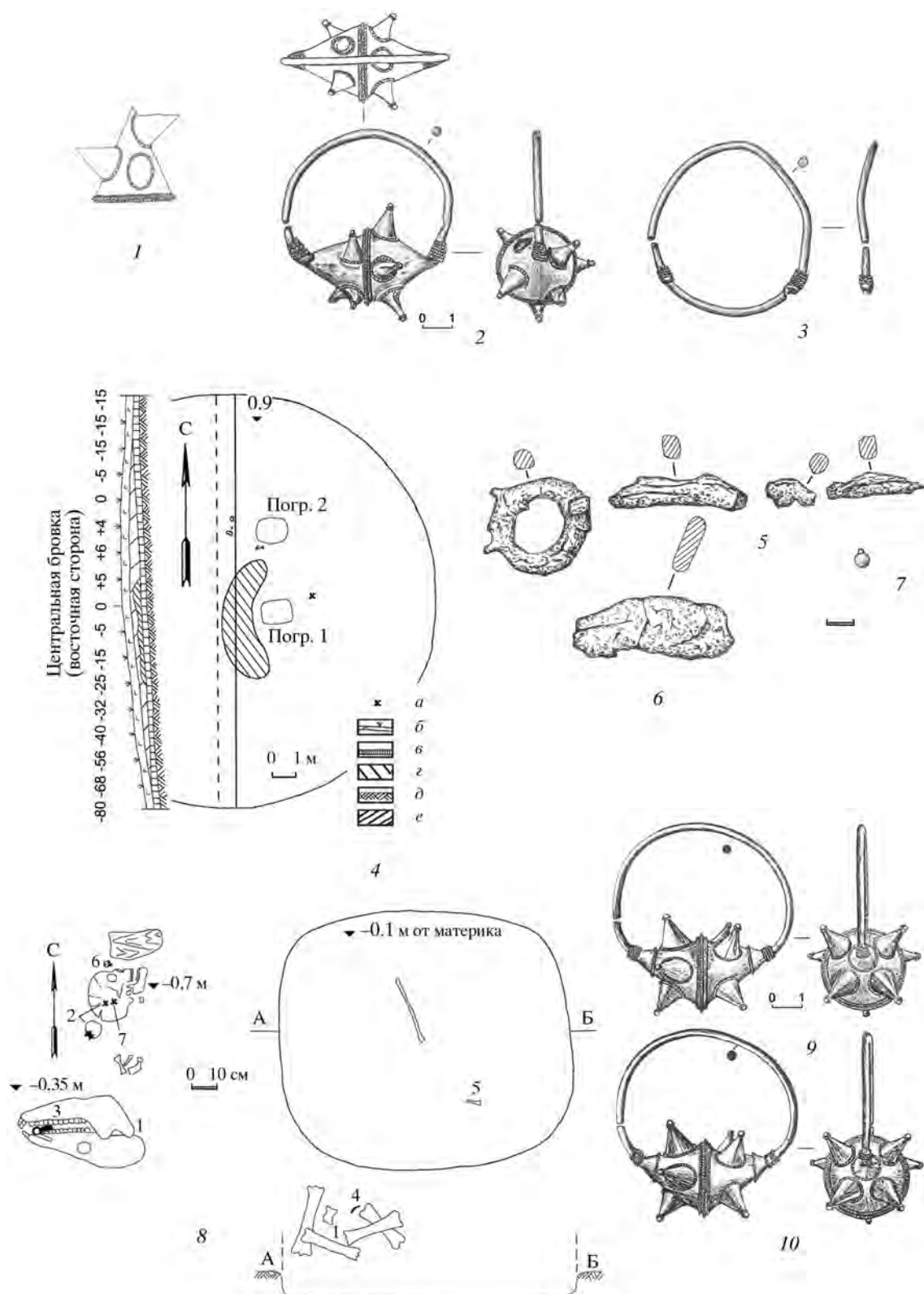

Рис. 2. Отдельные находки (1–3) и погр. 2 кургана 12 могильника Барановка I. 1 – фрагмент подвески из Сарепты; 2, 3 – подвески из с. Киляковка; 4 – план кургана; 5–7, 9, 10 – инвентарь погребения (5, 6 – фрагменты железных удил и стремени; 7 – бронзовый бубенец; 9, 10 – серебряные подвески); 8 – план и разрез погребения (находки: 1 – кости и череп лошади; 2 – подвески; 3 – фрагмент удила; 4 – фрагмент стремени; 5 – трубчатая кость птицы; 6 – остатки ткани; 7 – бубенец; глубины даны от современной поверхности). Условные обозначения: а – разрозненные кости человека (глубина 35–40 см); б – гумусный слой; в – погребенная почва; г – насыпь; д – материк; е – выкид.

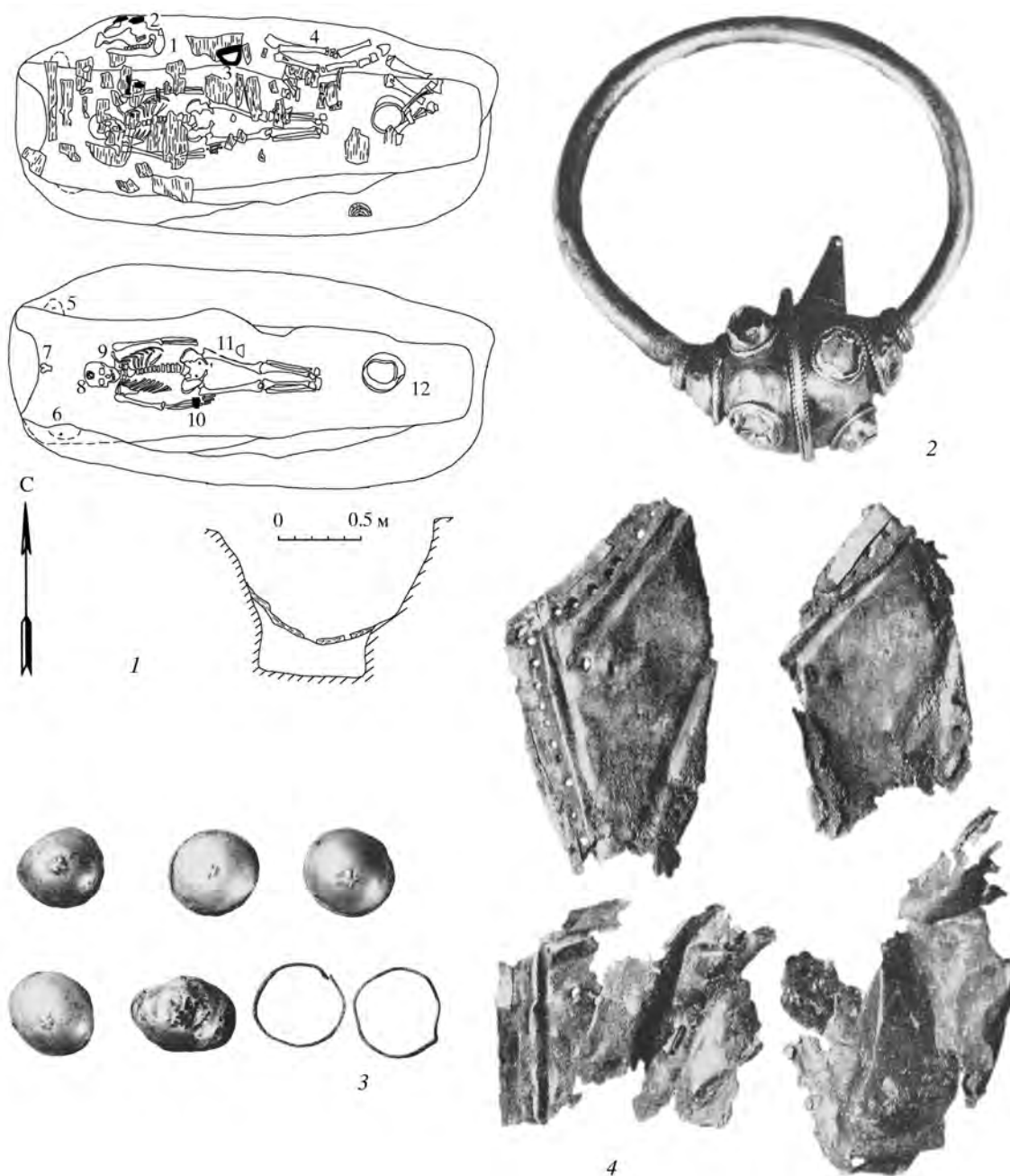

Рис. 3. Погр. 5 кургана 1 Дорофеевского могильника. 1 – план (находки: 1 – череп лошади; 2 – бронзовые ромбические бляхи; 3 – железное стремя; 4 – кости ног лошади; 5 – обломки железных предметов (в заполнении ямы); 6 – золотая полусферическая бляшка; 7 – крестец барана; 8 – металлическая подвеска; 9 – золотые полусферические бляшки (5 экз.); 10 – остатки шелковой ткани с окисью серебра; 11 – кусок мела; 12 – бронзовый клепаный котел); 2 – подвеска; 3 – полусферические бляшки; 4 – уздечные бляхи.

№ 1. *Сарепта* (географическая привязка в данном случае указывает не на место находки предмета, а на место формирования коллекции, в составе которой он находился). В составе коллекции К. Глича¹

содержались фрагменты серебряной подвески (рис. 2, 1). Фрагменты серебряного украшения из

¹ Константин Глич – представитель немецкой семьи, занимавшейся в середине XIX в. производством горчицы в Сарепте. В период своего пребывания здесь К. Глич составил коллек-

цию археологических и этнографических предметов. По большей части он скупал их у русских и татар. Выехав в 1864 г. в Германию, К. Глич часть коллекции в 1882 г. передал в Музей этнографии г. Гернгут. Другая часть коллекции передана его братом Александром Гlichem в тот же музей уже после смерти Константина в 1884 г.

коллекции под № 68 922, 162 представляли собой конус – половинку биконической нанизки с тремя коническими шипами. Высота и диаметр конуса – по 3 см. Основания шипов, судя по рисунку, крепились на нанизку-конус с помощью напаянных крученых проволочных поясков. Основание конуса-половинки было также оплетено тремя поясками крученой серебряной проволочки. (Otchir-Goriaeva, Augustin, 2002. S. 224, 227, 236. Abb. 6, 1.)

№ 2. с. *Киляковка Среднеахтубинского р-на*. В 1970 г. из разрушенного кургана у с. Киляковка в Волгоградский областной краеведческий музей поступила одна золотая височная подвеска и проволочное кольцо с остатками оплетки конических нанизок второй подвески (рис. 2, 2, 3). Основанием подвесок служили кольца диаметром 5.6–5.8 см с несомкнутыми концами из округлой в сечении проволоки толщиной до 0.3. На кольцо сохранившейся подвески была насажена биконическая, полая внутри нанизка, половинки которой свернуты из тонкого золотого листа. Наибольший диаметр нанизки – 2.8 см. Конусы нанизки соединены между собой при помощи напаянных трех поясков золотой крученой проволочки, оформленной в виде ложной зерни. Концы нанизок оплетены в шесть оборотов такой же проволочкой. Нанизки украшены восемью коническими шипами, по четыре на каждой половинке. На вершине каждого целого шипа напаян золотой шарик диаметром до 0.2 см. Высота шипов и диаметр у основания – по 1 см. У основания и на конце шипов напаяны проволочные пояски. (Волгоградский областной краеведческий музей, инв. № 7271/1.)

№ 3. *Дорофеевский курганный могильник*. Курган 1, погр. 5. Могильник располагается на правом берегу р. Есауловский Аксай в 3 км выше Аксеновского могильника. Погребение (впускное в курган эпохи бронзы) совершено в подпрямоугольной в плане яме с заплечиками вдоль северной и южной стенок (рис. 3, 1). Яма ориентирована длинной осью по линии 3–В. Длина ямы – 2.85 м, ширина – 1.35, глубина от уровня погребенной почвы – 1.1, ширина заплечиков – 0.2–0.3 м. В заполнении могильной ямы найдены бесформенные обломки железа. Как указывают авторы отчета, один напоминал скобочку с расклепанным обломанным краем, второй – железное кольцо диаметром 4.5 см, сечением 0.4.

На заплечиках и стенке ямы сохранилось поперечное перекрытие из деревянных плах. На западном конце северного заплечика лежал череп лошади мордой на запад. На черепе лошади обнаружены фрагменты бронзовых ромбических блях, которые крепились к налобному, наносному и соединительному ремню с помощью прошивки, для чего по краю были пробиты отверстия (рис. 3, 4). Видимо, для крепления использовались и найденные две проволочные скобочки. Длина блях – около 8 см,

ширина – около 6. По краю блях проходит выпуклое ребро жесткости. Посреди северного заплечика на перекрытии обнаружено железное стремя с узкой подножкой и овальным выступом для прорези ремня. Высота стремени – около 17 см, ширина – 15, ширина подножки – 3. На восточном конце того же заплечика, частично завалившись в яму, лежали в анатомическом порядке кости передних и задних ног лошади.

На дне ямы лежал костяк взрослой женщины на спине, вытянуто, головой на запад, голени сведены. В изголовье находился крестец барана, позвонки которого располагались в анатомическом порядке. В юго-западном углу найдена золотая полусферическая бляшка-пуговка (еще пять аналогичных бляшек обнаружены под левой ключицей погребенной). На ободок бляшки нанесена имитация шнура, возле шнура – четыре отверстия. На вершине бляшки – штампованный крестик. Диаметр бляшки – 1.8 см, высота – 1 (рис. 3, 3). Рядом с бляшкой обнаружен фрагмент серебряной витой цепочки длиной 1 см. Под черепом погребенной лежало украшение в виде массивной подвески (рис. 3, 2). Она состояла из бронзового стержня, платинированного золотой фольгой. На стержень крепилась золотая нанизка с коническими шипами, частично помятыми. Нанизку украшали пояски из крученой проволоки. Диаметр стержня – 0.4 см, длина нанизки – 3.5, диаметр – 2.3, высота шипа – 1.1, диаметр основания шипа – 0.7. На запястье правой руки обнаружены остатки шелковой ткани с окисью серебра. Слева от левого бедра лежал крупный кусок мела ($7.7 \times 7 \times 4.8$ см). В восточной части ямы стоял бронзовый клепаный котел с остатками железной дужки и слегка отогнутым наружу краем. Корпус котла склепан из двух широких полос бронзовыми заклепками. Дно вставлено внутрь корпуса и приклепано заклепками. На котле имеются следы починки: две латки у края и одна у дна, приклепанные такими же заклепками. К краю приклепан железный не сохранившийся ободок и два кольца-шарнира, в которые продевалась дужка. Высота сосуда – 14 см, диаметр по верху – 23, диаметр дна – 21, толщина стенок – 0.1, сечение дужки – 1.5×0.7 (Шилов, Лагоцкий, 1976. С. 6–8; Лагоцкий, Шилов, 1977. С. 157, 158)².

№ 4. *Могильник Барановка I*. Курган 12, погр. 2. Могильник располагался на склонах правого высокого берега р. Иловля, в 1.5 км к западу-юго-западу от с. Барановка Камышинского р-на. Диаметр насыпи – 16 м, высота – 0.8. Курган был сооружен в эпоху бронзы, к которой относится погр. 1. В северный сектор насыпи в средневековый период было впущено погр. 2 (рис. 2, 4). Форма и размеры ямы не прослеживались. На глубине 0.35 м от современной

² Авторами погребение ошибочно отнесено к VII в. и атрибутировано как хазарский комплекс.

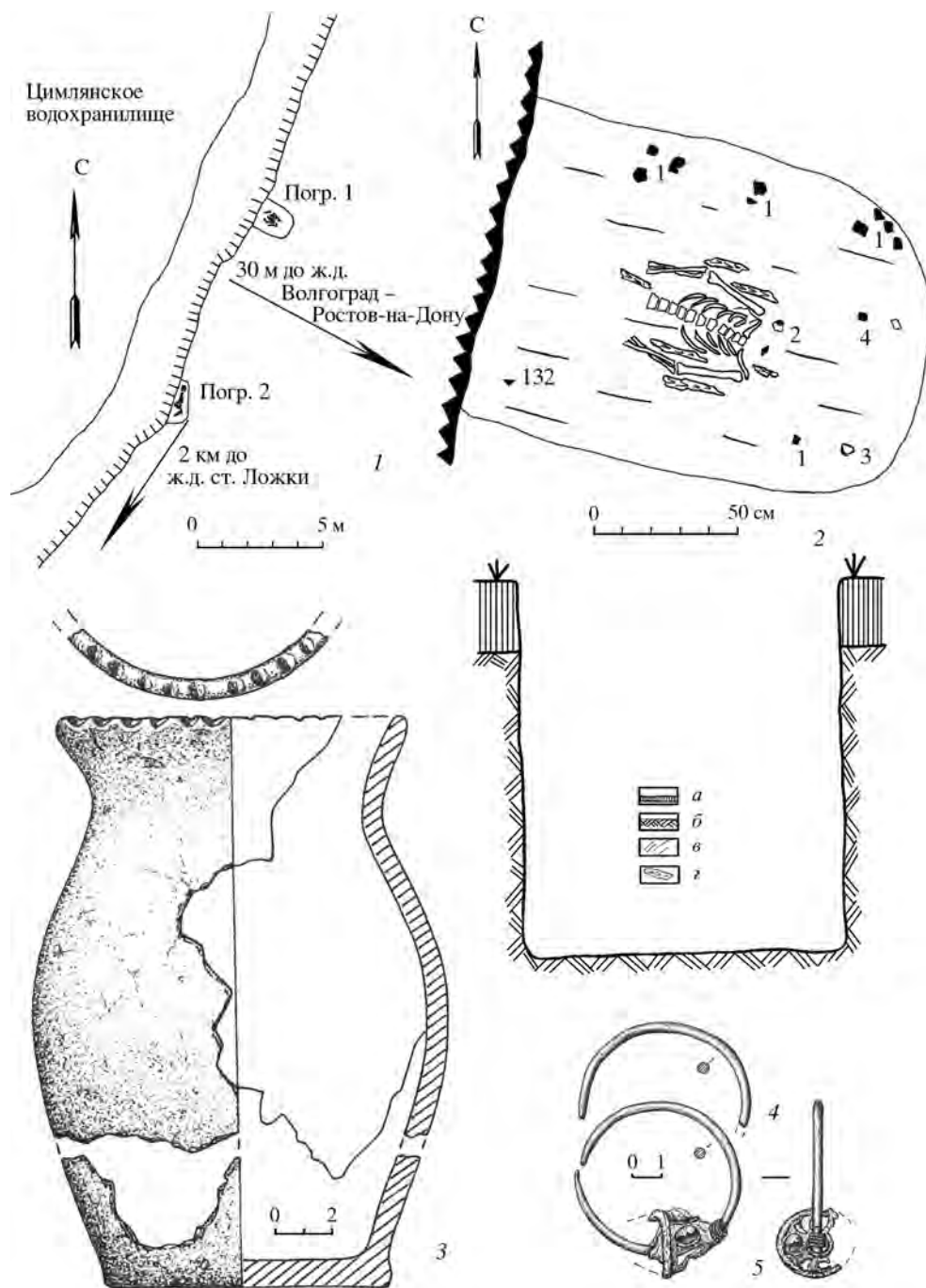

Рис. 4. Погр. 1 могильника Ложки II. 1 – ситуационный план; 2 – план (находки: 1 – фрагменты глиняного сосуда; 2, 3 – фрагменты серебряной подвески; 4 – мел) и разрез; 3 – лепной сосуд; 4 – остатки подвесок. Условные обозначения: а – гумус; б – материк; в – коричневый тлен; г – деревянные доски.

поверхности находились обращенный на запад череп и сложенные в стороне от него кости ног лошади (рис. 2, 8). В челюстях конского черепа были зажаты обломки плохо сохранившихся железных двусоставных удиц (рис. 2, 5). Диаметр одного из сохранившихся колец – 4,4 см, диаметр круглого в сечении прута, из которого оно изготовлено, – около 1. Среди конечностей лошади обнаружен обломок железного стремени (рис. 2, 6).

К северу от черепа лошади на глубине 0,7 м найдены остатки разрушенного грабителями погребения человека. Сохранились лопатки, плечевые кости, а также лежащий на левом виске череп женщины 50–55 лет, ориентированный на запад. Под черепом погребенной и рядом с ним прослежены следы подстилки из коры. За черепом и под ним обнаружены две серебряные височные подвески (рис. 2, 9, 10). Они были изготовлены из круглого

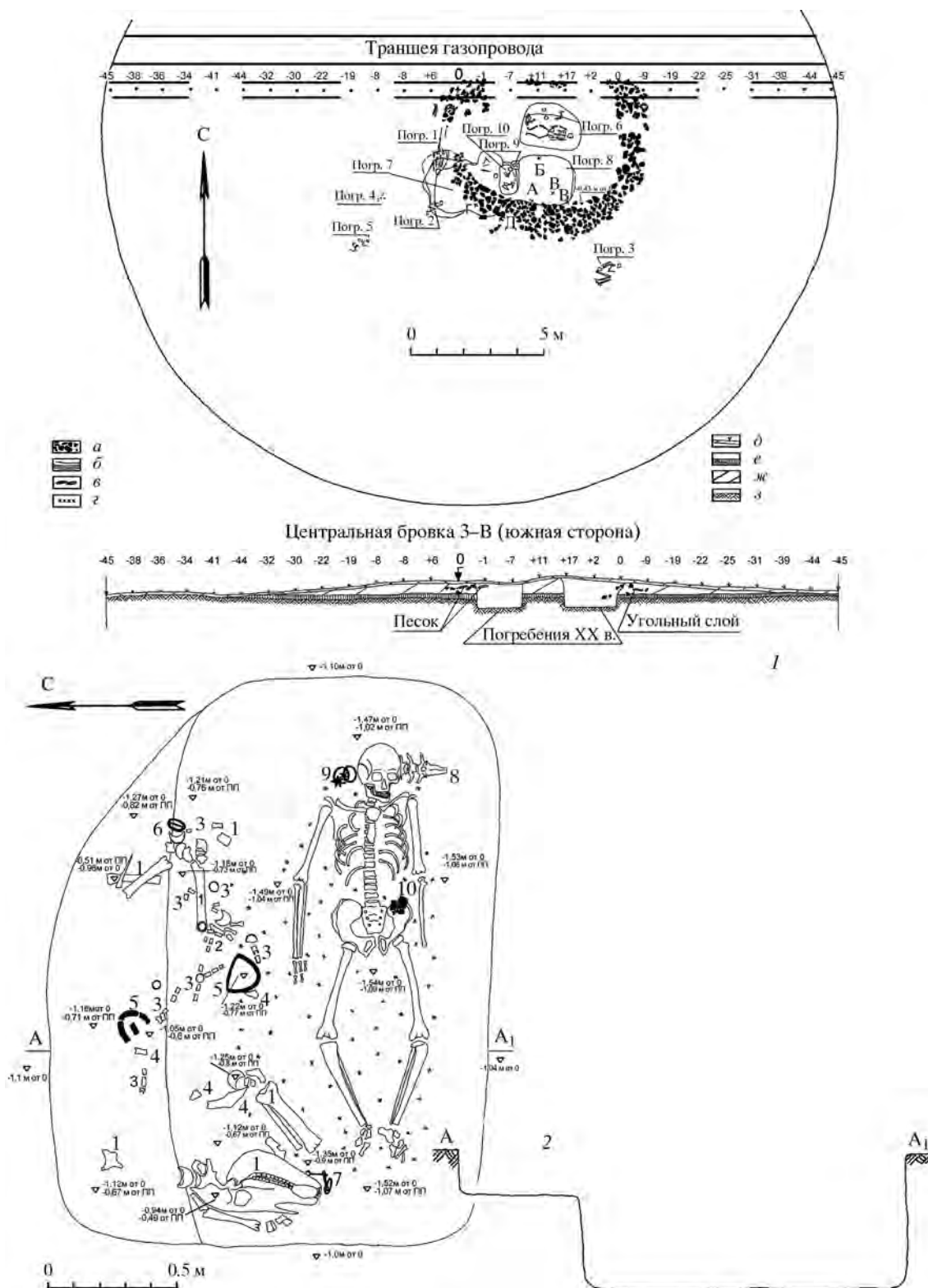

Рис. 5. Погр. 6 кургана у пос. им. Ленина. 1 – план кургана (находки в насыпи, глубина в м от 0: А – фрагменты лепной керамики, 0.2; Б – кальцинированные кости, 0.07; В – фрагмент керамики, 0.37; Г – фрагменты кости животного, 0.29; Д – фрагменты ракушки, 0.45); 2 – план и разрез погребения (находки: 1 – кости лошади; 2 – фрагмент бедренной кости крупного рогатого скота; 3 – бронзовые бляхи; 4 – фрагменты костяной пластины; 5 – железные стремена; 6 – железная пряжка; 7 – железные удила; 8 – кости мелкого рогатого скота; 9 – серебряные подвески; 10 – кусок светло-серого минерала; * – угольки). Условные обозначения: а – каменный кромлех; б – слои затека; в – белый песок; г – угольный слой; д – гумусный слой; е – погребенная почва; ж – насыпь; з – материк.

в сечении проволочного кольца с несомкнутыми концами, на которое крепилась биконическая позолоченная нанизка с восемью коническими шипами. Концы нанизки были оплетены в пять-шесть оборотов серебряной крученой, оформленной в виде ложной зерни, проволочкой. С их помощью биконическая нанизка крепилась на кольце. Нанизка представляла собой два конуса свернутых из тонких серебряных позолоченных листов, спаянных между собой в широкой части посредством крученой проволочки. Нанизка украшалась поясками из такой же крученой серебряной проволочки и коническими шипами из листового позолоченного серебра. Основания и концы шипов усилены проволочными поясками. Все шипы были увенчаны шариками. Диаметр кольца – 5.7 см, диаметр сечения проволоки – 0.42, наибольший диаметр нанизки – 2.8. Под черепом зафиксированы остатки ткани, возможно, по предположению автора раскопок, от головного убора. Рядом с одной из подвесок, под черепом найден бронзовый цельнолитой неорнаментированный бубенчик (диаметр 0.7 см) шаровидной формы с петелькой для пришивания (рис. 2, 7).

В 0.55 м к востоку от черепа женщины прослежена прямоугольная в плане яма от грабительского колодца, в которой обнаружены трубчатая кость птицы и малая берцовая кость человека. (Сергачков, 1987. С. 8–10. Рис. 8, 2–4; 11–13; Круглов, 1990. С. 59, 60. Рис. 2; 3.)

№ 5. *Могильник Ложки II. Погр. 1.* Погребение располагалось в 2 км к северо-северо-востоку от железнодорожной станции Ложки Калачевского р-на, в обрыве левого берега Цимлянского водохранилища (рис. 4, 1). Данный комплекс автор отчета соотносит с грунтовым погребением в пределах “небольшого грунтового могильника № 2 населения эпохи бронзы и периода поздних кочевников” (Мамонтов, 1988. С. 38). На исследуемом участке обнаружено всего два погребения: погр. 1 – средневековое, погр. 2 – эпохи бронзы, расстояние между ними – 7 м. Следует высказать определенные сомнения по поводу грунтового характера погребений. По сути дела, заключение автора об их соотношении с грунтовым могильником основано, судя по тексту отчета, на факте отсутствия возвышения над погребениями (Мамонтов, 1988. С. 38). Нельзя исключать того, что насыпь кургана была сnivelирована в силу естественных эрозионных процессов, которые весьма интенсивно протекают именно в прибрежных зонах. Учитывая, что погребения могли занимать периферию сnivelированного подкурганного пространства, а основной массив насыпи “уйти” в обрыв водохранилища, то, естественно, в этом случае разрезы погребальных сооружений не могут отразить особенностей строения насыпи или заметного нивелировочного возвышения над ком-

плексами. Таким образом, следует допустить возможность соотношения погребений с классическим курганным типом захоронений.

Погребение частично разрушено береговой осыпью (рис. 4, 2). Оно было совершено в могильной яме прямоугольной в плане формы, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. Длина сохранившейся части ямы – 1.6 м, ширина – 1.15, глубина от современной поверхности – 1.3. Внешних признаков на поверхности захоронение не имело. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток. Кости рук слегка согнуты в локтях, кисти направлены в сторону тазовых костей. Череп и нижняя часть скелета утрачены (в отчете сообщается, что местные жители частично раскопали заполнение ямы, раскидали длинные кости, унесли череп, разбили и разбросали черепки сосуда). Под костяком прослежены остатки подстилки коричневого цвета, над костяком располагались тонкие продольные дощечки перекрытия.

У северной стенки могильной ямы обнаружены фрагменты лепного сероглиняного сосуда со слабо-выпуклыми боками, отогнутым наружу венчиком, один участок которого украшен ногтевыми вдавлениями (рис. 4, 3). Высота сосуда – 20.4 см, диаметр дна – 10.6, диаметр венчика – 12.8. Тесто сосуда в изломе темно-серое, с незначительной примесью песка, рыхловатое. Внутренняя и внешняя поверхности имеют следы закопченности.

У правого плеча скелета находилась плохо сохранившаяся серебряная височная подвеска (рис. 4, 5). Она была изготовлена из круглого в сечении проволочного кольца, с насаженной на него биконической, полый внутри нанизкой, украшенной в широкой средней части валиком. На поверхности нанизки имелись остатки лучеобразных выступов-шипов. Диаметр кольца – 5.3 см, сечение проволоки – 0.4. Фрагмент второй серебряной подвески был найден в юго-восточном углу могилы (рис. 4, 4). Диаметр кольца – 5.6 см, сечение проволоки – 0.3. На большое кольцо плотно насажено еще одно небольшое колечко. У восточной стенки могилы обнаружено несколько кусков мела (размеры большого куска мела 7 × 5.5 × 2.5 см) (Мамонтов, 1988. С. 38, 39; Круглов, 1990. С. 60, 61. Рис. 4).

№ 6. *Одиночный курган у пос. им. Ленина в Котельниковском р-не. Погр. 6.* Курган диаметром 27 м, высотой 0.45 располагался на левом берегу Курмоярского Аксая. Погребение впущено в курган эпохи бронзы (рис. 5). Яма имела прямоугольную в плане форму со скругленными углами. Северо-восточный угол ямы подрезан погребением XX в. Могильная яма ориентирована длинной осью по линии З–В. Длина ямы – 2.2 м, ширина в западной и центральной частях – 1.7, в восточной – 1.5. Вдоль

северной стенки ямы зафиксирована продольная ступенька шириной до 0.45 м, высотой до 0.38.

В заполнении могильной ямы к северу от погребенной обнаружены кости черепа, передних и задних конечностей, шейный и хвостовой позвонки лошади. Череп молодого жеребца располагался у западной стенки могильной ямы, покоился на правой стороне. Под черепом к западу и востоку от него выявлен полный набор костей передних конечностей в сочленениях, за исключением лопаток и плечевых костей. В северо-восточной части могильной ямы, частично над ступенькой – задние конечности лошади. К востоку от скопления костей задних конечностей – хвостовой позвонок лошади. В заполнении над скоплением задних конечностей лошади – фрагмент бедренной кости крупного рогатого скота (медиальный мыщелок).

Рядом с останками лошади найдены следующие предметы. В заполнении ямы среди костей лошади – штампованные бляшки двух видов, изготовленные из тонких бронзовых пластин с загнутыми краями, крепившиеся на сбрую (положение бляшек повторяет расположение ремней). Один вид бляшек – прямоугольные, длиной 2.15 см, шириной 1.7 (рис. 6, 1д–к). Их щиток украшен неглубокими параллельными продольными бороздками, расположенными вдоль длинных сторон бляшек. Крепились они на ремне с помощью двух крючочков, изготовленных из проволоки диаметром 0.1 см, припаянной снизу бляшки. Концы проволоки загнуты в петельки, которые, вероятно, загибались на обратной стороне ремня. Собрано целыми и во фрагментах не менее 50 бляшек. Другой вид – округлые бляшки диаметром 3 см (рис. 6, 1а–г). Они крепились тем же способом, что и прямоугольные, но при помощи двух перекрещивающихся проволочек, концы которых загнуты в петельки. В центральной части, по месту напайки, проволочка была расплюснута. Верхняя часть щитка украшена концентрической бороздкой диаметром 2.4 см. Всего собрано целыми и во фрагментах семь бляшек. Прямоугольные бляшки крепились на длинных ремнях сбруи, а округлые – в месте перекрещивания ремней.

В центральной части ямы, на уровне ступеньки, у передних конечностей лошади обнаружены костяные пластины, поверхность которых украшена циркульным орнаментом (рис. 6, 4). Вероятно, это накладки, оформлявшие переднюю луку седла. В центральной части ямы, в заполнении, над ступенькой найдено железное арочное стремя со слегка изогнутой плоской широкой подножкой шириной 4.5 см (рис. 6, 6). Второе стремя (рис. 6, 7) – округлое с узкой подножкой шириной 3 см – располагалось в 0.35 м к юго-востоку от первого. В восточной части ямы у задних конечностей лошади, над ступенькой обнаружена круглая железная пряжка

диаметром 5.6 см с подвижным язычком (рис. 6, 2). Под резцовой частью нижней челюсти лошади – железные двусоставные кольчатые удила (рис. 6, 3). На одном из внешних колец удила сохранилось фрагментированное железное поводное кольцо диаметром 4.4 см.

На дне ямы выявлен скелет женщины 55–60 лет, уложенной вытянуто на спине, ориентированной черепом и позвоночным столбом на восток (рис. 5, 2). Черепная коробка носит на себе следы непреднамеренной деформации типа “бешик”. Руки вытянуты вдоль туловища, правая немного отведена вправо и слегка согнута в локте. Кости кисти левой руки отсутствуют. Ноги вытянуты, слегка согнуты и разведены в коленных суставах и сведены в стопах пяточными костями. Вокруг погребенной, в заполнении и на дне ямы, – мелкие вкрапления древесного угля.

Рядом со скелетом человека обнаружены следующие находки. Слева у черепа на дне могильной ямы – крестец и поясничные позвонки малого рогатого скота в сочленении (рис. 5, 2). Справа от черепа – две серебряные височные подвески (рис. 6, 8, 9). Они представляют собой кольца диаметром 6.3 см с несомкнутыми концами из округлой в сечении проволоки толщиной до 0.5. На кольца надеты полые биконические украшения, половинки которых свернуты из тонких серебряных листов. Наибольший диаметр нанизок – 3.2 см. Они украшены восемью коническими шипами, по четыре на каждой половинке. На вершине каждого целого шипа напаян серебряный шарик диаметром 0.35 см. Высота шипов – 1.7 см, диаметр у основания – 1.2, у вершины, где припаян шарик, – 0.3. Противоположные концы нанизок, в месте крепления их на кольцах, были оплетены напаянной в семь оборотов серебряной крученой проволочкой. По месту соединения двух половинок-конусов напаяна такая же проволочка, с помощью которой крепились половинки украшений между собой. Основания и концы шипов усилены проволочными поясками.

На левом крыле таза погребенной обнаружен кусок светло-серого минерала подпрямоугольной формы размерами 5 × 6.5 см и толщиной 2 (рис. 5, 2; 6, 5) (Кривошеев, 2006; 2008.)

Актуальность проблемы этнического и хронологического определения позднекочевнических комплексов с подвесками IV и V типов очевидна. Основная сложность в решении этой проблемы заключается в разнотипности комплексов. В настоящее время широко используется типологическая схема, разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966), основанная на сочетании двух основных признаков: ориентировка погребенного и особенности сопутствующего погребения лошади. Клас-

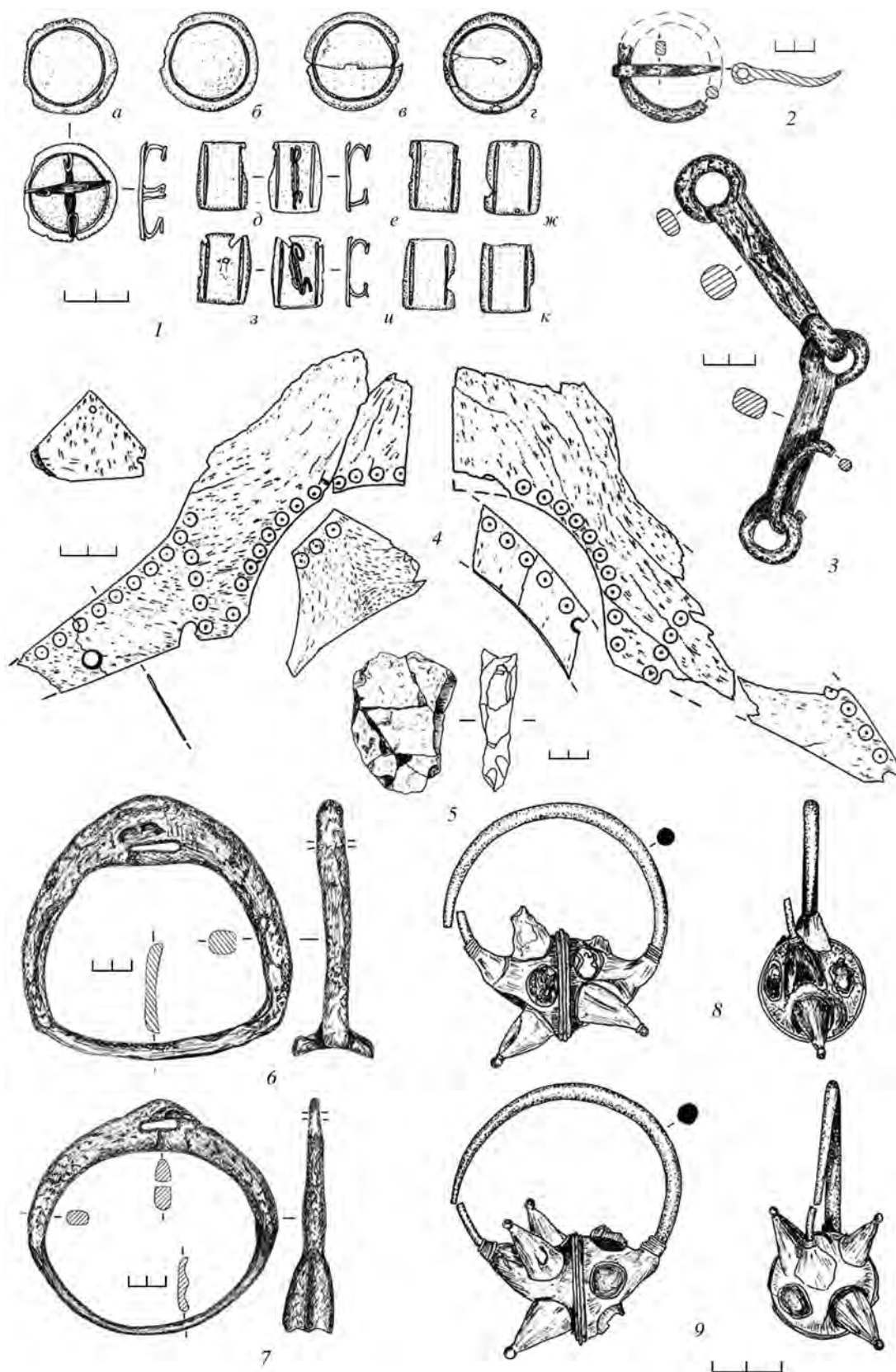

Рис. 6. Инвентарь погр. 6 кургана у пос. им. Ленина. 1 – сбруйные бронзовые бляшки; 2 – железная пряжка; 3 – удила; 4 – костяные накладки луки седла; 5 – кусок светло-серого минерала; 6, 7 – стремяна; 8, 9 – серебряные подвески.

сическая процедура этнохронологической атрибуции погребального комплекса предполагает, что особенности обряда отражают этническую принадлежность, а типологические особенности инвентаря рассматриваются как хронологический маркер. Исследователи не раз акцентировали внимание на трудностях в атрибуции и датировке поздnekочевнических памятников (Добролюбский, 1984; Нарожный, 2003. С. 212, 213).

Нижеволжские комплексы с подвесками, без всякого сомнения, можно отнести к единому хронологическому горизонту. Данный тезис обоснован, прежде всего, типологическим и технологическим единством височных подвесок. По датировкам этого горизонта в Нижнем Поволжье могут быть намечены, по крайней мере, два варианта: XI – начало XIII в. (Круглов, 1990. С. 62, 63; 2001. С. 7); золотоордынский период (Федоров-Давыдов, 1966. С. 115, 152, 153; Нарожный, 2000. С. 145). В первом случае погребальные комплексы с подвесками соотносены с автохтонным населением “саксинов”, отличающихся от половецких племен, во втором – с черными клобуками.

Совершенно очевидно, что хронологический горизонт, маркирующий подвески, должен иметь достаточно узкие временные границы. Этот вывод также следует из типологического и технологического единообразия нижеволжских подвесок. При этом комплексы разнотипны с точки зрения традиционной типологии, основанной на ориентировке погребенного и особенностях сопутствующего погребения лошади. Примечательно, что четыре нижеволжских комплекса, типологически идентифицируемые, представлены четырьмя различными типами погребений. Дорофеевский комплекс относится к типу Б IV (по Г.А. Федорову-Давыдову), погр. 1 в Ложках II – к типу В I, барановский комплекс – к типу Б X, погребение у пос. им. Ленина – к типу Г III. Подобное типологическое разнообразие может свидетельствовать о том, что население, оставившее такие комплексы, представлено не монолитной группой кочевников, а этнически неоднородной, перемешанной. Такая характеристика в большей мере соответствует племенам черноклобуцкого объединения, сложившегося в XII в. в Поросье. Черные клобуки – наименование надэтническое. В этот конгломерат входили торки, печенеги, берендеи, возможно, половцы. Это локальная и этнически неоднородная кочевническая группа. В этой связи предпочтительно мнение Г.А. Федорова-Давыдова, согласно которому в золотоордынский период происходит перемещение части поросских кочевников в Поволжье (1966. С. 152, 153).

Топография нижеволжских комплексов также создает впечатление того, что они были оставлены группами кочевников, инкорпорированных в чуж-

дую среду. Дело в том, что все нижеволжские комплексы представлены впускными погребениями. При этом они единичны, комплексы не образуют могильных групп и разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Подобный характер погребальных памятников характерен для групп кочевников, которые не имели четко обозначенной территории кочевания, устоявшихся маршрутов перекочевков. Такой группой могли быть как раз перемещенные в Поволжье поросские кочевники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. К вопросу о датировке предметов из разрушенного поздnekочевнического погребения из станицы Староминской // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
- Горбенко А.А., Коренько В.А., Максименко В.Е. Поздnekочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка // СА. 1975. № 1.
- Добролюбский А.О. К проблеме этнической атрибуции и датировке погребений средневековых кочевников в причерноморских степях // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Киев, 1984.
- Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
- Добролюбский А.О. Черные клобуки в Поднестровье и в Побужье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. I. Запорожье, 1990.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт) (Полное собрание русских летописей; Т. 2).
- Кравченко А.А. Кочевническое погребение XII в. у с. Флориновское // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Кривошеев М.В. Отчет о проведении археологических разведок в зоне строительства волоконно-оптических линий передач в Камышинском, Дубовском, Среднеахтубинском, Быковском, Николаевском р-нах и спасательных раскопках одиночного кургана в Котельниковском р-не Волгоградской обл. в 2006 г. // Архив НИС Волгоградского гос. ун-та.
- Кривошеев М.В. Спасательные раскопки одиночного кургана в Котельниковском р-не Волгоградской обл. в 2006 г. // АО–2006. 2008.
- Круглов Е.В. Новые памятники средневековья в Нижнем Поволжье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 1990.
- Круглов Е.В. Поволжье в половецкое время, XI–XIII вв. // Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды: Каталог. Волгоград, 2001.
- Лагоцкий К.С., Шилов В.П. Исследования Волго-Донской экспедиции // АО–1976. 1977.

- Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции ВГПИ в 1988 г. // Архив Волгоградского обл. краеведческого музея. № 56.
- Минаева Т.М.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению истории Ставропольского края. Т. II. Ставрополь, 1964.
- Минаева Т.М.* Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь. 1965.
- Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.
- Нарожный Е.И.* Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.
- Нарожный Е.И.* Половцы или черные клобуки? (По поводу критических замечаний И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003.
- Пахимер Г.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Т. 1: Царствование Михаила Палеолога (1255–1282). Рязань, 2004.
- Плано Карпини И. (де)* История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
- Плетнева С.А.* Древности Черных Клобуков. М., 1973 (САИ. Е1-19).
- Плетнева С.А.* Кочевники восточноевропейских степей в X–XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века: Учебное пособие. Воронеж, 2003.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сергацков И.В.* Отчет об археологических исследованиях Иловлинского отряда экспедиции Волгоградского госуниверситета в Камышинском р-не в 1987 г. // Архив НИС Волгоградского гос. ун-та. № 45.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. V: Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб, 1897.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Шилов В.П., Лагоцкий К.С.* Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1976 г. // Архив Волгоградского обл. краеведческого музея.
- Otchir-Goriaeva M., Augustin S.* Eine archäologische Kollektion von der unteren Wolga (Kalmykische Steppe) in der Sammlung des Völkerkundemuseums Herrnhut // Prähistorische Zeitschrift. 2002. Bd. 77. H. 2.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОССУАРИЯ С ГОРОДИЩА ДУРМЕН В ЦЕНТРАЛЬНОМ СОГДЕ

© 2013 г. О.А. Мягкова

Государственный музей Востока, Москва
(olga.a.myagkova@mail.ru)

Ключевые слова: Согд, городище Дурмен, оссуарий, реставрация, реконструкция.

The fragments of several ossuaries from one and the same mould that were found at Durmen Tepe allowed conducting a full-scale restoration and reconstruction of the object. The restorer worked in close contact with the scientists and used a graphic drawing that showed the exact measurements. The original ceramic pieces were included into the plaster casts of the walls and lid, thus helping create a real and unique museum specimen out of the isolated relief fragments.

За три сезона 1987–1989 гг. раскопок экспедиции Государственного музея искусства народов Востока на городище Дурмен-тепе близ Самарканда найдено более 50 осколков керамики с деталями рельефной композиции. Фрагменты были разными по цвету глины, толщине, покрытые ангобом и без него. После изучения материала стало понятно, что обнаруженные на разных участках городища фрагменты принадлежат разным оссуариям, но оттиснуты в одной матрице и качество оттисков различается от очень четкого и высокого до полустертого и плохо читаемого (рис. 1, 1). Экспедиционным художником под руководством начальника отряда А.И. Наймарка выполнена прорисовка рельефного изображения отдельных фрагментов, из которых затем смонтирована вся композиция. Графическая реконструкция представляет собой прямоугольник (48.8 × 26.8 см), окантованный по периметру растительной гирляндой, а по нижнему срезу еще и фризом из пятилепестковых розеток. Основу композиции составляет помещенное во внутреннее поле изображение четырех фигур в полный рост, стоящих меж колонн под арками. Своды арок опираются на три колонны в центре и две полуколонны по краям. Над колоннами между оснований арок помещены изображения птиц: по центру – три птицы с распахнутыми крыльями, по краям – две сидящие на арках в профиль. В центре основной композиции – две мужские фигуры, по краям – женские. В руках “герои” держат различные предметы: светильник, фигурку слона, ветвь растения, лопатку. По мнению А.И. Наймарка и Т.К. Мкртычева, на рельефе изображены согдийские божества с характеризующими их атрибутами, а сам штамп

изготовлен согдийским художником высокого уровня по образцам византийских металлических ларцов. Атрибуция персонажей в задачу реставрации и данной публикации не входит.

При поступлении в реставрацию все найденные фрагменты в той или иной степени были покрыты солеизвестковыми образованиями, часть находок грубо склеена в полевых условиях без предварительной расчистки, с потеками клея по поверхности. В первоначальную программу реставрации были включены демонтаж, удаление солеизвестковых образований, следов клея, загрязнения. Следующий этап – склейка фрагментов после расчистки и восполнение возможных утрат.

Методика была обычной для такого рода реставрации. Все ранее склеенные фрагменты были демонтированы и очищены от следов клея с помощью ацетоновых компрессов, а затем и от солеизвестковых образований в растворе лимонной кислоты. После промывки и просушки в естественных условиях была проведена склейка раствором ПВБ в этиловом спирте с предварительной пропиткой швов. Мастиковка швов и восполнение мелких утрат выполнено массой из толченой керамики на основе ПВБ. В результате получены крупный фрагмент центральной части композиции, склеенный из шести осколков, и несколько более мелких ключевых фрагментов (рис. 1, 2).

После проведения указанных работ Реставрационным советом музея рекомендовано реконструировать всю композицию в гипсе, руководствуясь прорисовкой, выполненной на основании точных промеров художником экспедиции (рис. 1, 3). Для

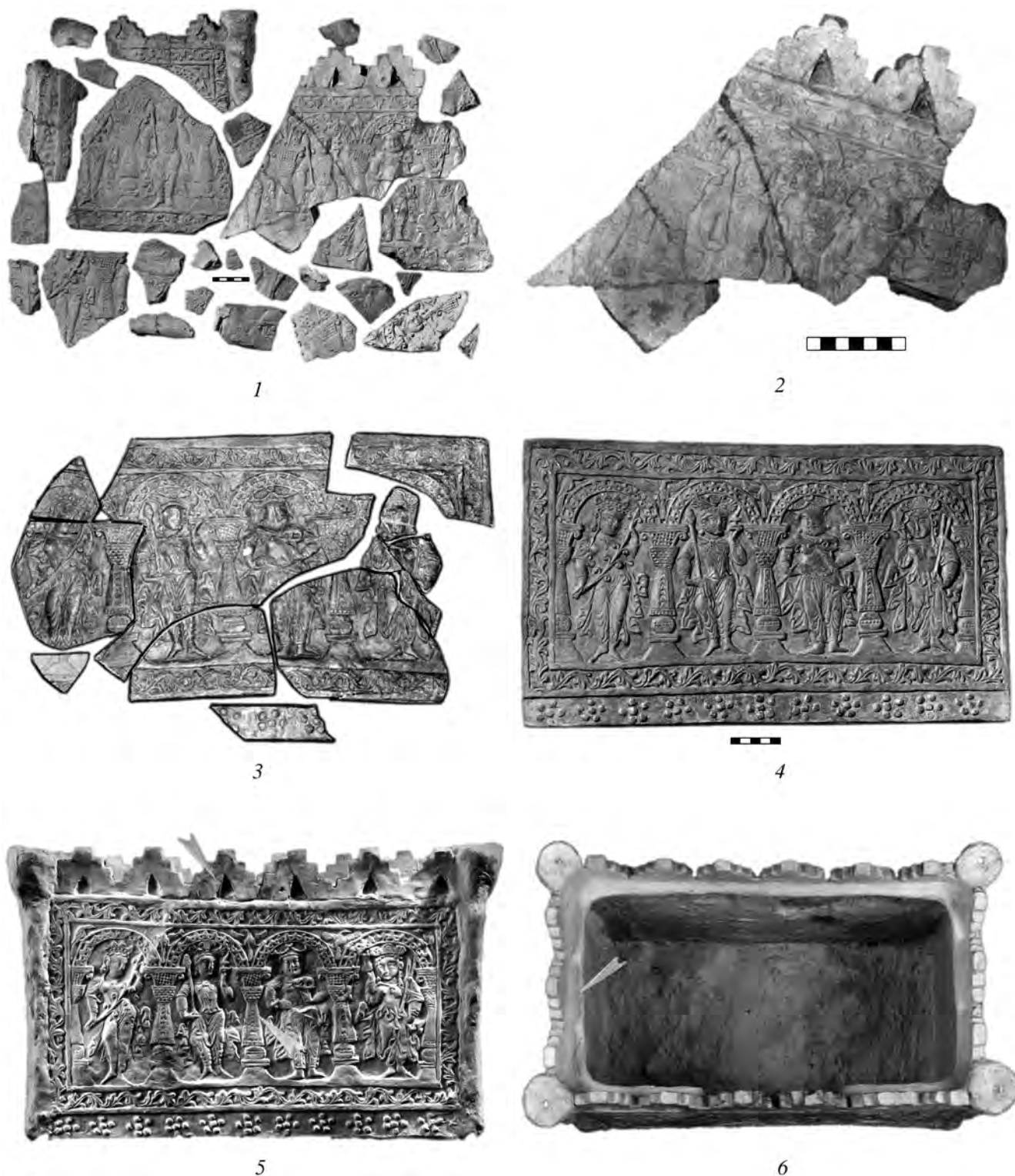

Рис. 1. Процесс реконструкции. 1 – фрагменты керамики с сюжетным изображением – исходный материал для реконструкции плиты; 2 – самый крупный фрагмент стенки с зубцами; 3 – схема реконструкции стенки, недостающие участки рельефа восполнены по аналогиям имеющихся фрагментов; 4 – законченная реконструкция стенки; 5 – стенка оссуария с подлинным фрагментом керамики; 6 – вид ящика оссуария изнутри, стрелкой указан оригинальный фрагмент керамики; 7 – торцевая стенка оссуария, гипс; 8 – вторая стенка оссуария, стрелками указаны оригинальные фрагменты керамики; 9 – угол крышки, склеенный из фрагментов; 10 – угол крышки со скульптурной головкой; 11 – угол крышки с фрагментом рельефа, вылепленным из пластилина; 12 – крышка с гипсовыми восполнениями; 13 – крышка с затонированной поверхностью, стрелками указаны фрагменты оригинальной керамики.

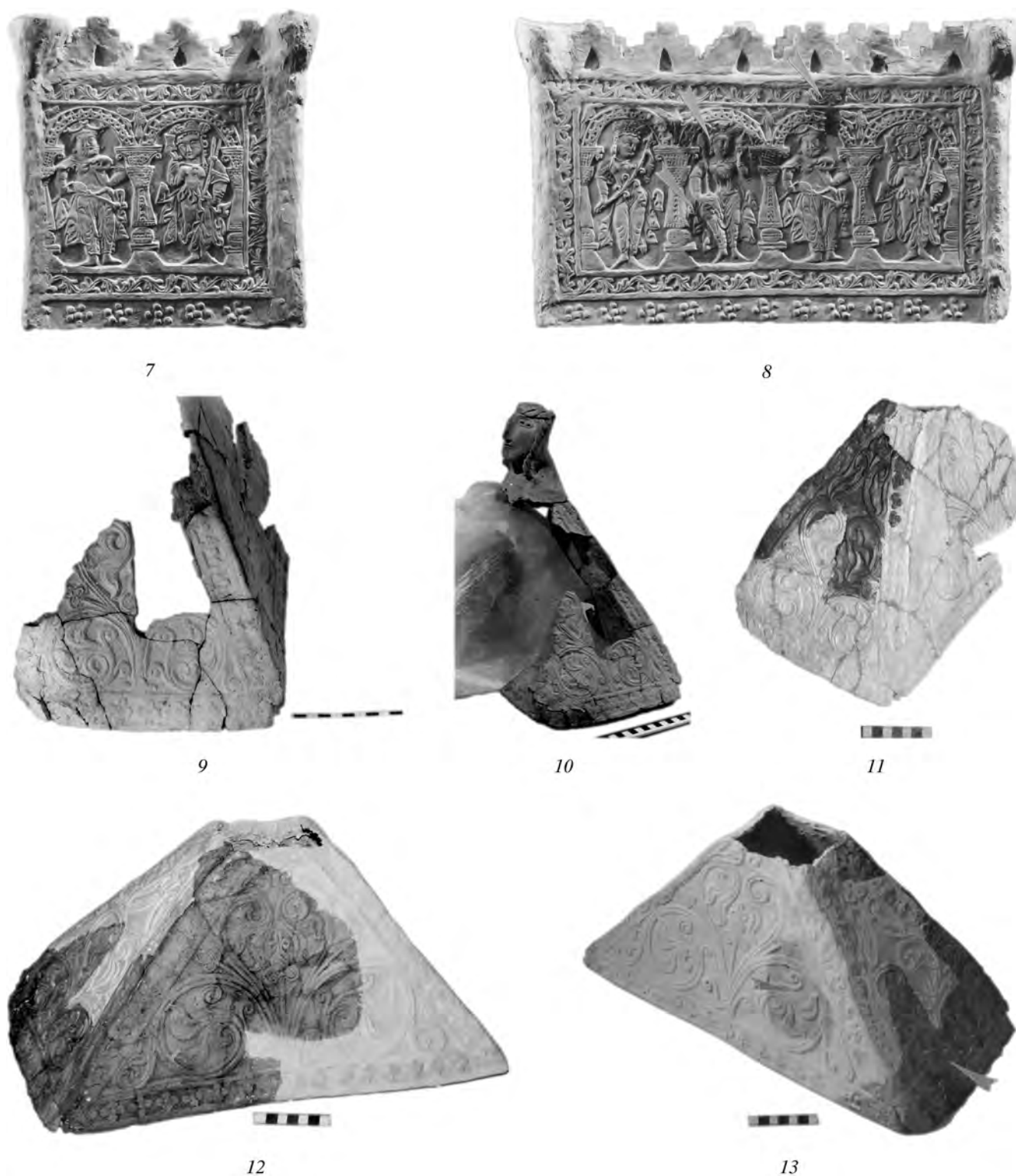

Рис. 1 (окончание)

реконструкции отобраны фрагменты с четким высоким рельефом, с которых сделаны слепки с помощью восковых пластин и гипса. Методика воссоздания композиции в полном объеме разрабатывалась непосредственно во время работы. Реконструкция

композиции стенки оссуария была начата с “притачивания” к слепку, снятому с самого крупного фрагмента более мелких фрагментов левой части, а затем – правой. Гипсовые отливки подгонялись друг к другу с помощью скальпеля и надфилей, пустоты

заполнялись гипсом. Рельеф фрагментов правой части композиции оказался по сохранности хуже, чем рельеф остальной части плиты, поэтому на гипсовой отливке рельеф углублялся при помощи различных стамесок, скальпелей и надфилей до общего уровня. После реконструкции сюжетной композиции аналогичным способом был восстановлен растительный бордюр. Недостающие фрагменты композиции (части арок, колонн, птиц) вырезались на гипсе по аналогии с имеющимися, по предварительно нанесенному карандашному рисунку. После окончания работы над лицевой частью плиты ее обратная сторона была проклеена марлей в качестве армирующего материала и залита гипсовым раствором до получения необходимой толщины. Торцевые части плиты обработаны абразивными инструментами. Завершающий этап – тонировка плиты гуашью (рис. 1, 4).

Доктор истор. наук А.М. Лесков, возглавлявший на тот момент Отдел истории материальной культуры и древнего искусства, предложил использовать реконструкцию стенки для воссоздания оссуария целиком с включением в гипсовую модель оригинальных фрагментов. Главным аргументом такого предложения было то, что в результате музей получал не просто гипсовую копию и набор подлинных разрозненных фрагментов, а уникальный экспонат, дающий представление не только о данном типе погребального сосуда, но и о мастерстве согдийского художника. Это решение было принято очень непросто: членами Совета дискутировался вопрос об этичности включения подлинных фрагментов в гипсовую модель. После окончания работы уже прошло довольно много времени, и сейчас можно с уверенностью говорить о правомерности такого подхода. Это придало реконструкции подлинность музейного предмета (при соблюдении условия обязательной изоляции подлинных фрагментов от гипса путем пропитки торцевых сколов клеевым составом).

Надо отдать должное опыту и дальновидности А.М. Лескова, настоявшего на данном варианте и много сделавшего для того, чтобы эта работа могла быть выполнена. В тот исторический период общего дефицита (1991–1995 гг.) были затруднения и с качественным слепочным материалом, отсутствие которого остановило работу на некоторое время. Воск, использовавшийся ранее при реконструкции стенки, давал слегка оплывшие отливки из-за повышения температуры при застывании гипса, работа же с уникальным памятником требовала качественного рабочего материала. Дефицитный силикон, необходимый для работы, удалось раздобыть в Швейцарии благодаря стараниям А.М. Лескова.

В результате общих усилий реконструкция оссуария могла быть продолжена.

Говоря о форме самого предмета, надо отметить, что по аналогии с византийскими металлическими ларцами он имел форму прямоугольного ящика, на длинных стенках которого помещалась сюжетная композиция в полном объеме и, соответственно, ее половина – на торцевых сторонах, поэтому эта часть конструкции вопросов не вызывала. Верх ящика по всему периметру был увенчан трехступенчатыми зубцами-мерлонами. При реконструкции оссуария для включения в гипсовые отливки стенок решено использовать только фрагменты со светлым ангобом, которых было больше.

С помощью швейцарского силикона была изготовлена матрица с четким рельефом, в которую затем вкладывались фрагменты керамики с пропитанными ПВБ торцами и заливался гипсовый раствор. Таким образом были отлиты две большие плиты, аналогично изготовлены две плиты с половиной сюжетной композиции для торцевых стенок оссуария (рис. 1, 5, 7, 8). Монтаж оссуария из отлитых плит проведен в деревянном лотке соответствующего размера, в котором стенки соединялись между собой с помощью жидкого раствора гипса и заливки дна, образцом которого послужил фрагмент придонной части. Изнутри по верхнему периметру ящика был сформирован выступ – опора для крышки (рис. 1, 6). По форме, снятой с зубца крупного фрагмента, отлито 16 аналогичных зубцов, которые затем подклеены по всему периметру ящика. Завершением реконструкции была ручная лепка из гипса угловых башенок по образцу фрагмента из красной глины, не включенного в отливки (рис. 1, 5).

В раскопе тепе 19 городища Дурмен в засыпке пола одного из помещений (Шишкина, 2005. С. 760) вместе с мелкими деталями оссуариев были найдены более тонкие фрагменты с элементами растительного орнамента в виде крупных завитков лозы с сильно рассеченными листьями, бутонов, плодов и каймы из четырехлепестковых розеток. Состояние сохранности их не отличалось от состояния сохранности фрагментов ящика оссуария. После демонтажа полевой склейки, удаления загрязнения и солеизвестковых образований фрагменты были вновь склеены, в результате чего получился угол пирамиды с рваными краями (рис. 1, 9). Фриз из четырехлепестковых розеток, почти идентичный (с разницей в один лепесток) фризу, расположенному в придонной части ящика оссуария, позволил предположить их принадлежность друг к другу.

Рис. 2. Оссуарий после реконструкции. 1–3 – крышка: виды спереди, сбоку, сзади; 4 – ящик с крышкой целиком.

Большой археологической удачей была находка лепной, по всей видимости, женской головки с вытянутым лицом, длинным носом с характерным профилем, маленькими плотно сжатыми губами с прической из кос (одна из которых практически утрачена), опущенных вдоль лица и обвитых вокруг головы. Не углубляясь в искусствоведческий анализ, можно предположить портретный характер изображения, хотя отсутствие сравнительного материала не позволяет сделать это с уверенностью. При подборе фрагментов найдено точное место стыковки головки со склеенным фрагментом пирамиды. Стало очевидным назначение конструкции – четырехскатная крыша к ящику-дому с “портретом” хозяйки сверху (рис. 1, 10).

Методика реконструкции крышки была несколько иной, чем реконструкция плиты-стенки. Угол

крышки образован треугольниками, один из которых практически равносторонний, а второй равнобедренный. Воспользовавшись симметричностью орнаментальной композиции каждой из стенок, на прозрачной пленке была выполнена прорисовка орнамента, по которой из пластилина вылеплены недостающие участки рельефа (рис. 1, 11). После этого с каждой из сторон сняты силиконовые матрицы всей поверхности. Дальнейшая работа заключалась в отливке из гипса сначала недостающих частей угла (рис. 1, 12), а затем – отсутствующих сторон с включением в них оставшихся после склейки фрагментов керамики (рис. 1, 13). Стенки отливались поочередно, сразу пристыковываясь к оригинальным фрагментам под нужным углом. Подклейка на место скульптурной головки и мастиковка швов завершили реконструкцию крышки (рис. 2, 1–3). Тонировка ящика оссуария и крышки была выпол-

нена в тон, близкий подлинным фрагментам, включенным в реконструкцию. Своеобразной проверкой проведенной работы стало совмещение крышки и ящика – крышка четко встала на положенное место (рис. 2, 4).

В результате тесного взаимодействия научных сотрудников и реставратора проделана большая работа по научно обоснованной реконструкции уникальной археологической находки (ящик – $52.5 \times 29.5 \times 34$ см; крышка – $48 \times 25.5 \times 35$). Реконструкция оссуария в гипсе с использованием фрагментов подлинной керамики проведена в соответствии с реставрационными принципами обратимости всех процессов. Фонды музея пополнились значительным памятником согдийской пластики (инв. № 623

Кр. IV, 624, Кр. IV). Как полноценный музейный экспонат предмет выдержал проверку выставками и временем: “Триеннале – 1999 г. Реставрация музейных ценностей в России” (Реставрация..., 1999. Кат. № 551), “Мир керамики” в 2000 г. в Государственном музее Востока. В настоящее время готовится включение в экспозицию отдела археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Реставрация музейных ценностей в России. III Триеннале 1999: Каталог выставки. М., 1999.

Шишкина Г.В. Сооружения у стен Исбискета // Центральная Азия: источники, история, культура. Матер. междунар. конф. М., 2005.

НОВЫЕ НАХОДКИ ГЕММ И ИХ ОТТИСКОВ С ГОРОДИЩА СТАРЫЙ ТЕРМЕЗ

© 2013 г. Ш.Р. Пидаев

*Институт искусствознания АН Республики Узбекистан,
Ташкент (shakirdjan@mail.ru)*

Ключевые слова: *Старый Термез, геммы, печати, оттиски, иконография, техника изготовления, хронология.*

The article covers the impressions on pottery and the engraved semi-precious gemstones from Old Termez site in Uzbekistan. The author gives detailed descriptions of the images (anthropomorphic figure of a ruler with attributes of power; sitting figure in possibly religious context, with Buddhist attributes; zoomorphic figures (winged stallion, scorpion, hare, and partridge); floral motif of tulip-shaped flower), and of their symbolism. The article offers analogies and datings and identifies the chronological stages within the period from the 3^d to the 5th cc. on the basis of the iconography and technique of the images. The author advances the hypothesis that most of the engraved gems were of local manufacture, which indicates development of the jewelry craft in Old Termez in the Early Middle Ages.

Широкий размах археологических работ, развернувшихся в последние годы на городище Старый Термез, позволил получить разнообразные и интересные материалы, характеризующие материальную и духовную культуру населения Термеза в различные исторические периоды. Среди полученных здесь материалов особое место занимают геммы-инталии и их оттиски на керамических сосудах. Несмотря на малочисленность находок, они очень содержательны и проливают свет на многие неизвестные стороны института собственности, художественной культуры и религиозных воззрений населения Бактрии–Тохаристана доисламского времени, Термеза, в частности. Геммы – объект настоящего исследования – получены при изучении захоронений на Каратапа и Чингизтепа. Как известно, после того как эти памятники перестали использоваться по прямому назначению, многие из построек были превращены в городские некрополи (Пидаев, Като, 2006. С. 184, 185). Одна гемма найдена в кушанской крепости Таллитагора, расположенной на берегу Сурхандарьи, у головного сооружения канала, снабжавшего водой Тармиту–Термез.

Рассматриваемые геммы имеют антропоморфные и зооморфные изображения; изображения растительного характера редки. По технике изготовления все они относятся к группе гемм-инталий, резанных на различных полудрагоценных камнях. По назначению их можно разделить на типы. К первому типу относятся геммы, вправленные в перстни и кольца, которые служили одновременно

печатью и украшением. Ко второму типу относятся две геммы, так называемые ложные перстни, имеющие в разрезе округлую форму со срезом-зеркалом для изображения. Они имеют довольно большое отверстие для шнура. Геммы этого типа использовались только как печати. К третьему типу относятся геммы-бусины, служившие в качестве украшения и амулета. В пользу такого довода указывают их находки, как правило, вместе с бусинами от ожерелий.

Описание начнем с оттисков на керамике. Они были получены при раскопках монументального буддийского монастырского комплекса, открытого на Северном холме Каратапа.

Оттиск перстня или печати округлой формы размерами 29 × 25 мм был сделан на внутренней стороне венчика хума (рис. 1, 1). В центре щитка – изображение фигуры, стоящей прямо, в длинном покатом кафтане с подтреугольным удлинением подола по бокам. Края кафтана от талии оторочены и переданы в виде рельефной линии. Голова фигуры слегка повернута влево. Черты лица читаются не совсем четко. На голове – крупный головной убор, вокруг – лучистый нимб. Ступни развернуты в стороны, на ногах – сапоги на высокой подошве. В левой, согнутой в локте руке, персонаж держит птицу с высоко поднятой головой и мощной шеей. У птицы крупные ноги, крылья слегка приподняты. По правую руку от персонажа – трезубец с длинным древком, конец которого упирается в каблук левого сапога. Древко трезубца на уровне локтя фи-

1

2

3

4

Рис. 1. Оттиски печатей на хуме (1) и кувшинах (2–4).

гуры повязано лентой, концы которой опускаются в виде двух прямых рельефных линий. На уровне ног с двух сторон изображены также рельефные кольца. В правой, согнутой в локте руке, персонаж держит, видимо, голову человека. Она изображена в профиль: отчетливо читаются нос с горбинкой, выступающий вперед, нижняя челюсть и уши. На

голове – шлем с двумя прямыми обращенными вперед острыми выступами в центре. Слева от фигуры персонажа, под птицей, на уровне полы кафтана изображен предмет с тремя массивными выступами (трилистник).

Несомненно, главный персонаж композиции – мужская фигура. Судя по всему, она представляет

собой идеализированный образ правителя: на это указывают наличие нимба, символа власти и божественности; изображение птицы (по-видимому, орла), символа света, силы, храбрости, победы, могущества, божественности и власти, особенно имперской. Полет орла воспринимался как предзнаменование военного успеха. Видимо, не случайно ювелир, изготовивший печать, которой был сделан оттиск, по велению заказчика изобразил орла со слегка приподнятыми крыльями.

Важный атрибут правителя – трезубец, также символизирующий власть. Он был обязательным атрибутом многих кушанских правителей, которые, однако, изображались держащими трезубец в левой руке в отличие от рассматриваемой композиции. В этом плане оттиск из Старого Термеза имеет сходство с монетами кушанского царя Васудевы, на которых правитель держит трезубец в правой руке. На реверсе монет этого правителя Шива также изображен с трезубцем в правой руке.

Еще одно веское доказательство в пользу предположения о царском происхождении центральной фигуры оттиска – изображение отрубленной головы. Этот образ – символ смерти и бренности жизни, средоточия интеллекта, жизненной энергии и духа, хорошо известен в культовых традициях Евразии (см., например: Литвинский, Седов, 1983. С. 98–100). Среди народов Средней Азии особенно широко практиковался культ, связанный с представлениями об отрубленных головах врагов, выставляемых в храмах. В частности, автор X в. ат-Табари при описании событий, связанных с военными действиями основателя сасанидской династии в Иране Ардашира I Папакана (224–240 гг.), сообщает, что царь отправил отрубленные головы своих врагов в Истахр, в храм Анахиты. Около середины IV в. в этом же храме были развешаны отрубленные головы христиан (Nöldeke, 1879. S. 4. Anm. 2). Возможно, с представлением о культе выставления головы врагов были связаны и находки 48 черепов в одном из основных помещений храма, расположенного в центральной части Большого Чингизтепа в Старом Термезе. Судя по обнаруженным здесь отдельным формам керамики, это событие произошло в V в. В истории Среднего Востока таких примеров немало.

В рассматриваемой композиции, думается, также изображена голова побежденного противника. В пользу этого указывает наличие на голове шлема. По всей вероятности, это делалось, с одной стороны, с целью возвеличивания победителя и устрашения противников, а с другой – с представлением о том, что дух, энергия и власть побежденного отныне переходили к победителю. Однако нельзя исключить

и того, что данная деталь сюжета на печати могла быть связана с объектом почитания, распространенного в буддизме. По мнению М. Таддеи, медитация в связи с мертвыми была широко распространена в изобразительном искусстве Центральной Азии в эпоху поздних кушан (Taddei, 1979. P. 405–408). По представлению буддистов череп способствовал углублению медитации.

Важный символ – присутствующий на рассматриваемом оттиске трилистник, типичная и широко распространенная культовая эмблема на территории Центральной Азии и в Индии. Относительно его символики высказаны различные предположения (см. Roes, 1954. P. 66; Пугаченкова, 1957. С. 150; Борисов, Луконин, 1963. С. 43, 44. Рис. 4). Представляется, что трилистник – графическое изображение числа “три”, одного из наиболее важных чисел не только в символике, но и в мифологии, религии, легендах и сказках у всех народов и во всех культурах во все времена. В данном случае трилистник может быть символом соединения трех величайших разноплановых божеств мировых стихий в Единое (например, древнегреческие Зевс, Посейдон и Гефест; индуистские Брахма, Вишну и Шива). В буддизме трилистник мог символизировать три части священного текста Трипитака.

Последняя деталь сюжета – концентрические рельефы с обеих сторон центральной фигуры на уровне ступней ног. Представляется, что это схематичное изображение колес, тогда фигура на оттиске условно едет на колеснице. Как известно, правитель на колеснице – широко распространенный в искусстве древнего мира образ.

Общий сюжет оттиска не находит прямых аналогий в изобразительном искусстве. Однако по иконографии рассматриваемый персонаж имеет много общего с изображениями кушанских правителей: фигура стоящего прямо правителя в покатом, слегка расширяющемся по бокам кафтане; отдельные атрибуты, в частности, наличие трезубца с развевающимися лентами. Это дает возможность предположить, что изображенный на оттиске также принадлежал роду Кушан. Возможно, это кушанский наместник в Бактрии или, в крайнем случае, правитель самого города Тармиты-Термеза, который во время своего посещения буддийских храмов, расположенных на месте Каратепа, поставил свою печать на керамике, подаренной храму. Большие размеры печати также указывают на то, что ее владелец был богатым человеком с высоким социальным положением, а сюжет композиции – на его возможную приверженность буддизму.

Оттиск перстня на верхней части тулова кувшина с красно-коричневым ангобом (рис. 1, 2) нане-

сен на сосуд до обжига и имеет овальную форму размерами 14 × 18 мм. Поверх ангоба тулово сосуда оформлено полосчатым лощением. Рельеф довольно четкий. Это указывает на то, что резьба на щитке перстня была объемно-выемчатой. На зеркале оттиска – профильное изображение сидящей на тахте фигуры с согнутой спиной. Персонаж повернут влево, на нем головной убор в виде плоского тюрбана, повязанного лентой, концы которой видны за головой. Правая рука согнута в локте и поднята вверх на уровень лица. Пальцы руки растопырены. Ноги согнуты в коленях. На уровне пояса слегка различается валик, который, судя по всему, передает набедренную повязку. За спиной фигуры вдоль контура щитка – изображение дерева с довольно четко выраженными ветвями.

Аналогичное изображение – на оттиске, нанесенном на другом фрагменте того же кувшина, найденного в том же помещении 40 (рис. 1, 3). Данный оттиск по четкости уступает предыдущему изображению. По всей вероятности, это объясняется тем, что сначала был нанесен первый оттиск, а затем второй. Как известно, при нанесении каждого оттиска на печати наслаивается слой налета и в результате мелкие детали теряют первоначальную четкость. Данные изображения имеют прямую аналогию – оттиск на керамике, найденной близ буддийского объекта Дт-25 на Дальверзинтепа (Русанов, 2001. С. 454–458). Их объединяют стиль изображений, форма печати и размеры. Различие лишь в том, что на дальверзинском предмете изображение оттиснуто не полностью, а верхняя его половина и вместе с этим отдельные детали выражены более четко. В частности, на дальверзинском оттиске борода мужчины читается более четко, а на каратепинском она не улавливается. Изображение дерева за спиной человека на оттисках из Каратепа и Дальверзинтепа идентичны. По мнению Д.В. Русанова, это изображение тюльпана (2001. С. 455). Однако такая интерпретация вызывает сомнение. Трудно представить, чтобы небольшой цветок изображали больше, чем человеческую фигуру. В таком случае в общей композиции изображение цветка выходит на первый план, а мужская фигура – на второй. В рассматриваемой композиции оттиска главный персонаж – однозначно мужская фигура, а не дерево и тем более тюльпан.

Известно, что в буддийском изобразительном искусстве широко распространено изображение основных персонажей буддийского пантеона, в том числе Будды, аскетов и других под священным деревом. По предположению Д.В. Русанова, на дальверзинском оттиске изображен аскет Асита (2001. С. 457). Сходство общего сюжета и деталей наво-

дит на мысль о том, что владельцем печати, с которой были оттиснуты каратепинские и дальверзинские изображения, был один и тот же человек. Он мог быть монахом-проповедником или же просто приверженцем буддизма, который при посещении буддийских храмов на Дальверзинтепа и Каратепа сделал оттиск своей печати на керамике, которую обжигали в мастерских в момент посещения. Д.В. Русанов датирует оттиск из Дальверзинтепа ранее IV в. (2001. С. 456). Однако представляется более верной датировка IV в. Эта дата хорошо согласуется с комплексом керамики, характерной для этого времени.

Поза фигуры персонажа на оттисках находит близкие аналогии в буддийском изобразительном искусстве и характерна для буддийской иконографии. В частности, в коллекции Пешаварского музея имеется рельеф с изображением сидящей на небольшой тахте фигуры с руками в позе адорации. Перед фигурой – стоящий Будда и Ваджрапани. По мнению А. Наби Хана, сюжет иллюстрирует момент посещения Буддой аскета Аситы, который впоследствии стал последователем учения Будды (Nabi Khan, 1977. Р. 64. II. 7). Однако Ф. Сехрай этот рельеф трактует несколько иначе: изображение первая встреча Будды с брахманом, когда он в момент поиска ответа на интересующий его вопрос посетил старца в лесу. Брахман в правой приподнятой руке держит лотос (Sehrai, 1982. Р. 34, 35. Pl. 26). В любом случае сюжет пешаварского рельефа и оттисков из Каратепа и Дальверзинтепа однозначно имеет буддийское происхождение. Различие между изображением пешаварского рельефа и оттисками из Старого Термеза – на первом фигура одета, на последних – персонаж лишь в набедренной повязке. Как известно, в буддизме священной считалась смоковница, под которой Будда достиг просветления. Включение этого дерева в рассматриваемый сюжет представляется неслучайным.

По-видимому, в раннем средневековье на базе этого иконографического варианта популярного сюжета получает распространение новый сюжет. Буддийский символ заменяется местным. Мужская фигура заменяется женской, изображенной в той же позе, как и мужская. В вытянутых вперед руках она держит иногда трилистник, иногда ребенка. Изображение дерева исчезает. В глиптике Среднего Востока широко представлены геммы-штампы с фигурой сидящей женщины с младенцем на руках (Борисов, Луконин, 1963. С. 105, 106).

Оттиск крупного штампа прямоугольной формы в верхней части большого кувшина, в месте перехода от горловины к тулову (рис. 1, 4) нанесен на сосуд до обжига, при этом мастер с тыльной сто-

Рис. 2. Геммы с изображениями: 1 – крылатого коня (лазурит); 2 – скорпиона (сердолик); 3 – зайца (сердолик); 4 – птицы (халцедон); 5 – цветка (обсидиан).

роны поддерживал стенку сосуда двумя пальцами, на что указывают следы пальцев на внутренней стороне сосуда. Кувшин покрыт плотным красно-коричневым ангобом и расписан черной краской широкими мазками. Судя по сохранившимся остаткам росписи, сосуд был украшен изображением лепестков лотоса. Поверх ангоба сосуд еще был декорирован сводчатым полосчатым лощением. Во время лощения контуры штампа и буквы были слегка смазаны. Размеры штампа – 23×31 мм. Оттиск печати обрамлен по периметру двумя параллельными рельефными линиями. Размеры наружного обрамления – 22×28 мм. Внутреннее зеркало щитка оформлено надписью, выполненной бактрийским письмом. Надпись прочтению пока не поддается.

Далее рассмотрим собственно геммы. Вставка в перстень выточена из высококачественного лазурита с тщательной полировкой горизонтальных поверхностей. Она имеет округлую форму с наибольшим диаметром 13 мм; диаметр тыльной стороны – 11, толщина – 2.5. На лицевой стороне в центре – изображение крылатого коня, идущего вправо (рис. 2, 1). Резьба объемно-выемчатая, глубокая и штриховая. Туловище коня изображе-

но в профиль, большая голова – в три четверти: глазные впадины выражены, нижняя часть морды показана не совсем четко, пасть открыта. Высокая грива коня передана рельефными косыми линиями. Туловище и ноги коня мощные. Правая передняя нога коня слегка приподнята в колене и вытянута вперед, копыто повернуто назад. Левая передняя нога передана вертикальной линией. Задняя правая нога прямая, копыто вытянуто вперед. Левая задняя нога согнута в колене и откинута назад, копыто не показано. По передней части живота коня проходит довольно широкая лента, живот оформлен рельефными горизонтальными параллельными линиями. В центре спины изображены крылья в виде трех вертикальных линий разной длины. Конец первой, самой длинной загнут вперед в виде крючка. Перед мордой коня – рельефная точка, возможно, это схематичное изображение звезды. В целом, изображение коня довольно статично, хотя очевидна попытка передать его в движении.

Лошадь, в том числе крылатая, – один из самых излюбленных образов в изобразительном искусстве Древнего Востока. Это хорошо известный сложный и многогранный символ, популярный в мифологии,

эпосе, легендах и сказках. Не случайно, видимо, этот образ, выполненный по единому канону, довольно часто встречается как в настенной живописи, на предметах торевтики, так и на геммах. Особенно отчетливо каноничность образа выражена в изобразительном искусстве Средней Азии, сасанидского Ирана и соседних регионов.

Как правило, на геммах кони изображались в профиль, в легком движении и с распахнутыми вверх крыльями. На известных геммах из этих регионов обычно крылатые лошади изображены с двумя крыльями, перед мордой лошади – луна или шестиконечная звезда, символ связи образа с космическими силами и движением небесных светил. Еще одна характерная деталь: копыта крылатой лошади, как правило, четко выражены. Представляется, что это не случайно: считается, что копыта крылатой лошади высекают свет интуиции и вдохновения.

Одни изображения крылатых лошадей на геммах отличаются достаточной четкостью, другие определенной схематичностью. Это, возможно, объясняется, во-первых, размерами щитка перстней, так как малые размеры не позволяли изобразить их более детально, во-вторых, уровнем профессионализма резчиков и в-третьих, хронологической разницей. Изображение крылатой лошади на изучаемой гемме имеет довольно близкое сходство с одной геммой из коллекции Лувра (Gyselen, 1993. Pl. XXXVII, 40. A.25).

Следующий предмет – округлая бусина диаметром 10 мм из сердолика. С одной стороны бусина горизонтально отполирована, образуя как бы овальный в плане щиток диаметром 0.9 мм. На нем – изображение скорпиона (рис. 2, 2), выполненное объемно-выемчатой резьбой и штриховой техникой. Массивные клешни скорпиона вытянуты вперед, туловище крупное, миндалевидной формы. Хвост загнут вверх, конец хвоста не выражен. Вдоль туловища изображены три пары крупных ножек, вытянутых в стороны. Характерные особенности выражены четко. Изображение выполнено профессиональным резчиком довольно реалистично, в движении.

Образ скорпиона широко распространен в искусстве народов мира, в том числе и Средней Азии. По мнению В.И. Сарианиди, этот образ проник на территорию Бактрии и Маргианы в середине II тыс. до н.э. из Юго-Западного Ирана; символизирует плодородие. Однако скорпионы, ведущие ночной образ жизни, могли олицетворять и устрашающие силы природы (Сарианиди, 1977. С. 92). В искусстве последующего времени на территории Средней Азии образ скорпиона не отмечен. Он появился

вновь в эпоху античности (Ильясов, 2005. С. 51) и получил довольно широкое распространение в раннем средневековье (Пугаченкова, 1957. С. 141; Борисов, Луконин, 1963. С. 175–178; Gignoux, Gyselen, 1982. Pl. XVII, XX, XXX, XXXVI, XLII), несмотря на то что в зороастрийской традиции образ относился к сонму “храфстра” (“вредителей”). Дж.Я. Ильясов и Т.К. Мкртычев считают, что появление изображений скорпионов могло быть связано с реликтами дозороастрийского культа Митры в ирано-среднеазиатском регионе (1999. С. 13, 14).

Обычно образ скорпиона причисляется к астральному символу, знакам Зодиака (Берзина, 1998. С. 19). Однако А.Я. Борисов и В.Л. Луконин сомневаются, что изображения скорпионов на геммах были просто символами Зодиака (1963. С. 35). Р. Жислен отмечает, что образ скорпиона на геммах имел положительный характер (Gyselen, 1993. Р. 51). Представляется, что геммы с изображением скорпионов служили амулетами, оберегами, что справедливо отметил и Дж.Я. Ильясов (2005. С. 52, 53). Не случайно данный образ сохранился в изобразительно-прикладном искусстве народов Средней Азии до сегодняшнего дня.

Изображение бегущего зайца (рис. 2, 3) представлено на округлой бусине диаметром 12 мм из сердолика хорошего качества (диаметр отверстия 2 мм), на срезе округлого щитка диаметром 8.5. Резьба выемчатая, штриховая. Заяц показан в профиль вправо. Голова массивная, морда удлиненная. Туловище массивное, шерсть по бокам изображена параллельными линиями. Вытянутые вперед передние лапы переданы тремя линиями, задние – также линиями, вытянутыми вперед. Хвост короткий. Длинные уши – в виде прямой линии, откинутой назад. Изображение обрамлено ободком, от которого внутрь отходят косые прямые линии. С наружной стороны ободок также оформлен косыми прямыми линиями, но они несколько короче, чем внутренние.

Заяц – символ плодovitости, быстроты, ловкости, бдительности и магической силы – хорошо известен в искусстве, мифологии и религии многих народов. Скачущих зайцев люди видели в пятнах на луне. Например, Ал-Бируни, ссылаясь на обрывки из индийских произведений, отмечает, что темная часть луны называется “шашалакша” – “образ зайца” (Бируни, 1995. С. 430, 431). Нередко заяц был спасительным и жертвенным животным: в буддийской легенде заяц прыгнул в огонь, чтобы дать пищу голодному Будде, за что он и занял место на луне. В джатаках повествуется о том, что в одном из перерождений Будда родился в образе зайца (Loewe, 1994. Р. 131–133). У многих народов заяц как бо-

жественное животное был запретной пищей. Образ зайца наиболее часто связывали с лунным существом, так как он символизировал плодородную силу природы, управляющую растительностью и водой.

Полагаем, что на исследуемой гемме изображение зайца, с одной стороны, также связано с лунной, на что указывает то, что он показан скачущим в круглом ободке. В данном случае круг символизировал полную луну, а штрихи вокруг круга – лучи луны. С другой стороны, изображение зайца на бусине позволяет считать, что она служила амулетом. Известно, что плодovitость зайца связывали с удачей и процветанием обладателя подобного амулета, так как лапки животного в реальности имеют контакт с землей – источником жизни.

Образ зайца, распространенный в изобразительном искусстве от Китая до Ближнего Востока, широко представлен и в изобразительном искусстве Бактрии–Тохаристана. Так, изображения зайца известны на одном из дисков Амударьинского клада (Зеймаль, 1979. С. 44–46), на стенках шкатулок из Тахт-и Сангина (Литвинский, 2004. С. 23–37. Рис. 3), на терракотовой плитке из Зартепа (Завьялов, 2008. С. 143. Рис. 68), в настенной живописи Тавки (Рахманов, 2001. С. 105. Рис. 29).

Количество “сасанидских” гемм с изображением зайца не столь значительно. К примеру, в коллекции Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге имеется 10 гемм. Судя по иконографии (зайцы изображены в точечном ободке, с выставленными вперед передними лапами) и технике изготовления (Борисов, Луконин, 1963. С. 191), они очень схожи с изображением зайца, найденном в Каратепа. В коллекции Лувра имеется одна гемма с изображением зайца с выставленными вперед лапами (Gyselen, 1993. P. 107. Pl. XVIII, 30. B.1).

Еще одна находка – массивная печать из халцедона, в сечении имеет кольцообразную форму с овальным срезом-зеркалом в верхней части. Диаметр в сечении – 19 мм, диаметр отверстия – 6, наибольшая толщина сечения – 12. На срезе овального щитка печати размерами 10,5×14 мм – изображение птицы вправо, по всей вероятности, куропатки (рис. 2, 4). Резьба объемно-выемчатая, штриховая. Клюв птицы передан двумя линиями, образующими треугольник. В клюве – ветка в виде длинной прямой линии. Туловище птицы массивное, голова большая. Крылья слегка подняты, как будто она собирается взлететь. Перья переданы косыми параллельными, хвост – прямыми линиями. Каждая из лапок птички изображена тремя наклонными линиями: две параллельные под прямым углом соединяются с третьей. В целом, изображение птицы выглядит довольно реалистично и грациозно. Куро-

патка у многих народов символизировала плодородие, любовь и женскую красоту.

Очень интересна гемма-печать, изготовленная из обсидиана темно-марганцевого цвета (рис. 2, 5). Она в отличие от остальных рассматриваемых гемм найдена на Таллитагора, кушанском памятнике близ Термеза, о чем сказано выше; имеет овальную форму с круглым срезом-зеркалом диаметром 13 мм в верхней части. Нижний срез геммы оформлен округлым рельефом, вписанным в шестигранник. Аналогичными четырьмя рельефными изображениями оформлены боковые стенки геммы. Сквозное отверстие диаметром 4 мм для пропуска шнура просверлено между двумя округлыми рельефами, вписанными в шестигранник так, что на каждой стороне – по два рельефа. Край шестигранных фигур слегка сглажены, по всей вероятности, в результате длительного использования геммы в быту. Наибольший диаметр геммы – 15 мм. Резьба выполнена объемно-выемчатой техникой. В центре круглого среза – изображение тюльпановидного цветка с тонким коротким стеблем. Кончики лепестков цветка слегка отогнуты наружу. Центральные жилки цветка обрамлены слегка выраженным рельефом. От стебля отходит вверх пара узких листьев; под стеблем – пара наклонно поднимающихся вверх распахнутых “крыльев”.

Тюльпановидный цветок – наиболее популярный мотив из числа цветов на геммах. В частности, в упомянутой коллекции Эрмитажа имеется около 30 гемм с изображением тюльпановидных цветков. Однако среди них – лишь один находит довольно близкое сходство с цветком из Таллитагора. Отличие – отсутствие деталей под крыльями (Борисов, Луконин, 1963. С. 165. Рис. 611). Геммы с тюльпановидным цветком есть и в коллекции Лувра, среди которых изображение на одной гемме имеет определенное сходство с рассматриваемым цветком, но наблюдается и отличие: на луврской гемме очертания листьев и крыльев выражены более детально (Gignoux, 1978. Pl. XXII, 6.08). Характерно, что в сасанидской глиптике нередко встречаются геммы с изображением трех тюльпановидных цветков с распахнутыми крыльями под стеблем (Борисов, Луконин, 1963. С. 165; Gignoux, 1978. Pl. XV, 4. III, 4. II6).

Генезис мотива распахнутых крыльев детально рассмотрен Г.А. Пугаченковой. По ее мнению, этот мотив, эмблема Веретрагны, играл роль магического знака и служил оберегом. Появление мотива в изобразительном искусстве было связано с членами царствующей династии: мотив в виде фронтально распахнутых крыльев впервые изображен на монетах сасанидского правителя Пероза (Пугаченкова,

1957. С. 149). Следовательно, гемму из Таллитагора можно датировать V в. Само изображение цветка, техника и стиль резьбы геммы из Таллитагора подтверждают эту датировку. Более поздние их изображения характеризуются схематичностью. К их числу можно отнести две геммы, найденные в Самарканде: на них изображения цветка и крыльев с трудом поддаются определению (Пугаченкова, 1957. С. 141, геммы 60/23).

Рассмотрим вопросы хронологии исследуемых гемм и оттисков. Топография находок и их стратиграфия позволяют разделить изучаемые геммы и оттиски на хронологические периоды. К первому периоду относятся оттиски гемм на керамике. Все они происходят из наземного монастырского комплекса Каратепа. По структуре, форме, цвету ангоба, характеру лощения и аналогиям керамические сосуды, на которых оттиснуты печати, могут быть датированы IV в., и связаны они с последним периодом жизни всего монастырского комплекса. Лишь оттиск печати с изображением героизированного правителя относится к III в. Характерно, что геммы этого хронологического периода представлены, в основном, антропоморфными сюжетами.

Ко второму хронологическому периоду относятся геммы-инталии. Как упомянуто выше, они связаны с погребениями, которые были осуществлены здесь после запустения монастырского комплекса Каратепа и утраты внутривнутренними коридорами оборонительных стен Чингизтепа своего функционального назначения. Как правило, погребенные лежали на надувном песчаном слое толщиной не более 10–15 см, что указывает на то, что период между временем запустения и вторичного использования этих зданий под некрополь был непродолжительным, около двух или трех десятилетий. По мнению автора, запустение этих построек относится к концу IV в. (Пидаев, Като, 2006. С. 184, 185). Следовательно, можно считать, что нижняя дата гемм второго хронологического периода – не ранее начала V в. Однако их верхний хронологический предел в настоящее время трудно определить, так как на памятнике наблюдается поэтапное использование заброшенных зданий под некрополь в течение двух столетий.

К сожалению, весь комплекс погребального инвентаря также не в состоянии прояснить этот вопрос. Основной датирующий материал погребений – монеты. Здесь, в основном, были найдены монеты, чеканенные по образцу драхм сасанидского правителя Пероза, и медные скифатные монеты термезских правителей. По мнению многих ученых, время обращения этих монет – последняя четверть V – VII в. (Göbl, 1967. S. 197, 198; Вайнберг,

1972. С. 149; Зеймаль, 1996. С. 185–208; Ртвеладзе, 2004. С. 72; Пидаев, Баратова, 2006. С. 172–182). В данном случае монеты дают лишь относительную хронологию. Поэтому для определения более точной даты исследуемых гемм логичнее использовать результаты художественно-стилистического анализа и технику резьбы. Все рассматриваемые геммы выполнены объемно-выемчатой и штриховой техникой и имеют изображения зооморфного характера.

Основываясь на технике изготовления, второй хронологический период можно разделить на этапы. К первому этапу относятся геммы, выполненные объемно-выемчатой техникой с единичными штрихами. Это геммы с изображениями крылатого коня и, возможно, куропатки, которые датируются V в. В пользу такой датировки указывают и рассмотренные выше оттиски гемм на керамике, которые выполнены только объемно-выемчатой техникой. На втором этапе отмечается дальнейшая схематизация образов и увеличение штрихов. К этому этапу относится гемма-бусина с изображением зайца, которая может быть датирована VI в. Рассматриваемая коллекция гемм и оттисков в количественном отношении не столь значительна. По мере накопления новых материалов предложенная хронологическая периодизация будет уточняться и дополняться.

Широкое распространение в сфрагистике Средней Азии зооморфных мотивов, возможно, связано с появлением на политической арене региона кочевых народов (хионитов, кидаритов и эфталитов), в культовых верованиях которых были популярны шаманистические представления. По предположению Г.А. Пугаченковой, эти сюжеты могли иметь магическое значение и символизировать их связь с властью над силами природы. Предметы с подобными изображениями, в основном, играли роль талисманов (Пугаченкова, 1957. С. 151). Представляется, что было не столь важно воспроизведение реального образа, важнее было изобразить общий облик и придать ему устрашающий вид.

Рассматриваемая коллекция гемм и оттисков находит довольно близкие параллели как по сюжету, стилистике, так и по технике исполнения среди гемм, происходящих из многих регионов Среднего Востока. Это указывает на тесные культурные связи и общность культовых и эстетических представлений народов, населявших эту огромную территорию. Вместе с этим нужно отметить, что в каждом регионе существовали и свои локальные особенности. К числу особенностей раннесредневековых термезских гемм можно отнести преобладание зооморфных мотивов и единичность антропоморф-

ных; отсутствие гемм с пехлевийским или согдийским письмом, за исключением одной со знаками лигатурного письма.

В сасанидской глиптике антропоморфные изображения занимают одно из ведущих мест наряду с зооморфными и мифическими существами, выполнены они на более высоком художественном уровне. Как известно, подавляющее большинство имперских сасанидских гемм имеет надписи с упоминанием имени и социального положения его владельца. В согдийской глиптике, судя по известным находкам, также нередко встречаются надписи.

Возможно, эти различия вызваны тем, что правобережье Амударьи, в том числе и Термез, входило в состав Сасанидской империи эпизодически и на короткие периоды. Поэтому влияние сасанидской глиптики было менее ощутимым, чем в других регионах Бактрии–Тохаристана. Как известно, правобережье Амударьи в раннем средневековье было частью сначала Эфталитского государства, а затем – Тюркского каганата и граница этих владений проходила по Амударье. Однако игнорировать влияние сасанидской глиптики на развитие сфрагистики в регионе было бы не совсем верным. Малочисленность привозных гемм в Термезе дает основание предположить, что подавляющее большинство найденных здесь гемм местного происхождения.

Таким образом, рассмотренная коллекция гемм и оттисков существенно дополняет представления о позднекушанском и раннесредневековом искусстве Бактрии–Тохаристана и Термеза. Она, в частности, указывает на широкое развитие ювелирного дела в этом древнем городе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берзина С.Я.* Сасанидские анэпиграфные геммы в Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 1998.
- Бируни.* Индия. М., 1995.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.
- Вайнберг Б.И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV–V вв. (в связи с запустением Кара-тепа) // Буддийский культовый центр Кара-тепа в Старом Термезе. М., 1972.
- Завьялов В.А.* Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб, 2008.
- Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
- Зеймаль Е.В.* Монеты из раскопок Кара-тепе (1961–1984 гг.) // Буддийские комплексы Кара-тепа в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. М., 1996.
- Ильясов Дж.Я.* “Скорпион из алтаря” // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005.
- Ильясов Дж.Я., Мкртычев Т.К.* К интерпретации образа скорпиона на сасанидских геммах // Древние геммы и камни Востока. М., 1999.
- Литвинский Б.А.* Бактрийские шкатулки // Древности Востока. М., 2004.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983.
- Пидаев Ш.Р., Баратова Л.С.* К истории денежного обращения раннесредневекового Термеза // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо.* Археологические исследования в буддийском культовом центре Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005 гг. Ташкент, 2006.
- Пугаченкова Г.А.* Материалы по восточной глиптике // Тр. Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. CXI. Ташкент, 1957.
- Рахманов Ш.А.* Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001.
- Ртвеладзе Э.В.* Монетные находки с городища Шуробкурган // Матер. Тохаристанской экспедиции. Вып. 4: Археологические исследования Шуробкургана. Елец, 2004.
- Русанов Д.В.* Оттиск буддийской геммы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. Москва; Магнитогорск, 2001.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Gignoux Ph.* Catalogue des sceaux, camees et bulles Sasanides de la bibliotheque Nationale et du Musee du Louvre, II sceaux et bulles inscrits. Paris, 1978.
- Gignoux Ph., Gyselen R.* Sceaux sassanides de diverses collections privées. Venven, 1982.
- Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I: Katalog. Wiesbaden, 1967.
- Gyselen R.* Catalogue des sceaux, camées et bulles sassanides de la Bibliothèque National et de musée de Louvre. I collection generale. Paris, 1993.
- Loewe M.* Ways to paradise. Taiwan, 1994.
- Nabi Khan A.* Buddhist art and architecture in Pakistan. Islamabad, 1997.
- Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.
- Roes A.* The trepoile as a sacred emblem // Artibus Asiae. V. XVII. № 1. Ascona, 1954.
- Sehrai F.* The Buddha story in the Peshawar museum. Peshavar, 1982.
- Taddei M.* The story of the Buddha and the Skull-Tapper: A Note in Gandharan iconography // Annali di Istituto Orientale di Napoli. 1979. V. 39. Fasc. 3.

КЕРАМИКА И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЖИЛОГО КВАРТАЛА ПАЙКЕНДА VII–VIII вв.

© 2013 г. Н.Ж. Сапаров*, А.И. Торгоев**

* Нукусский государственный педагогический институт им. Аджинияза, Узбекистан

** Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (torgoevasan@mail.ru)

Ключевые слова: Бухарский оазис, городище Пайкент, жилой квартал, периодизация керамики и монет, выделение локального пожара в квартале.

At Paikend (modern Uzbekistan) we have investigated most of the residential quarter of the 7th–8th cc. The quarter was divided into two equal parts by a main wall. The northern part of the large corner house, as well as the neighboring house, revealed evidence of a strong fire, whereas the other houses in the quarter showed none. Analysis of the pottery from the burnt layers and from the rest of the house allowed concluding that the location actually comprised two complexes dating to different periods. The complex that shows traces of fire dates to the middle – third quarter of the 8th c., whereas the other one belongs to the middle of the 7th – beginning of the 8th cc. The dates are confirmed by the distribution of coins in the layers. Contrary to previous assumptions, the fire cannot be interpreted as the one that accompanied the seizure of Paikend by the Arabs in 706, since it was of a local nature.

В последнее десятилетие на городище Пайкент, расположенном в западной части Бухарского оазиса, одной из важнейших тем работ совместной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Института археологии им. Я.Г. Гулямова Республики Узбекистан было изучение раннесредневековой, доисламской жилой застройки города на шахристане I (рис. 1). На одном из жилых кварталов в северной части шахристана была полностью изучена застройка IX – первой половины XI в. и больше чем на половину вскрыты домовладения VI–VIII вв. (рис. 2). Основные работы были проведены в 1998–2006 гг. под общим руководством Г.Л. Семенова. Непосредственное руководство раскопками домовладений кроме авторов статьи в разное время осуществляли Э.Ф. Вульферт (1988, 1989, 2000 гг.), П.Б. Лурье (1999, 2000 гг.) и Н.М. Омаров (1998 г.).

Квартал в плане представляет собой вытянутый по оси З–В прямоугольник размерами 74 × 22 м, ограниченный со всех сторон улицами. По центру квартала практически на всю длину, кроме участка, занятого домом I, была открыта продольная глухая магистральная стена, делящая квартал на две половины: северную и южную. Всего в настоящее время в квартале полностью или частично изучено 10 домов, относящихся к VII–VIII вв. (рис. 3)¹.

Строительство на месте квартала началось с возведения первых стен шахристана I, устройство которых Г.Л. Семенов относил к V–VI вв. (1996. С. 142). Застройка квартала происходила достаточно быстро, и, как показали разрезы улиц, он не менял своих габаритов весь период существования вплоть до XI в., когда Пайкент был окончательно заброшен. Нехватка места для развития домов “вширь” заставляла жителей при ремонтах помещений или перестройках либо поднимать, либо повышать уровень полов. Это обстоятельство хорошо фиксируется в местах, где был достигнут материк: в одном месте на материке обнаружены строения VII–VIII вв., а в другом – хорошо сохранившийся слой более раннего времени VI–VII вв.

Одна из главных задач раскопок – выделение синхронных строительных горизонтов в домах с целью выяснить план квартала на какой-то отдельный короткий временной промежуток.

четях Бухарской археологической экспедиции и введенная в 1999 г. Г.Л. Семеновым. Римскими цифрами обозначается номер дома, арабскими – номер помещения в нем. Дома северной половины имеют после римской цифры индекс «а». Когда эта нумерация была введена, казалось, что дома по обе стороны магистральной стены занимают одинаковые площади, как бы разделяясь на равные по площади квадраты. Однако этот тезис не подтвердился. При готовящейся к печати итоговой публикации раскопок квартала нумерация помещений и соответственно комплексов будет изменена.

¹ Нумерация помещений на планах и в тексте сохраняется полевая, соответствующая нумерации в опубликованных от-

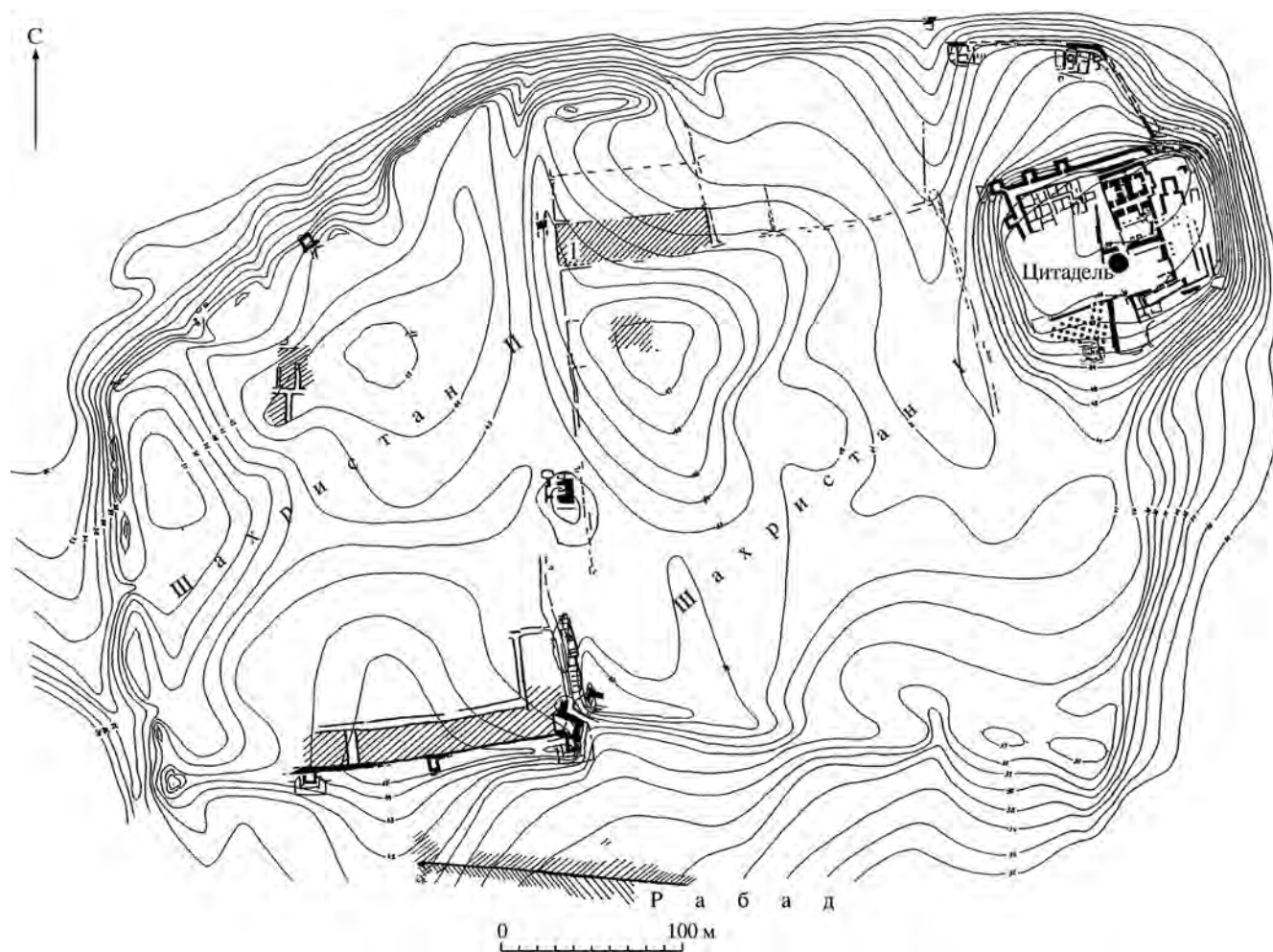

Рис. 1. План городища Пайкенд. 1 – исследуемый квартал на шахристани I. Сечение горизонталей – 1 м.

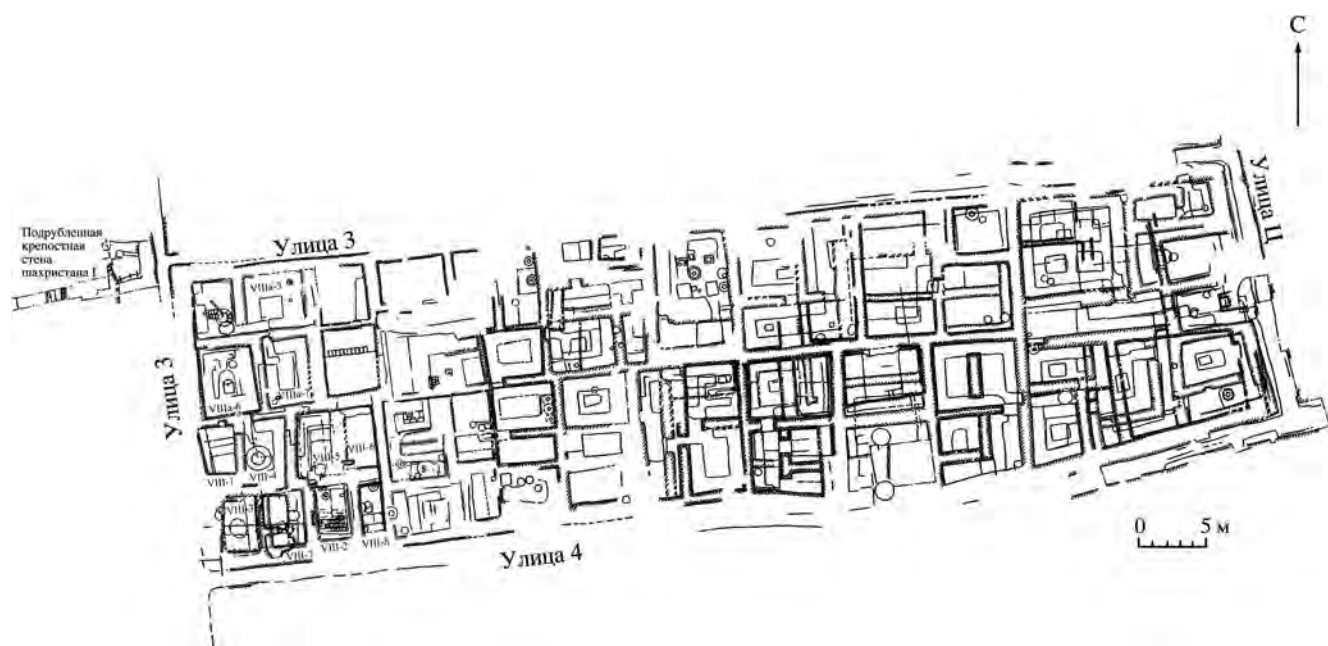

Рис. 2. План квартала на шахристани I.

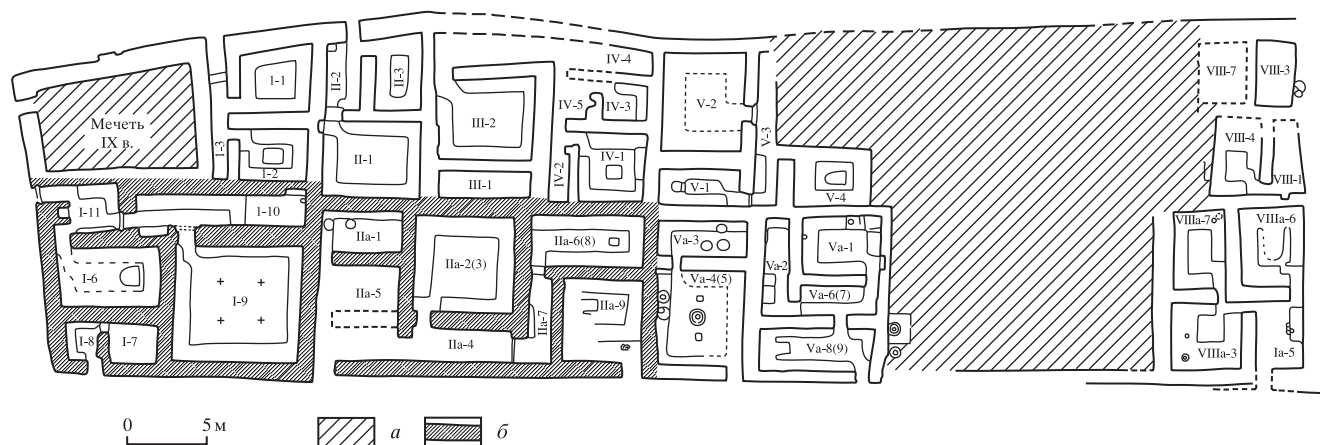

Рис. 3. План квартала по периоду пожара (с элементами реконструкции). Условные обозначения: а – не разобранная застройка IX – начала XI в.; б – стены домов I и IIa, обгоревшие в пожаре.

Выделение домов VII–VIII вв. было сопряжено с рядом трудностей. Не всегда удавалось получить план домовладения по какому-то периоду целиком, так как часто фиксировались случаи, когда полы сооружений X – начала XI в. были заглублены ниже полов более ранних строений, т.е. при их устройстве выкапывались котлованы, при которых сносились остатки и следы раннесредневековой застройки. Подобные случаи, связанные с нехваткой места для строительства внутри крепостных стен, фиксировались и для домов доисламского периода. Практически в каждом домовладении открыты также фундаментные стены саманидского и караханидского времени, часто выстроенные в прорытых в более ранней застройке мощных фундаментных рвах. В связи с этим некоторые элементы плана квартала приходится реконструировать.

Не всегда удавалось также связать помещения переходами, поиску которых всегда уделялось особое внимание. Иногда их найти не получалось вследствие того, что стены, в которых они могли быть, не сохранились. При раскопках квартала выявлены факты того, что помещения, где проходы не сохранились, могли относиться к разным строительным горизонтам: синхронные по времени помещения, входившие явно в одно домовладение, часто находятся не на одном уровне. Кроме того, площадь одного дома для одного строительного периода чаще всего не совпадает с площадью того же дома, зафиксированной для другого периода.

После выделения отдельных домовладений по периодам необходимо было определить критерии для восстановления плана всего квартала. Основной задачей для синхронизации перестроек в разных домовладениях стала разработка хронологии керамических комплексов, найденных вместе с монетами.

Керамика, находящаяся при раскопках, фиксировалась по помещениям, внутри помещений привязка осуществлялась к слоям или конструкциям, внутри которых она находилась. Полученные комплексы интерпретировались в целом согласно методическим рекомендациям, принятым в Пенджикентской археологической экспедиции (Распопова, 1970. С. 95).

Даже несмотря на значительный объем вскрытой площади, получить из какого-либо одного участка домовладения представительные керамические комплексы, необходимые для создания прочной шкалы относительной хронологии керамики, не удавалось. Материал на полах и между ними распределялся неравномерно. На полах некоторых строительных горизонтов лежало по несколько обломков керамики, на некоторых материала не было вообще, а на отдельных полах удавалось собрать и реконструировать достаточные по объему и набору форм комплексы. Эти наблюдения над распределением керамики позволяют с большой осторожностью относиться к шкалам керамики, полученным на материале из шурфов.

Неравномерно материал залегал в слоях и нивелировочных засыпках между полами, чаще всего большие керамические комплексы удавалось получить из слоев свалок и завалов, откладывавшихся после запустения какого-либо участка.

Стратиграфическая последовательность смены хронологически разнящихся комплексов была получена только в нескольких надежных случаях. Чтобы проверить данные, полученные стратиграфическим путем, необходимо тщательно сравнивать комплексы из разных мест квартала между собой. Это дает возможность проследить изменения в формах и наборах посуды.

Всего при тщательном сравнении удалось выявить три крупные группы, на характеристике двух из них ниже и остановимся. Наиболее ранняя группа керамики происходит из мусорных слоев дома VIII, расположенного на юго-западном углу квартала, и рассматриваться в настоящей работе не будет по причине того, что раскопки этого дома продолжаются. По получении полного керамического комплекса, с большим количеством целых форм, керамике из этого дома будет посвящена отдельная работа. Предварительные сообщения и комплексы из помещений VIII-7 и VIII-3 подробно опубликованы (Семенов и др., 2007. С. 42, 43. Рис. 34–50; Торгоев и др., 2008. С. 22. Рис. 62–77).

Надо заметить, что для Западного Согда существует пока только единственная периодизация раннесредневековой керамики, разработанная Ш.Т. Адыловым на материалах из шурфов в Пайкенде (Мухамеджанов и др., 1988. С. 156–163), тогда как для Центрального Согда разработаны подробные шкалы относительной хронологии керамики на обширных материалах из Афрасиаба и Пенджикента, даты которых основаны на монетах. Дробная шкала раннесредневековой керамики разработана и для Южного Согда по материалам Еркургана и памятников Каршинского оазиса (Сулейманов, 2000. С. 181–187).

В восточной части квартала в домовладениях I и II обнаружены следы большого пожара, выраженные сильно обожженными стенами и обгорелыми строительными остатками на полах помещений. Такого же рода подсыпка, представлявшая собой выброс обгорелых строительных конструкций из дома I, была использована при поднятии поверхности улиц после пожара. Отсутствие явных следов запустения после пожара говорит о том, что восстановительные работы начались сразу после него.

Определение времени этого пожара очень важно, так как определив его, можно было бы иметь твердый репер для датировки комплексов артефактов и синхронизации построек. Из слоев пожара происходит относительно небольшой комплекс керамики, представленный целыми керамическими формами и фрагментами, по которым можно реконструировать форму сосуда. Вместе с керамикой в слое периода пожара были найдены и монеты, которые могут помочь в определении времени пожара. Комплекс артефактов крайне важен тем, что он изолирован, закрыт. В нем заведомо не может быть более поздних форм, чем оказавшиеся в домах в момент пожара. Это обстоятельство, как представляется, дает возможность сравнивать этот комплекс с другими, найденными в менее стерильных условиях, и при наличии высокой степени сходства синхронизировать какие-то постройки в разных частях города.

Для характеристики комплекса большую важность приобретает столовая посуда и некоторые типы тарных сосудов. Керамика этого комплекса кроме деления сосудов по функции может быть подразделена на две группы разного происхождения: традиционные для керамики Пайкенда формы, связанные с местным гончарством бухарского Согда; сосуды иной керамической традиции.

К местной, условно говоря “бухарской” гончарной традиции восходят крупные миски с хорошо выраженным изломом у перехода к наклонно поставленному бортику (рис. 4, 11), а также редко встречаемые крышки с отверстием в центре. Генезис этих форм можно выявить при обращении к позднеантичным комплексам типа Кызыл-Кыра (Мухамеджанов и др., 1983. Рис. 8, 23, 24).

Весьма характерны в этом комплексе горшки с шаровидным туловом и венчиком с углублением под крышку и отверстиями под ним (рис. 4, 6). По форме эти сосуды восходят к горшкам с отверстиями под венчиком, известным в керамических комплексах Пайкенда IV–V вв. Но ранние горшки отличаются от поздних более вытянутым туловом и наличием относительно высокой шейки, а также обычно клювовидным в сечении венчиком. Поздние экземпляры шейки не имеют вовсе, венчик их отогнут наружу и всегда с уступом под крышку. В Пенджикенте горшки такого типа встречаются в основном в комплексах первой половины VIII в., а на Афрасиабе – в комплексах рубежа VII–VIII вв. (Ахунбабаев, 1999. Табл. IX, 1).

В рассматриваемом комплексе распространены чаши с коническим корпусом (рис. 4, 12, 13). На цитадели Пенджикента чаши подобного типа характеризуют комплекс IV, который, судя по находкам монет Тургара 2-го типа, относится ко времени около середины VIII в. (Исаков, 1977. Рис. 48, 7–9).

Важный момент – появление фрагментов чаш и кружек с фестончатым венчиком (рис. 4, 7, 8), имеющих безусловные параллели в керамическом комплексе самаркандского Согда и относящихся ко времени не ранее Тали-Барзу VI. В самаркандском Согде чаши и кружки с фестончатым венчиком (III тип по Маршаку) распространяются в конце VII – VIII в. (Маршак, 1961. С. 189. Табл. 7). Согласно данным, приводимым Н.Ф. Саввониدي, чаши с фестончатым верхом известны в Пенджикенте только в комплексах, датированных 40–50-ми годами VIII в., хотя одна лепная кружка с волнистым бортиком известна в комплексе конца VII в. (1992. С. 8, 12). С VIII в. оформление устья кружек и чаш в виде фестонов распространяется практически по всей территории согдийской культуры вплоть до Семиречья и Ферганы (Торгоев, 2003. С. 104).

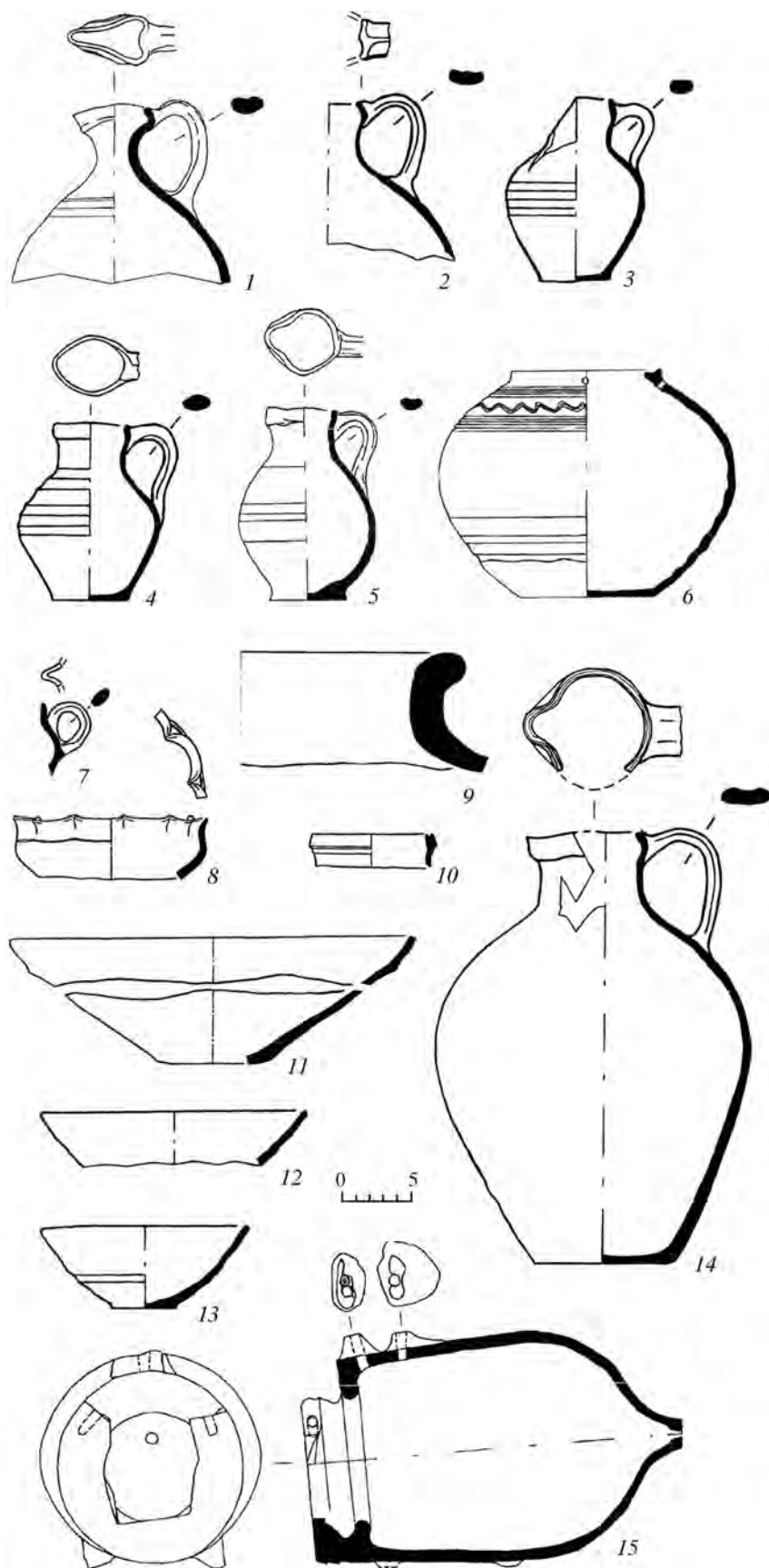

Рис. 4. Основные типы керамики периода пожара.

В комплексе периода пожара выявлены и характерные типы согдийских кружек с округлым плечиком (I типа по Маршаку), имеющие металлические прототипы. На Афрасиабе они появляются в комплексах, твердо датированных монетами концом VII – началом VIII в. (Ахунбабаев, Соколовская, 1996. С. 100–102).

Надо отметить, что в более ранних комплексах Пайкенда кружки не известны. Эта керамическая форма, судя по опубликованным материалам, вообще не характерна для керамики бухарского Согда V–VII вв. Видимо появление небольших чаш с фестончатым венчиком и кружек можно объяснить влиянием вкусов “столичного” Самарканда.

Не характерны для бухарского Согда крупные водоносные кувшины с оттянутым сливом и коленчатой, бобовидной в сечении ручкой (рис. 4, 14). Кувшины такого типа наиболее распространены именно в рассматриваемом комплексе, продолжая бытовать и в саманидское время. В более ранних керамических комплексах Пайкенда использовались кувшины с коротким горлом и клювовидным в сечении венчиком явно местного происхождения: они достаточно многочисленны уже в комплексах IV–V вв. на цитадели Пайкенда. Также в закрытом комплексе из слоев пожара были небольшие кувшинчики со смятым сливом (рис. 4, 3–5) и столовые кувшины эйнохоевидной формы с оттянутым сливом (рис. 4, 1, 2), которые известны по всей территории Согда и соседнего Тохаристана.

В данном комплексе впервые выявлены подчетырехугольные в сечении, профилированные наружу венчики кувшиновидных сосудов с глубокой бороздкой на верхней плоскости (рис. 4, 10). Ассортимент хумов представлен небольшим количеством форм, обычные венчики с профилем в виде запятой (рис. 4, 9). В слое периода пожара на улице Ц была обнаружена керамическая мышеловка (рис. 4, 15) (Сапаров, 2005).

Кратко охарактеризовав комплекс периода пожара, попробуем решить вопрос о времени и масштабах этого пожара.

В первую очередь необходимо попытаться определить время пожара. В заключении отчета 2001 г. Г.Л. Семенов предположительно попытался связать пожар с событиями захвата города арабами в 706 г. (Семенов и др., 2002. С. 81), не настаивая, повторив это предположение в более поздней работе (Семенов, 2003. С. 148). Однако связать пожар напрямую с этим событием мешал факт находки бухархудатской монеты с именем ал-Махди, найденной под полом помещения I-9 (зала), который может дать иную дату, а точнее определить дату *terminus post*

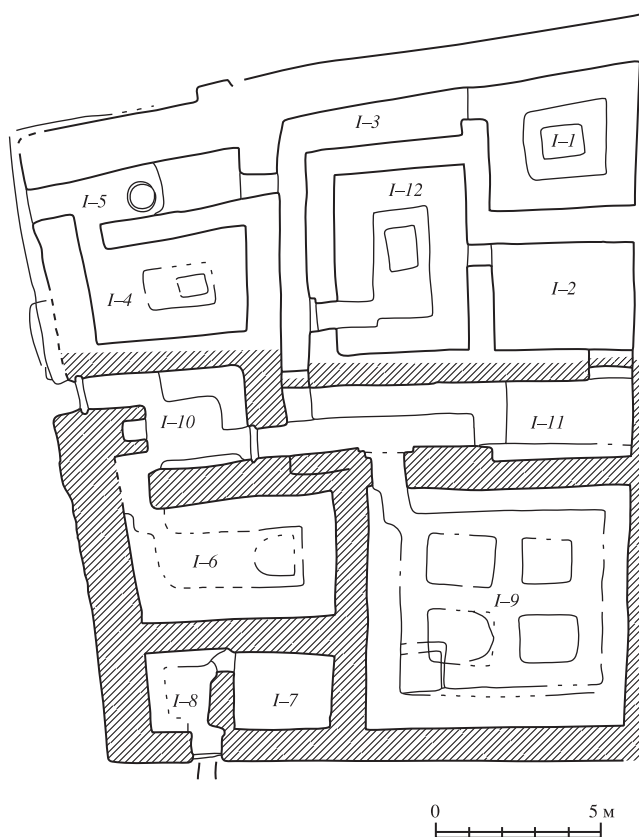

Рис. 5. План дома I. Заштрихованы стены помещений, бывавших в пожаре.

quert не ранее 759 г. Именно в этом году ал-Махди стал наместником Хорасана.

Г.Л. Семенов справедливо считал, что разделение дома на две половины (северную и южную) произошло незадолго до пожара. Он счел возможным объединить керамические комплексы из обеих половин дома I (Semenov, 2006. P. 560–562. Fig. 5; 6). Однако внимательное сравнение комплексов керамики, полученных из несгоревших помещений южной части и помещений северной части, бывавших в пожаре, позволяет внести некоторые коррективы в определение даты пожара, выделив предшествовавший ему керамический комплекс.

Представительный комплекс керамики из южной половины дома получен при раскопках помещений I-4 и I-5 в 2001 г. (Семенов и др., 2002. Рис. 28, 4; 29, 4–6; 30; 31). Эти помещения находились в юго-восточном углу квартала и были обнаружены по снятию остатков небольшой квартальной мечети (?), видимо, IX в. Они были связаны между собой проходом, а в помещении I-5 открыт выход на улицу (рис. 5). Керамика в обоих помещениях концентрировалась на полу, а также в рыхлом песчанистом слое над ним (Семенов и др., 2002. Рис. 32, 1), это

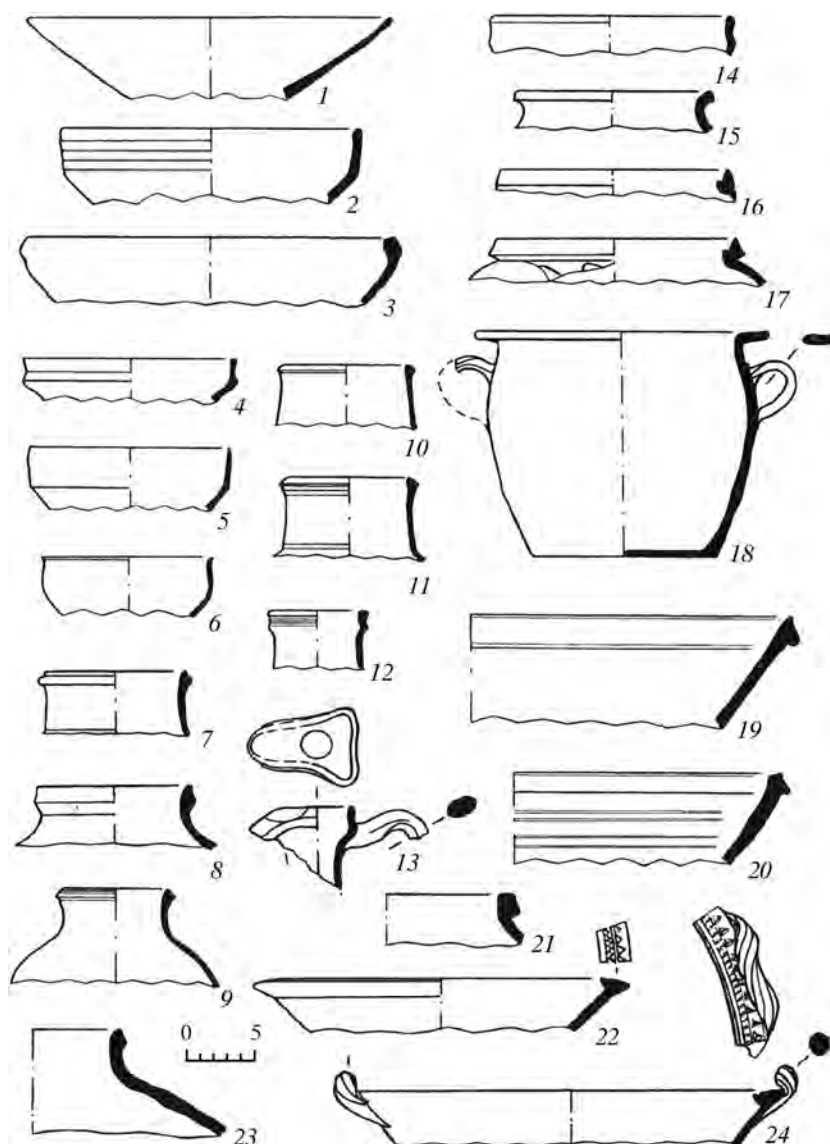

Рис. 6. Основные типы керамики из помещений I-4 и I-5 периода, предшествовавшего пожару.

обстоятельство позволяет считать данный комплекс единым.

В нем встречаются чаши с перегибом бортика (рис. 6, 2, 4, 5) и кувшины с клювовидным в сечении венчиком (рис. 6, 7–9), характерные для комплекса более раннего времени (Сапаров, 2011. С. 49). Также в нем есть столовые тагора, на венчике которых появляется орнамент из полос треугольников, а форма их имеет усеченно-конический абрис (рис. 6, 22, 23). В комплексе периода пожара найден только один небольшой фрагмент сосудов этого типа, который, по всей видимости, попал туда случайно. Столовые тагора более раннего времени имеют тулово уплощенно полусферической формы с отогнутым наружу широким горизонтальным венчиком на площадке которого обычно нанесен вол-

нистый орнамент. Характерно наличие небольших полусферических чаш (рис. 6, 6), отсутствовавших в слое пожара.

В комплексе с нижнего пола помещения I-4 найдено четыре двуручных горшка с баночным туловом, с широким, горизонтально отогнутым наружу венчиком, снабженных двумя ручками (рис. 6, 18). Эти сосуды, судя по этнографическим данным, использовались как молочные кринки. В комплексе периода пожара ни один сосуд этого типа не найден, а у экземпляров из более ранних слоев венчик поставлен наклонно, а тулово имеет усеченно-коническую форму. Хозяйственные тагора комплекса, как и сосуды этого типа более раннего времени, имеют подтреугольный в сечении, профилированный наружу венчик (рис. 6, 19, 20). В северной половине

Рис. 7. Монеты из слоев, предшествовавших пожару.

дома полностью отсутствуют кружки и фрагменты водоносных кувшинов с примытым сливом, что также говорит о том, что рассматриваемый комплекс более ранний, чем комплекс периода пожара.

На полу помещения 5, как и в комплексе из сгоревших помещений, найдены фрагменты венчиков горшков с углублением под крышку (рис. 6, 16, 17), кувшинов с относительно высокой шейкой и подтреугольным в сечении венчиком (рис. 6, 10, 11), горшков с подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 6, 20) и небольших горшков с профилированным наружу венчиком (рис. 6, 15). Небольшие чаши с коническим корпусом не найдены, но есть фрагменты крупных экземпляров (рис. 6, 1) и мисок с подпрямоугольным в сечении венчиком, профилированным внутрь (рис. 6, 3). Аналогии горшкам с венчиком с углублением под крышку известны на Афрасиабе в комплексах с монетами конца VII – начала VIII в. Наличие кувшинов эйнохоевидной формы (рис. 6, 13) не показательно, так как этот тип посуды встречается и в заведомо более ранних слоях.

Таким образом, можно констатировать, что керамический комплекс из помещений южной половины дома по времени оказывается несколько более старшим, чем комплекс периода пожара, и, судя по аналогиям, может датироваться в рамках середины VII – начала VIII в.

Монетные находки также не противоречат тезису о том, что на момент пожара помещения южной половины дома I уже были забутованы. На полах периода пожара обнаружены монеты с квадратным отверстием вместе с монетами с верблюдом, а также монеты Асбара и их подражания. В южной,

несгоревшей половине дома монеты с квадратным отверстием и монеты с верблюдом не найдены. Комплекс монет оттуда наряду с монетами Асбара и их подражаниями включает редкие монеты с портретным изображением правителя с бухарской тамгой внизу на лицевой стороне и фигурой стоящего коня на оборотной (рис. 7, 1, 3). Также в несгоревших помещениях найдена одна монета с изображением мужского лица, повернутого в $3/4$ оборота и крупной бухарской тамгой на обороте (рис. 7, 2) а также кешская монета Ахурпата (рис. 7, 4).

В монетном комплексе в слоях пожара наиболее важно присутствие обоих типов монет с квадратным отверстием и бухарскими тамгами (первый тип с “юанем” внизу, второй с крестом). Выпуск обоих типов Е.В. Зеймаль относил к третьей четверти VII в., с отклонениями в датах в ту или иную сторону (1999. С. 195). А.И. Наймарк считает, что эти монеты могли выпускаться со времени около середины VII в.; согласно его схеме монеты с юанем старше монет с крестом (Naemark, 2011. Р. 2, 3), но стратиграфия пока не может подтвердить этого мнения. Надо отметить, что в слоях, которые бы достоверно датировались серединой VII в., такие монеты не найдены. В основном эти монеты зафиксированы в слоях VIII в., часто вместе с медными тахиридскими монетами и однажды с аббасидской монетой 43 г.х. (760–761 гг.).

Эти основания дают возможность полагать, что оба типа монет с квадратным отверстием “бухарской” серии сосуществуют и продолжают использоваться, по крайней мере, вплоть до третьей четверти VIII в.

Что касается соотношения монет с квадратным отверстием и монет с верблюдом, то в слоях их, как правило, находят вместе, с ними иногда попадают и монеты Асбара или подражания им. Очевидно, что по каким-то причинам медные разменные монеты более раннего времени не выводились из обращения. Находимые в слоях монеты чаще всего плохой сохранности вследствие сильного окисления или большой стертости, и зачастую возможно определить только тип монеты.

Сейчас можно лишь сказать, что оба типа монет: с конем на обороте, лицом правителя и бухарской тамгой (рис. 7, 1, 3), залегают в более ранних слоях, чем монеты с квадратным отверстием и монеты с верблюдом.

Указанием на то, что пожар относится не к первому десятилетию VIII в. является и резной шtuk из слоя пожара, в частности, фрагменты фриза с пальметтами. Так, совершенно аналогичные пальметты найдены в одном из домов Пенджикента, датированном монетой Тургара II типа серединой VIII в. (Маршак и др., 1999. Рис. 43). Пальметты такого типа есть и на резном дереве, найденном в усрушанском замке Уртакурган с монетами только VIII в. (Негматов, 1999. С. 120. Рис. 79, 7).

Таким образом, вероятность того, что пожар относится к 706 г. весьма маловероятна. Комплекс керамики, происходящий из слоя пожара, в настоящий момент можно относить ко времени вряд ли ранее второй четверти VIII в. и соответственно не позже конца VIII в., когда керамическая традиция в Пайкенде меняется.

Учитывая находку бухархудатской монеты с именем ал-Махди, датированные аналогии керамике и весь набор монет, а также аналогии резному глиняному фризу с пальметтами, можно со значительной долей уверенности относить пожар в двух домах северной половины квартала ко второй половине VIII в.

Относительно масштабов этого бедствия важно отметить, что следы сильного пожара присутствуют пока только в двух домах, занимающих северо-восточный угол квартала (рис. 3). В южной половине квартала, за магистральной стеной, следы пожара этого времени не фиксируются. Горелый слой в заполнении помещения 1 дома III был откуда-то перемещен и использовался как материал для поднятия уровня пола.

Если сравнивать комплекс керамики, полученный с полов и суф дома II, исследованного Э.Ф. Вульфферт в 1989 г., то можно видеть, что керамика из него аналогична керамике из слоя пожара 9. Надо отметить, что в южной половине квартала следы

пожара с керамическим комплексом, который бы соответствовал комплексу из северной половины домов I и IIa, не обнаружены. Сгоревшая комната в доме V (помещение V-1) и синхронные ей постройки были исследованы по более раннему горизонту в 2003 г. И тогда же выяснилось, что пожар в этой комнате относится к X в. или несколько позже, так как под полом помещения в закладе найдены “мелкие фрагменты саманидской керамики (фрагменты штампованных крышек)” (Семенов и др., 2004. С. 25).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в раскопанных помещениях южной половины квартала и в домах к западу от дома IIa вообще отсутствуют следы пожара. Возникает вопрос, почему же так могло произойти?

Возможно, это может быть объяснено тем, что квартал был построен на естественном склоне, спад которого направлен с юга на север. Улица Ц, вскрытая на полную длину, спадает на высоту чуть более 2 м от перекрестка с улицей 4 до перекрестка с улицей 3 (Семенов и др., 2004. Рис. 25). Причем улица 4 также значительно понижается к перекрестку с улицей Ц. Разница в уровнях одной и той же уличной поверхности говорит лишь о том, что входы в дома северной половины квартала находятся значительно ниже входов южной половины. Из этого следует: при одинаковой высоте потолков типовой квартальной застройки можно полагать, что крыши южной части квартала были выше крыш домов северной его части. Глухая стена, разделявшая квартал на половины, достаточно высоко поднималась над крышами северной части и могла не дать пламени распространиться на крыши южной половины квартала.

Высказанное мнение – лишь одно из предположений, возможно объясняющее локальность этого пожара. Пожары в средневековых городах были не редкостью, и не всегда они связаны с какими-то отмеченными в источниках завоеваниями, длительными осадами или погромами. Так, Наршахи сообщает о двух больших “бытовых” пожарах Бухары, случившихся в царствование Насра б. Ахмада, один из которых (в мае 937 г.) начался в лавке изготовителя халима (каши) и уничтожил часть города (Наршахи, 1897. С. 118; The History of Bukhara..., 1954. P. 95, 96). К сожалению, связать данные письменных источников с археологическими, несмотря на большой соблазн нахождения таких соответствий, удастся очень редко. Для установления истинных масштабов пожара в жилом квартале шахристана I на городище Пайкенд нужны раскопки раннесредневековых слоев в других частях обоих шахристанов.

В заключение отметим, что пожар цитадели, с которым связан клад серебряных бухархудатских монет, оружия и доспехов, отчетливо фиксирующийся в южной ее части, по всей видимости, является следствием захвата города арабами в 706 г. (Семенов, Адылов, 2006. С. 43).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
- Ахунбабаев Х.Г., Соколовская Л.Ф. Керамические комплексы Афрасиаба конца VII – VIII в. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 27. Самарканд, 1996.
- Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия в эпоху раннего средневековья. М., 1999 (Археология).
- Исаков А. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков // Культура и искусство Востока. Л., 1961 (Тр. Гос. Эрмитажа; Т. 5).
- Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках древнего Пенджикента в 1998 г. СПб, 1999.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Мухамеджанов А.Р., Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э. Ташкент, 1983.
- Наршахи М. История Бухары / Пер. Н.С. Лыкошина. Ташкент, 1897.
- Негматов Н.Н. Усрушана // Средняя Азия в эпоху раннего средневековья. М., 1999 (Археология).
- Распопова В.И. Керамика и слой поселения (по материалам VII–VIII вв. Пенджикента) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Савониди Н.Ф. Керамика Пенджикента VII–VIII вв. Комплексы, типология и историческая интерпретация: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб, 1992.
- Сапаров Н.Ж. Керамическая мышеловка из Пайкенда // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда (История Узбекистана в археологических источниках). Ташкент, 2005.
- Сапаров Н.Ж. К хронологии раннесредневековой керамики Бухарского оазиса (по материалам городища Пайкенд) // Вопросы археологии и этнографии Южного Приаралья. Материалы конф. Нукус, 2011.
- Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб, 1996.
- Семенов Г.Л. Пайкенд: Купеческая республика или царская резиденция // Центральная Азия: Источники, История, Культура. Тез. докл. конф. М., 2003.
- Семенов Г.Л., Адылов Ш.Т. Арсенал на цитадели Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Матер. конф. Самарканд; Рим, 2006.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Абдуллаев Б.М. и др. Раскопки в Пайкенде в 2003 г. СПб, 2004 (Материалы Бухарской археол. экспедиции, МБАЭ; Вып. V).
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. и др. Раскопки в Пайкенде в 2001 г. СПб, 2002 (МБАЭ; Вып. III).
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Омельченко А.В. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2006 г. СПб, 2007 (МБАЭ; Вып. VIII).
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
- Торгоев А.И. К интерпретации могильника Уч-Ат // Археологические вести. СПб, 2003. Вып. 10.
- Торгоев А.И., Мирзаахмедов Д.К., Омельченко А.В. и др. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2007 г. СПб, 2008 (МБАЭ; Вып. IX).
- The History of Bukhara. Translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi by Richard N. Frye. Cambridge (Mass.), 1954.
- Naymark A. A Christian Principality in the Seventh Century Bukharan Oasis // ONS. J. Oriental Numismat. Soc. L., 2011. № 206.
- Semenov G. Dwelling houses of Bukhara in the early middle ages // Ērān ud Anērān. Venezia, 2006.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВ В РЕЗЬБЕ ПО ГАНЧУ ИЗ ВАРАХШИ

© 2013 г. Т.Г. Цветкова

Государственный музей Востока, Москва
(*ms.tatyana.tsvetkova@mail.ru*)

Ключевые слова: Бухарская область, городище Варахша, резьба по ганчу, орнаментальный мотив, цветок мака.

The article presents a find from the excavations at Varakhsha, the country seat of the early medieval rulers of Bukhara. The Central Asia archaeological expedition of the State Museum of Oriental Arts (Moscow) has collected a large amount of carved *ganch* elements of architectural décor from the 8th c., the themes and ornamental motifs of which have analogies at Parthian and especially Sassanian sites in Iran, Iraq, Syria and Afghanistan. One of the themes, a poppyhead, is unique and has no analogies in carved *ganch* décor.

В 1980–1990-х годах Среднеазиатская археологическая экспедиция Государственного музея Востока (Москва) проводила раскопки на ряде памятников на территории Узбекистана. Одним из исследуемых объектов было расположенное в Бухарском оазисе городище Варахша – загородная резиденция раннесредневековых правителей Бухары (Наршахи, 1897. С. 14, 15; Шишкин, 1963. С. 16, 17). При раскопках айвана (зала приемов Варахшинского дворца) получена значительная по объему коллекция фрагментов архитектурного декора – резного ганча (алебаstra). Первоначальное выполнение этой резьбы датируется 30–50 гг. VIII в., а ремонтные работы на айване с одновременным обновлением ганчевого декора можно отнести к 60–80 гг. (Алпаткина, 1999; Naymark, 2002. Р. 25; Адылов, Мирзаахмедов, 2008. С. 74–76).

В процессе многолетней работы по разбору коллекции выявлено несколько десятков изображительных сюжетов и орнаментальных мотивов, часть которых находит аналогии в резьбе по ганчу на стенах дворцовых, культовых и жилых зданий парфянского и, особенно, сасанидского времени в Иране, Ираке, Сирии, Афганистане. Некоторые из орнаментов были известны еще в искусстве Древнего Египта, античной Греции и Рима. Отдельные мотивы сохранились в ганчевом декоре мусульманского периода, многие из них применяются в отделке жилых и общественных зданий в государствах Центральной Азии и в настоящее время.

Но один из варахшинских орнаментальных мотивов – единственный в своем роде и на данный момент не имеет аналогий в резьбе по ганчу

на памятниках ни предшествующего, ни последующего времени. Это изображение мака. Варахшинские мастера-резчики показали цветок мака в заключительной стадии его созревания, т.е. плод, сухую маковую коробочку на стебле с листьями (рисунок, 4).

В резном ганче Варахши различаются собственно растительный орнамент, включающий изображения реальных растений – виноградной лозы и разных цветов, и стилизованный, в котором художники передавали изображения реальных цветов, плодов и листьев в схематичной манере. Для стилизованного орнамента характерно наличие геометрической основы (сетки квадратов или ромбов) и раппортов с повторяющимся элементом. Чисто растительный орнамент не обнаруживает признаков симметрии или повторяющейся схемы построения и сохраняет связь с формами реальной флоры (рисунок, 1, 4).

В коллекции Музея Востока изображения маковой коробочки представлены 120 фрагментами резного ганча. Они разрозненные, в единые панно не собираются. Фрагменты показывают один из вариантов растительного орнамента – созревший плод цветка мака на стебле с листьями и выполненные на его основе два варианта стилизованного орнамента. В одном случае это коробочки мака, сгруппированные по четыре (элементы заполнения между ними не сохранились), в другом – коробочки в сочетании с многолепестковыми розетками и трилистниками.

Согласно данным палеоботаники, на территории Казахстана и Средней Азии отдельные виды семейства маковых *Papaveraceae* впервые появились в неогене – втором периоде кайнозоя, около 25–

2 млн л.н. (Коровин, 1961. С. 91, 97). Человеку мак наряду со злаковыми культурами также известен очень давно: уже в каменном веке один из его диких видов мак щетинконосный *Papaver setigerum* использовали в пищу. Об этом свидетельствуют многочисленные находки семян мака при раскопках свайных построек в Швейцарии. Собственно корень родового названия *Papaver* имеет кельтское происхождение. Свойства мака были известны в Древнем Египте. В античное время в Греции и Риме один из культурных видов мак снотворный, или опийный, *Papaver somniferum* употребляли в пищу как масличное растение и использовали в медицине в качестве болеутоляющего и снотворного средства, что и отражено в его названии (Франке и др., 1979. С. 132, 133; Жизнь растений, 1980. С. 221, 222; Растительный мир Земли, 1982. С. 55, 77, 80, 274, 275; Ветвичек, 1987. С. 26).

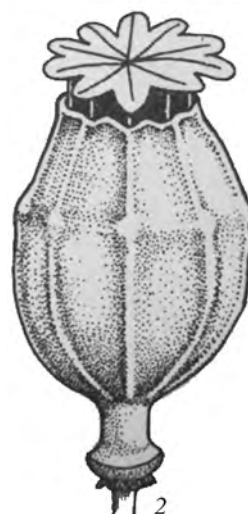
Стебель у растений семейства маковых прямостоячий, гладкий. Листья простые, очередные. Форма листовой пластинки весьма разнообразна: прикорневые (нижние) листья собраны в розетку; стеблевые (верхние) листья очерёдные, с продолговатой пластинкой, зубчатые. У цветка мака различают несколько типов плода: коробочка округлой (шаровидной), коротко-цилиндрической или продолговатой (стручковидной) формы, заметно ребристая. Она сверху прикрыта пирамидальным, выпуклым или плоским монолитным диском, имеющим от 8 до 12 лучей – по числу ребер коробочки. Высота плода может достигать от 0.5–1 до 2–7 см (Флора СССР, 1937. С. 644, 645; Определитель растений Средней Азии, 1974. С. 6, 7, 14, 15; Жизнь растений, 1980. С. 217–219. Рис. 106; Андреева, Родман, 2005. С. 399).

Сохранность фрагментов ганча с Варахши не позволяет судить о том, имелись ли в этом декоративном изображении мака прикорневые листья; верхние, расположенные по длине стебля, показаны как очерёдные, удлинённой формы, с продолговатыми сегментами. Стебель гладкий. Маковая коробочка шаровидной формы, с четко выделенными тремя-пятью ребрами. На нескольких фрагментах сохранились лучи диска, прикрывающего плод сверху, они показаны в виде лепестков, количество которых соответствует числу ребер коробочки (рисунок, 3).

Сравнение форм плодов у различных видов семейства маковых, растущих в Средней Азии: мак голостебельный *Papaver nudicaule*, мак оранжевый *P. croceum*, мак окутанный *P. involucreatum*, мак тьяншанский *P. tianshanicum*, мак павлиний *P. pavoninum* (Флора СССР, 1937. С. 606–610, 627, 628. Табл. XLI, XLII) – позволяет предположить, что в ганче, скорее всего, передано изображение

1

2

3

4

0 2 cm

Мак снотворный *Papaver somniferum* (1, 2) и фрагменты панно (резной ганч) айвана дворца Варахши, VIII в. (3, 4). 1 – цветок и созревшая коробочка (по: chat-behigh.org); 2 – плод, сухая коробочка (по: Рейвн и др., 1990); 3 – коробочка мака; 4 – цветок мака.

определенного вида этого растения, а именно мака снотворного, имеющего шаровидную коробочку с ярко выраженной ребристостью (рисунок, 1, 2).

Четко выделенные на фрагментах ганча ребра и поперечная линия строго посередине коробочки (рисунок, 3, 4) могут иметь и другое объяснение. Семена мака высеваются через отверстие у верхушки коробочки, закрытое до момента их созревания диском рыльца. Диск оформлен лепестками околоцветника, которые опущены примерно до середины коробочки и по мере созревания плода поднимаются вверх и опадают. Можно предположить, что мастер (художник или резчик) показал коробочку мака в тот момент, когда она не до конца созрела. В этом случае снизу до поперечной полосы на середине коробочки передана ребристость плода, а сверху показаны опущенные вниз лепестки околоцветника. Но данное объяснение кажется надуманным и тяжеловесным. Поэтому полагаем, что в резьбе по ганчу изображена ребристая коробочка созревшего плода мака снотворного.

Этот вид повсеместно встречается на территории Средней Азии. Нельзя не отметить тот факт, что в большинстве отечественных работ советского периода по ботанике мак снотворный не упоминается. Описываются мак павлиний – в качестве вида, наиболее распространенного на территории Узбекистана (Определитель растений Средней Азии, 1974. С. 15, 16; Узбекистан, 1967. С. 303; Жизнь растений, 1980. Табл. 32), и редко встречающиеся восемь других видов этого растения (Определитель растений Средней Азии, 1974. С. 14–17). В зарубежной же литературе, в некоторых советских (Флора СССР, 1937. С. 598; Коровин, 1962. С. 412) и в современных отечественных изданиях (Школьник, 2007. С. 49) отмечено широкое распространение в Средней Азии именно мака снотворного.

По выражению искусствоведа Л.И. Ремпеля, в архитектурной орнаментике “источником узора всегда была жизнь, природа...”, но при этом “... узор не слепок с натуры” (1961. С. 252). Поэтому, как бы ни было узнаваемо реальное растение в резьбе по ганчу, нельзя не учитывать специфические приемы в технике исполнения данного вида архитектурного декора, а также особенности строительной конструкции сооружения, откуда получен исследуемый материал.

На изображении мака в ганче видны на коробочке снизу лепестки (чашелистики), которых у плода реального растения нет (ср. рисунок, 2 и 3). Скорее всего, здесь художник добавил их для большей выразительности рисунка. А в схемах построения двух вариантов стилизованного орнамента этот изобразительный элемент был уже просто необ-

ходим: посредством этих лепестков каждые две соседние маковые коробочки соединялись между собой, создавая единый узор.

Восстанавливаемые по фрагментам ганча диаметры маковых коробочек составляют от 4 до 10 см. Такой разброс в размерах, на взгляд автора, объясняется конструкцией айвана дворца Варахши и применением метода перспективы резчиками в процессе декорирования стен. Айван представляет собой прямоугольный в плане, вытянутый в длину по оси С–Ю зал, в южной половине которого располагались тронное место и разноуровневые суфы для сидения. Исследование орнаментальных мотивов показало, что в ганче было выполнено большое количество панно с геометрическими и растительными орнаментами: они одинакового рисунка, но с разными размерами квадратов сетки построения или диаметрами цветочных розеток, либо, как в данном случае, – диаметрами маковой коробочки. Вероятнее всего предположить, что орнаменты с более мелкими деталями располагались на стенах айвана ближе к его южной половине, а те же самые орнаменты, но большего масштаба – севернее, дальше от тронного места. Таким образом в перспективе казалось, что они одинакового размера, и это создавало впечатление единого, ровного узора. Судя по размерам коробочки на сохранившихся фрагментах ганча, изображение цветка мака заполняло не менее десятка различных панно, располагавшихся на стенах на разном удалении от сидящих в южной половине зала зрителей.

Вопросы растительной эмблематики в архитектурном декоре неоднократно рассматривались в научной литературе (Ремпель, 1961. С. 46–51; библиографию см. Воронина, 1985. С. 257; Бидерманн, 1996. С. 319, 321, 322). В греческой и римской мифологии цветы мака символизировали воспоминания или память, сон и тишину, а его плоды, сухие коробочки – беспмятство, безумие, смертельный сон.

Было ли публикуемое изображение мака каким-то символом? Скорее всего, нет. Подтверждением этому служит весь изобразительный ряд растительных мотивов варахшинского ганча. Такого обилия изображений деревьев и цветов, как на айване дворца Варахши, не находится нигде в резьбе по ганчу за более чем двухтысячелетний период существования этого вида архитектурного декора. Работа по определению видов растений в варахшинском ганче продолжается, но уже можно говорить о наличии изображений граната, черешни, персика, акации, винограда и, предположительно, яблони и айвы. Из цветов определяются хризантема, лилия, тюльпан, мак, цветки шиповника и миндаля; требуют уточ-

нения изображения цветов и плодов растений из семейства Астровых, *Asteraceae*.

Таким образом, вероятнее всего, растительные мотивы в резьбе по ганчу в варахшинском дворце показывают стремление местных мастеров изобразить на стенах айвана пышный сад с растениями и цветами, произрастающими в данной местности, подобно настоящим садам, окружавшим дворцы правителей как в столице – Бухаре, так и в загородной резиденции на Варахше. В Бухарском оазисе тщательно распланированные и благоустроенные сады и парки известны давно (Наршахи, 1897. С. 37, 38; Юсупова, 2000. С. 247; 2005. С. 115). Культура устройства садов уходит своими корнями в сасанидский Иран и продолжает развиваться в Центральной Азии до позднего средневековья. Так, в земледельческом трактате, написанном в Герате в начале XVI в., в главе о посадке цветов, деревьев и душистых трав рекомендуется под персиковыми деревьями сажать розы, клевер и маки (Пугаченкова, 1951. С. 143, 152, 153).

Фрагменты резного ганча из раскопок во дворце Варахши имеются в коллекциях Эрмитажа в Санкт-Петербурге, в Музее искусств Узбекистана и Музее истории Узбекистана в Ташкенте, в Бухарском государственном архитектурно-художественном музее-заповеднике и Термезском археологическом музее. Фрагменты с изображением плода мака на данный момент выделены только в коллекции Музея Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К. Новые сведения по истории обживания Варахшинского массива (Вопросы периодизации и хронологии по результатам изучения Варахши и ее окружи) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Алтаткина Т.Г. Парадный айван Варахши: новые исследования // Материальная культура Востока. Вып. 2. М., 1999.
- Андреева И.И., Родман Л.С. Ботаника. М., 2005.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
- Ветвичек В. Растения полей и лесов. Прага, 1987.
- Воронина В.Л. Доисламская символика в архитектуре Средней Азии и Зарубежного Востока // Архитектурное наследство. Вып. 33: Город и его застройка. М., 1985.
- Жизнь растений. В 6 т. Т. 5: Цветковые растения. Ч. 1. М., 1980.
- Коровин Е.П. Растительность Средней Азии и Южного Казахстана. Кн. I; II. Ташкент, 1961; 1962.
- Наршахи М. История Бухары / Пер. Н.С. Лыкошина. Ташкент, 1897.
- Определитель растений Средней Азии. Т. IV. Ташкент, 1974.
- Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Тр. Среднеазиатского гос. ун-та (История). Ташкент, 1951.
- Растительный мир Земли. М., 1982.
- Рейвн П., Эверт Р., Айкхорн С. Современная ботаника. В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Средней Азии. Ташкент, 1961.
- Узбекистан. М., 1967 (Советский Союз. Географическое описание).
- Флора СССР. В 30 т. Т. VII. М.; Л., 1937.
- Франке Г., Хаммер К., Ханельт П. и др. Плоды земли. М., 1979.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Школьник Ю. Растения. Полная энциклопедия. М., 2007.
- Юсупова М.А. Традиции архитектурного сада “чарбаг” в зодчестве Бухары XVI–XVIII вв. // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Матер. конф. М., 2000.
- Юсупова М. Садово-парковые ансамбли Бухарского оазиса // Санъатшунослик масалалари. Вып. II. Ташкент, 2005.
- Naymark A. The Varaksha palace in light of the new chronology of the Bukharhuda dynasty // The Night Annual Central Eurasian Studies Conference. Bloomington, 2002.

ГОРНАЯ УСТРУШАНА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2013 г. Л.М. Сверчков

*Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент
(lsverchkov@mail.ru)*

Ключевые слова: *Мавераннахр, Уструшана, эпоха средневековья, черная металлургия, рустак Минк, Афшин.*

Written sources from the 10th c. indicate that in Ustrushana iron was worked in Mink province and in the city of Mirasmand. Their location is still debatable and remains a pertinent issue due to their outstanding role in the history of Central Asia and to their involvement in the global events that unfolded in the Near and Middle East at the time of the emergence and spread of Islam. Archaeological investigations in the mountains of Western Ustrushana revealed an entire system of ironworks and specialized settlements. The largest one, Myk (Mug), is a unique complex which consists of two castles and an industrial settlement. The chronology of the materials from the site, and their comparison with the data from written sources of the 9th–10th cc., allow identifying Myk mining-and-metallurgical zone with the province of Mink, and the successive castles of Myk with the Afshin's fortress.

Уструшана – раннее государственное образование, такое же, как Согд, Чач, Фергана и многие другие владения Мавераннахра, известные по письменным источникам эпохи средневековья (см. Бартольд, 1963. С. 145, 221–226; Якубовский, 1950. С. 26). Государство состояло из 18 территориально-административных единиц – сельских или городских округов, именуемых “рустаками”. Наиболее детальное изложение всех данных имеется в основополагающих работах Н.Н. Негматова, в которых автор свел воедино информацию об Уструшане из сочинений историков и географов IX–X вв. и предложил локализацию большинства ее средневековых городов и рустак (1953; 1957).

Тем не менее на общем фоне довольно трудно видеть своеобразие Уструшаны, принципиальное отличие ее от соседних областей – Согда, Чача, Ферганы, постоянное воздействие которых прослеживается по результатам раскопок памятников Уструшаны. Если судить поверхностно, то эта страна видится в качестве не более чем контактной зоны, где наложились “сферы влияния” Согда, Чача и Ферганы, хотя по письменным источникам Уструшана выглядит совершенно самостоятельным государством с искусным в ремеслах народом и независимыми правителями, прославившими свой край по всему Среднему и Ближнему Востоку.

Территория Уструшаны вытянута в широтном направлении и включает в себя ландшафты, типичные для всей Средней Азии: горный, предгорный,

равнинный и пустынный. На современной карте это – (с востока на запад) часть Ошской обл. Кыргызстана, часть Согдийской (Ходжентской) обл. Таджикистана, Джизакская обл. Узбекистана. Ядро страны, ее географический центр – Шахристанская предгорная котловина и долина р. Зааминсу, но в то время как памятники по Шахристансаю раскапываются свыше 30 лет, исследование горной части Зааминского р-на долгое время ограничивалось в основном работами разведочного характера.

Уже первые изыскания на юге Джизакской обл. позволили выявить целый ряд объектов древнего горного промысла и металлургии V–XII вв., связанных с добычей и переработкой железных руд. Все они объединяются в горно-металлургические зоны, расположенные в долине р. Санзар и верховьях р. Зааминсу (рис. 1). Крупнейшая из них – Мыкская горно-металлургическая зона – включает памятники по саям и протокам, образующим бассейн Зааминсу, и названа по имени наиболее крупного памятника – поселения Мык (или Муг), расположенного в 43 км к югу от г. Заамин. Первое упоминание о нем в научной литературе принадлежит О.И. Смирновой, проводившей археологические разведки в верховьях р. Зарафшан в 1946–1947 гг. По словам автора, жители сообщили об остатках укрепленного замка по ту сторону гор, в селении Муг (Мык), где находили монеты, целые сосуды и их фрагменты (Смирнова, 1950. С. 61). Н.Н. Негматов, используя сведения О.И. Смирновой, определил Мык в качестве центра

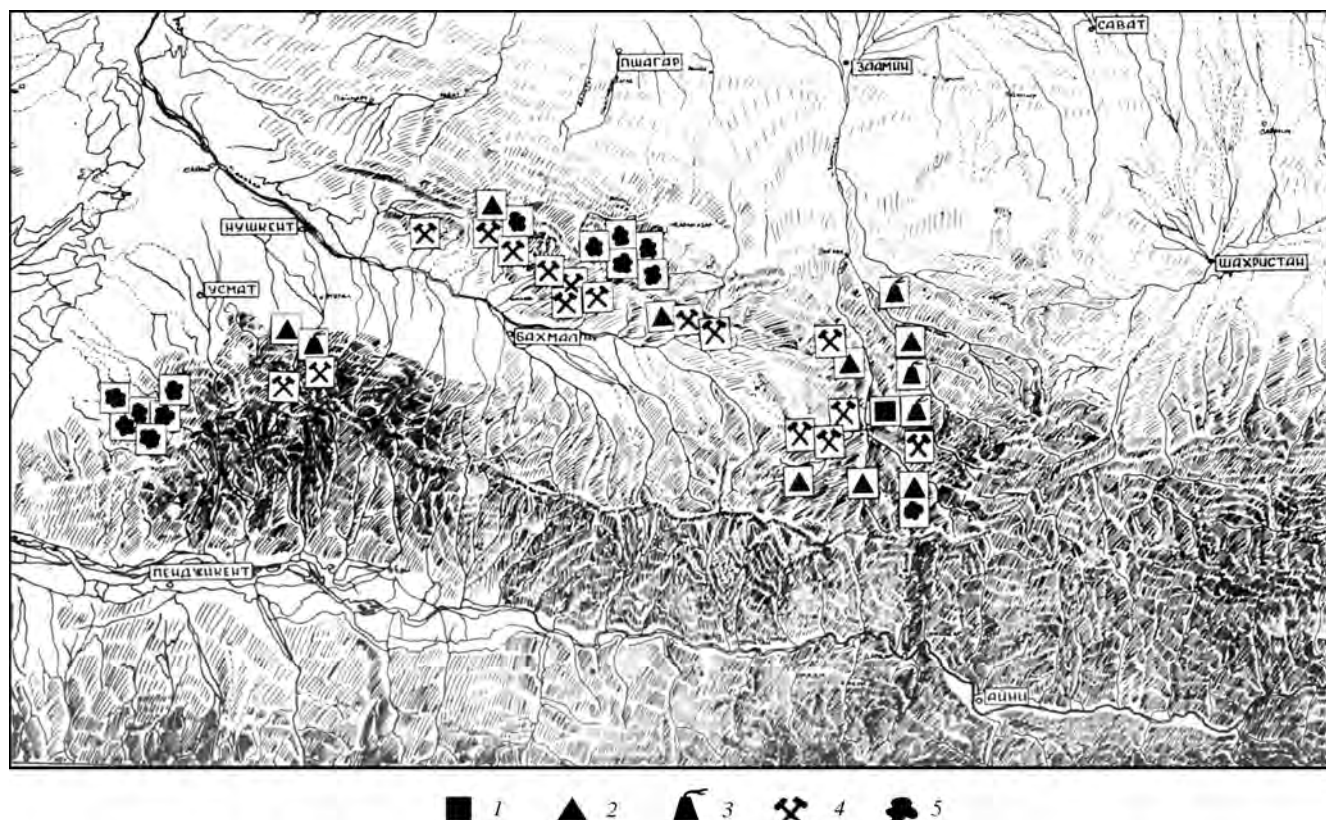

Рис. 1. Памятники горного дела и черной металлургии западной оконечности Туркестанского хребта. Условные обозначения: 1 – Мык; 2 – горные селения; 3 – горы; 4 – выработки; 5 – шлаковые поля.

рустака Вакр, упомянутого в описании Уструшаны средневековыми географами (1953. С. 247).

Первыми Мык посетили сотрудники Зааминской геологической партии. В конце 1953 г. они передали в Институт истории и археологии АН Узбекистана две монеты: динар и дирхем. Золотая монета чеканена от имени Мухаммеда б. Текеша (1200–1220 гг.), найдена возле выработок. Место находки второй – “черного” дирхема – не установлено. На противоположной стороне сая геологи обнаружили остатки двух крепостей (Давидович, 1956. С. 121).

В 1977 и 1979 гг. горная часть Зааминского р-на была подвергнута археологическому обследованию Маршрутным отрядом Узбекисанской искусствоведческой экспедиции: проведены обмеры нижнего замка Мык, стены которого “... сложены из тщательно обработанных плит диабаз и известняка на глинистом растворе. Предварительная дата крепости X–XII вв. Напротив нее, на левом берегу сая, имеются древние горные выработки” (Ртвеладзе и др., 1978. С. 537). Обращает на себя внимание то, что в публикациях ничего не сказано о наличии второго, верхнего замка и следах металлургического производства (шлаках и т.п.), в изобилии встречающихся по всей Мыкской долине.

В конце 80-х годов оба замка (Мык I и II) были полностью раскопаны, началось вскрытие поселения Мык III в нижней части долины (Сверчков, 1991). Замки расположены на высоте около 2000 м над уровнем моря в долине, образованной за счет расширения ущелья боковыми притоками Еттыкечусая (Мыксая) – ныне сухими руслами саяв (рис. 2).

Верхний, раннесредневековый замок Мык I датируется второй половиной VII – началом VIII в. В плане имеет форму треугольника со сторонами около 25 м (рис. 3, 4). Вершины “треугольника” оформлены башнями (А, Б, В). Сохранились остатки еще одной башни (Г), вынесенной на 20 м к востоку по одной линии с сооружениями Б и В, что свидетельствует о намного больших изначальных размерах памятника. Башня А – так называемый донжон, имеет прямоугольную в плане форму размерами 11×8 м. В его северо-восточной части есть проход, оформленный аркой, выложенной из сырцовых кирпичей. Донжон состоит из трех сообщающихся узких помещений (1А, 2А, 3А), изолированных от самого замка, где насчитывается еще шесть помещений. Стены всех частей замка сложены из пахсовых блоков, надстроенных

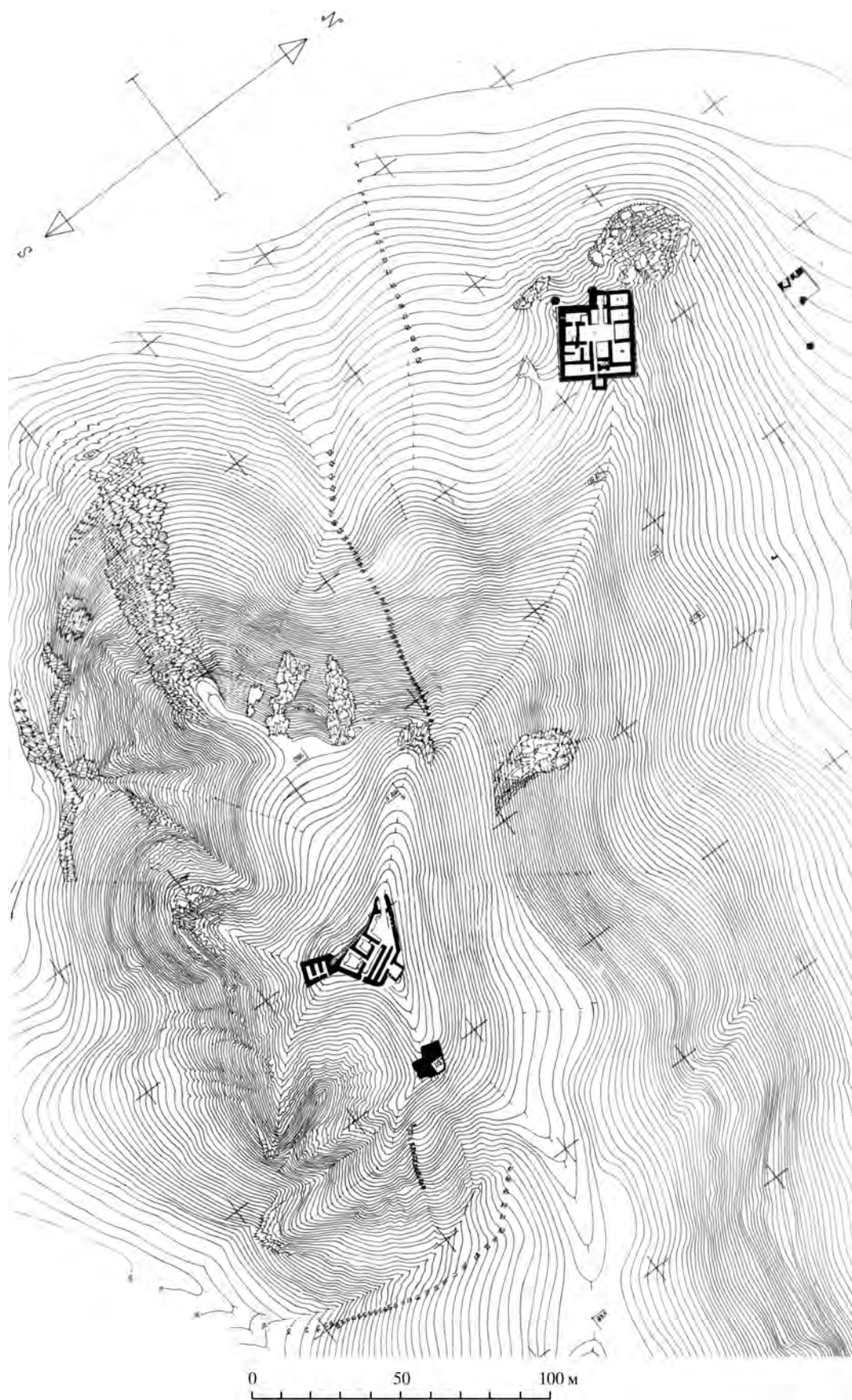

Рис. 2. Топографический план поселения Мык (выполнен архитектором И.П. Луньковой). М 1:500. Сечение горизонталей – 1 м.

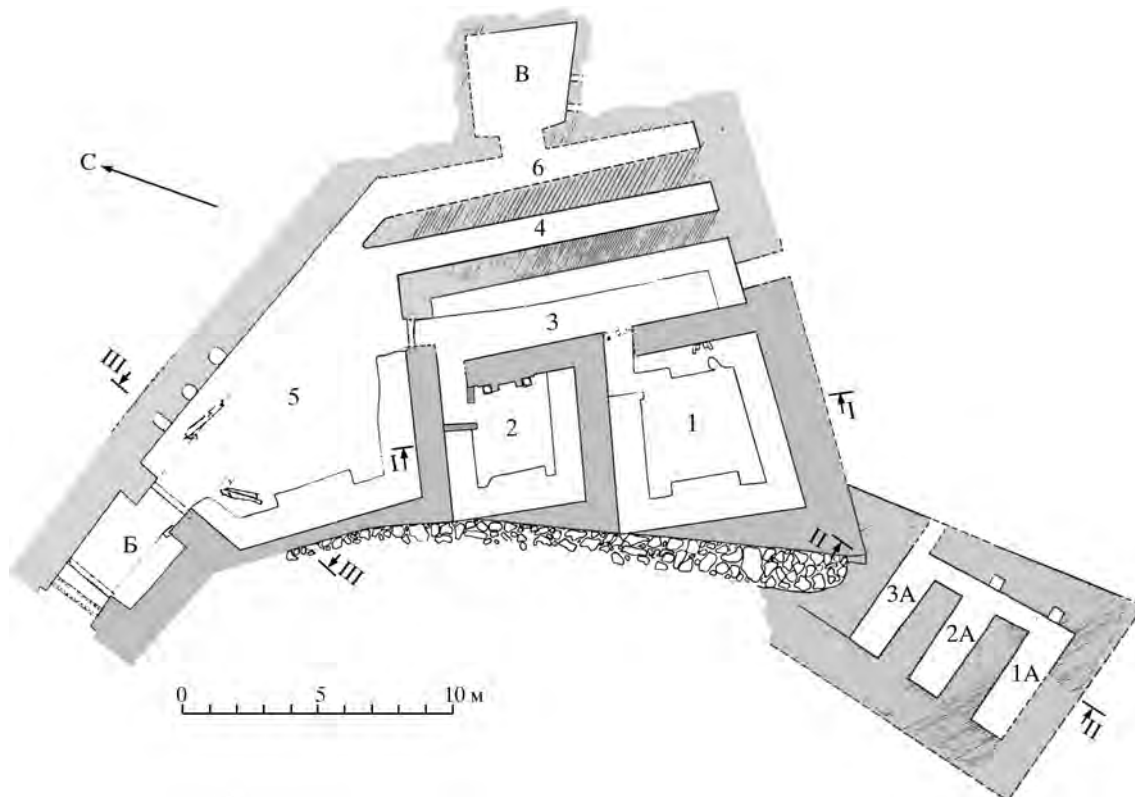

Рис. 3. План замка Мык I (выполнен архитекторами С.В. Фонаревым и И.П. Луньковой).

кладкой прямоугольного кирпича-сырца размерами 49–55×21–30×8–12 см.

Нижний замок Мык II был возведен в начале IX в., с небольшими перерывами существовал до середины XII в. В плане имеет форму квадрата (30×27 м), ориентированного углами по странам света (рис. 5). Внешние стены, сохранившиеся на высоту 8 м, сложены из диабазового и известнякового плитняка, который подгонялся под прямоугольный формат и укладывался на глиняном растворе. В стенах в качестве арматуры применялись можжевельные балки диаметром сечения 10–15 см. Мык II пристроен к утесу с запада, нивелируя естественный склон высоко поднятыми западной и юго-западной стенами (рис. 6). Отчасти для снятия нагрузки северо-западный фас замка снабжен круглой в плане башней (диаметр основания 2.8 м). У западного угла Мык II сохранилось сложное из камня основание башни (так называемый барбакан) диаметром до 3 м и высотой 1.7. Башня вынесена за пределы замка, не будучи связана с его стенами, что позволяло осуществлять фланговый обстрел вдоль юго-западной и северо-западной стен замка, ликвидируя мертвое пространство перед ними.

Еще одна башня расположена посередине юго-восточной стены замка, образуя квадратный в плане выступ размерами 5×4 м. Вероятно, только

благодаря башням сохранились юго-восточная и северо-западная стены. Северо-восточная стена Мык II полностью разрушена, лишь местами можно проследить остатки каменной кладки.

Таким образом, тщательно сложенные внешние стены Мык II облицовывают скальные выходы, составляя фундамент сооружения. Пустоты и уклоны верхней площадки выравнивались за счет щебневой подсыпки, поверх которой накатывались полы и возводились внутренние стены. Строительный материал для замковых построек различный: в основном это прямоугольный кирпич (50–52×26–27×11–13 см), а также небольшие камни с глиной или тем же кирпичом.

Основа архитектурной композиции замка – свободное крестовидное в плане пространство, условно обозначенное как двор. По сторонам его располагаются остальные 13 помещений верхнего этажа. В западном углу замка имеются два помещения полуподвального типа, образованные за счет искусного использования рельефа.

Отличительный признак крестовидной композиции замка Мык II – открытость к центру помещений, лежащих на его осях (вершинах креста). В этом отношении ему ближе всего архитектурное решение диканского замка Харам-кешк (7 км к северу от Гяур-калы), построенного в IX и функцио-

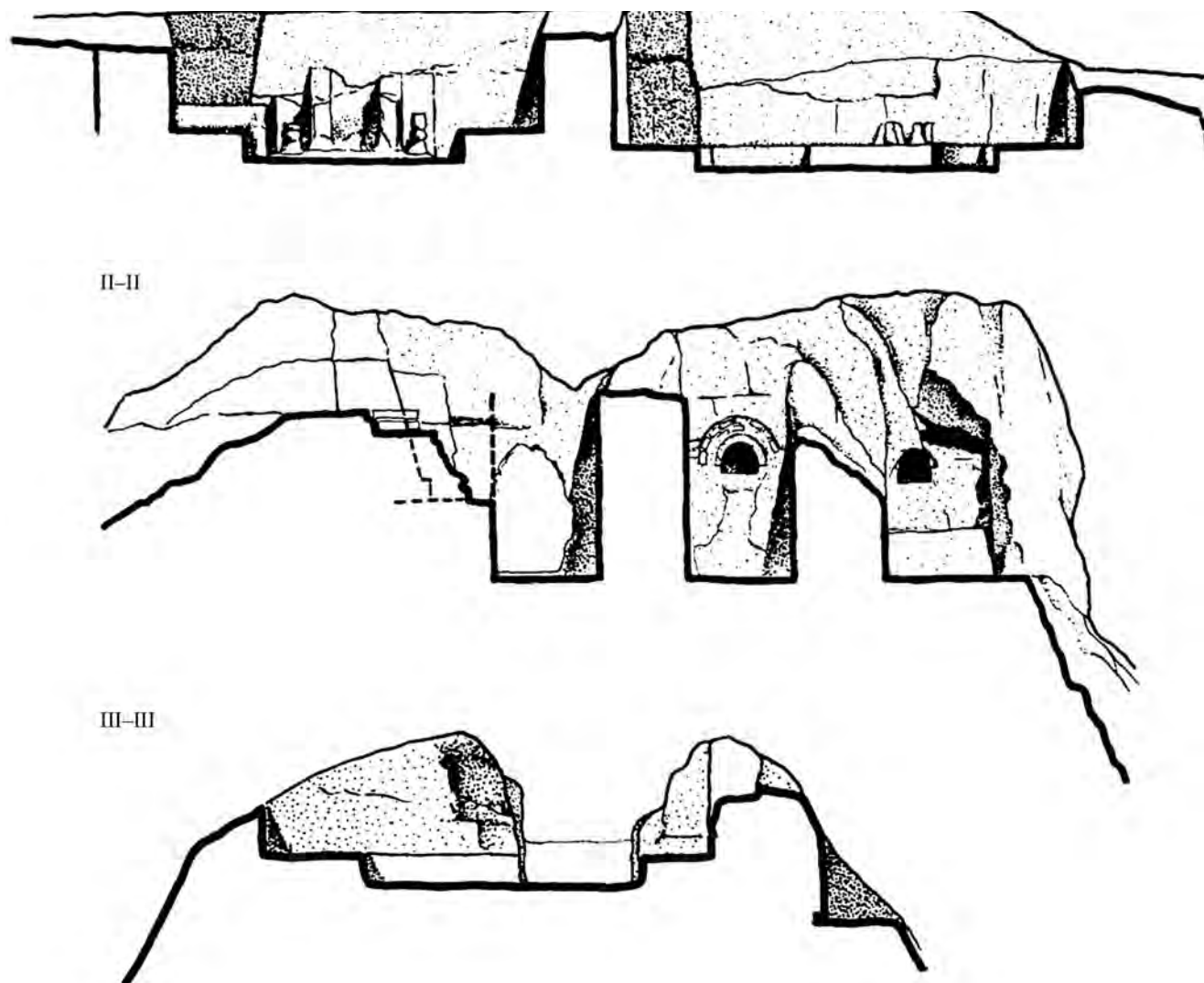

Рис. 4. Архитектурные разрезы замка Мык I (выполнены архитекторами С.В. Фонаревым и Д.М. Шуваевым).

нировавшего до начала XIII в. В Хорасане данный мотив архитектурной композиции зарождается в конце VIII и широко распространяется на Ближнем Востоке в начале IX в., становясь особенно популярным при возведении г. Самарра – новой столицы Халифата (Пугаченкова, 1958. С. 151–154, 182). В отличие от хорасанских зданий в архитектуре Мык II совершенно не применялись арочные и сводчатые перекрытия, что, вероятно, объясняется изобилием строительного леса.

Главная особенность замка Мык II – возведение стен из камня-плитняка с использованием деревянной арматуры. Само по себе применение камня в строительстве сооружений в горных районах – не редкость. Традиция эта в Средней Азии сложилась еще на рубеже н.э., когда на Западном Памире возводились крепости, функционировавшие со II–I вв. до н.э. по VI–VIII вв. н.э. (Бабаев, 1962). Это Ям-

чун, Калаи-Рын, Джаушангоз, Шаш-Бувад, Синдив, Рошт-Кала, Рошт-Кала I, Каахка, стены которых сложены из рваного камня на глиняном растворе и без него. Поверх имеется надстройка из сырцового кирпича, как и в Мык II, но ни одно из известных в Средней Азии каменных сооружений не может сравниться с последним ни по обработке и тщательной подгонке камня, ни по качеству кладки в целом.

С севера к основанию утеса, на котором высятся замки Мык I и II, прилегает производственно-жилой поселок, получивший условное название Мык III. Жизнь в нем началась приблизительно в конце VI и продолжалась до середины XII в.; в раннем средневековье здесь занимались выплавкой черного металла, в домонгольский период – металлообработкой. Признаки обживания и добычи железных

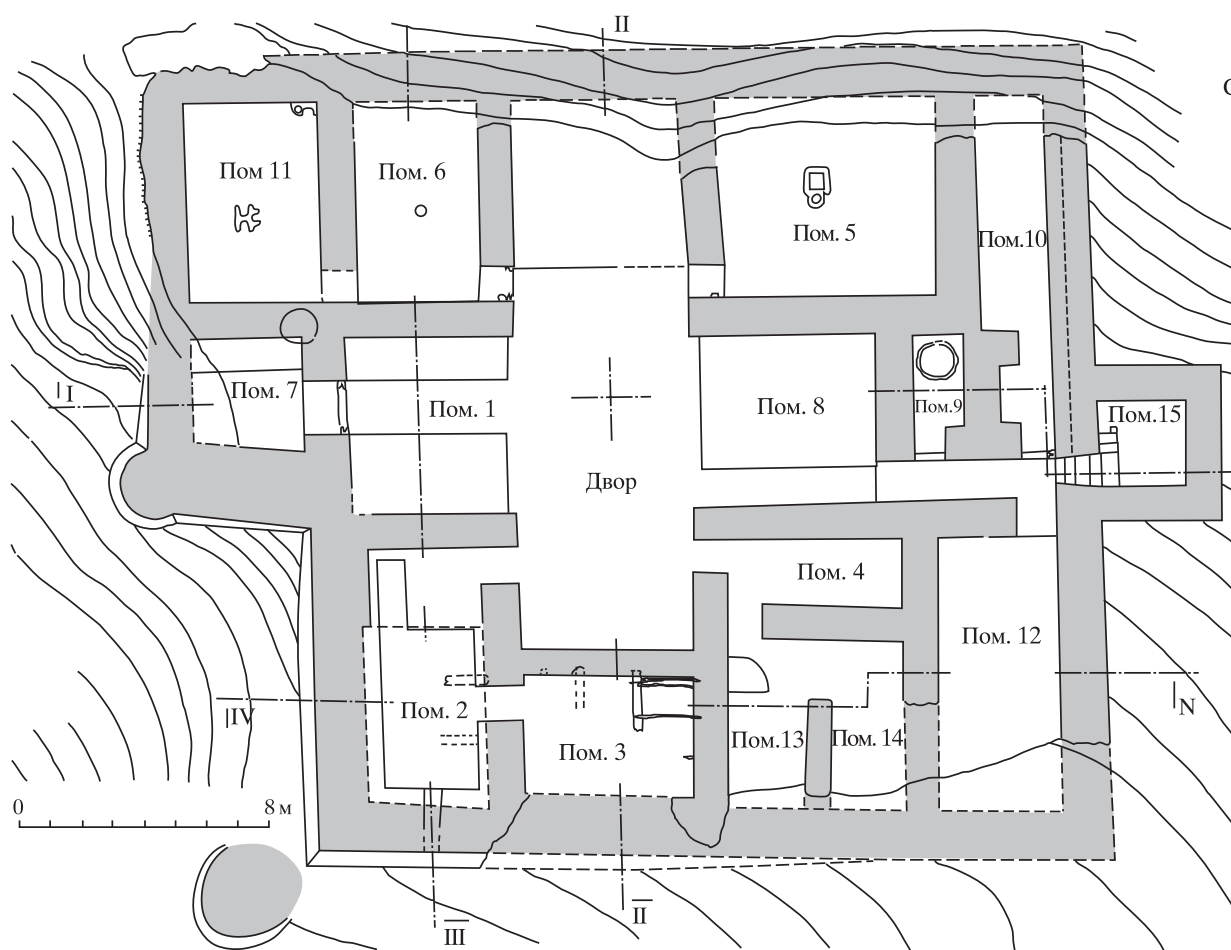

Рис. 5. План замка Мык II (выполнен архитектором И.П. Луньковой).

руд имеются и на противоположной стороне реки, и непосредственно в срезях ее берегов.

В течение многих веков поселение Мык специализировалось на добыче и переработке железных руд с полным циклом производства – от выемки руды до изготовления предметов из черного металла. Только в нижнем замке найдено 83 изделия из железа: вооружение; кузнечные, сельскохозяйственные и деревообделочные орудия труда; весы, замок, всевозможные скобы и, наконец, товарный полуфабрикат железа в виде бруска с ушком для подвешивания. О размахе производства красноречиво свидетельствует клад из 1300 “черных” дирхемов, спрятанный в межэтажное перекрытие нижнего замка. Ничего подобного по объемам на территории Уструшаны до сих пор не выявлено, тем более что ориентация лишь на один вид полезного ископаемого присуща, скорее, при добыче драгоценных металлов.

Из письменных источников X в. известно, что обработка железа в Уструшане производилась в ру-

стаке Минк и г. Марсманда, проблема локализации которых интересует исследователей на протяжении более 100 лет. Первое упоминание о них появляется в конце IX в. у ал-Йа’куби: “Область Уструшана просторна и велика. Говорят, что в ней четыреста крепостей, и в ней много больших городов, из них: Арсманда и Замин и Манк и Хиснак” (1892. С. 294). Из текста явствует, что сам ал-Йа’куби в Уструшане не бывал и ведет описание с чьих-то слов. При этом информатор среди других городов выделяет только четыре, подчеркивая тем самым, может быть, их выдающееся значение или географическую близость.

Отождествление Замина с современным Замином сомнения не вызывает. Наименование Хиснак имеется только у ал-Йа’куби и только в приведенной цитате. Н.Н. Негматов помещает город в горной части Уструшаны (1953. С. 252). Нельзя исключить, что такой город вообще не существовал и на свет он появился вследствие ошибки или самого ал-Йа’куби, или при позднейшей переписке его текста. Хиснак (حسناك) вполне может быть

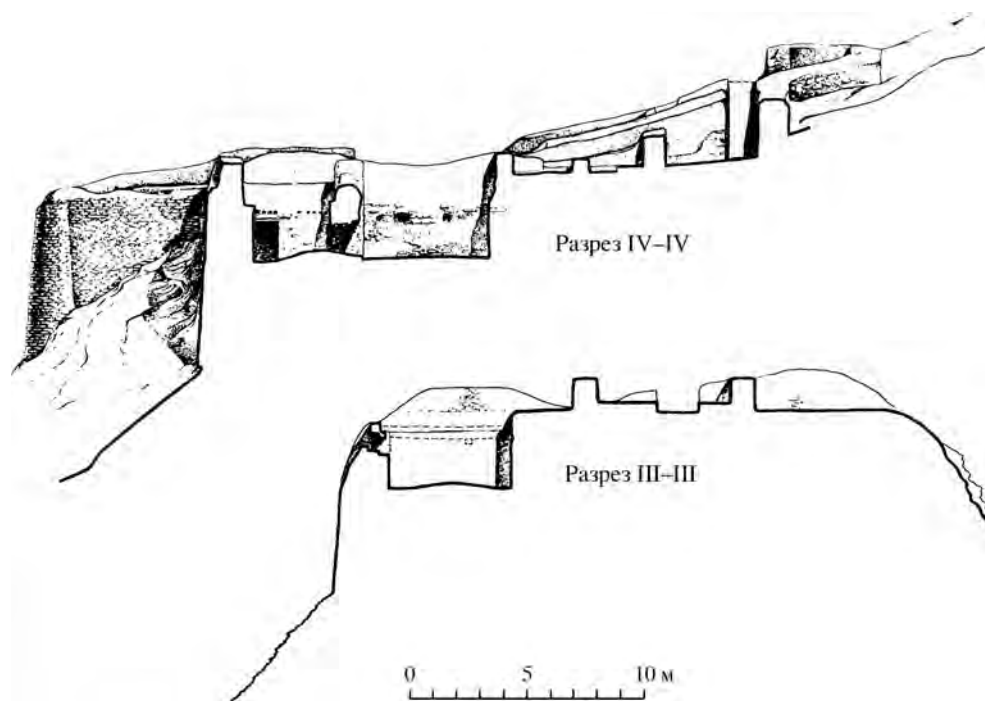

Рис. 6. Архитектурные разрезы замка Мык II (выполнены архитектором И.П. Луньковой).

искажением слова “хисн” – “крепость” (حصن). Не исключено, что первоначально фраза звучала так: “... Арсманда и Замин и крепость Манк”.

У последующих авторов, ал-Истахри и Ибн Хаукала, текст, в основном, сходен. По Ибн Хаукалу: “Рустаки, в которых нет городов, следующие: Бешагар, Месха, Бургар, Бангам [Fanargam], Минк, Бискен и Исбаскент.

Из округа Месхи вытекает одноименная с ним речка, впадает в реку в Бургаре и сливается с реками Самарканда, Саганиана и Ферганы позади Месхи, поблизости от Замина, Маджена и Минка. Последний является там местом, где Кутейба б. Муслим сражался с “одетыми в черное”. Там есть крепость, названная по имени Афшина Великого, спутника Му’тасима, который из-за здорового климата выбрал ее для себя и основал здесь также город. Ушрусану завоевал Ахмад б. Абу-Халид. Семья Абу-Саджа Давдада б. Давдаста происходит из селений, известных под названием Дженкакет и Суйдак. Оба эти селения близки друг к другу. В окрестностях Минка и Мерсменды готовится железное оружие, которое (находится) во всеобщем употреблении в Хорасане и которым вооружаются до Багдада и Ирака. Надо сказать, что в Фергане железо поддается поделке со стороны тех, кто владеет искусством обращаться с ним. Их ум изощряется в приготовлении из него диковинных вещей. В Мерсменде бывает ярмарка, которую посещают

жители отдаленных мест. Ярмарка эта открывается один раз в начале каждого месяца”. Отдельно о Марсманде: “... горный город, в котором нет садов и вовсе отсутствуют виноградники, но проточная вода в нем имеется. Сильные морозы препятствуют тому, чтобы в городе были виноградники и сады. Река в нем широка и сильно замерзает. Но в городе имеются прелестные цветники, луга и восхитительные по расположению и красоте места” (цит. по: Бетгер, 1957. С. 22).

Несколько раньше ал-Истахри писал об изготовлении изделий из железа, но о вывозе их в Хорасан и Ирак ничего не сказано, а Минк – место, где Кутейба б. Муслим сражался с ал-Афшином и осаждал его (1870. С. 312–313, 328).

Никаких географических координат, как видно, в текстах не имеется. Первое, очень расплывчатое указание на местоположение Марсманды появляется в “Худуд ал-Алам”: “Дизак – небольшой город с проточной водой. Возле него есть место Марсаманда, где ежегодно бывает однодневная ярмарка, и говорят, что на этой ярмарке торговый оборот превышает 100 000 динаров”. Выше, в совершенно отдельной фразе сказано о добыче железа: “Сурушана – обширный процветающий край с городами и многочисленными рустаками. Много вина поступает отсюда, и из ее гор поступает железо” (“Hudūd al-‘Ālam”, 1937. С. 115).

Все эти источники детально анализировались, в результате чего возникали самые разнообразные версии локализации Минка и каким-то образом связанного с ним города Марсманда. К этому обратимся ниже, но прежде хотелось бы привести цитату из еще одного источника XII в., перевод которого имеется благодаря исключительной благожелательности О.Г. Большакова. В сочинении ал-Идриси есть следующие слова: “За упомянутым прежде Бунджикетом следует город Марсманда. Он (расположен) в красивом месте, постройки его прекрасны, блага обильны. И нет в нем ни садов, ни виноградников, а деревьев в нем мало из-за холодов.

В нем происходит замечательный базар один раз в начале каждого месяца. На него прибывают обитатели этих краев для купли и продажи. Этот базар знаменит. А между Марсмандой и Нуджикетом два дня пути, и между Марсмандой и крепостью Минк большой переход” (Идриси, 1971–1978. С. 505, 506).

Сочинение ал-Идриси “Развлечение истомленного в странствии по областям” было закончено к январю 1154 г. (Крачковский, 1957. С. 282). До сих пор оно ни разу не привлекалось для решения вопроса о локализации Минка и Марсманды, хотя, несомненно, ал-Идриси использовал при написании своего труда не дошедшие до нас работы географов X в. Можно, конечно, критически относиться к достоверности данных ал-Идриси, но, думается, не следует пренебрегать имеющимися в тексте координатами, тем более что при всей своей популярности (а может быть, именно благодаря этому) никакие другие сведения о местонахождении Минка и Марсманды у других средневековых географов не найдены.

Впервые попытку локализовать Минк и Марсманду предпринял австрийский востоковед В. Томашек, поместивший их в район между верховьями Шахристанса и Зааминсу (Tomaschek, 1877. Карта). Очевидно, основой такого предположения послужила посылка, что такие важные объекты должны располагаться в пределах центральной части Уструшаны.

В.В. Бартольд локализовал Минк и Марсманду “... в горах Буттем, то есть в области верхнего Зеравшана”, и здесь “... добывался материал для железного оружия, которое выделывалось в Фергане и вывозилось во все области до Багдада” (1963. С. 225, 226). Данное предположение получило широкое распространение в научной литературе начала XX в., но в действительности это было первой попыткой хоть как-то осмыслить противоречивые сведения арабских географов.

Совершенно иной подход использовал британский ориенталист Дж. Ле Стрэндж, написав, что “Марасманда, судя по Марасмандским воротам Бунджиката, должна находиться по соседству со столицей” (Le Strange, 1930. Р. 475, 476). Далее автор несколько вольно, но в то же время вполне логично трактует данные источников, говоря о наличии железорудных выработок возле Марсманды и Минка.

После выхода в свет перевода “Худуд ал-Алам” точка зрения В. Томашека и Дж. Ле Стрэнджа о локализации Минка и Марсманды к северу от Туркестанского хребта возобладала. В 1932 г. это четко обосновал П.П. Иванов, впервые использовавший в качестве поискового критерия сведения о железе. Исходя из того, что для Мавераннахра известны два района добычи железных руд: “долина реки Соха в Фергане и средневековые селения Мерсменде и Минк”, автор заключает, “что помещать города Мерсменде и Минк в Буттеме было бы неправильно, поскольку с их существованием тесно связывается добыча железа, о разработке которого в пределах данного района арабские географы ничего не сообщают” (Иванов, 1932. С. 21–23).

Интересно проследить эволюцию мнения М.Е. Массона по поводу данной проблемы, которой было уделено особое внимание в трех базовых работах по истории горного дела и металлургии Средней Азии. Так, в 1934 г. автор пишет: “Центр железорудной промышленности, как будто, находился в северо-восточной части района, где-то к северу от Буттем и частью, может быть, в Исфаре” (Массон, 1934. С. 53). Позже М.Е. Массон указывает, что “точное положение Марсманда пока не установлено”, но подразумевает соседство его с Джизаком (1947. С. 38). В дальнейшем исследователь пришел к следующему выводу: “Возможно, что Минк и Марсманда находились в пределах современного Таджикистана, но все же указание на наличие месторождения железа в Уструшане должно заставить обратить внимание на район к югу от широты Заамина, как на один из участков, где могут оказаться месторождения железной руды” (Массон, 1953. С. 22).

Н.Н. Негматов помещает Минк южнее селения Исфана, “в районе современных горных селений Сулюкты, Зомбарич и Хитай” (1953. С. 249, 250). Позже Н.Н. Негматов добавляет: “К сожалению, предполагаемая территория рустака Минк не подвергнута хотя бы предварительному археологическому обследованию, что, несомненно, уточнило и дополнило бы данные географов об этом рустаке” (1957. С. 46).

Трудно, конечно, в качестве посылки использовать порядок перечня рустак Уструшаны, поскольку он вообще не усматривается. Тем не менее исследование Н.Н. Негматова вновь обозначило суть проблемы и выбор поисковых критериев для ее решения.

В данном случае главный признак – добыча и переработка железных руд, на базе которых основывалось производство изделий, вывозившихся отсюда. Поэтому всем, кто так или иначе обращался к вопросу локализации Минка и Марсманды, поневоле пришлось уделять внимание наличию железных руд, выработок, следов переплавки и т.п.

Расхождения во взглядах наблюдаются в частности и вызваны противоречиями, содержащимися в письменных источниках. Так, с одной стороны, Минк – рустак без города, с другой – намекается на близость г. Марсманды. Чем была обусловлена взаимосвязь двух пунктов – территорией, специализацией или тем и другим вместе?

Еще одно явное несоответствие обнаруживается в текстах ал-Истахри и Ибн Хаукала при описании деятельности Кутейбы в Минке. По ал-Истахри, Кутейба осаждал ал-Афшина, хотя их разделяет во времени около 100 лет. В этом вопросе мнение исследователей однозначно: титулатура владельцев Уструшаны подменена именем Хайдара, сына Кавуса, под которым он был известен в Халифате в начале IX в. Ибн Хаукал сообщает о сражении Кутейбы в Минке с “одетыми в черное”, что было невозможно в начале VIII в., и тем более в Уструшане, как указал еще Х. Гибб (Gibb, 1923. P. 49).

Хотя в средневековых трудах по истории нет никаких сведений о действиях Кутейбы б. Муслима в Минке, нельзя не учитывать информацию географов X в. об этих событиях. Именно поэтому в конечном итоге сложилось представление о Минке как о горном рустаке с центром-крепостью, пострадавшей вследствие арабского вторжения в начале VIII и вновь восстановленной ал-Афшином в начале IX в.

На этом в 1953 г. прекратилась дискуссия по поводу локализации Минка и Марсманды, и предположение Н.Н. Негматова надолго утвердилось в научной литературе. Позже во многих работах можно найти упоминание о Минке и Марсманде, в основном, в связи с обзором достижений Мавераннахра в горном деле и черной металлургии. Вопросы локализации при этом не затрагивались, никакие новые данные не приводились, и зачастую допускалась излишне вольная трактовка письменных источников.

В конце 50-х годов Ю.А. Заднепровский обследовал южные районы Ошской обл., в том числе и местность селения Сулюкты, где Н.Н. Негматов по-

местил Минк и Марсманду (Заднепровский, 1960). В 1959–1960 гг. там же работали сотрудники Ляйлякско-Баткенского отряда Киргизской экспедиции (Баруздин, Брыкина, 1962). Всем хорошо известны многолетние исследования Г.А. Брыкиной на городище Карабулак, отождествляемом с городом Асбаникат, “центром самого восточного рустака Уструшаны, граничившего с Исфарой – Асбарой – рустак-ом Ферганы” (1970. С. 94; 1974. С. 115; 1982. С. 4).

На расстоянии около 40 км к востоку от городища Карабулак, уже в пределах Исфары, имеются поселения Чурбек (VI–VIII вв.) и Рават (X–XII вв.). Здесь выявлено большое количество железных шлаков и многие другие признаки деятельности металлургов (Заднепровский, 1960. С. 161–166; Баруздин, Брыкина, 1962. С. 89, 103, 104, 122, 123). Вероятно, те 19 криц железа, что были найдены в древнем ложе Исфарасая, являются продукцией именно этих поселений, и в данном случае вполне справедлив вывод Н.Н. Негматова о существовании в пределах Исфаринской долины “железоплавильного” центра (Негматов, Мирбабаев, 1986. С. 431). Однако, как видно, указанные поселения к территории Уструшаны никакого отношения не имеют, поэтому позже Н.Н. Негматов предложил новую версию локализации Минка и Марсманды. Следуя ей, Марсманды отождествляется с городищем Барбар, а центр рустака Минк располагался неподалеку – в селении Ходжаметк (верховья Дахкатсая) (Негматов, 1993. С. 38).

Данная версия основывается на результатах работ У.П. Пулатова, проведенных в южной части Ганчинского р-на близ истоков Басмандасая в 1984 г. Раскопками на городище Барбар (Калаи Кофар) вскрыты два помещения, одно из которых оказалось культовым, с входом-тамбуром и пристенным алтарем со следами воздействия огня. Материалы датированы XI – началом XIII в. (Пулатов, 1986. С. 482, 483). Позже исследователь вновь обратился к тем же данным, предложив отождествить искомые Минк и Марсманду в Дахкатском ущелье. Помимо рассказов местных жителей о бывших сражениях доводы автора основаны на мнимом созвучии названий г. Марсманды и р. Басманда, рустака Минк и селения Ходжаметк, которое автор называет просто Метк¹. По мнению У.П. Пулатова, “подлинное” название рустака – “Метк”, а название “Минк” появилось в результате ошибки арабских географов или позднейших переписчиков. Кроме соображений лингвистического порядка в подтверждение своей гипотезы автор мимоходом сообщает о наличии шести “плавильных печей” и древних

¹ В Таджикистане имеется множество топонимов аналогичного типа: Эматк, Ревомутк и, наконец, Матча.

выработках, "... где, очевидно, добывали железную руду" (Пулатов, 1993. С. 77, 89, 90).

Предложенные доводы убедительностью не отличаются: название р. Басманда, вероятнее всего, имеет тюрко-монгольское происхождение²; при написании названия Минк мог ошибиться один арабский географ, один-два переписчика, но никак не вся их блестящая плеяда. На протяжении столетий самые разные географы совершенно определенно писали "Минк" مينك (у ал-Йа'куби – "Манк" ما نك), и в Мавераннахре был только один тезка уструшанского рустака Минк – г. Мунк в Хуттале.

Городище Барбар (Хайбар) также по созвучию связывалось с рустакм Бискар (Бискун) (Негматов, 1953. С. 250, 251). Задолго до У.П. Пулатова на этом городище побывал А.И. Билалов, однако не обнаружил здесь следов древних выработок (1979. С. 359–362; 1980. С. 68, 69).

Таким образом, за исключением ряда сомнительных лингвистических конструкций, версия о локализации Минка и Марсманда в Дахкатском ущелье ничем не обоснована. Слишком удалены названные селения от столицы Уструшаны, ее главных административных и экономических центров – городов Бунджикат и Замин. Не случайно ал-Йа'куби подает сочетание пунктов Марсманда, Замин и Минк в единой связи. Та же тенденция проявляется и в одной из строк Ибн Хаукала – Замин, Маджен, Минк (Маджен, видимо, – один из каналов округа Бунджиката).

На основании раскопок городища Калаи Кофар У.П. Пулатов утверждает о сохранении вплоть до монгольского нашествия населением "труднодоступного высокогорного Дахкатского ущелья культа огня" (1993. С. 87, 88). Однако, согласно письменным источникам, в Марсманде уже в X в. имелась соборная мечеть, иначе этот город вообще не был бы внесен в список городов Уструшаны. Более того, в этом списке Марсманда значится в самом его конце, т.е. в крайне западной части, на границе Уструшаны и Согда (Беленицкий и др., 1973. С. 190. Табл. 11).

Возвращаясь к главному поисковому признаку – железоделательному производству, необходимо напомнить, что в Мавераннахре средневековые географы выделяют два центра черной металлургии: Исфару в Южной Фергане и Минк в Уструшане. Показательно, что только в Исфаре и в нижнем замке Мык II были найдены идентичные по форме бруски – товарный полуфабрикат черного металла. В свою очередь геологи, работавшие по Туркестанскому хребту, также выделяют два района

концентрации железных руд: в Южной Фергане и Мальгузаре.

Главная заслуга в исследовании Туркестанского хребта принадлежит А.Ф. Соседко, обнаружившему выходы бурого железняка в Южной Фергане возле знаменитой пещеры Конигут, в верховьях р. Сох и в упоминавшемся выше Равате. По археологическим находкам было даже установлено время эксплуатации месторождений – VIII–XI вв. (Соседко, 1934. С. 55–64). Исследователь составил геологическую карту, где обозначил район максимального развития жильных основных пород с титанистым железняком, охватывающий верховья Заминсу с ее истоками и притоками и включающий в себя поселение Мык (Соседко, 1933. С. 177).

Геологи неоднократно отмечали идентичность геологического строения гор Мальгузар–Чумкартау (Западная Уструшана) и терригенно-кремнистых разрезов палеозоя Южной Ферганы (Исфара, Сох) (Старшинин, 1995). С указанными палеозойскими отложениями (силур–девон) соотносятся разработки железных руд в Мыкской металлургической зоне, Южной Фергане и далее на восток – в Восточном Туркестане, т.е. в пределах единого широтного пояса с тремя основными выходами высококачественных железняков. Вероятно, повышенное содержание молибдена и ванадия в силурийских сланцах (см. Гамалеев, Хамрабаев, 1958) придавало особое качество выплавляемому металлу.

По этой причине представляется наиболее вероятным отождествление центра рустака Минк с поселением Мык. Этот вывод полностью соответствует информации ал-Идриси, не вводившейся прежде в исследования по данному вопросу, и не вступает в противоречие с описанием географов IX и X вв. К тому же налицо совпадение по поводу информации о разрушении Минка в начале VIII в. и последующем его восстановлении, что наглядно подтверждается наличием замков Мык I и II.

Помимо хронологической взаимосвязанности археологически прослеживается полное совпадение хозяйственной деятельности Минка письменных источников и поселения Мык. Так, во всех слоях замков обнаружены кузнечные шлаки; кроме того, орудия труда металлообработчиков, товарный полуфабрикат железа и кузнечные горны. На производственном участке Мык III найдены тяжелые металлургические шлаки, кузнечные горны, обломки футеровки металлургических и кузнечных горнов и многое другое, что в совокупности соответствует главному поисковому критерию Минка – развитой металлургической и металлообрабатывающей отрасли.

Неизменный спутник Минка – г. Марсманда, с учетом районирования и концентрации пунктов пе-

² Ср., к примеру, с фамилией ордынских выходцев Басмановых, запечатленной в названии московской ул. Басманная.

переработки железа (рис. 1), его нужно искать в верховьях р. Санзар в Бахмальском р-не Джизакской обл. Бахмальский р-н, зажатый между хребтами Мальгузар и Чумкартау, уникален по своим природно-климатическим условиям. Как и Марсманда когда-то, Бахмал славится цветущими садами, лугами и исключительно прохладным климатом, крайне суровым в зимнее время. Археологические памятники группируются вдоль р. Санзар, особенно плотно – в ее верхнем течении, между селениями Нушкент (средневековый Нуджикет) и г. Бахмал. Из приведенной выше цитаты ал-Идриси следует, что Марсманда находится в двух днях пути от Нуджикета и на расстоянии большого перехода от крепости Минк. К сожалению, археологические исследования в Бахмальском р-не прервались в 1991 г., но в округе г. Бахмал известны четыре средневековых городища, каждое из которых может быть сопоставлено с остатками г. Марсманда.

На территории современного Бахмальского р-на в XII в. существовало упомянутое ас-Сам'ани селение Усманд, Йакут называет его Асманд или Саманд. Автор перевода Ш.С. Камалиддинов отождествляет его с нынешним центром Бахмальского р-на г. Усмат (1993. С. 90, 92). Можно предположить, что в этом названии сохранилось имя г. Марсманда, в середине XII в. утратившего былую значимость и превратившегося в обычное, хотя и довольно известное селение. Тогда же, в середине XII в., прекратили свое существование замок и поселение Мык, и на этом закончилась продолжавшаяся почти 600 лет добыча и переработка железных руд во всей Уструшане.

Когда-то благодаря богатству своих недр Уструшана достигла небывалой известности по всему мусульманскому Востоку. Для истории своей страны, как и всего Мавераннахра, рустак Минк имел особо выдающееся значение. С ним связана деятельность выдающейся исторической личности Востока – Хайдара, сына Кавуса, известного в Халифате как ал-Афшин. Свою карьеру он начал в 831 г. при халифе ал-Ма'муне участием в подавлении восстаний в Магрибе и Египте. Особенно отличился ал-Афшин уже при ал-Му'тасиме (833–842 гг.), возглавив боевые действия Халифата по подавлению движения хурремитов под руководством Бабека в Азербайджане. Используя, несомненно, близкие ему приемы ведения войны в горной местности, ал-Афшин в короткий срок с 3 июня 835 г. по 15 сентября 837 г. завершил дело абсолютной победой, для достижения которой до него предпринимались неоднократные попытки в течение многих лет. С этого времени Хайдар б. Кавус – фаворит ал-Му'тасима и возносится на вершину славы, занимая пост наместника халифа в Синде, Армении и Азербайджане. В 838 г. ал-Афшин вновь проявил себя при Амориуме в битве с войсками византий-

ского императора Феофила. Но уже тогда Хайдар б. Кавус был заподозрен в антиисламских и антихалифатских настроениях, над ним состоялся суд, после которого ал-Афшин был заключен в тюрьму в Самарре, где и скончался в 841 г. (Бартольд, 1964. С. 497; Буниятов, 1965. С. 270–283; The Encyclopedia of Islam, 1960. P. 241).

Низам ал-Мульк, повествуя о знаменательных событиях прошлого, в том числе о войне ал-Афшина против Бабека, заключает: “У Мутасима было три победы, все были к славе ислама: первая победа – над Румом, вторая победа – над Бабеком, третья победа – над Мазиаром Гябром из Табаристана. Если бы не случилось хоть одной из этих побед, уничтожился бы ислам” (“Сиясет-намэ”, 1949. С. 227, 228).

В истории Уструшаны странным образом сплелись незаурядная судьба афшина Хайдара, сына Кавуса, и железо, соединившись в точке под названием “крепость Афшина в рустаке Минк” или, как предложено, в замке Мык. Это не случайность, а вполне объяснимая закономерность. В условиях постоянного дефицита железа на Среднем и, особенно, Ближнем Востоке оно ценилось чрезвычайно высоко, поэтому, конечно, рудники Уструшаны приносили колоссальный доход их владельцам. Богатство страны зависит от богатства ее недр, а Уструшана в этом отношении вряд ли могла похвастать чем-нибудь более значительным, чем железные руды.

Значение железорудной базы Уструшаны – ключевое для понимания ее истории. Надо думать, именно обладание продуктом железных рудников позволило в раннем средневековье выдвинуться среди прочих влиятельных родов дому будущих афшинов, владевших рустакком Минк. Со временем, благодаря железу – основе благосостояния, они сумели распространить свое влияние за пределы родового имени на сопредельные территории. В итоге появилось государство, которое с рубежа VI–VII вв. вошло в историю под именем “Уструшана”. И Уструшана никогда не стала бы государственным образованием, не будь в недрах ее гор железной руды – главной предпосылки формирования этой самостоятельной державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабаев А. Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г. // Археологические работы в Таджикистане, АРТ. Вып. VIII. Душанбе, 1962.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бартольд В.В. Афшин // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964.
- Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-западная Киргизия). Фрунзе, 1962.

- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги “Пути и страны” Абул-Касыма ибн Хаукаля // Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957 (Тр. Среднеазиатского гос. ун-та; Вып. CXI).
- Билалов А.И. О работе Горного археолого-топографического отряда СТАКЭ в 1974 г. // АРТ. Вып. XIV. Душанбе, 1979.
- Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980.
- Брыкина Г.А. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI–XII вв. // КСИА. 1970. Вып. 122.
- Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
- Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
- Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965.
- Гамалеев И.Е., Хамрабаев И.Х. Ванадий и молибден в силурийских отложениях гор Мальгузар, Нуратау и Тамды // Узбек. геол. журн. 1958. № 2.
- Давидович Е.А. Новые монетные находки из средневековых выработок Узбекистана // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. XXXVII. Сталинабад, 1956.
- Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.). Фрунзе, 1960.
- Иванов П.П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. М.; Л., 1932.
- Иориси. Abū ‘Abd Allah Muhammad ibn Muhammad ibn ‘Abd Allah ibn Idrīs al-Hammūdī al-Hasanī. Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui peragrarare student”. Neapoli; Romae, 1971–1978.
- Истахри. Viae regnorum, descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhrī / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum; Pars I).
- Йа’куби. Kitāb al-Boldān auctore Ahmed ibn abi Jakub ibn Wādhīh al-Kātib al-Jakūbī / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum; Pars VII).
- Камалиддинов Ш.С. “Китаб ал-Ансаб” Абу Са’да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам’ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л., 1957.
- Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана // Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. XX. Л., 1934.
- Массон М.Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947.
- Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
- Негматов Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // МИА. 1953. № 37.
- Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье // Тр. АН ТаджССР. Сталинабад, 1957. Т. LV.
- Негматов Н.Н. Исследования СТАКЭ в 1984 г. // АРТ. Вып. XXIV (1984 г.). Душанбе, 1993.
- Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины // АРТ. Вып. XIX. Душанбе, 1986.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. Южно-Туркмен. археол. компл. экспедиции. Т. VI. М., 1958.
- Пулатов У.П. Городище Калаи Кофар // АО–1984. 1986.
- Пулатов У.П. Работы Дахкатской группы в 1984 г. // АРТ. Вып. XXIV (1984 г.). Душанбе, 1993.
- Ртвеладзе Э.В., Исхаков М.Х., Маликов О.С. Исследования в Сурхандарьинской и Джизакской областях // АО–1977. 1978.
- Сверчков Л.М. Поселение Мык – источник по истории средневековой Уструшаны: Дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1991.
- “Сиасет-намэ”. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. и примеч. проф. Б.Н. Заходера. М.; Л., 1949.
- Смирнова О.И. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зарафшана // МИА. 1950. № 15.
- Соседко А.Ф. Туркестанский хребет // Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л., 1933.
- Соседко А.Ф. Полезные ископаемые Туркестанского хребта // Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г. Л., 1934.
- Старшинин Д.А. Структурно-формационное районирование герцинид центрального сектора Южного Тянь-Шаня. Душанбе, 1995 / Деп. в НПИ центре 29.XI. 1995 г. № 49/1026.
- Якубовский А.Ю. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // МИА. 1950. № 15.
- The Encyclopaedia of Islam. New ed. V. I. Leiden; L., 1960.
- Gibb H. The Arab Conquests in Central Asia // James G. Forlong Fund. V. II. L., 1923.
- “Ḥudūd al-‘Ālam”. The Regions of the World. A Persian geography 372 A.H. – 982 A.D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. L.; Oxford, 1937.
- Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate (Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur). Cambridge, 1930.
- Tomaschek W. Centralasiatischen Studien, I. Sogdiana. Wien, 1877 (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften Philologisch-Historische Klasse; Bd. LXXXVII).

ПУБЛИКАЦИИ

КОМПЛЕКС ЭПОХИ МЕЗОЛИТА С ПОГРЕБЕНИЕМ ВОЛКА В ПРИБАЙКАЛЬЕ

© 2013 г. В.И. Базалийский*, Р.Д. Лозей**, Д.В. Пежемский***,
С. Гарвье-Лок**, М. Жермонпре****, Д.А. Леонард*****

* Иркутский государственный университет (bazalirk@yandex.ru)

** Университет Альберты, Эдмонтон, Канада

*** НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова

**** Королевский бельгийский институт естественных наук, Брюссель

***** Биологическая станция Доньяны, Севилья, Испания

Ключевые слова: мезолит, ритуальный комплекс, волк.

The article gives a detailed analysis of an unusual burial located in the Cis-Baikal region of Siberia on the bank of the river Angara in the Irkut estuary. It included an intentionally buried wolf, a human skull and scattered human bones as well as various implements and a patch of ochre. The grave analysis is based on osteometric work, DNA analysis, stable isotope analysis, ¹⁴C-dating of wolf and human bones, craniometric characteristic of the human skull, morphological and typological characteristics of the implements. A detailed archaeological description of the burial is given. The research has shown that the wolf bones in grave Locomotiv R-8 belonged to a male animal that died in July or August at the age of 9±1. The cause of death and the subspecies of the animal have not been identified. The human skull is that of a Far Eastern mongoloid. There is a chronological gap between the datings for the human and the wolf bones. The grave can be dated to the Late Mesolithic period and is a ritual burial.

В середине 90-х годов прошлого века в Прибайкалье была исследована уникальная сложноорганизованная могила, датирующаяся рубежом раннего и среднего голоцена. В могильной яме зафиксированы полный скелет волка, человеческий череп, отдельная нижняя челюсть, принадлежавшая другому индивиду, разрозненные кости посткраниального скелета человека, инвентарь и охра. Для изучения всех компонентов этого загадочного погребально-ритуального комплекса предпринят ряд специальных исследований. В настоящей статье представлен археологический контекст захоронения, остеология, остеометрия, анализ ДНК, анализ диеты волка, описание и метрическая характеристика человеческого черепа, радиоуглеродная датировка комплекса.

Материалы. Отмеченная могила Локомотив R-8 обнаружена и раскопана в 1995 г. на левом берегу р. Ангара в приустьевой части р. Иркут (территория Иркутска). Погребение располагалось на восточной экспозиции склона Кайской горы, на территории раннеэнеолитического могильника Локомотив (рис. 1). Геологические отложения, с которых была заложена могильная яма, уничтожены в процессе современной хозяйственной деятельности. Яма длиной 1.48 м и шириной 1.1 в плане имела

овальную форму и продольной осью была ориентирована по линии С–Ю. Могильная яма заполнена гумусированными суглинками, смешанными со светлым мелкозернистым песком. Погребение зафиксировано на дне могильной ямы на глубине 0.86–0.92 м от современной поверхности. Погребенный волк покоился на левом боку с оттянутой в восточную сторону головой, согнутыми в локтевых и коленных сочленениях под острым углом и поджатыми к животу конечностями. Головой зверь был ориентирован на юг (азимут –191°). Анатомическая целостность скелета не нарушена.

В специально устроенном углублении между дистальными концами ребер, правыми локтевым и коленным сочленениями костей волка располагался череп мужчины зрелого возраста (рис. 2). Череп хорошей сохранности в анатомическом порядке с нижней челюстью (верхние и нижние зубы сомкнуты), I и II шейными позвонками лежал с небольшим наклоном на правую сторону и лицевыми костями был ориентирован на юг-юго-запад. Глазницы прикрывались пястными костями и костями фаланг левой лапы волка. Кости левой плюсны волка лежали вдоль теменных костей человеческого черепа. Теменная часть черепа соприкасалась с дистальными концами ребер волка. В целом создается впечатле-

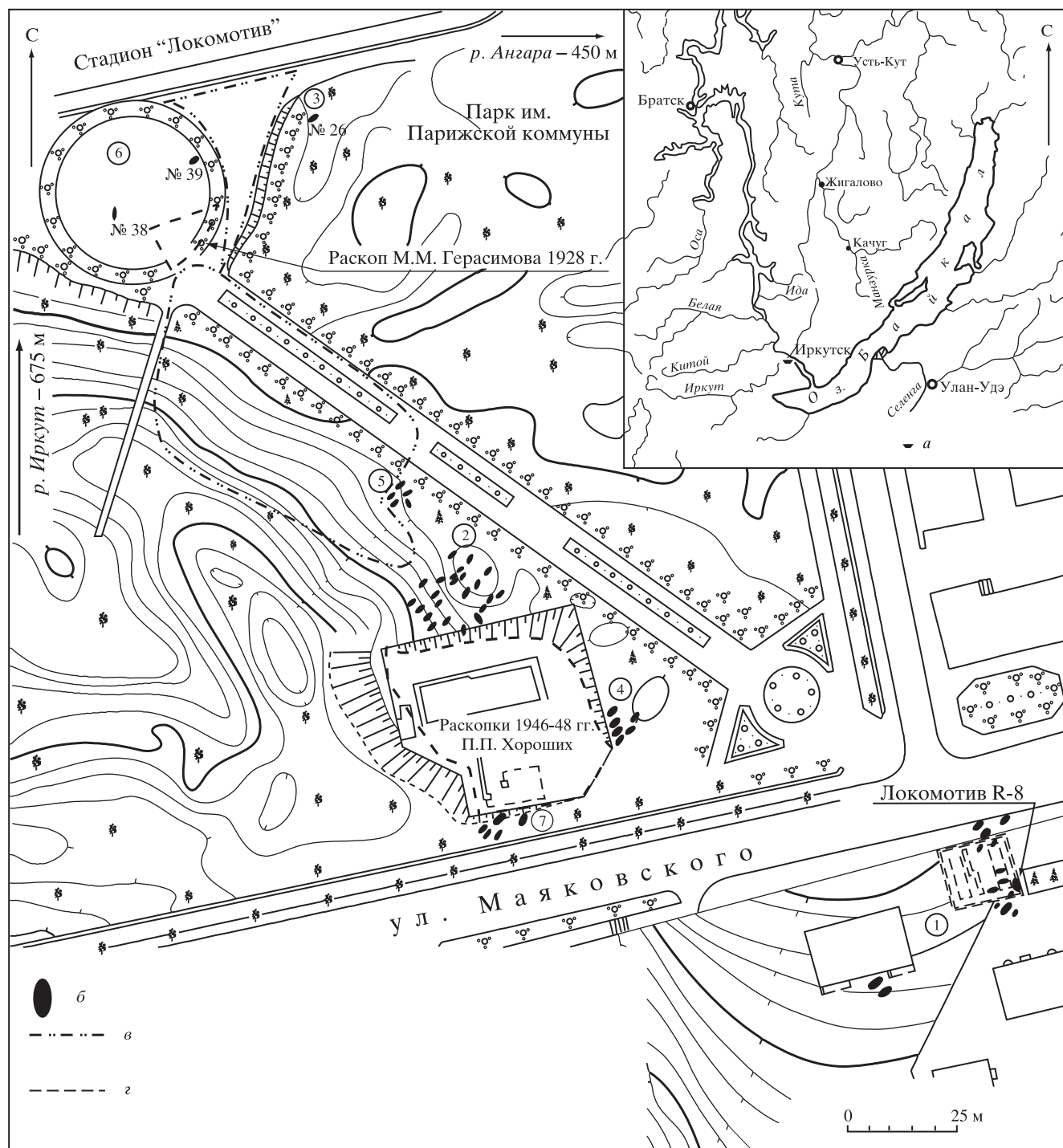

Рис. 1. План могильника Локомотив и локализации погребения Локомотив R-8. На врезке – карта-схема Байкальского региона с указанием местонахождения погребения (а). Условные обозначения на плане: б – могила; в – не раскопанные участки (больше 50 могил); г – границы раскопок М.М. Герасимова и П.П. Хороших.

ние, что волк своими конечностями и животом со всех сторон должен был прикрывать (оберегать) человеческий череп.

К западу от скелета волка под стенкой ямы выявлена нижняя челюсть молодого человека (возраст около 20 лет), располагавшаяся зубами вниз, пе-

редней частью направленная на восток. Южнее и юго-восточнее нижней челюсти вдоль стенки ямы расчищено семь фрагментов человеческих ребер и небольшой фрагмент лопатки или тазовой кости. Рядом с передней частью нижней челюсти волка лежала малая берцовая кость человека с отломан-

Рис. 2. Погребение Локомотив R-8. Локализация человеческого черепа среди костей волка. Вид сверху.

ными эпифизами. К юго-востоку от черепа зверя обнаружена кость фаланги пальца человека, а к востоку от лопаток – фрагмент ребра.

На уровне залегания скелета волка, юго-западнее передней части корпуса, отмечено окрашенное охрой пятно овальной в плане формы. Продольной осью пятно ориентировано по линии С–Ю. Длина пятна – 0.57 м, ширина – 0.47, мощность – 0.1 (рис. 3, 1, 2, 5).

Сопроводительный инвентарь состоит из 11 предметов. Возле остистого отростка одного из грудных позвонков волка обнаружено острие на кремневой призматической пластине (рис. 3, 3). Острым концом изделие было направлено на восток. Севернее острия, рядом с фрагментом ребра лежала призматическая пластина из кремня (рис. 3, 8). К северо-западу от человеческого черепа, в области правой плечевой выявлены две призматические пластины из кремня (рис. 3, 6, 7); фрагмент аналогичного острия (рис. 3, 4), фрагмент эмали зуба животного (рис. 3, 9); три костяные иглы круглые в сечении, диаметром 1.58, 1.39, 1.38 мм: одна целая с круглым просверленным ушком (рис. 3, 14), вторая сломанная в области ушка (рис. 3, 11) и третья с полностью отломанным ушком (рис. 3, 12); фрагменты двух круглых в сечении миниатюрных

игловидных стержней или острий из кости диаметром 1.91 и 0.63 мм (рис. 3, 10, 13).

Зоологическое исследование. Для определения сопричастности волка и костных человеческих останков в погребении Локомотив R-8 была проведена серия специальных методических исследований на скелетах *Canidae*, включая основную описательную остеологию. На начальной стадии исследований выполнены замеры черепа электронным штангенциркулем и с помощью остеометрической доски измерены длинные кости по методике, предложенной Morey (1992). Кости волка обследованы макроскопически на предмет травм и патологий, что было детально описано и зафиксировано фотографически.

Скелет полный, принадлежал взрослому самцу (сохранился *Os penis*). Согласно определению Г.В. Клевезаль, выполненному по слоям в цементе одного из клыков, возраст волка 9 ± 1 лет. Сезон смерти – июль–август. Исследование зубной системы подтверждает это определение. Все зубы имеют очень сильный износ, а верхние резцы стерты до такой степени, что видны полости пульпы. Исследование посткраниального скелета не выявило травм и патологий. Небольшой остеоартрит обнаружен на костях лап. Высота животного до плеча, подсчитан-

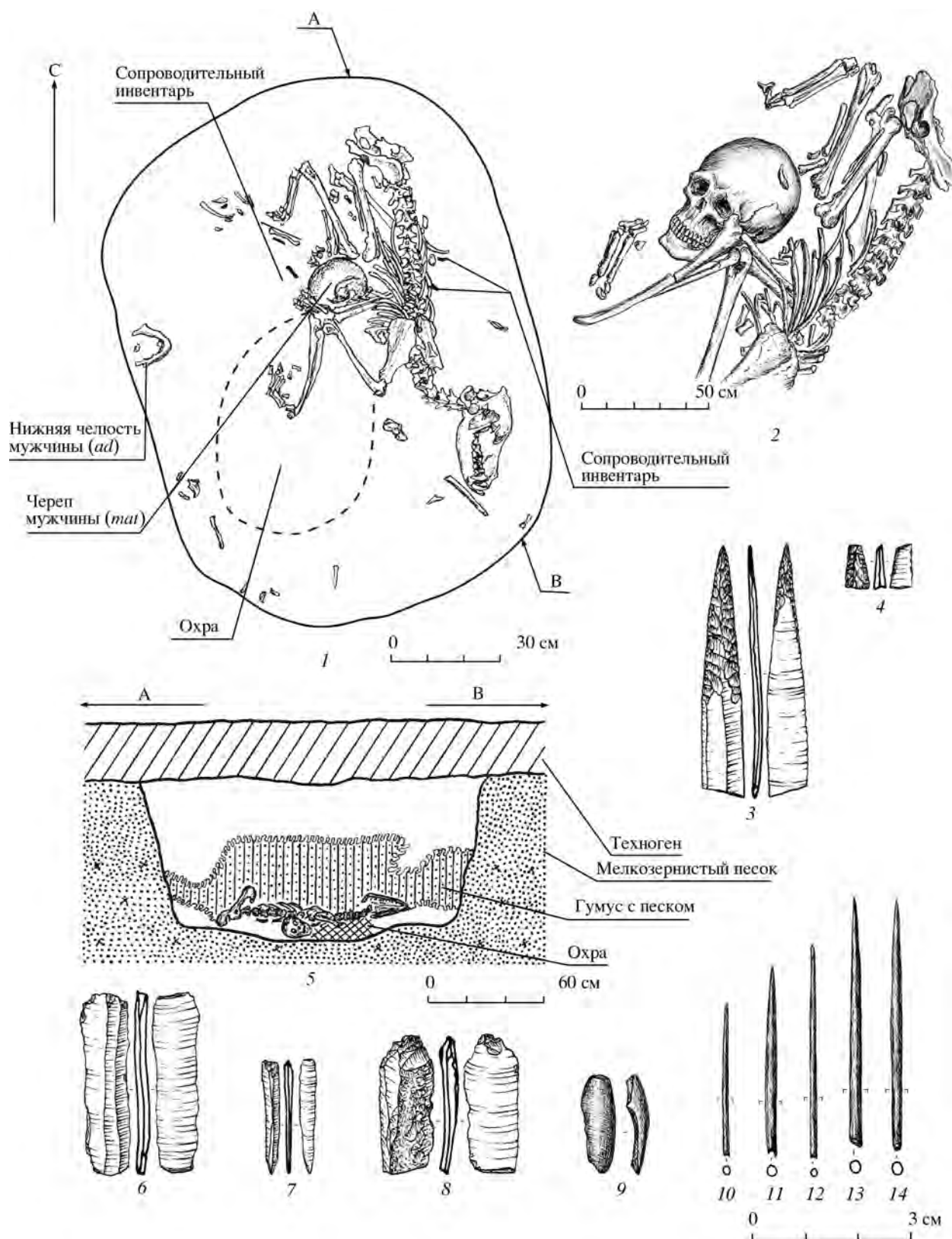

Рис. 3. Планы погребения Локомотив R-8 (1), расположения черепа мужчины (2), продольный разрез могильной ямы (5) и сопроводительный инвентарь: 3, 4 – острие и фрагмент острия на призматических пластинах; 6–8 – призматические пластины; 9 – фрагмент эмали зуба животного; 10–14 – игла и фрагменты игл и игловидных острий из кости.

ная по замерам длинных костей (Harcourt, 1974), составляет 73.2–79.1 см.

Остеометрическое определение волка. Череп волка сравнивался по краниометрическим измерениям с семью рецентными группами волков и собак: дикий волк; палеолитическая собака; архаичная собака; современная архаическая собака; современные собака с мордой, как у волка, собака с коротким зубным рядом и собака с узкой мордой. Детали по каждой группе описаны (Germonpré et al., 2009). Наряду с плейстоценовыми в группу диких волков было добавлено 54 черепа современных волков с северных территорий провинции Альберта (Канада). Современная архаическая группа собак была расширена дополнением трех черепов: ласки (два) и самоедской собаки (один).

Принадлежность образцов определялась с помощью линейной дискриминантной функции (ЛДФ) и очень низкой лямбда *Wilk*, которая предполагает высокий случай предсказуемости ($\lambda = 0.055$, $P < 0.0001$). Череп из погребения Локомотив R-8 располагается очень близко к центру группы диких волков, подтверждая тем самым первоначальное определение животного – волк. Его принадлежность к группе диких волков имеет вероятность на уровне 0.90.

Анализ ДНК. В связи с тем, что погребения волков достаточно необычны и встречаются крайне редко (Fladerer et al., 2009), было принято решение провести генетический анализ древней ДНК скелетных останков *Canidae* из погребения Локомотив R-8 с целью определения видовой принадлежности животного. Подготовка костного образца, выделение ДНК и полимеразная цепная реакция (ПЦР) проводились в специально подготовленной, изолированной лаборатории с использованием стандартных предосторожностей, принятых при работе с материалом такого рода. Негативный контроль использовался для каждого выделения и ПЦР.

Выделение ДНК из образцов кости было проведено по стандартной схеме, включающей декальцинирование 0.5M EDTA, фенол-хлороформную экстракцию, последующую очистку и концентрацию на фильтрующих колонках (Centricon YM-30, Millipore).

Анализ результатов проводился с использованием системы BLAST для каждой полученной чистой последовательности с целью идентификации таксона и доказательства того, что образец действительно принадлежит волку, а не является результатом загрязнения (Leonard et al., 2007). Подтвержденные последовательности волка дополнительно проверялись путем повторного секвенирования того же

фрагмента и анализом перекрывающихся фрагментов. Последовательности ДНК из исследуемых костей сравнивались с ранее опубликованными фрагментами последовательностей собак и волков (Vilá et al., 1999) методом ближайшего соседа в соответствии с моделью HKY85 с помощью программы PAUP* (Swofford, 2002). Для укоренения древа были использованы гаплотипы койота (*Canis latrans*) и индийского волка (Sharma et al., 2003).

Образец ДНК из погребения Локомотив R-8 не нашел аналогий с ранее опубликованными данными. При этом образец *Canidae* не находит аналогий и с четырьмя основнымикладами собак, однако располагается рядом с гаплогруппами азиатских и евразийских волков (рис. 4), что подразумевает принадлежность его к волкам, а не к собакам. Однако выявленный гаплотип нигде не обнаружен, что позволяет считать, что эта линия более уже не существует или, возможно, еще не идентифицирована.

Анализ стабильных изотопов по останкам собак часто показывает, что их питание в целом соответствует питанию людей, с которыми они живут (Katzenberg, 1989). Для того чтобы проверить, мог ли волк из погребения Локомотив R-8 жить с людьми и разделять с ними еду, были проведены исследования по стабильным изотопам $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ образцов кости *Canidae*. Для анализа использовались небольшие фрагменты кости (позвонок) весом около 0.5 г. Их внешняя поверхность удалялась с использованием инструмента с полирующей режущей кромкой. В дальнейшем образцы очищались ультразвуком в дистиллированной воде и деминерализовались через замачивание в постоянно заменяющихся растворах 1%-ной HCl (Sealy, 1986) и в растворе 0.125M NaOH в течение 20 ч для удаления контаментов гуминовых кислот (Katzenberg, Weber, 1999).

Получены следующие величины стабильных изотопов и индикаторы сохранности. Выход коллагена (%) – 14.3; массовая доля углерода (%C) 43.9; массовая доля азота (%N) – 16.2; соотношение содержания углерода и азота (C/N, атомное) – 3.2; соотношение содержания стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$, атомное, ‰PDB) – –20.2; соотношение содержания стабильных изотопов азота (по азоту-15, $\delta^{15}\text{N}$, ‰AIR) – 9.7.

Уровни изотопов волка ($\delta^{13}\text{C} = -20.2\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} = 9.7\text{‰}$) существенно отличаются от уровней аналогичных изотопов людей, обитавших на территории Байкальской Сибири в период раннего неолита. По $\delta^{13}\text{C}$ уровень изотопов волка совпадает с аналогичными уровнями парнокопытных из археологического контекста региона (благородного оленя, косули,

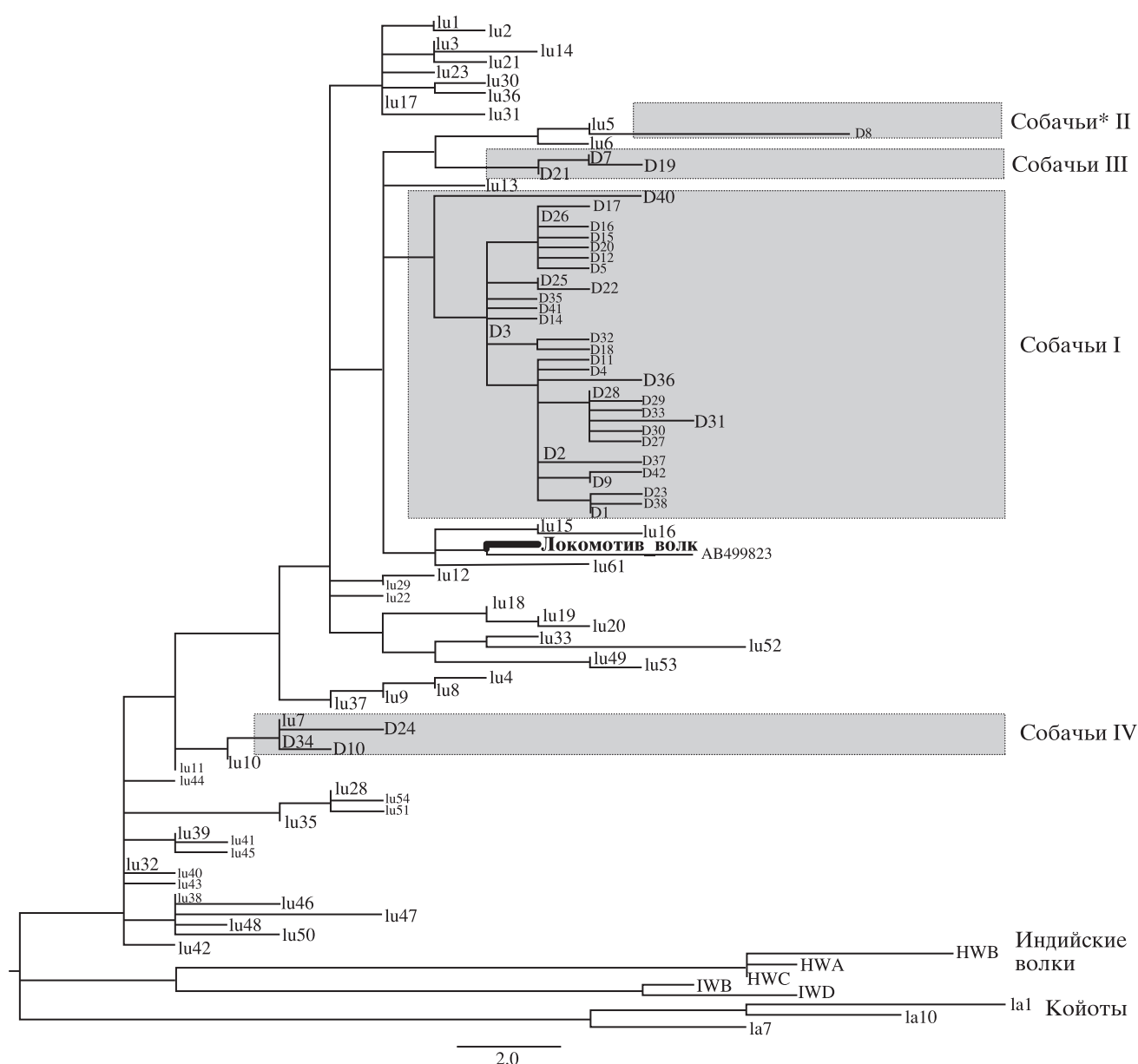

Рис. 4. Филогения волчьих и собачьих митохондриальных гаплотипов контрольной территории, показывающая четыре основные филогенетические ветви собак среди разнообразия волков. Обозначения: D – собачьи гаплотипы; lu, HW или IW или номер ГенБанка в случае неопубликованной последовательности из Японии – волчьи гаплотипы. Четыре основные ветви собак (*) обрисованы и помечены (согласно Vilà et al., 1999). Неизвестный образец (Локомотив волк) и его положение в филогенетической ветви евразийских и азиатских волчьих гаплотипов выделено жирной линией. Филогения уходит корнями в индийских волков (HW и IW) и койотов (la).

лося) и ставит данные по $\delta^{15}\text{N}$ несколько выше трофического уровня благородного оленя и косули, что свидетельствует о питании волка териофауной. Уровень стабильных изотопов рассматриваемого волка совпадает с уровнем стабильных изотопов современных диких волков Байкальской Сибири. Таким образом, уровень стабильных изотопов волка отражает его питание, в основном, парнокопытными, подобно питанию современного волка. Это дикий волк, не контактировавший с людьми.

Антропология. Человеческий череп из погребения Локомотив R-8 на сегодняшний день – самая древняя палеоантропологическая находка в Сибири (рис. 5). В антропологическом отношении эвристический потенциал данной находки трудно переоценить: череп выраженно монголоидный, более чем дифференцированный на уровне расы второго порядка, что позволяет по-новому рассматривать проблемы генезиса большой азиатско-американской расы и динамики ее распространения. Прежние

Рис. 5. Череп из погребения Локомотив R-8. 1 – фас; 2 – профиль.

представления о недифференцированности неолитического населения Байкальской Сибири, судя по всему, придется отбросить.

Череп принадлежал мужчине зрелого возраста. По абсолютным размерам, например горизонтальной окружности и поперечной дуге, – относительно крупный, но не массивный, с отчетливо выраженным рельефом (особенно хорошо развиты сосцевидные отростки).

Мозговой отдел черепа характеризуется гипердолихокранией, продольный диаметр относится к категории больших размеров, как и длина его основания, поперечный – к категории малых (табл. 1). Высотный диаметр от базиса – средний, что делает свод черепа низким относительно большого продольного диаметра. Особенность высоты свода от порионов – его большая величина (и это далеко не последнее “неожиданное” сочетание признаков!). Лоб средней ширины, узкий относительно большого диаметра на уровне венечного шва, лобная кость протяженная и сильно изогнутая. Угол наклона лба по линии назион-метопион средний. Затылок среднеширокий, основание черепа узкое (!). В целом, мозговой отдел следует признать лептоморфным и сравнительно развитым в высоту.

Лицевой отдел черепа очень высокий и широкий по абсолютным размерам, лептопрозопный, обладающий резко выраженным общим прогнатизмом и прогнатизмом средней части лица. Верхняя и средняя ширина лица также относятся к категории больших. Горизонтальная профилировка лица крайне ослаблена, назомалиарный угол очень большой, зигомаксиллярный – средний. Последняя осо-

бенность не должна приниматься во внимание, так как величина данного угла определяется не общей горизонтальной профилировкой лицевого скелета, а резко выраженным прогнатизмом средней его части, что определяет резкий вынос вперед спинальной области. Нос очень высокий, очень узкий (!), как абсолютно, так и относительно, крайне слабо выступающий. Переносье очень узкое и очень низкое, слабо развитое как на уровне максиллофронтальных точек, так и на уровне симметрических (в особенности!). Орбиты очень крупные, оба диаметра относятся к категории очень больших, по пропорциям – средние. Альвеолярный отросток длинный и узкий (длина альвеолярной дуги большая, длина нёба очень большая, ширина альвеолярной дуги средняя, ширина нёба малая), глубина клыковой ямки очень малая. Альвеолярный прогнатизм полностью отсутствует, что крайне нехарактерно при большом общем прогнатизме.

Нижняя челюсть длинная и узкая. Восходящая ветвь высокая и широкая, имеет малый угол наклона. Тело нижней челюсти относительно тонкое, очень развитое в высоту. Подбородок выступает средне, передняя его ширина столь велика (при общей узости челюсти!), что выходит за пределы мирового максимума.

Датировка. Для определения хронологического периода формирования погребения Локомотив R-8 по костным образцам получено четыре ^{14}C -даты. Две из них – датировки позвонков и ребер волка: 7230 ± 40 – некалиброванный возраст (GIN-8841a; о выходе коллагена не сообщается), калиброванный возраст 8070 ± 70 л.н.; 7320 ± 70 – некалиброванный

Таблица 1. Морфометрическая характеристика мужского черепа из погребения Локомотив R-8 (мм)

Признак (№ по Р. Мартину)		Признак (№ по Р. Мартину)	
<i>Мозговой отдел</i>		<i>Лицевой отдел</i>	
1. Продольный диаметр	186	45. Скуловой диаметр	138
8. Поперечный диаметр	136	40. Длина основания лица	101
8:1. Черепной указатель	73.1	48. Верхняя высота лица	78
17. Высотный диаметр	134.5	48:45. Верхний лицевой указатель	56.5
17:1. Выотно-продольный указатель	72.3	47. Полная высота лица	129
17:8. Выотно-поперечный указатель	98.9	43. Верхняя ширина лица	108.5
20. Ушная высота	117	46. Средняя ширина лица	103.5
5. Длина основания черепа	105	55. Высота носа	58
9. Наименьшая ширина лба	96	54. Ширина носа	22.3
10. Наибольшая ширина лба	125	54:55. Носовой указатель	38.4
9:10. Широтный лобный указатель	76.8	51. Ширина орбиты	46.0
11. Ширина основания черепа	119	52. Высота орбиты	38.5
12. Ширина затылка	111.5	52:51. Орбитный указатель	83.7
29. Лобная хорда	115	60. Длина альвеолярной дуги	57
Высота изгиба лба	27.6	61. Ширина альвеолярной дуги	63
30. Теменная хорда	117	62. Длина нёба	50.7
31. Затылочная хорда	94	63. Ширина нёба	37.0
Высота изгиба затылка	24.4	63:62. Нёбный указатель	73.0
23. Горизонтальная окружность	539	MC. Максиллофронтальная ширина	17.2
24. Поперечная дуга	320	MS. Максиллофронтальная высота	3.8
25. Сагиттальная дуга	368	MS:MC. Максиллофронтальный указатель	22.1
32. Угол профиля лба <i>n-m</i>	80	SC. Симотическая ширина	3.8
32 (1a). Угол профиля лба <i>n-b</i>	50	SS. Симотическая высота	2.4
Угол профиля лба <i>g-m</i>	71	SS:SC. Симотический указатель	63.2
32 (2). Угол профиля лба <i>g-b</i>	44	Высота изгиба скуловой кости	13.3
<i>Нижняя челюсть</i>		Ширина скуловой кости	55.0
68 (1). Длина от мыщелков	111.5	FC. Глубина клыковой ямки	2.0
68. Длина от углов	80	IM. Глубина верхнечелюстной вырезки	15.0
65. Мыщелковая ширина	114	72. Общий лицевой угол	89
66. Угловая ширина	98	73. Средний лицевой угол	96
66:68. Широтно-продольный указатель	122.5	74. Угол альвеолярной части	64
67. Передняя ширина	55.5	75. Угол наклона носовых костей	?74
70. Высота ветви	68	75 (1). Угол выступания носа	?15
71a. Наименьшая ширина ветви	37 пр.	77. Назомалярный угол	155
79. Угол ветви	114	$\angle Zm'$. Зигомаксиллярный угол	134.6
69. Высота симфиза	37	Надпереносье	3 балла
69 (1). Высота тела	36	Надбровные дуги	1 балл
69 (3). Толщина тела	12	Наружный затылочный бугор	1 балл
69 (3):69 (1). Указатель массивности	33.3	Сосцевидный отросток	3 балла
$\angle C'$. Угол выступания подбородка	70	Нижний край грушевидного отверстия	<i>Fossa pr.</i>

возраст (ТО-11558; выход коллагена – 2.7%), калиброванный возраст 8140 ± 90 л.н. Обе датировки статистически совпадают при уровне доверительной вероятности 95% (результат Т-теста – 1. 246154).

По человеческим останкам из погребения Локомотив R-8 выполнены также две радиоуглеродные датировки. Одна получена по первому шейному позвонку, находившемуся в анатомическом сочленении с человеческим черепом: 7840 ± 70 – некалиброванный возраст (ТО-10507; выход коллагена – 12%), калиброванный возраст 8690 ± 120 л.н. Другая – по

кости фаланги пальца, располагавшейся среди разрозненных человеческих костей: 7750 ± 70 – некалиброванный возраст (ТО-06482; выход коллагена – 1.3%), калиброванный возраст 8530 ± 70 л.н. (Holocene Tree-Ring Calibration Data INTCAL04). Эти датировки также статистически совпадают (результат Т-теста – 0.825306) и являются самыми древними на сегодняшний день из полученных дат ^{14}C по костным человеческим останкам на территории Байкальской Сибири.

Обсуждение. В результате проведенных исследований установлено, что похороненное в могиле Локомотив R-8 животное является волком. Это был взрослый самец, один из наиболее крупных представителей этого вида хищников. Подвид животного по костям скелета не определяется. Отсутствующие и изношенные зубы свидетельствуют о преклонном возрасте зверя, что подтверждается также определением Г.В. Клевезаль. К сожалению, не удалось установить обстоятельств смерти животного. Признаки механического воздействия на костях не обнаружены. В неволе волки живут до 15–16 лет, но в дикой природе продолжительность их жизни значительно меньше. Некоторые исследователи предполагают, что степень износа и потери зубов волка может свидетельствовать о его совместном проживании с людьми, так как в дикой природе с подобным состоянием зубной системы существование невозможно. Но, как показывает целый ряд исследований, дикие волки довольно часто страдают от переломов черепа, лап и потери зубов, но травмы заживают и не приводят к смерти животного (Rausch, 1966). Отсутствующие и изношенные зубы волка из исследованного погребения свидетельствуют, повторимся, лишь о солидном возрасте животного и, возможно, полной опасностей жизни, но не о совместном проживании с людьми. Это подтверждают также результаты исследований стабильных изотопов. В целом, единственный признак взаимодействия волка с человеком – его преднамеренное погребение в могиле.

Человеческий череп из данного захоронения ассоциируется с большой азиатско-американской расой. На следующем таксономическом уровне он должен быть отнесен к дальневосточным монголоидам, резко отличающимся от всех древних и современных расовых типов Сибири лептопрозопностью, крайним развитием лица в высоту, узким носом и очень узким переносьем. В ходе дальнейших исследований данный морфологический тип, скорее всего, найдет себе близкие аналогии в современных группах северных китайцев, среди народов Приамурья, однако начать сравнительный анализ необходимо именно с древних краниологических вариантов.

Как видим по описанию и краниометрической характеристике, исследованный мужской череп обладает крайне специфическим морфологическим обликом. Подыскать ему адекватные аналогии чрезвычайно сложно. Эта процедура, безусловно, должна осуществляться в дальнейшем на индивидуальном уровне. Сейчас же попытаемся оценить его особенности, сравнив с известными краниологическими данными по неолитическому населению Байкальской Сибири (табл. 2). Для этого необхо-

димо сделать методическое допущение, что индивидуальные черты данного черепа в значительной мере отражают среднегрупповые характеристики популяции, к которой он принадлежал. Не трудно убедиться, что близких параллелей среди неолитических серий Прибайкалья и Забайкалья данному черепу нет. Выраженной долихокранией обладает только раннеолитическое население Верхней Лены, которое крайне отличается от искомым характеристик большой высотой черепа, сравнительно низким лицом, широким носом и очень широкими носовыми костями. Остальные группы мезокранны, однако, предположив, что здесь может сказываться эпохальный процесс брахицефализации, продолжим сравнение. Резким несхождением с черепом Локомотив R-8 (1) по выбранному набору признаков обладают “исаковцы” р. Ангара и раннеолитическое население Забайкалья (Фофаново). Меньшее количество отличий обнаруживаем у “серовцев” Ангара и архаической группы р. Лена, однако и те и другие должны быть признаны неподходящими аналогиями. Единственная возможность хоть как-то сравнить череп из погребения Локомотив R-8 с другими находками – обращение к данным по “китойцам” Ангара. Аналогия, конечно, не самая убедительная: у китойцев крупнее мозговой отдел черепа, значительно ниже свод, шире носовое отверстие и носовые кости, тем не менее с учетом того, что сопоставляются индивидуальные и среднегрупповые данные, параллель эту не стоит оставлять без внимания.

Осмысление археологического материала на новом уровне с привлечением методов абсолютного датирования (^{14}C) позволило в настоящий момент выделить в рамках каменного века Байкальской Сибири период финального мезолита и очертить круг погребальных памятников, относящихся к этой эпохе – концу VII – началу VI тыс. до н.э. (Bazaliiskii, 2010). Из семи памятников позднего мезолита на сегодняшний день в антропологическом отношении могут быть изучены только два: Нижняя Джилinda I (Ветров и др., 1993) и Локомотив R-8 (Bazaliiskij, Saveljev, 2003). Кроме того, есть скудные данные о черепе из могильника Щукино, изучавшегося П.П. Хороших в 1953 г. Антропологические материалы из него утрачены, но в краткой археологической публикации имеется ряд краниометрических данных (в основном, указатели), полученных иркутским медиком А.И. Казанцевым (Казанцев, Хороших, 1958).

Череп из Щукино (табл. 3) принадлежал мужчине позднего зрелого возраста, был частично разрушен и, вероятно, не реставрировался. Судя по описанию А.И. Казанцева и сохранившимся кра-

Таблица 2. Сравнительная краниометрическая характеристика черепа Локомотив R-8 и неолитических серий Байкальской Сибири (мм)

Признак (№ по Р. Мартину)	Локомотив R-8 (поздний мезолит)	“Китойцы” Ангарты (ранний неолит)	Ранний неолит Лены	Фофаново (ранний неолит)	“Исаковцы” Ангарты (поздний неолит)	“Серовцы” Ангарты (поздний неолит)	Архаический тип Лены (поздний неолит)
1. Продольный диаметр	186	188.4	193.0	189.0	188.8	193.5	185.4
8. Поперечный диаметр	136	144.1	146.0	147.0	145.7	146.1	143.6
8:1. Черепной указатель	73.1	76.9	74.3	78.1	77.1	75.2	77.3
17. Высотный диаметр	134.5	128.9	137.7	134.3	130.0*	133.4	131.8
9. Наименьшая ширина лба	96	93.5	91.8	90.7	95.4	95.8	93.1
45. Скуловой диаметр	138	141.7	141.3	147.0	140.8	141.5	139.6
48. Верхняя высота лица	78	75.1	72.5	76.7	72.8	76.5	72.4
51. Ширина орбиты	46.0	43.1	43.0*	42.3	42.0	42.5	42.2
52. Высота орбиты	38.5	34.1	30.8	33.7	32.0	34.8	33.3
55. Высота носа	58	56.1	53.5	51.0	54.3	54.2	52.9
54. Ширина носа	22.3	26.3	27.5	24.9	26.3	25.8	25.1
SC. Симотическая ширина	3.8	8.1	11.5	5.7	8.4	7.9	7.3
77. Назомаллярный угол	155.0	148.4	152.0*	152.3	146.4	145.4	145.3
$\angle Zm'$. Зигмаксиллярный угол	134.6	137.4	133.0*	143.0	139.3	137.1	137.6

Примечание. Краниометрические данные взяты из работ Н.Н. Мамоновой (1973, 1983) и М.М. Герасимовой (1991).

* Сохранность позволяет зафиксировать только одно наблюдение.

ниометрическим данным, череп характеризовался гипердолохокранией (73.2), очень низким сводом и относительно узким лбом. При столь скудных сравнительных материалах любые параллели делать рискованно, тем не менее нельзя не заметить определенного сходства в строении мозговых капсул у черепов Локомотив R-8 (1) и Щукино. В данном контексте принадлежность этих черепов к одному локальному географическому ареалу (погребения найдены в черте современного г. Иркутск) приобретает определенный смысл.

Особенности скелетной системы мужчины из Нижней Джилинды уже неоднократно обсуждались (Пежемский, 1998; Пежемский, Рыкушина, 1998; Pezhemsky, 1999). Стоит напомнить, что данный индивид обладал брахикранной (83.1), средневысокой черепной коробкой, широким лбом, невысоким

и очень широким лицом с очень низкими орбитами и относительно широким носом. Горизонтальная профилировка лица средняя. В морфологическом отношении джилиндинский человек может быть описан либо в категориях выделенного Г.Ф. Дебецем катангского антропологического типа, либо в рамках расовых особенностей южных монголоидов. Достаточно даже беглого взгляда на краниометрические характеристики черепов из Нижней Джилинды и Локомотив R-8, чтобы понять, что эти находки относятся к совершенно разным, можно сказать полярным, морфологическим вариантам (табл. 3). Это позволяет сделать предположение, что уже в эпоху позднего мезолита в Восточной Сибири обитали популяции различного происхождения, принадлежавшие, как минимум, к двум древним антропологическим пластам. Один из них

Таблица 3. Сравнительная характеристика пропорций позднемезолитических черепов Восточной Сибири (мм)

Признак (№ по Р. Мартину)	Щукино	Нижняя Джилинда	Локомотив R-8
8:1. Черепной указатель	73.2	83.1	73.1
17:1. Высотно-продольный указатель	66.5	72.7	72.3
17:8. Высотно-поперечный указатель	90.8	87.5	98.9
9:8. Лобно-поперечный указатель	64.8	67.1	70.6
9:10. Широтный лобный указатель	86.6	82.3	76.8
63:62. Нёбный указатель	88.2	—	72.6
67. Передняя ширина нижней челюсти	49	53	55.5

представлен на сегодняшний день человеком из Нижней Джилинды, второй – индивидами из Щукино и восточного склона Кайской горы в Иркутске (Локомотив R-8).

Сопроводительный инвентарь представлен двумя категориями предметов: кремневыми призматическими пластинами и выполненными на них орудиями и костяными иглами и игловидными остриями. Острие, выполненное на призматической пластине (рис. 3, 3), относится к мезолитическим остриям даурского типа. Наиболее часто эти острия находят в Забайкалье, реже – в долине Ангары и на о. Ольхон на Байкале. Заостренные призматические пластины отмечены также в могилах хиньской традиции погребений, на сегодняшний день самых древних в Прибайкалье (Окладников, 1950). Преобладание в сопроводительном инвентаре призматических пластин фиксируется в могилах хронологического периода 8000–7000 л.н. (некалиброванный возраст) (Bazaliiskii, 2010). Иглы и игловидные острия не относятся к хронологическим и культурным индикаторам. В целом, следует отметить, что морфотипологические показатели сопроводительного инвентаря не противоречат датировкам (древности) комплекса.

Локальные пятна охры в археологии Байкальской Сибири отмечены в некоторых могилах хронологического диапазона 8000–7000 л.н. (некалиброванный возраст) и в могилах эпохи позднего неолита.

Комплекс Локомотив R-8 уверенно датирован. Хронологический разрыв между останками людей и волка, согласно радиоуглеродным датировкам, составляет около 500 лет. Гипотетически разница между ^{14}C -датами должна сократиться или вообще исчезнуть, если учитывать эффект старого углерода (возможно, эффект тяжелой воды: Deevery et al., 1954) в человеческих образцах. В остеологическом материале из археологических объектов побережья оз. Байкал и других пресноводных регионов про-

слеживается присутствие углеродного смещения (Watanabe et al., 2009; Geyh et al., 1998). Анализ стабильных изотопов ранненеолитического населения из могильника Локомотив показывает одно из самых высоких средних значений $\delta^{15}\text{N}$ (14.4 ‰), что в хронологическом отношении еще значительно отодвигает ранненеолитические погребения от могилы Локомотив R-8. Исследования стабильных изотопов позднемезолитического (докитойского) населения Байкальского региона не проводились, и значение $\delta^{15}\text{N}$ для хронологического периода 8000–7000 л.н. остается неизвестным. В традициях погребений позднего неолита это значение значительно ниже, а в могилах позднего мезолита, как было отмечено выше, не определялось. Значение $\delta^{15}\text{N}$ для волка показывает, что он не питался водной фауной и находился на значительном удалении от цепочки старого углерода.

R.J. Losey вписывает комплекс Локомотив R-8 в контекст ранненеолитического могильника Локомотив (Losey et al., 2011). Как свидетельствуют представленные выше материалы датирования, морфотипологические показатели сопроводительного инвентаря, краниометрическая характеристика останков человека, это погребение соотносится с могильником Локомотив только своей локализацией. Комплекс не создавался китойцами и никак не соотносится с их культурой и погребальными традициями.

Среди множества версий, объясняющих создание этого необычного погребения, наиболее предпочтительны, на взгляд авторов, две. Согласно первой, погребенный волк призван был охранять (оберегать) человеческий череп (голову) в “другом” мире. Гипотетически в том случае, если в позднем мезолите, как и в раннем неолите, присутствует эффект старого углерода, а человеческие и волчьи останки синхронны, под “охрану” дикого зверя могла быть помещена человеческая голова, о чем

свидетельствует сохранность черепа в анатомическом порядке вместе с первым и вторым шейными позвонками.

Вторая версия также может иметь основания. Отдельные человеческие кости были эксгумированы из древней могилы и захоронены в новой – с волком. Череп мужчины *mat* был бережно перенесен из старой в новую могилу вместе с прилипшим к нему грунтом (благодаря этому сохранил анатомический порядок и остались на месте первый и второй шейные позвонки) и помещен в специальное углубление на дне ямы под охрану волка. Отдельные предметы сопроводительного инвентаря находились в грунте рядом с черепом и вместе с ним были перемещены в новую могилу.

Захоронения отчлененного черепа известны с конца нижнего палеолита. Погребения головы (черепа, не освобожденного от мягких тканей) фиксируются в верхнем палеолите и мезолите (Медникова, 2004). Сюжет использования черепа – особо значимой части тела – в культах и религиозных обрядах позднемезолитического и неолитического населения Байкальской Сибири также имел место (Аксенов, 1982. С. 7; Bazaliiskii, 2010; Окладников, 1975. С. 54).

Охранная функция волка также уходит в глубокую древность. У входа в два жилища среднеплейстоценового возраста в пещере Лазаре на юге Франции зафиксированы черепа волков. По предположению В.Р. Кабо, зверь призван был охранять оставленное жилище до возвращения его обитателей (2007. С. 137). Охранное, культовое значение мог иметь также череп волка из Мезинской верхнепалеолитической стоянки. Череп находился над входом в жилище из костей мамонта (Пидопличко, 1969. С. 99).

Видимо, в связи с тем, что к волкам у большинства народов было последовательно негативное отношение, преднамеренные погребения хищника в археологии малоизвестны. Одним из немногих свидетельств подобного погребения может служить находка двух скелетов волков на верхнепалеолитической стоянке Лангманнерсдорф в Нижней Австрии (Средний Дунай). Анатомически почти полные скелеты зверей лежали параллельно друг другу. Такое расположение костей с тафономической точки зрения объясняется следствием преднамеренного погребения. Кроме этого есть данные, что волки подвергались отчетливым посмертным ритуалам, включая захоронение в могилах, у некоторых народов Приполярного Севера (Grøn, 2005; Fladerer et al., 2009).

Подведем краткие итоги проведенного исследования. В могиле Локомотив R-8 зафиксировано погребение дикого волка, крупного самца, умершего в возрасте 9 ± 1 лет (причина смерти и подвид животного неизвестны). Установлено, что в реальной жизни волк никогда не взаимодействовал с людьми. Человеческий череп ассоциируется с большой азиатско-американской расой, относится к дальневосточным монголоидам. В датировках человеческих и волчьих костных останков имеется хронологический разрыв, но с учетом эффекта старого углерода останки могут быть синхронны. Проанализированный археологический объект представляет собой ритуальный комплекс, в котором нашли отражение сложные мифологические, религиозные и иные представления древнего населения эпохи позднего мезолита. Комплексное изучение подобного материала, представленное в данной работе, может послужить отправной точкой для изучения многогранных отношений людей и животных в традиционных обществах.

Работа выполнена при поддержке исследовательского гранта MCRI SSHRC N_o RE 0007122.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов М.П. Погребение “хиньского” типа на Верхней Лене (Рытвинка I) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск, 1982.
- Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Ниж. Джилинда (Сивакон-1) в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск, 1993.
- Герасимова М.М. Черепа из Фофановского могильника // Древности Байкала. Иркутск, 1991.
- Кабо В.Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М., 2007.
- Казанцев А.И., Хороших П.П. Неолитические погребения в районе Ангарской гидроэлектростанции // Зап. Иркут. краеведческого обл. музея. Иркутск, 1958.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71.
- Медникова М.Б. Трепанация в древнем мире и культ головы. М., 2004.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I, II. М.; Л., 1950 (МИА; № 18).
- Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.

- Пежемский Д.В. Проблема недифференцированного монголоидного краниологического типа Восточной Сибири // *Раса: миф или реальность?* М., 1998.
- Пежемский Д.В., Рыкушина Г.В. Человек из Нижней Джилинды I (предварительное сообщение) // *Вестн. антропологии. Альманах. Вып. 4. М.*, 1998.
- Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.
- Bazaliiskii V.I. Mesolithic and Neolithic mortuary complexes in the Baikal region of Siberia // *Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia: Bioarchaeological Studies of Past Lifeways* / A.W. Weber, M.A. Katzenberg, T.G. Schurr (eds). Philadelphia, 2010.
- Bazaliiskij V.I., Saveljev N.A. The Wolf of Baikal: the "Lokomotiv" Early Neolithic Cemetery in Siberia (Russia) // *Antiquity*. 2003. V. 77. № 295.
- Deevey Jr.E., Gross M.S., Hutchinson G.E., Kraybill H.L. The natural ^{14}C Contents of materials from hard-water lakes // *Proc. National Acad. Sci. USA*. 1954. V. 40.
- Fladerer F.A., Salcher-Jedrasiak T., Umgeher-Mauer S. Before the decline of the Mammoths: a reassessment of the 20 ka Epiaurignacian site at Langmannersdorf in Lower Austria // *Proc. 51st Annual Meeting in Ljubljana Hugo Obermaier Soc. Quaternary Res. Archaeolog. Stone Age: University of Ljubljana, Slovenia*, 2009.
- Germonpré M., Sablin M.V., Stevens R.E. et al. Fossil dogs and wolves from Palaeolithic sites in Belgium, the Ukraine and Russia: osteometry, ancient DNA and stable isotopes // *J. Archaeolog. Sci.* 2009. V. 36 (2).
- Geyh M.A., Schotterer U., Grosjean M. Temporal changes in the ^{14}C reservoir effect in lakes // *Radiocarbon*. 1998. V. 40.
- Grøn O. A Siberian perspective on the north European Hamburgian culture: a study in applied hunter-gatherer ethnoarchaeology // *Before Farming*. 2005. V. 1.
- Harcourt R.A. The dog in prehistoric and early historic Britain // *J. Archaeolog. Sci.* 1974. V. 1.
- Katzenberg M.A. Stable isotope analysis of archaeological faunal remains from Southern Ontario // *J. Archaeolog. Sci.* 1989. V. 16.
- Katzenberg M.A., Weber A.W. Stable isotope ecology and paleodiet in the Lake Baikal Region of Siberia // *J. Archaeolog. Sci.* 1999. V. 26 (6).
- Leonard J.A., Shanks O., Hofreiter M. et al. Animal DNA in PCR reagents plagues ancient DNA research // *J. Archaeolog. Sci.* 2007. V. 34.
- Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S. et al. Canids as persons: Early Neolithic Dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia // *J. Anthropolog. Archaeology*. 2011. V. 30.
- Morey D.F. Shape and development in the evolution of the domestic dog // *J. Archaeolog. Sci.* 1992. V. 19.
- Pezhemsky D.V. The ancient man from Eastern Siberia (VIIth millennium BC) // *IVth Int. Anthropolog. Congr. of Aleš Hrdlička – World Anthropolog. Turn Centur. Prague*, 1999.
- Rausch R.A. Wolf Studies, 1964–1966. Federal Aid in Wildlife Restoration Work Plan Segment, Report W-6-R-5 and 6. Alaska Division of Game. Juneau, 1966.
- Sealy J. Stable carbon isotopes and prehistoric diets in the south-western cape province, South Africa. Cambridge, 1986 (Monographs in African Archaeology 15; BAR Int. Ser. 293).
- Sharma D.K., Maldonado J.E., Jhala Y.V., Fleischer R.C. Ancient wolf lineages in India // *Proc. Royal Soc., London Biolog. Sci.* 2004. V. 271 (Suppl. 3).
- Swofford D.L. PAUP*; Phylogenetic analysis using parsimony (*and other methods). Version 4. Sunderland, 2002.
- Vilà C., Amorim I.R., Leonard J.A. et al. Mitochondrial DNA phylogeography and population history of the grey wolf *Canis lupus* // *Molecular Ecology*. 1999. V. 8 (12).
- Watanabe T., Nakamura T., Watanabe Nara F. et al. High-time resolution AMS ^{14}C data sets for Lake Baikal and Lake Hovsgol sediment cores: changes in radiocarbon age and sedimentation rates during the transition from the last glacial to the Holocene // *Quaternary Int.* 2009. V. 205.

ПРОТОКУРО-АРАКСКАЯ КЕРАМИКА НАХЧЫВАНА

© 2013 г. В.Б. Бахшалиев

*Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана
(velibahshaliyev@mail.ru)*

Ключевые слова: *поздний энеолит, куро-аракская культура, протокуро-аракская керамика, Овчулартепеси, гребенчатый орнамент.*

It is known that the issues of the genesis and chronology of Kura-Araxes culture are still debatable. The archaeological research conducted in 2006–2011 at Ovçular Tepesi settlement has yielded important data on the genesis and chronology of Kura-Araxes culture. One of the pottery groups combines the technological and morphological features typical of the Late Chalcolithic and Early Bronze Age. This testifies to an interaction, at a certain period of time, between cultures of the Late Chalcolithic and Early Bronze Age. Analysis of the charcoal from an Early Bronze Age hearth at Ovçular Tepesi allows dating the initial stage of formation of Kura-Araxes culture to 4200–3400 BC. The so-called Proto Kura-Araxes ceramics is also known from the settlements Maxta Kültepe I, Xalac, Karatepe and Sadarak, and from sites in Eastern Anatolia.

Как известно, на Южном Кавказе выявлены многочисленные археологические памятники, относящиеся к эпохе ранней бронзы, или к куро-аракской археологической культуре. Во время археологических исследований в Нахчывани в 2006–2011 гг. на поселении Овчулартепеси получены важные данные, связанные с генезисом и хронологией куро-аракской культуры. На этом поселении, в частности, выявлена куро-аракская керамика всех периодов: с рельефовидными венчиками, розовой подкладкой и полушарными ручками, иногда расположенными на краю венчика; орнаментирована обычно рельефными, углубленными или гравированными геометрическими линиями, иногда сочетающимися.

Однако определенная группа глиняной посуды комбинирует технологические и морфологические черты, типичные для позднего энеолита и раннего бронзового века (Bakhchaliyev et al., 2010. S. 72, 73). Раскопками 2006 г. выявлено всего три фрагмента подобных сосудов, а в последующие годы число их увеличивалось. Все они изготовлены вручную из глины с примесью соломы. Обжиг одного из них красного цвета (рис. 1, 1), других – серого (рис. 1, 2, 3). На поверхности некоторых фрагментов сохранились следы гребенчатого орнамента. На краю венчика одного из них имеется петлевидная ручка. Этот тип керамики получил название “протокуро-аракская керамика” (Bakhchaliyev et al., 2010. S. 73). Подобная керамика выявлена также и на других памятниках Нахчывана. При этом фрагмент венчика кувшина с поселения Шортепе с розовой подкладкой изготовлен из глины с примесью мелкого песка,

обжиг серого цвета, наружная поверхность залощена. Край венчика и внутренняя сторона сосуда украшены гребенчатым орнаментом (рис. 2).

Подобная керамика с гребенчатым орнаментом известна также с поселений Махта Кюльтепе I (Ашуров, 2002. С. 118. Табл. V) и Халадж (Сеидов, Бахшалиев, 2010. С. 144), среди случайных находок на поселениях Каратепе (Бахшалиев, Новрузов, 2010. С. 53, 54) и Садарак (Сеидов, Бахшалиев, 2011. С. 91, 92). Махтинские экземпляры изготовлены из глины с примесью песка (рис. 3). Исследование керамических изделий Овчулартепеси позволяет говорить, что гребенчатый инструмент использован не для украшения, а для выравнивания поверхности сосудов.

На поселении Садарак разнообразные находки этого периода известны среди подъемного материала (коллекция хранится в краеведческом музее). Черноглиняные керамические изделия с розовой или же серой подкладкой представляют собой самые древние экземпляры. Два фрагмента изготовлены из глины с примесью соломы. Один из них (Сеидов, Бахшалиев, 2011. Рис. 6, 1) – обломок кувшина с коническим горлом и загнутым наружу венчиком, с розовой подкладкой. На внутренней стороне четко прослеживаются следы соломы, снаружи подобные следы не заметны; поверхность не залощена. Второй экземпляр (Сеидов, Бахшалиев, 2011. Рис. 8, 1) представлен фрагментом миски с конусовидным корпусом и загнутым внутрь венчиком (форма напоминает аналогичные миски эпохи энеолита), изнутри серого цвета, снаружи – желтого,

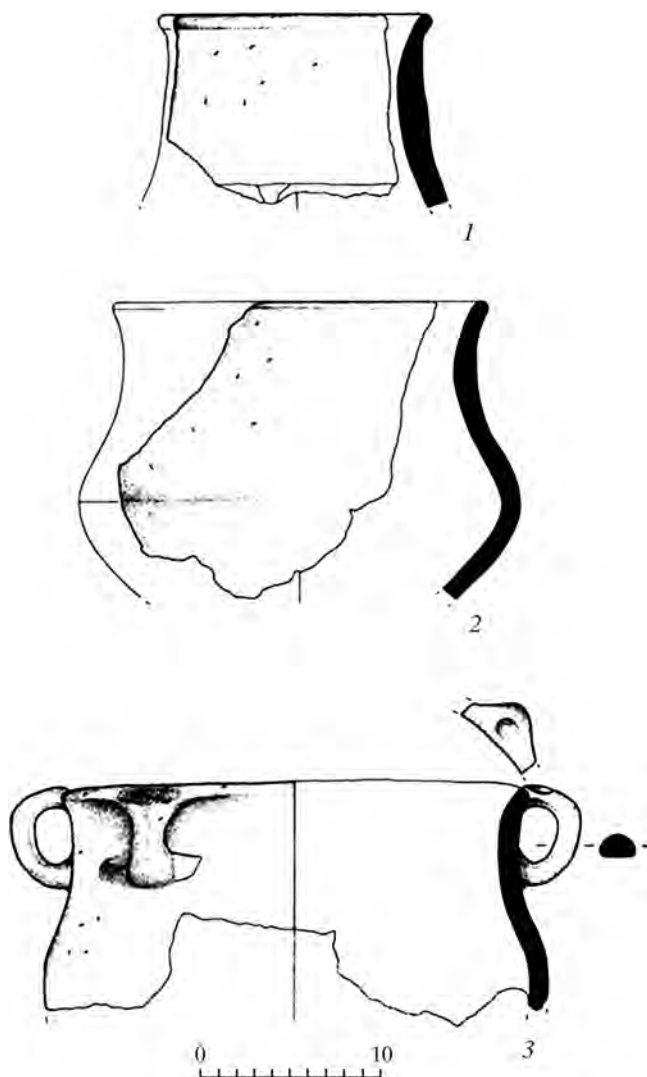

Рис. 1. Протокуро-аракская керамика поселения Овчулартепеси.

Рис. 2. Протокуро-аракская керамика поселения Шорутепе.

с обеих сторон хорошо сглажен. На поверхности сохранились следы мелкой соломы.

Аналогичная керамика выявлена также на поселениях Карагаджи и Джуттепе на Муган-Карабахской равнине (Джафаров, 2000. Tab. 8, 5, 11). Следует отметить, что в Азербайджане были отмечены разнообразные типы протокуро-аракской керамики. Одни из них украшены гребенчатым орнаментом, другие – сосковидным. Определенная группа керамических изделий изготовлена из глины с примесью соломы (Нариманов, 1987. С. 137). В то же время среди энеолитических сосудов Овчулартепеси и Садарака можно отметить характерные элементы куро-аракской керамики, в том числе изделия с розовой подкладкой. Эти факты свидетельствуют о том, что в определенный промежуток времени имело место смешение элементов культуры энеолита и куро-аракской культуры ранней бронзы. По мнению И.Г. Нариманова (1987. С. 64, 65), появление керамики серого и черного цветов с розовой подкладкой, украшенной гребенчатым орнаментом, – результат тесной связи энеолитической и раннебронзовой культур.

Куро-аракские напластования поселения Овчулартепеси сохранились очень тонко и в большинстве случаев смешаны с энеолитическими, что создает определенную трудность. Однако некоторые аспекты взаимодействия энеолитической и куро-аракской культур все же можно прояснить. Раскопками 2010–2011 гг. на поселении Овчулартепеси выявлено их сосуществование. Очаг куро-аракского периода с керамическими изделиями расчищен между (планиграфически) энеолитических напластований. Исследованиями 2011 г. получены дополнительные данные, которые позволяют заключить, что куро-аракские племена в определенные времена посещали это поселение, когда энеолитических племен там не было. Видимо, прото куро-аракская культура сформировалась в результате взаимовлияния этих культур. Можно сказать, что куро-аракская культура возникла на базе позднеэнеолитической культуры и дальше развивалась самостоятельно.

Протокуро-аракская керамика в памятниках Восточной Анатолии известна из Зияреттепе в Догу Беязит (Marro, Özfiat, 2003. P. 391. Pl. V) и Четенли (Marro, Özfiat, 2005. Pl. IV, 3, 4). Ареал керамики подобного типа охватывает Восточную Анатолию, Южный Азербайджан, а также среднее течение Аракса, включая и Нахчыван.

Датирование протокуро-аракской керамики имело свои сложности. Как известно, фрагменты керамических изделий с примесью соломы выявлены также на поселении Кюльтепе II. В результате анализа угля из его нижних горизонтов была получена

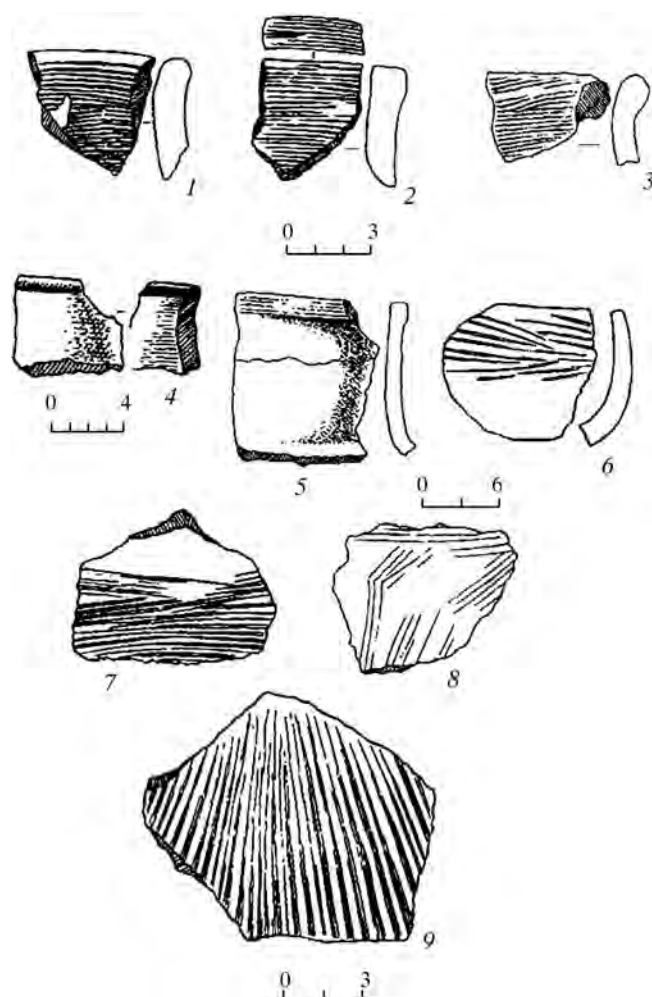

Рис. 3. Протокуро-аракская керамика поселения Махта Кюльтепе I.

дата 3335 г. до н.э. Тот же результат дали материалы нижних горизонтов поселения Махта Кюльтепе I, в которых обнаружена протокуро-аракская керамика, датированная 3316 г. до н.э. (Bakhchaliyev et al., 2009. S. 86, 87).

Однако анализ угля из очага эпохи ранней бронзы с поселения Овчулартепеси показал 4200–4000 гг. до н.э. (Marro et al., 2011. P. 62. Fig. 6). Для проверки этой даты были проведены новые анализы, но они дали те же результаты. Поэтому считаем правомочным отнести начальный этап – этап формирования куро-аракской культуры – к 4200–3400 гг. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашуров С.Г. Раннебронзовая керамика Нахчывана. Баку, 2002 (на азерб. яз.).
- Бахшалиев В., Новрузов З. Археологические исследования в Сирабе. Баку, 2010.
- Джафаров Г.Ф. Азербайджан в конце IV и начале I тысячелетий до н.э. Баку, 2000 (на азерб. яз.).
- Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.
- Сеидов А., Бахшалиев В. Халадж. Баку, 2010.
- Сеидов А., Бахшалиев В. Садарак. Баку, 2011.
- Bakhchaliyev V., Marro C., Ashurov S. Ovçular tepesi. Bakı, 2010.
- Bakhchaliyev V., Ristvet L., Ashurov S. The Chronology Kura-Araks Sites: 2006 Excavations at Kultepe II and Maxta I // Azerbaijan-Land between East and West. Transfer of knowledge and technology during the “First Globalization” of the VIIth–IVth millennium B.C. Berlin; Baku, 2009.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Aşurov S. Excavation at Ovçular tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons // Anatolia Antiqua. 2011. XIX.
- Marro C., Özfiat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey. First preliminary Report: the Ağrı Dag (Mount Ararat) region // Anatolia Antiqua. 2003. XI.
- Marro C., Özfiat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey. Third preliminary Report: the Dogubeyazit region // Anatolia Antiqua. 2005. XIII.

ПОЗДНЕПРОХОРОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ НАГОРНЕНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

© 2013 г. С.Ю. Гуцалов

Орский гуманитарно-технологический институт
(stepewolf59@mail.ru)

Ключевые слова: *Нагорное, прохоровская культура, обряд, катакомба, гребень, южная ориентировка.*

The article publishes certain materials from the Early Iron Age which were discovered in the early 1980th by the Central Kazakhstan expedition, headed by M.K. Kadirbaev, in the upper reaches of the river Ilek in Western Kazakhstan. The article describes secondary burial 1 in burial mound 11 near the village of Nagornoye. The skeleton was placed in a supine position with the head to the south. The finds (bone top of a comb, set of beads, bronze mirror, etc.) and the burial tradition allow identifying the site as a Prokhorovka culture one, and dating it to the 3^d – 2nd cc. BC.

Одним из основных районов средоточия погребальных памятников древних кочевников Южно-Приуралья является верхнее течение р. Илек. Значительный вклад в изучение культуры кочевников региона был сделан Центрально-Казахстанской археологической экспедицией под руководством М.К. Кадырбаева. В середине 70 – начале 80-х годов XX в. здесь были раскопаны курганы, содержащие захоронения воинско-жреческой элиты “савроматов” (Кадырбаев, 1984; Кадырбаев, Курманкулов, 1976; Кадырбаев, Курманкулов, 1977; 1978). Не менее интересный материал был открыт сотрудниками данной экспедиции в курганах конца I тыс. до н.э. Публикации одного из таких погребальных комплексов посвящена статья.

Нагорненский курганный некрополь был расположен на господствующей возвышенности левого берега Илека, в 35–36 км северо-западнее г. Актюбинск. Цепочка курганов растянулась с запада на восток в виде подковы протяженностью более 2 км к югу от автотрассы “Актюбинск–Мартук” (Курманкулов, 2007. С. 98, 99). Земляные насыпи могильника многократно распахивались, что привело к уничтожению наиболее мелких курганов. В 1981–1982 гг. были произведены аварийные раскопки некрополя.

Курган 11 (высота – 0.2 м, диаметр – 20) находился в 300 м к востоку от основной группы. В результате регулярной распахивки контуры насыпи угадывались на пашне. На подкурганной площадке было обнаружено пять могильных ям (рис. 1). Основное захоронение № 2 относилось к савромат-

скому периоду, впускные – к позднепрохоровскому. Среди последних наибольший интерес представлял комплекс в могиле 1, располагавшейся в северо-западном секторе. На уровне дневной поверхности яма имела форму неправильного овала, вытянутого в направлении С–Ю, длиной 2.5 м и шириной в северном конце – 0.8 м, в южном – 1.25 м. В северной половине могильного пятна прослеживались остатки кострища диаметром около 0.65 м – прокол с обугленными кусочками стеблей тростника. Восточная стенка ямы дважды – в 1 и 1.4 м от ее северного конца – под тупым углом поворачивала на восток. Вдоль западной шла прямоугольная в плане ступенька шириной 0.25 м (рис. 2, А).

В южной стенке под некоторым углом к длинной оси ямы была вырыта подземная камера шириной у входа 0.9 м. В результате катакомба с входной ямой образовывали тупой угол. Видимо, первоначально была вырыта подпрямоугольная яма, а затем в ее юго-восточном углу был пробит проход, для чего частично использовалась южная и была стесана часть восточной стенок. Погребальная камера является продолжением входной ямы, образуя с ней тупой угол за счет трех поворотов к востоку: двух упомянутых выше и третьего – уже в камере. Причем в последнем случае поворот образуют обе противоположные стены – восточная и западная. Его, по всей вероятности, можно считать началом собственно погребальной камеры, так как погребение располагалось к югу от него (рис. 2, А).

Пол входной камеры находился на глубине 3.3 м от “0” и был ровным. На расстоянии 1.65–1.7 м

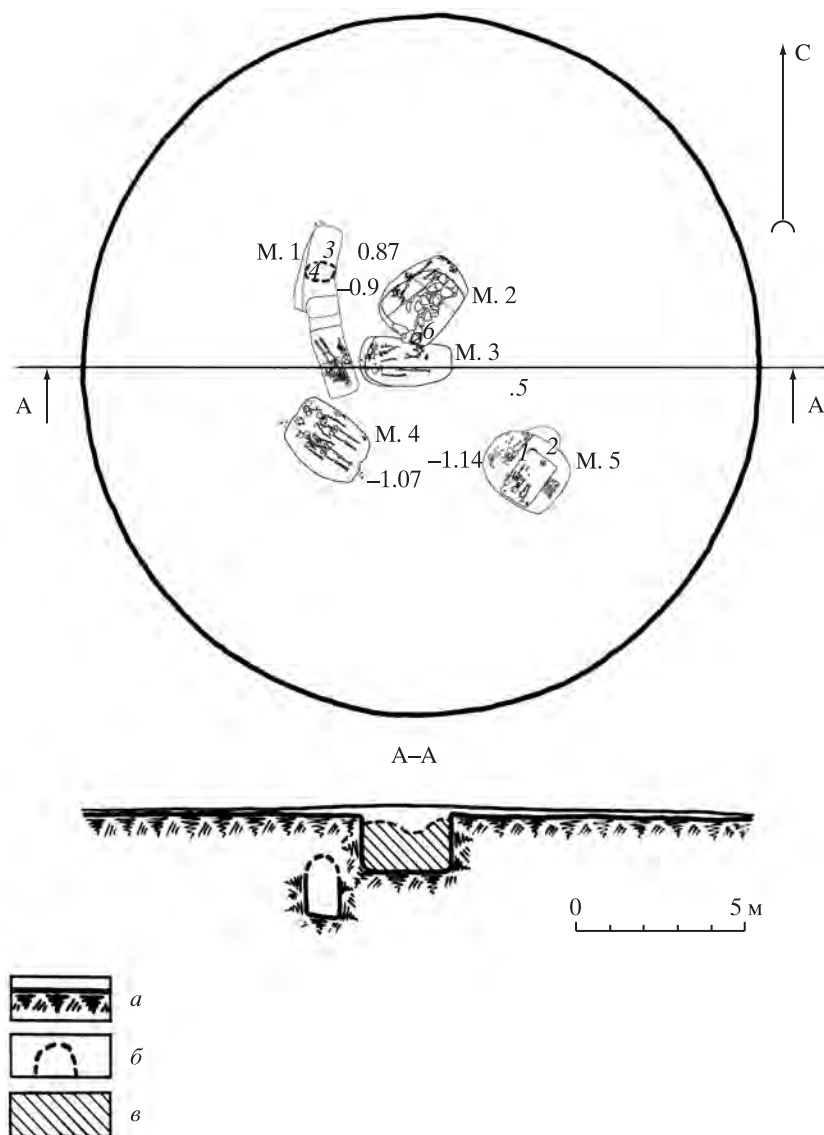

Рис. 1. Могильник Нагорное, курган 11. План и разрез. 1 – обломки сосудов; 2 – череп животного; 3 – угли; 4 – прокол; 5 – обломок ребра; б – камень. Условные обозначения: а – граница материка; б – предполагаемая граница; в – заполнение могильной ямы.

от северного конца он начинал полого спускаться к югу, а затем в 0.9 м от начала спуска обрывался вертикально, образуя ступеньку высотой 0.15 м. Далее к югу пол слегка повышался. Таким образом, дно погребальной камеры ниже дна входной ямы на 0.4–0.45 м. Из-за того, что погребальная камера была вырыта в песке, ее свод проследить не удалось; судя по расчищенным стенкам, она имела высоту до 1.5 м. Вход в камеру был заложен тростником – на полу расчищен слой белесого тростникового тлена толщиной около 0.4 м. Он располагался на всем пространстве на 0.3 м к югу и 0.55 к северу от ступеньки. Прослежен он также на западной стенке входа на высоту до 0.6 м от пола. В северной его части встречено несколько обугленных кусочков тростника.

В камере совершенно диагональное погребение женщины зрелого возраста со стертыми наполовину эмалевыми коронками зубов. Погребенная была положена на спину, головой на Ю–ЮВ, с вытянутыми ногами, руки – вдоль тела. Выше и ниже скелета, от шеи до низа тазовых костей, сохранился коричневый тлен, возможно, оставшийся от войлока, в который она была завернута или, скорее всего, одета – по всей видимости, что-то вроде широкой накидки. Справа ее край проходил вдоль костей руки, слева, образуя складки, доходил до стенки и местами даже заходил на нее. Спереди накидка была расшита бисером и мелкими стеклянными и гагатовыми бусинами. В основном они составляли полосы, идущие от плеч до самого низа, а по низу проходила горизонтальная полоса с пятью более

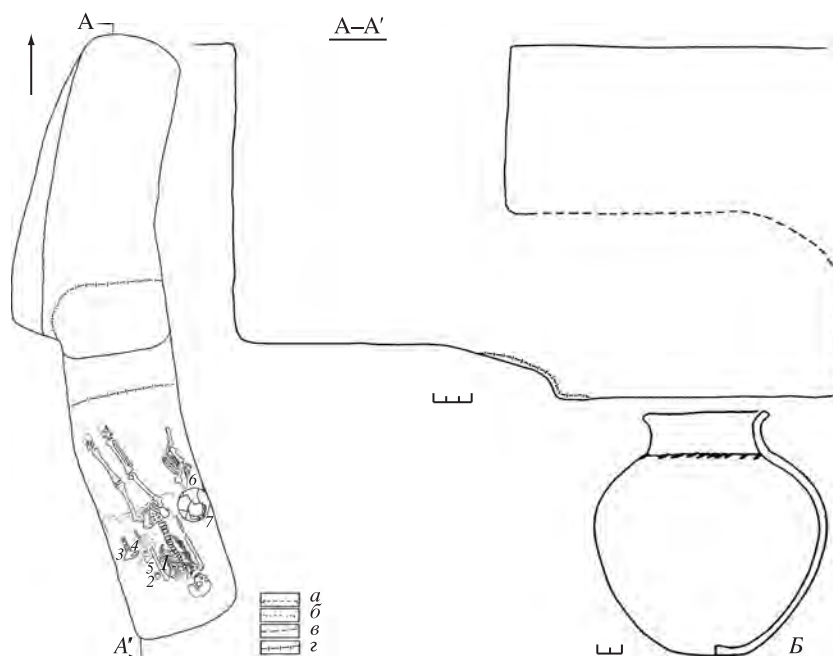

Рис. 2. Могильник Нагорное, курган 11, погр. 1. *А* – план и разрез; *Б* – глиняный сосуд из погребения. 1 – пряслице; 2 – пестик; 3 – бронзовое зеркало; 4 – костяное навершие гребня; 5 – каменный отщеп; 6 – железный нож; 7 – глиняный сосуд. Условные обозначения: *а* – край войлочного покрывала; *б* – бусы; *в* – граница камеры; *г* – граница тростникового тлена.

крупными бусинами в середине – четырьмя круглыми сердоликовыми и одной плоской голубого цвета (рис. 3, 2, *б, ж-и, л*).

У левого плеча отмечено скопление бусин и самого мелкого бисера (рис. 3, 2, *а, в-е, м-о*). Плоские гагатовые бусинки (рис. 3, 2, *к, п*) концентрировались также у запястья и располагались полосами вдоль берцовых костей до самых щиколоток. Всего собрано около 700 шт. бус и бисера.

Под затылком, почти у шеи находилось стеклянное украшение, видимо, для волос, овальной формы, уплощенное, с продольным отверстием посередине. Его лицевая сторона – слегка выпуклая, обратная – плоская. Изготовлено украшение из синего стекла. Посередине – овальная вставка из прозрачного стекла с внутренней позолотой. По краю находки, обтекая ее, шла узкая полоска с внутренней позолотой. Украшение было сломано еще в древности – обломан край одного из широких концов, причем слом в этом месте заглажен (рис. 3, 1).

Слева от погребенной, между двумя слоями тлена, оставшимися от накидки, располагались: между ребрами и плечевой костью – пряслице с небольшим углублением на одной из сторон (рис. 3, 7); слева от плечевой кости, почти у самого плеча – небольшой каменный пестик в виде усеченного конуса, нижняя (рабочая) поверхность – слегка выпуклая (рис. 3, 4); ближе к локтю – обломок какого-то каменного предмета подпрямоугольной формы (похож на обломок жертвенника и чаши)

(рис. 3, 8); рядом – половинка бронзового зеркала. Зеркало – плоское с коротким (2 см) выступом-ручкой, в котором пробито отверстие (рис. 3, 5). Сохранилась, хотя и плохо, деревянная ручка в виде планки, шириной 3 и длиной 12 см. На ней также было отверстие, совпадавшее с отверстием на ручке-выступе. Крепление деревянной ручки со штырем зеркала осуществлялось при помощи ремешка или шнура. Обратная сторона зеркала была украшена углубленными концентрическими окружностями – двумя по краю и тремя в центре.

На зеркале лежало костяное навершие гребня, у которого отсутствует одно окончание и почти вся нижняя часть с пазом для вставки деревянного гребня (рис. 3, 6).

Предметы, видимо, лежали в мешочке, футляре или шкатулке, так как при расчистке возле них были зафиксированы мелкие кусочки дерева и слой тлена. Тлен сохранился не только над зеркалом, но и между ним и локтем женщины.

Справа от погребенной, возле кисти руки, под стенкой могилы стоял раздавленный крупный глиняный лепной сосуд с округлым дном, невысокой узкой горловиной и слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *Б*). Южнее сосуда лежала половина части бараньего бока (лопатка, ножки, ребра), а между сосудом и стенкой могилы находился небольшой железный ножик с прямой спинкой и узким выделенным черенком, сужающимся к концу (рис. 3, 3).

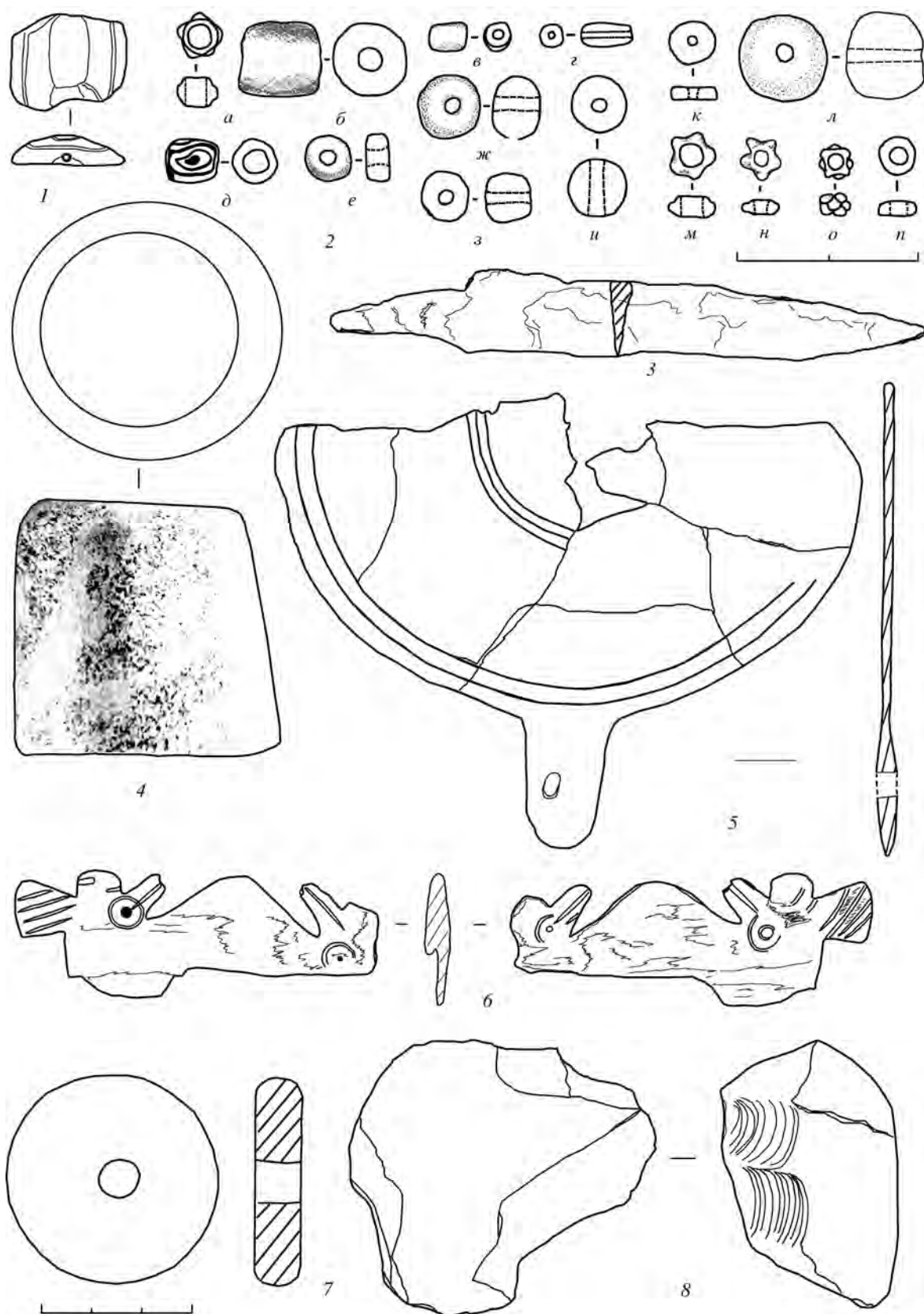

Рис. 3. Могильник Нагорное, курган 11, погр. 1. Инвентарь. 1, 2, а, в-е, м-о – стекло; 2, б, ж, з, и, л – сердолик; 2, к, п – гагат; 3 – железо; 4, 8 – камень; 5 – бронза; 6 – кость; 7 – глина.

Дата изучаемого комплекса определяется достаточно четко по сопровождающему инвентарю. В частности, костяные навершия деревянных гребней или просто костяные гребни в кочевнических захоронениях Южного Приуралья получают распространение в III–I вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1983. Табл. XVI, 1; Курганы левобережного Илека, 1993. Рис. 57, 14; Садыкова, Васильев, 2001. Рис. 11, 7 и др.). Часто эти предметы в погребениях указанного времени встречаются с камешками неясного предназначения (Смирнов, 1975. Рис. 15, 3, 4; Курганы левобережного Илека, 1993. Рис. 52, 7; Моргунова и др., 2003. Рис. 97, 7). Лепной круглодонный горшок, обнаруженный в могиле, типичен для позднепрохоровского времени (Мошкова, 1963. Табл. 8; 9; Гуцалов, 2004. Табл. 19, 20). Находки глиняных пряслиц и железных черешковых ножичков не в погребениях ранних кочевников не являются хронологически диагностирующими.

Большую ясность в определении даты комплекса вносит анализ бус и бронзового зеркала. Зеркало из рассматриваемого погребения, кроме того, что оно имело ручку-штырь для насаживания на деревянную рукоять, отличает наличие прочерченных окружностей по краю и центру диска. Зеркала близких форм получают распространение в обиходе кочевников Южного Приуралья на рубеже V–IV – начала IV в. до н.э. (Зданович, Хабдулина, 1987. Рис. 3, 5; Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 6, 6; Моргунова и др., 2003. Рис. 95, 11 и др.). Широко встречаются подобные зеркала и позже. Только с конца IV – III в. до н.э. в могилах попадают уже обломки зеркал подобного типа (Пшеничнюк, 1983. Табл. LI, 9; XLIX, 6), как и в рассматриваемом случае.

Бусы из погребения достаточно разнообразны. Большое значение в определении даты погребения имеют находки сердоликовых бочонковидных, гагатовых плоских цилиндрических и стеклянных с внутренней позолотой экземпляров. Основная масса стеклянных бусинок как цилиндрических, так и с ребристой поверхностью была распространена в период от III в. до н.э. до II–III вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 31). Также, по мнению Е.М. Алексеевой, короткоцилиндрические гагатовые бусинки появляются уже в III в. до н.э., хотя большинство подобных экземпляров получает широкое распространение во II–I вв. до н.э. (1978. С. 14). Примерно та же тенденция распространения и хронология характерны для округлых пропорциональных и поперечносжатых сердоликовых бусин, найденных возле погребенного (Алексеева, 1982. С. 14–16). Наличие крупных бусин и многоцветной подвески характерно для наборов эпохи эллинизма (Алексеева, 1975. Табл. 18).

В целом, набор украшений данного захоронения более характерен для II–I вв. до н.э.

Представляется, что нижняя граница существования сопровождающего инвентаря определяется III в. до н.э., а верхняя не выходит за пределы II–I вв. до н.э. Поэтому рассматриваемый комплекс следует датировать в рамках III–II вв. до н.э.

Погребальный обряд свидетельствует в пользу указанной даты. Катакомбные захоронения, совершенные в подземных камерах, пробитых в торцевой стенке, для кочевников Южного Приуралья, в целом, стали характерными с конца IV – III в. до н.э. Этим временем датируется целый ряд захоронений как в бассейне Илека (Смирнов, 1975. Рис. 26–28, 33, 44; Моргунова, Мещеряков, 1999. Рис. 8, 1; 10, 1), Уральского левобережья (Железчиков, Кригер, 1978. Рис. 1, 4), так и к северу от р. Урал, в среднем течении (Моргунова и др., 2003. Рис. 43, 86, 96, 100). На следующем этапе развития прохоровской культуры этот тип могильных ям получает широкое распространение (Мошкова, 1963. С. 21). При этом следует подчеркнуть появление в это время обычая впускать катакомбы в более древнюю насыпь. Как правило, данные захоронения сопряжены с наличием в могилах дощатых гробов и положением покойников головой на юг (Мошкова, 1974. С. 11), что и наблюдается в рассматриваемом случае.

Таким образом, захоронение в погр. 5 кургана 11 у с. Нагорное – типичный памятник прохоровской культуры III–II вв. до н.э. Открытие его подтверждает общую тенденцию развития культуры кочевников верхнего течения Илека в конце I тыс. до н.э.

Выражаю благодарность автору раскопок кургана 11 Нагорненского курганного могильника Т.И. Кулик, передавшей мне материал для дальнейшей публикации еще в марте 1984 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. I. М., 1975 (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. II. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. III. М., 1982 (САИ; Вып. Г1-12).
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4.
- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского Междуречья. Челябинск, 1987.

- Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. 1978. Вып. 154.
- Курганы левобережного Илека / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Вып. 1. М., 1993.
- Курманкулов Ж.К.* Исследование могильника Нагорненский в 1981 г. (Предварительный итог) // Кадырбаевские чтения: Матер. Междунар. науч. конф. Актобе, 2007.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др.* Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.
- Моргунова Н.Л., Мецераков Д.В.* "Прохоровские" погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург, 1999.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (САИ; Вып. Д1-10).
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Пшеничниук А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Родионов В.В., Гуцалов С.Ю.* Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. Уфа, 2000.
- Садыкова М.Х., Васильев В.Н.* Поздние прохоровцы в центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа, 2001.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.

СКЛЕП 96 МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРЫМ)

© 2013 г. С.А. Мульд*, В.В. Кропотов**

**Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Симферополь
(muld@mail.ru)*

***Институт археологии НАН Украины, Киев*

Ключевые слова: *Центральный Крым, поздние скифы, погребальные памятники, склепы, поздний эллинизм – римское время.*

The article publishes the results of the investigations at Levadki, a Late Scythian necropolis in central Crimea. Many of the 150 investigated burial structures have sustained damage in recent robberies. Crypt 96 is well-preserved and contains two groups of burials from different times. The grave goods allow dating the earlier burials to the last quarter – end of the 1st c. BC or possibly to the beginning of the 1st c. AD, and the later burials to the 2nd c. AD, most probably to its second half. The large chronological gap (about 150 years) between the two burials does not allow considering the buried as representatives of a single family or even clan. It would appear more logical to assume some other reasons for the more recent burials. For instance, by the late 2nd – early 3^d c. AD the available space at the cemetery might have been used up. That might have forced the population to resort to burying their dead in the already existing graves.

Погребальные памятники Центрального Крыма позднескифского времени пристально изучаются уже более века. Однако, несмотря на столь длительный период исследования, они еще далеко не достаточно изучены, в особенности захоронения второй половины II в. до н.э. – начала I в. н.э. Последние в сколь-либо значительном количестве представлены только в Мавзолее и Восточном некрополе Неаполя Скифского, Дмитровском и Битакском могильниках, а также подкурганых каменных склепах в бывших имениях Черкеса, Пастака, Талаевой и др. (Троицкая, 1951. С. 94–98; Погребова, 1961. С. 103–213; Сымонович, 1983. С. 28; Высотская, Махнева, 1983. С. 66–73; Колтухов, Пуздровский, 1983. С. 149–153; Колтухов, 2001. С. 62–64; Зайцев, Мордвинцева, 2003. С. 135, 136; Пуздровский, 2007. С. 19–35). В последнее десятилетие большое количество могил данного времени открыто на могильнике Левадки. Этот некрополь, в отличие от перечисленных выше, пока малоизвестен широкому кругу исследователей и уже поэтому заслуживает особого внимания.

Могильник расположен в 1,5 км к югу от одноименного села Симферопольского р-на АР Крым. С середины 90-х годов XX в. ведется его активное уничтожение грабителями: на площади около 2,5 га разрушено не менее 250 погребальных сооружений. Охранно-археологические исследования памятника, начатые в 1997 г., с 2000 г. ежегодно проводятся экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством С.А. Мульда. К моменту подготовки статьи было

раскопано 150 погребальных сооружений, в том числе 22 склепа, 17 катакомб, 73 подбойные и 38 простых грунтовых могил. Перечисленные типы сооружений встречаются на всех участках некрополя и нигде не создают заметных скоплений. Однако функционировали они несинхронно. Древнейшие захоронения (вторая половина II – начало I в. до н.э.) были совершены в катакомбах – могилах с небольшой овальной в плане погребальной камерой, вырубленной в боковой стенке аналогичной по форме входной ямы. Часто одно сооружение имело две камеры, расположенные в противоположных сторонах входной ямы или рядом, в боковой и торцевой ее стенках. По-видимому, несколько позднее катакомб – лишь в I в. до н.э. – на некрополе появляются большие грунтовые склепы Т-образной планировки с ярусным расположением покойных. В отличие от катакомб, они продолжают широко использоваться в первые века н.э., однако в это время бытуют уже наряду с другими типами погребальных сооружений – подбойными и простыми грунтовыми могилами, распространившимися на некрополе после середины I в. н.э. Верхний хронологический рубеж функционирования могильника – середина III в. н.э. – дата гибели всех позднескифских памятников Центрального Крыма.

Если древнейшие гробницы могильника Левадки – катакомбы – уже нашли отражение в литературе (Храпунов, 2004. С. 100; Храпунов, Мульд, 2004. С. 246–252), то более поздние сооружения – склепы – опубликованы лишь в незначительной степени

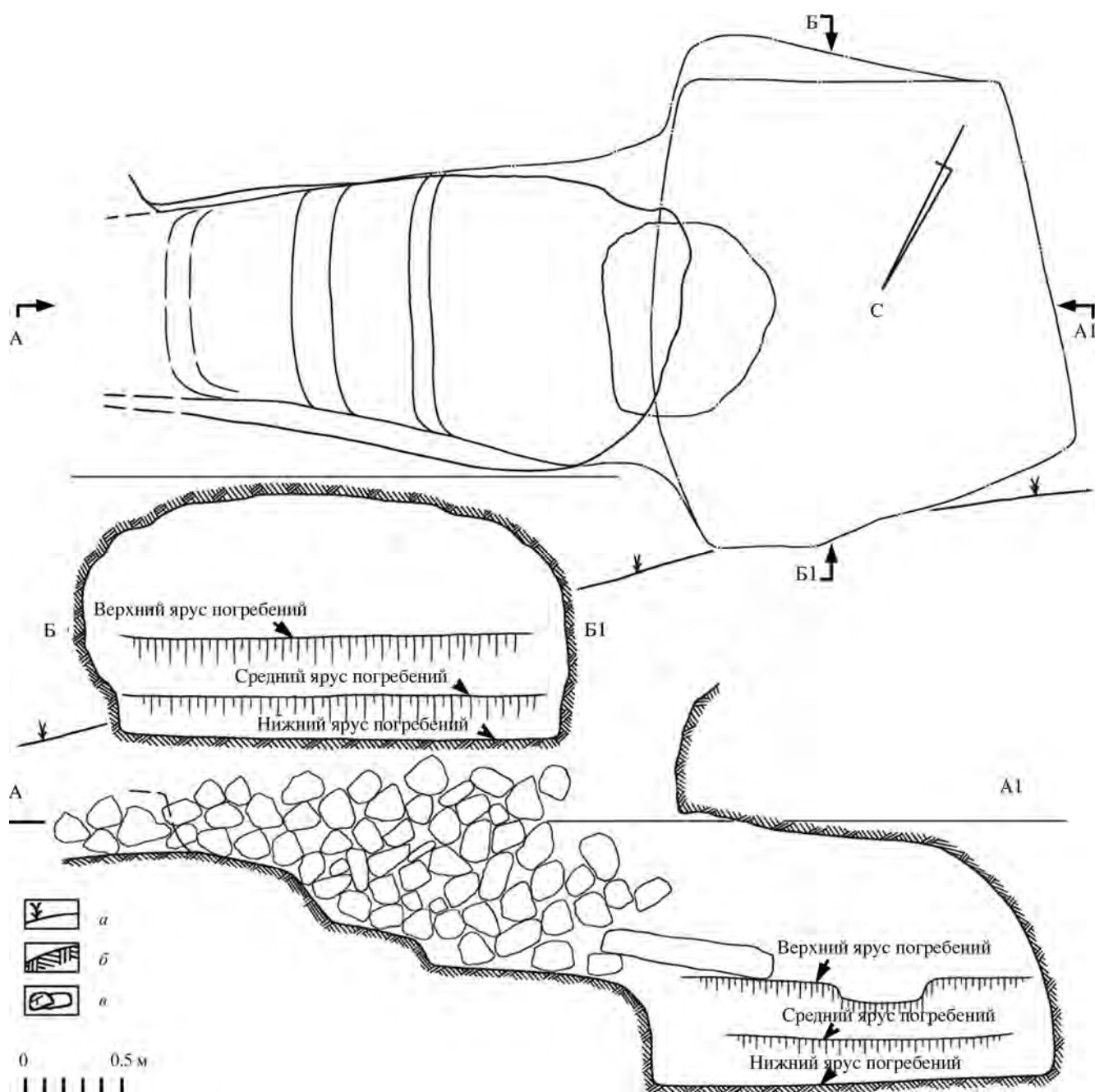

Рис. 1. Общий план и разрезы склепа 96. Условные обозначения: а – дерн, б – материк, в – камни.

(Храпунов и др., 2001. С. 115, 120; Мульд, Масыкин, 2003. С. 5–31). К сожалению, большинство из них в древности или в недавнее время подверглось тотальному разграблению. Среди немногих уцелевших – склеп 96, представляющий особый интерес в связи с зафиксированными в нем разновременными погребениями. Введение в научный оборот этого любопытного комплекса и является целью данной работы.

Склеп 96 (рис. 1) располагался на южной окраине могильника и был сооружен в верхней части

глубокой балки, резко понижающейся в Курцево-Сабловскую долину. Его входная яма подтрапециевидной в плане формы была вытянута вдоль склона по оси ЮЗ–СВ. Длина – не менее 2.5 м, ширина – 0.95–1.5 м, глубина от современной дневной поверхности – 0.6–2 м. Дно постепенно понижается в сторону погребальной камеры. Северо-восточная торцевая стенка входной ямы разрушена эрозией склона, сохранившаяся часть оформлена в виде двух ступенек общей высотой 0.45 м. Противоположный юго-западный конец в древности просел в

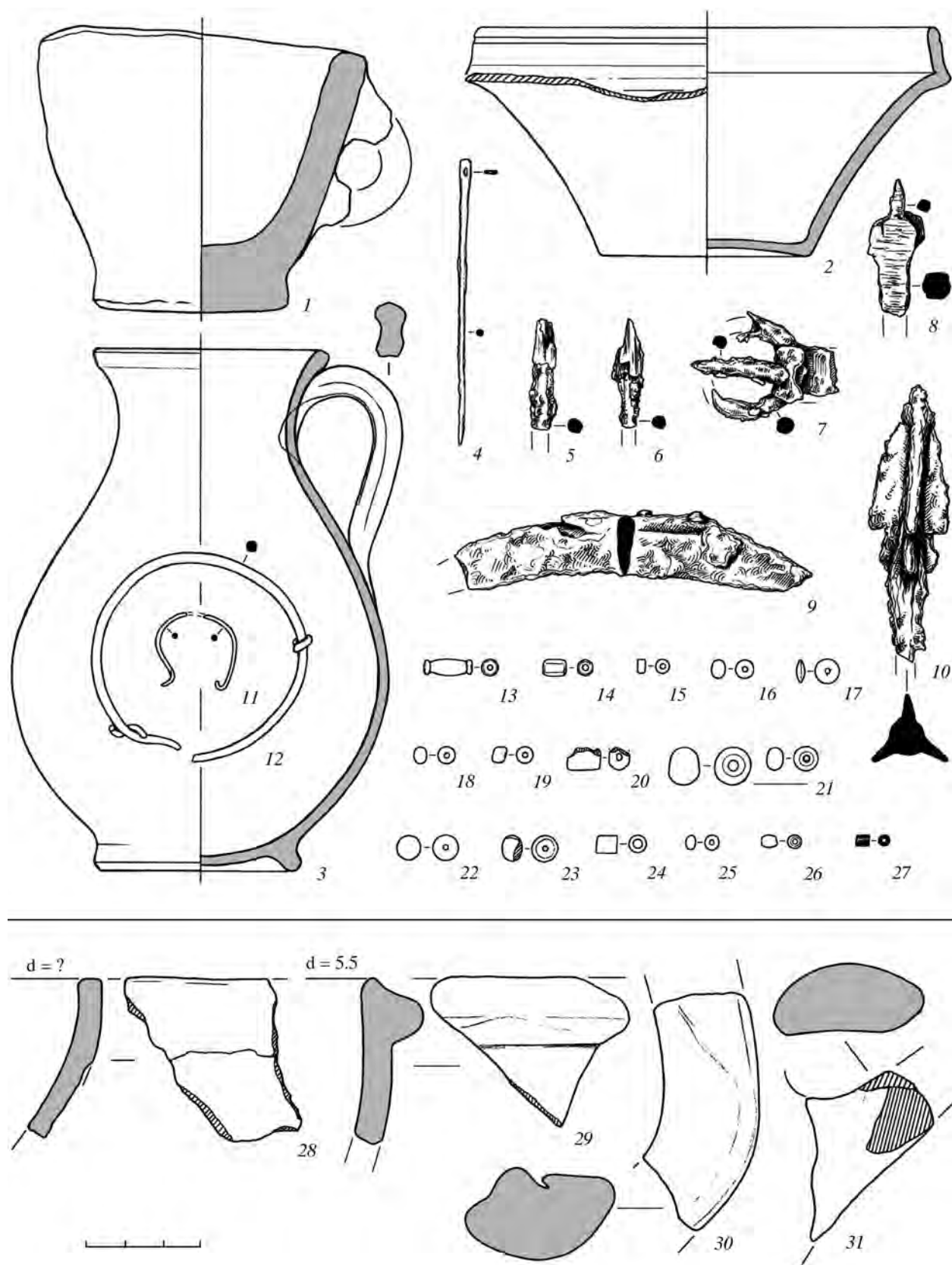

Рис. 2. Находки из верхнего яруса погребений (1–27) и заполнения входной ямы (28–31). 1–3, 28–31 – керамика; 4, 11, 12 – бронза; 5–10 – железо; 13, 14, 16–26 – стекло; 15 – египетский фаянс; 27 – гагат.

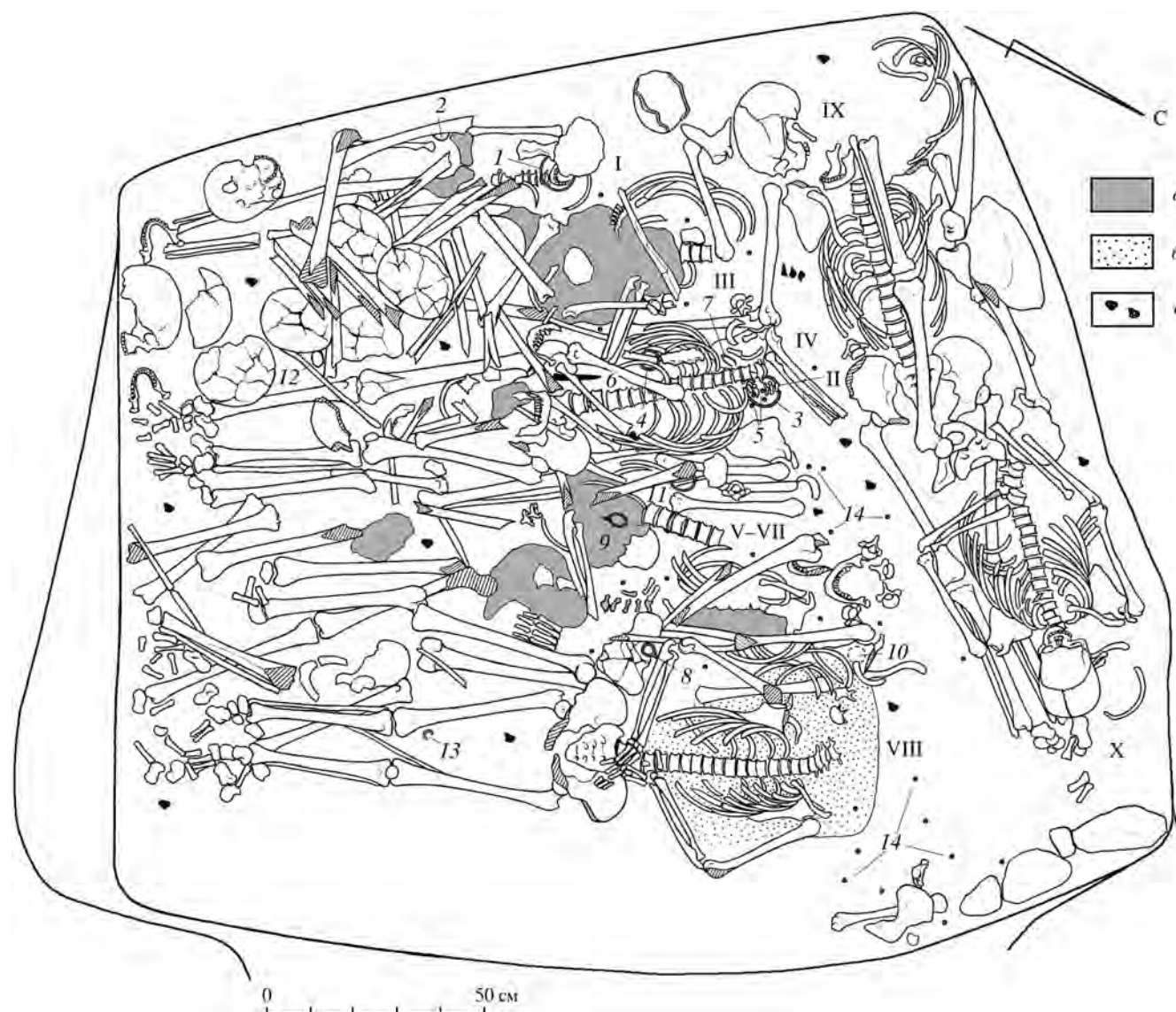

Рис. 3. План нижнего яруса погребений. 1, 3 – бронзовые гривны; 2, 4, 11 – бронзовые браслеты; 5, 14 – бусы; 6 – железный поясной крюк; 7 – железная фибула; 8, 9 – железные пряжки; 10 – железная сьюльгама; 12 – железный браслет; 13 – бронзовое кольцо. Римскими цифрами обозначены номера погребений. Условные обозначения: *a* – тлен от костей; *b* – известковая крошка; *v* – кремневые отщепы.

погребальную камеру, в результате чего массивная закладная плита (размер $0.9 \times 1 \times 0.15$ м) и часть заполнения входной ямы оказались внутри камеры. До начала раскопок входная яма была плотно забита бутовыми камнями, среди которых находились мелкие фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 2, 29–31) и лепной посуды (рис. 2, 28).

Погребальная камера имела в плане неправильную четырехугольную форму с размерами сторон 1.6 (юго-восточная), 1.9 (юго-западная), 2 (северо-западная) и 2.35 м (северо-восточная). Горизонтальный пол ниже дна входной ямы на 0.5 м, переход оформлен в виде ступеньки. Еще в древности в ходе использования могилы ее стенки и потолок

стали обрушаться, из-за чего сооружение несколько увеличилось в размерах. Первоначальные стенки камеры в отдельных местах сохранились лишь на высоту 0.1–0.2 м. Современная высота свода – 1.4 м.

В камере были последовательно захоронены не менее 18 человек, останки которых располагались в три яруса, разделенных стерильными прослойками грунта (материковой глиной, отколовшейся от стенок и потолка камеры). Погребения нижнего яруса (рис. 3) находились непосредственно на полу склепа, подсыпанном мелкими отщепами кремня (всего собрано 44 экз.). Наиболее ранние захоронения (не менее восьми) занимали центральную часть камеры

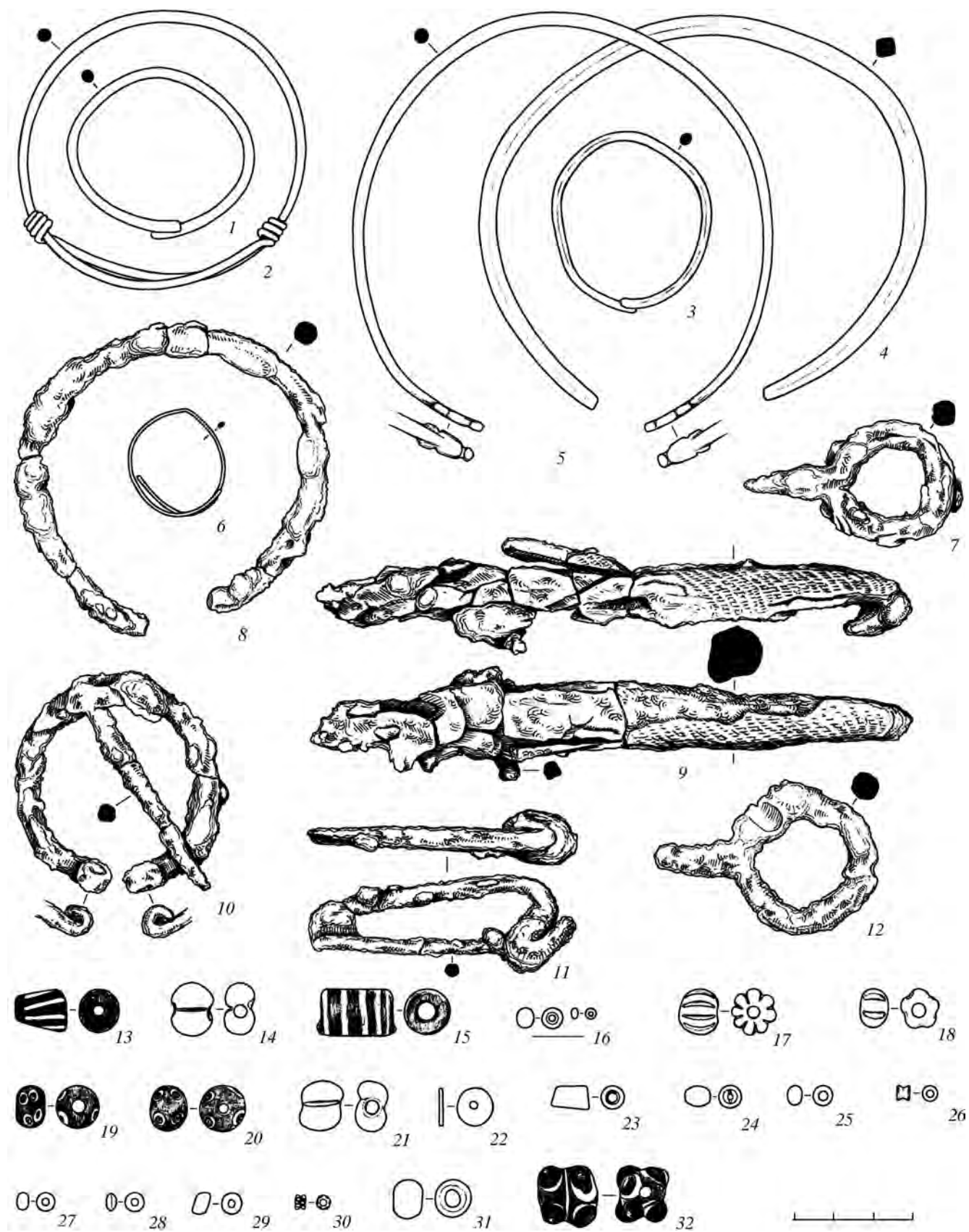

Рис. 4. Находки из нижнего яруса погребений. 1-6 – бронза; 7-12 – железо; 13-23, 25-32 – стекло; 24 – сердолик.

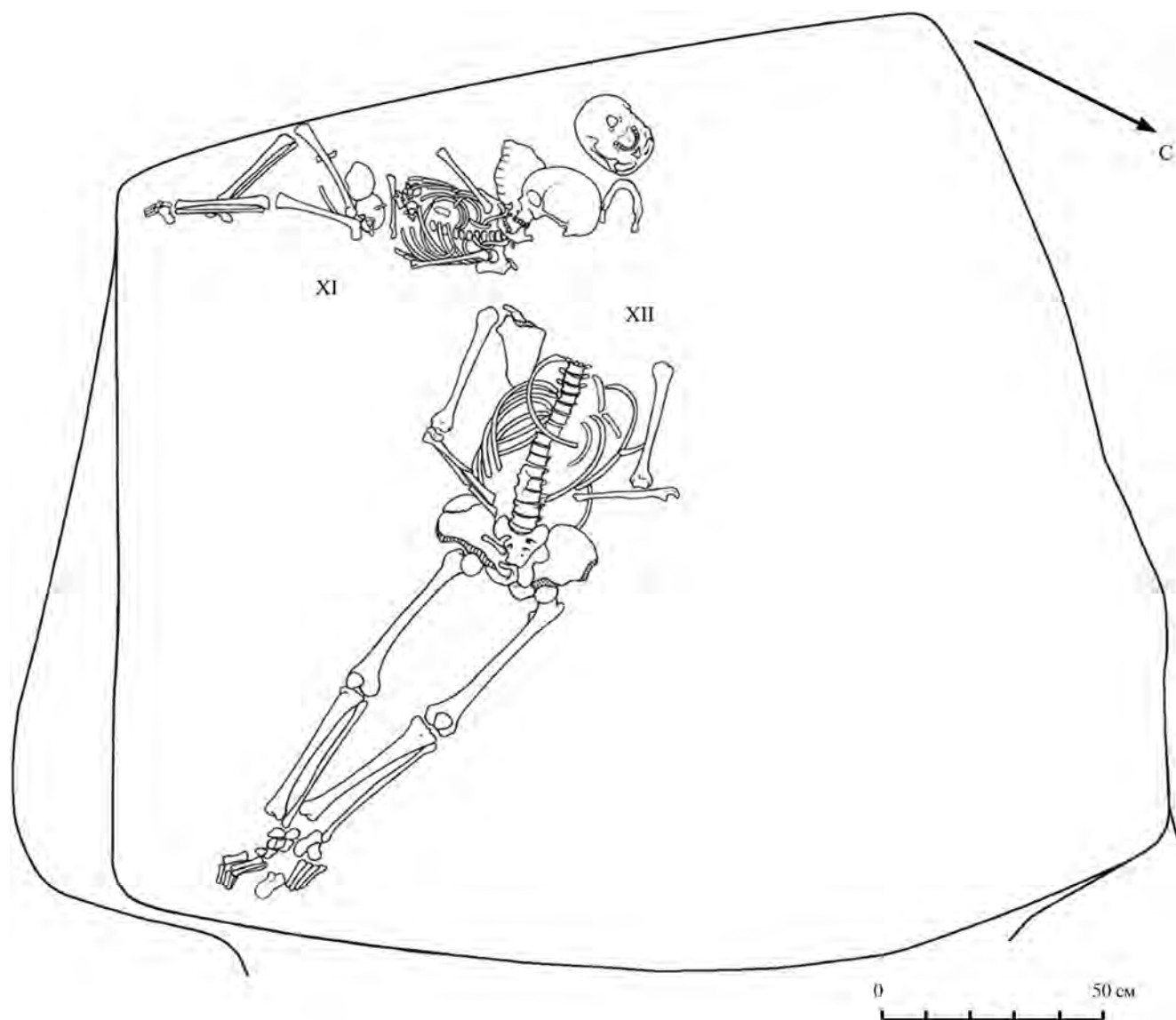

Рис. 5. План среднего яруса погребений. Римскими цифрами обозначены номера погребений.

и представляли собой сильно поврежденные скелеты, ориентированные головами в северном и северо-западном направлениях. Погр. I (ребенок 3–5 лет¹) было вытянуто на спине вдоль дальней юго-западной стенки; в области его шеи обнаружена бронзовая гривна, изготовленная из массивного граненого стержня (рис. 3, 1; 4, 4), на правой руке – бронзовый круглопроволочный браслет (рис. 3, 2; 4, 1). Другое детское захоронение (погр. II) располагалось в 0.5 м к северо-западу от предыдущего и тоже сопровождалось бронзовыми гривной (с оформленными в виде головок животных концами) (рис. 3, 3; 4, 5) и проволочным браслетом (рис. 3, 4; 4, 3), а также

набором бус (рис. 3, 5): усеченно-конической из полупрозрачного синего стекла, украшенной восемью чередующимися продольными белыми и желтыми полосами (рис. 4, 13), двудольчатой из глухого синего стекла (тип 155²) (рис. 4, 14), цилиндрической из глухого черного стекла, спирально обвитой желтой нитью (тип 2156) (рис. 4, 15), и четырьмя шаровидными поперечно-сжатыми из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 1) (рис. 4, 16). Между двумя детскими погребениями, частично перекрывая их, находилось сильно потревоженное безынвентарное погр. III (пол и возраст не определены), в свою очередь частично перекрываемое погр. IV (мужчина 30–40

¹ Все антропологические определения выполнены научным сотрудником Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины В.Ю. Радочиним.

² Здесь и далее при описании бус используется типология Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982).

лет). С последним, по-видимому, следует связывать массивный железный поясной крюк (рис. 3, 6; 4, 9) и, возможно, железную фибулу (рис. 3, 7; 4, 11). Еще не менее трех захоронений (погр. V–VII, пол и возраст не определены) находились непосредственно в центре камеры, но были практически полностью разрушены и смещены к южному углу склепа при последующих подзахоронениях (погр. IV и VIII). Среди их останков найдены две железные пряжки с неподвижными язычками (рис. 3, 8, 9; 4, 7, 12), скульгама (рис. 3, 10; 4, 10), бронзовый и железный проволочные браслеты (рис. 3, 11, 12; 4, 2, 8), а также бусы (рис. 3, 14): шаровидная поперечно-сжатая ребристая из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (рис. 4, 17), 2 шаровидные поперечно-сжатые ребристые из глухого синего стекла (тип 148) (рис. 4, 18), шаровидная поперечно-сжатая из полупрозрачного синего стекла с 7 сине-белыми и сине-бело-желтыми глазками (тип 666) (рис. 4, 19), шаровидная поперечно-сжатая из глухого голубого стекла с 7 сине-бело-желтыми глазками (тип 676) (рис. 4, 20), двудольчатая из глухого синего стекла (тип 155) (рис. 4, 21), 2 дисковидные из глухого белого стекла (рис. 4, 22), усеченно-коническая из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 6) (рис. 4, 23), 5 бочковидных сердоликовых (тип 3) (рис. 4, 24), 3 шаровидные поперечно-сжатые из прозрачного янтарно-желтого стекла (тип 6) (рис. 4, 25), глобоидальная из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 7) (рис. 4, 26), 28 шаровидных поперечно-сжатых из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 1) (рис. 4, 27), 2 усеченно-биконические из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 8) (рис. 4, 28), коротко-цилиндрическая из глухого черного стекла (тип 54) (рис. 4, 29), коротко-цилиндрическая с 2 поперечными рядами бугорков из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 19) (рис. 4, 30), бочковидная поперечно-сжатая из глухого синего стекла (тип 29) (рис. 4, 31) и цилиндрическая из глухого голубого стекла с 8 бородавчатыми сине-желтыми глазками, обвитая белой нитью (тип 357) (рис. 4, 32).

Погр. VIII (мужчина неопределенного возраста) – последнее в этой группе захоронений – было вытянуто на спине вдоль северо-восточной стенки камеры, поперек входа в склеп, со сложенными на животе руками; под верхней частью покойного прослежена подсыпка известкой крошки. Каких-либо находок при погребенном не обнаружено, только в районе колен найдено маленькое бронзовое про-

лочное колечко (рис. 3, 13; 4, 6), вероятно, оставшееся от одного из более ранних захоронений.

Самыми поздними в нижнем ярусе, несомненно, следует считать безынвентарные погр. IX и X (мужчина 25–30 и женщина 30–40 лет). Усопшие были уложены на спине друг поверх друга вдоль северо-западной стенки камеры головами на ЮЗ (погр. IX) и СВ (погр. X). При этом, чтобы освободить для них место, были откинuty в южную часть камеры верхние части скелетов всех находившихся здесь ранее захоронений (погр. II–VIII).

Скорее всего, сразу же после совершения последних захоронений в нижнем ярусе свод погребальной камеры и ее стенки стали обрушаться. В результате два последующих погребения оказались отделенными от предыдущих прослойкой грунта толщиной 0.1–0.2 м, образуя, таким образом, средний ярус захоронений (рис. 5). Первое из них – погр. XI (ребенок 5–7 лет) – было вытянуто вдоль дальней юго-западной стенки камеры головой на СЗ, руки сложены на животе, правая нога согнута в колене. Каких-либо находок при покойном не найдено. Другое захоронение – погр. XII (мужчина 35–40 лет) – уложено в центре камеры на спине головой на З, руки также сложены на животе, череп откатился к дальней стенке. Инвентаря не обнаружено.

Погребения последнего, верхнего яруса (рис. 6), были отделены от предыдущих еще более мощной прослойкой грунта (толщиной до 0.3 м). Древнейшие из них – не менее четырех захоронений (погр. XIII–XVI – ребенок до 7 лет, девушка-подросток 16–18 и мужчины 20–25 и 30–40 лет) – располагались вдоль юго-западной стенки камеры и представляли собой сплошной слой разрозненных и перемешанных костей. Среди них обнаружены краснолаковые кувшин и чашка (рис. 6, 1, 2; 2, 2, 3), лепная “солонка” с утраченной в древности маленькой вертикальной ручкой (рис. 6, 3; 2, 1), бронзовые проволочный браслет (рис. 6, 4; 2, 12), кольцо (рис. 6, 5; 2, 11) и игла (рис. 6, 6; 2, 4), железные трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 6, 7; 2, 10), круглорамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 6, 8; 2, 7), 2 шила (рис. 6, 9, 10; 2, 5, 6) и нож (рис. 6, 11; 2, 9), а также бусы (рис. 6, 12): вытянутая бочковидная с валиками по краям из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 23) (рис. 2, 13), призматическая из прозрачного сизо-зеленого стекла (тип 122) (рис. 2, 14), 110 коротко-цилиндрических из египетского фаянса (тип 9) (рис. 2, 15), 11 шаровидных поперечно-сжатых из глухого красного стекла (тип 3) (рис. 2, 16), 2 линзовидные из прозрачного зеленого стекла (тип 87) (рис. 2, 17),

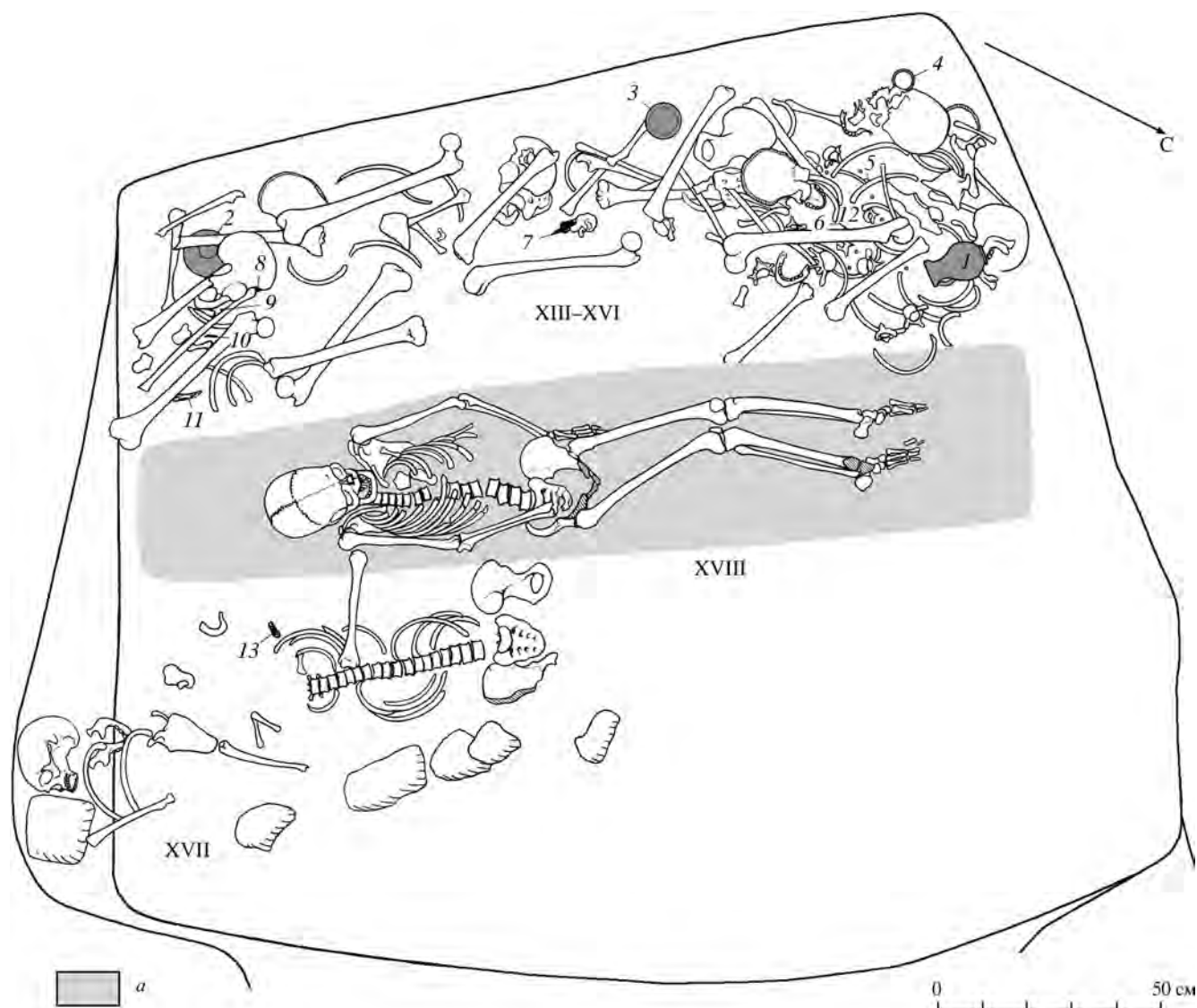

Рис. 6. План верхнего яруса погребений. 1 – краснолаковый кувшин; 2 – краснолаковая чашка; 3 – лепная солонка; 4 – бронзовый браслет; 5 – бронзовое кольцо; 6 – бронзовая игла; 7 – железный наконечник стрелы; 8 – железная пряжка; 9, 10 – железные шилья; 11 – железный нож; 12 – бусы; 13 – обломок железного предмета. Римскими цифрами обозначены номера погребений. Условные обозначения: *a* – органический тлен коричневого цвета.

2 шаровидные поперечно-сжатые из прозрачного сизо-зеленого стекла (тип 11) (рис. 2, 18), коротко-цилиндрическая из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 5) (рис. 2, 19), призматическая из прозрачного синего стекла (тип 124) (рис. 2, 20), 9 шаровидных поперечно-сжатых из глухого белого стекла (тип 2) (рис. 2, 21), 14 шаровидных пропорциональных и поперечно-сжатых, покрытых плотной темной патиной (рис. 2, 22), 2 шаровидные поперечно-сжатые из прозрачного синего стекла (тип 15) (рис. 2, 23), цилиндрическая из прозрачного зеленого стекла (тип 63) (рис. 2, 24), 2 шаровидные поперечно-сжатые из глухого бирюзового стекла (тип 13) (рис. 2,

25), бочковидная из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (тип 2) (рис. 2, 26) и 2 цилиндрические гагатовые (тип 27) (рис. 2, 27).

Более позднее погр. XVII (женщина 30–40 лет) находилось у входа в камеру, погребенная была вытянута на спине головой на ЮВ, скелет сильно поврежден при последующем подзахоронении (погр. XVIII). Из сопровождающего инвентаря найден только небольшой фрагмент железного изделия (шила?) (рис. 6, 13; 2, 8).

Самое позднее в склепе погр. XVIII (женщина 20–30 лет) располагалось в центре камеры в пра-

вильном анатомическом порядке. Покойная была вытянута на спине головой на ЮВ, руки сложены на тазу, ноги сведены в коленях. Судя по органическому тлену коричневого цвета прямоугольной в плане формы (размер 2×0.4 м), прослеженному под скелетом и вокруг него, захоронение было совершено в деревянном гробу или колоде; каких-либо находок при нем не выявлено.

Сопутствующий погребенным в склепе 96 инвентарь позволяет разделить погребения на две хронологические группы. Первую составляют захоронения в нижнем ярусе. При них обнаружены пряжки с неподвижными язычками, сьюльгама, массивный поясной крюк, проволочные браслеты и гривны с гладкими концами и с концами, оформленными в виде головок животных, мелкие украшения и т.п. Все эти вещи обычно датируют II–I вв. до н.э. (Погрехова, 1961. С. 124–127; Сымонович, 1983. С. 85; Дашевская, 1991. С. 35–39; Внуков, Лагутин, 2001. С. 116; Кропотов, Лесков, 2006. С. 29). Недавно Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева попытались ограничить время их бытования второй половиной II – рубежом II–I вв. до н.э. (2003. С. 148; 2004. С. 182). Однако с этой точкой зрения трудно согласиться. В публикуемом комплексе с перечисленными предметами находилась железная одночленная фибула со сплошным пластинчатым приемником, узкой спинкой и четырехвитковой пружиной с верхней тетивой (рис. 4, 11). Подобные застежки (так называемые воинские) появляются на юге Восточной Европы только в конце I в. до н.э., быстро вытесняя образцы среднелатенской схемы (Кропотов, 2010. С. 61). Большинство из них в могилах встречено уже вместе с пряжками с подвижными язычками, лучковыми подвязными фибулами, гончарными бутылкообразными флаконами и т.п., датирующими их I в. н.э., преимущественно первой половиной этого столетия (Кропотов, 2010. С. 62). Экземпляр из склепа 96, выявленный в сопровождении находок более архаичного облика, – один из наиболее ранних образцов своего типа и, следовательно, должен относиться еще к концу I в. до н.э. При одном погребении вместе с ним находился только массивный поясной крюк, другие изделия – пряжки с неподвижными язычками, сьюльгама, проволочные браслеты и гривны с гладкими концами и с концами, оформленными в виде головок животных, и т.п. – происходят из более ранних захоронений. Но не следует на этом основании допускать особое хронологическое положение этих предметов. Весь комплекс нижнего ряда захоронений, несомненно, формировался в течение очень короткого промежутка времени (не более 15–20 лет?), так как при каждом новом погребении останки более ранних покойных, как правило, смещавшиеся при этом в

сторону, не успевали полностью истлеть и оставались в сочленении между собой.

Учитывая это наблюдение и принимая во внимание наличие в комплексе воинской фибулы, нижний ярус захоронений в склепе 96 следует датировать в пределах последней четверти – конца I в. до н.э., не исключая начала следующего столетия для наиболее поздних безынвентарных погребений. Обнаруженные при покойных бусы такому выводу не противоречат. Е.М. Алексеева датирует их широко периодом эллинизма (стеклянные одноцветные типа 148 и многоцветные типа 2156) или даже более длительным промежутком времени (стеклянные одноцветные типов 6 и 155, многоцветные типов 666 и 676, с внутренней металлической прокладкой типов 1, 6–8 и 19, сердоликовые типа 3), допуская относительно узкие даты – II–I вв. до н.э. и I в. до н.э. – только для стеклянных образцов с внутренней металлической прокладкой типа 19 и многоцветных типа 357 (1975. Рис. 5; 1978. Рис. 10; 14; 15; 1982. Рис. 16). Бусы из одноцветного стекла типов 29 и 54 исследовательница вообще отнесла к первым векам н.э. (Алексеева, 1978. Рис. 15), однако последние представлены в данном комплексе лишь в двух экземплярах.

К сожалению, захоронения среднего яруса никакого инвентаря не содержали, поэтому их датировка затруднена. Можно только на основании косвенных данных (в частности, сходной ориентировки) предположить их близкое хронологическое положение по отношению к предшествующим погребениям, однако прямых указаний на это у нас нет.

Напротив, покойные верхнего яруса сопровождались достаточно выразительными в хронологическом плане находками. Самые показательные среди них – краснолаковые сосуды. Первый – одноручный широкогорлый кувшин с грушевидным туловом на невысоком кольцевом поддоне (рис. 2, 3), второй – усеченно-коническая чашка с вертикальным бортиком и уплощенным, слегка вогнутым дном (рис. 2, 2). А.А. Труфанов относит такие кувшины к типу 6, чашки – к типу 4.2 и датирует, соответственно, II в. н.э. и второй половиной II – первой четвертью III в. н.э. (2005–2009. С. 159, 177). Более ранние даты для подобной посуды допускает Д.В. Журавлев: для кувшинов (форма 19.2) – конец I – первая половина II в. н.э., для чашек (форма 30.3) – вторая – третья четверти II в. н.э. (2010. С. 60, 83). Остальные хронологически показательные вещи – лепная солонка с маленькой вертикальной ручкой, простая круглорамчатая пряжка с подвижным язычком, проволочный браслет и т.п. – датируются более широко: I–III вв. н.э. (пряжка) или даже II в. до н.э. – III в. н.э. (солон-

ка и браслет) (Труфанов, 2005–2009. С. 218; Власов, 1997. С. 256–258; Дашевская, 1991. С. 39). Особо можно отметить только массивный железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 2, 10). Такие изделия вместе с большими рефлексирующими луками так называемого гуннского типа впервые появляются на юге Восточной Европы во второй половине I в. н.э., но более или менее массовыми становятся лишь в позднесарматское время (Симоненко, 2010. С. 93). В Крыму в догуннский период подобные предметы единичны: помимо публикуемого образца их находки известны только на Битакском и Усть-Альминском могильниках (Пуздровский и др., 1991. Рис. 2, 6–8; Пуздровский, 2007. Рис. 94, 30). Бусы из верхнего яруса погребений узких дат не предусматривают – все они бытуют очень долго: либо в течение первых веков н.э. (экземпляры с внутренней металлической прокладкой типов 2, 5 и 23 и стеклянные одноцветные типов 63 и 122), либо даже всю античную эпоху (образцы из египетского фаянса типа 9, гагатовые типа 27 и стеклянные одноцветные типов 2, 3, 11, 13 и 15) (Алексеева, 1975. Рис. 4; 1978. Рис. 7, 10, 15).

Таким образом, если сооружение публикуемого склепа и первый этап его функционирования относятся к последней четверти – концу I в. до н.э. и, возможно, началу I в. н.э., то второй этап датируется гораздо более поздним временем – II в. н.э., скорее всего, его второй половиной.

Здесь следует отметить, что повторное использование более древних погребальных сооружений на могильнике Левадки – не редкость. Подзахоронения второй половины – конца II – первой половины III в. н.э. выявлены во многих левадковских склепах, достаточно многочисленны они и в подбойных могилах. При их впуске останки более ранних захоронений обычно либо сдвигались к дальнему углу погребальной камеры (могилы 30, 44, 55, 66, 74 и др.), либо полностью удалялись из нее (могила 60). В данном случае из-за обрушения стенок и свода сооружения первоначальные погребения оказались скрытыми толстым слоем обрушенного грунта, поэтому не были потревожены при совершении новых захоронений.

Затрагивая проблему связи ранних и поздних погребений в описанных гробницах, необходимо подчеркнуть наличие большого хронологического разрыва между ними (в частности, в склепе 96 он составляет примерно 150 лет). Учитывая этот факт и принимая во внимание массовость данного явления, вряд ли можно всех погребенных в одной могиле рассматривать как представителей одной семьи или даже рода. Появление новых погребений спустя значительный промежуток времени

логичнее объяснить какими-то иными причинами. Например, общей перегруженностью некрополя ко второй половине II – первой половине III в. н.э. и, в связи с этим, необходимостью освоения для захоронений более древних погребальных сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975 (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982 (САИ; Вып. Г1-12).
- Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганаковского городища // Бахчисарайский историко-археологический сб. Вып. 1. Симферополь, 1997.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 118).
- Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991 (САИ; Вып. Д1-7).
- Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010 (Supplementum; Вып. 9).
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвзятые фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеллинистического периода // РА. 2003. № 2.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Матер. V Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Краснодар, 2004.
- Колтухов С.Г. О крымских курганах с “коллективными погребениями” // Поздние скифы Крыма. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 118).
- Колтухов С.Г., Пуздровский А.Е. Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя Скифского // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
- Кропотов В.В., Лесков А.М. Курганы с “коллективным погребением” у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. Вып. 84. Симферополь, 2006.
- Мульд С.А., Масыкин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
- Погребова Н.Н. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.

- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И.* Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
- Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2010.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.
- Троицкая Т.Н.* Скифские курганы Крыма // Изв. Крымского отдела Географ. общества СССР. Вып. 1. Симферополь, 1951.
- Труфанов А.А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // STRATUM plus. 2005–2009. № 4.
- Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь; Керчь, 2004.
- Храпунов И.Н., Мульт С.А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульт С.А.* Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сб. Вып. 2. Симферополь, 2001.

РОГОВЫЕ ТОПОРИКИ С РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА

© 2013 г. Н.Б. Крыласова

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
(belavin@pspu.ru)

Ключевые слова: эпоха средневековья, родановская культура, Пермский край, Рождественское городище, роговые топорики, детские игрушки.

In 2010–2011 two ornamented stone hatchets were found at Rozhdestvenskoye settlement in Perm Krai. In shape, the items replicate real multipurpose and battle axes, and are a unique find for the Cis-Urals region. It is very likely the hatchets were children's toys. Together with other objects of the same category they help to reconstruct the process of child-rearing and education in ancient times.

Казалось бы, многие годы археологических изысканий сформировали представление обо всех основных категориях материальной культуры, характерных для разных эпох. Но тем не менее археологические раскопки порой приносят необычные находки, не укладывающиеся в привычные классификационные схемы.

В 2008–2011 гг. Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета продолжила раскопки крупнейшего средневекового археологического комплекса в Пермском крае – Рождественского (Карагайский р-н) на р. Обва. Комплекс, включающий большое Рождественское городище с посадом, малое Филипповское городище-крепость, мусульманский и языческий могильники, представляет собой торгово-ремесленную факторию волжских булгар, существовавшую до середины XIV в. (Белавин, Крыласова, 2008).

В 2010 г. на раскопе VII, заложенном в юго-западной части площадки Рождественского городища у обрыва к р. Обва, был обнаружен редкий для Пермского Предуралья предмет: миниатюрный топорик, вырезанный из рога, вероятнее всего, лосиного (определение палеозоолога, зав. лабораторией Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцева). Длина его – 9,7 см, ширина обуха – 2, максимальная ширина лезвия – 5,8 (рис. 1, 1). На щековицах топорика с обеих сторон нанесен орнамент в виде конических ямок, расположенных группами в виде фигуры, напоминающей ромб. Кроме того, на одной из сторон процарапано две тамги: в виде креста и в виде косой решетки. На другой стороне на лезвии наблюдаются царапины, возможно, возникшие в процессе использования предмета.

Топорик является копией железных топоров, которые по биярской классификации принадлежат к категории В – широколезвийные топоры с бойком, оттянутым внутрь (к топоричу) в форме лопасти, типу ВШБ – с одной парой заостренных щековиц, оттянутых в сторону топорича (Культура Бияра, 1985. С. 40–49. Табл. XVI, 1–3). Это небольшие

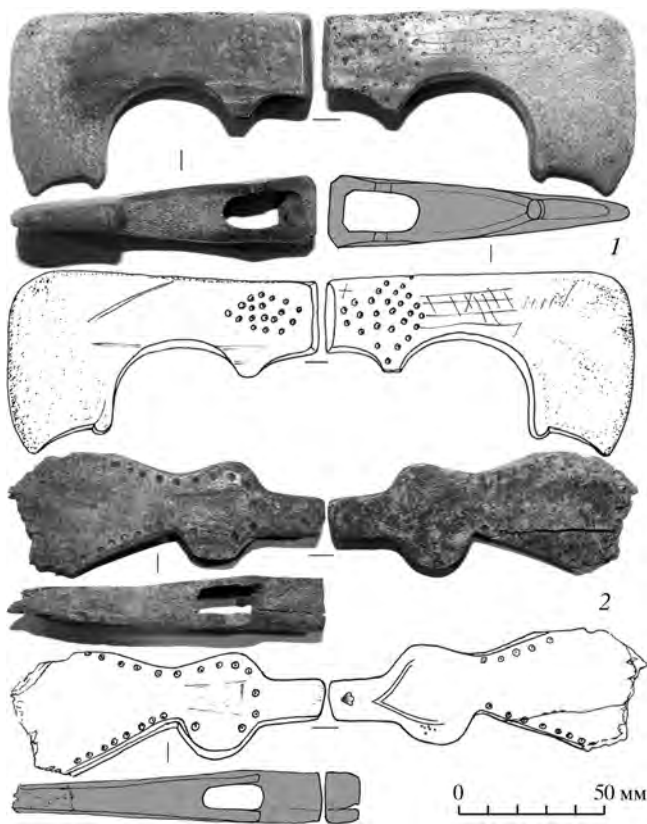

Рис. 1. Роговые топорики из Рождественского городища: 1 – раскоп VII, 2010 г.; 2 – раскоп V, 2011 г.

топорики общей длиной 10.6–14.5 см, так что роговая копия незначительно меньше по размерам. Они могли использоваться как столярно-бондарный инструмент и как боевое оружие. Для бильярских топоров характерно подтреугольное проушное отверстие, в то время как у рассматриваемого рогового топорика проух овальный. Железные топоры данного типа с овальным проушным отверстием отмечены при исследовании марийских и удмуртских древностей (Культура Билляра, 1985. С. 49). На Рождественском археологическом комплексе есть топоры как с овальным, так и с подтреугольным проухом (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 143, 2–7). Подобные топоры (тип V) известны и на севере Руси, особенно в курганах Юго-Восточного Приладожья. По мнению А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева, они могут считаться финно-русскими (1985. С. 310. Табл. 127, 19–21). Общая датировка таких топоров – X – первая половина XIII в., но наиболее распространены они были в X – первой половине XII в. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 310; Культура Билляра, 1985. С. 49). На Рождественском языческом могильнике железные топоры данного типа найдены в погребениях X – первой половины XI в.

Топорик обнаружен в сооружении, представлявшем собой прямоугольный в плане очаг размерами 2.2 × 2 м в деревянной опалубке (очаг 1-10), наблюдавшийся в виде мощного слоя прокаленной глины, окруженного по периметру полосой насыщенного органикой слоя и углистыми прослойками – следами сгоревших деревянных конструкций. Под слоем прокаленной глины находилась подочажная яма (яма 1-10), заполненная сильногумусированным слоем с большим содержанием угля, глубиной 1.65 м, с двумя рядами столбовых ямок на дне. Сооружения подобной конструкции типичны для Рождественского городища и, возможно, представляют собой основания печей, от разрушенной верхней части которых сохраняются многочисленные куски обожженной глиняной обмазки, встречающиеся вокруг очагов и в заполнении подочажных ям.

Топорик находился в подочажной яме на глубине 1.2 м от поверхности. Имеется две абсолютные даты, полученные по углю из ямы (рис. 2): с глубины 1.45 м от поверхности, образец Ле-8892: 790±40 BP (cal 1215 AD–1270 AD, 68.2% вероятности); с глубины 1.6 – Ле-8893: 740±20 BP (cal 1265 AD–1280 AD, 68.2% вероятности). Эти даты в целом не противоречат общей датировке железных топоров подобного типа.

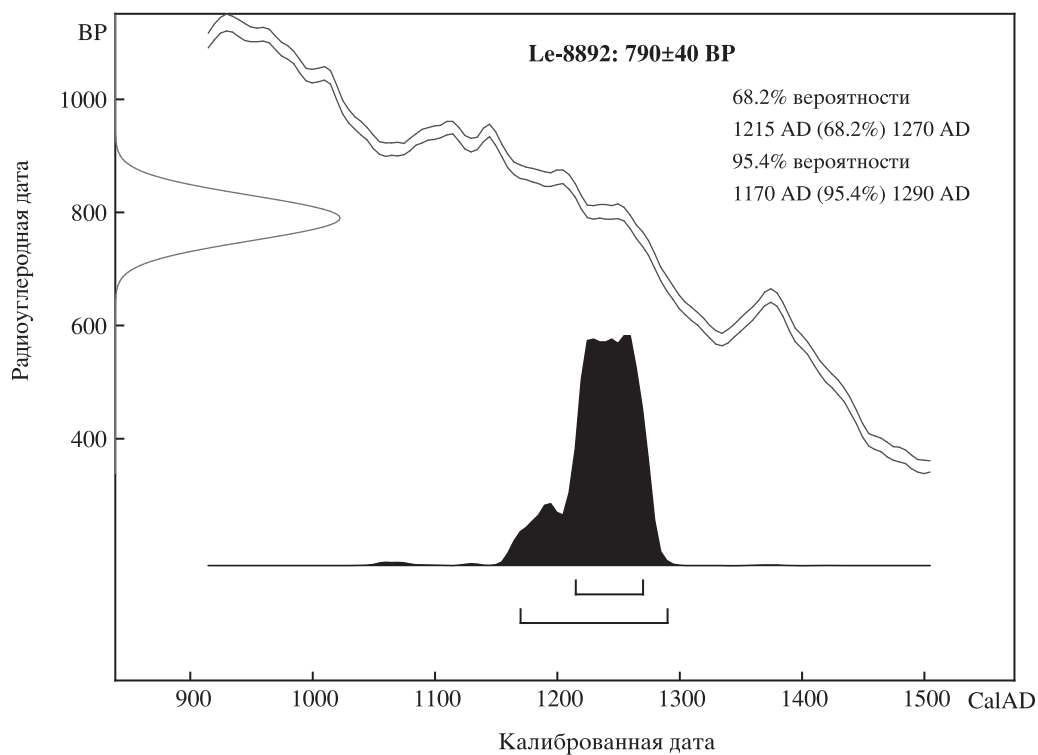
Кроме топорика из очага, подочажной ямы и с площадки вокруг сооружения происходит большое количество находок: 2084 экземпляра костей животных, 304 фрагмента керамики, куски шлаков и

глиняной обмазки; железные гвозди, резец, зубило, 4 ножа, колечко, неопределенные предметы; каменные оселок, кресальный кремь, фрагменты жерновов; керамические литейная форма, фрагмент грузила, пряслице, миниатюрный сосудик, фрагмент статуэтки; костяные лопаточка-гладилка, 2 пуговицы, фрагмент кочедыка, затыльник плети, просверленные рыбы позвонки; бронзовые бусина, неопределенные предметы.

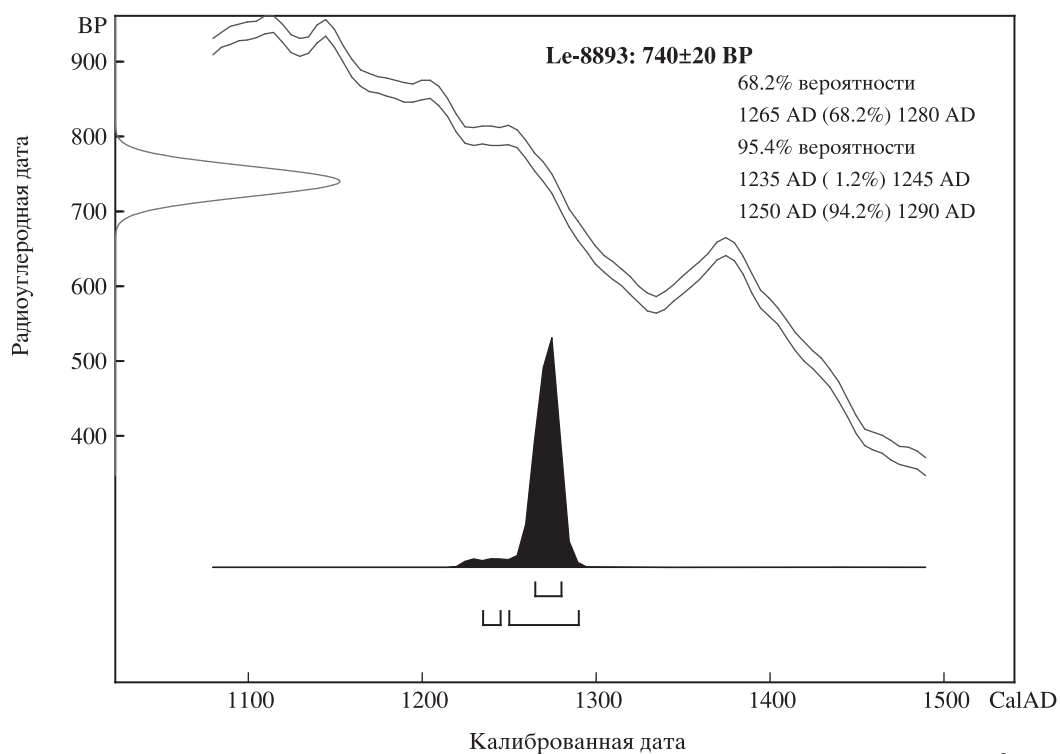
Уникальность предмета, его нахождение в таком важном объекте, как очажное сооружение, особый статус топора (на Рождественском языческом могильнике топоры обязательно сопровождают наиболее богатые мужские погребения), наличие орнамента, а в особенности, тамги, побуждают желание интерпретировать роговой топорик как предмет культового назначения. Делались даже попытки рассмотреть не совсем регулярный орнамент как систему знаков, просчитать точки в рядах, соотнести ряды точек с линиями тамги, но каких-то определенных выводов подобный анализ пока не принес.

В 2011 г. на раскопе V, заложенном в юго-восточной части площадки городища также у обрыва к р. Обва, т.е. на противоположном конце городища, был найден второй роговой топорик, на этот раз имитирующий боевые топоры-чеканы с молоточком на тыльной стороне обуха (рис. 1, 2). Топорик практически целый, только лезвие его, по определению П.А. Косинцева, погрызено щенком. Общая длина топорика – 10.5 см, размеры молоточка – 2 × 1.5, ширина щековиц – 3.4, максимальная ширина сохранившейся части лезвия – 4.2. Топорик орнаментирован. На одной его стороне наблюдается орнамент в виде конусовидных углублений, расположенных в ряд вдоль лезвия и по контуру щековицы; в центре щековицы – прочерченное изображение трапеции. На другой стороне ряды ямок расположены вдоль краев лезвия; на щековице – прочерченное парными линиями изображение, напоминающее сердцевидную оконечность, направленную острием к обуху; на молоточке – изображение трилистника в виде небольшого углубления. На этой же стороне топорика у нижнего края щековицы прослеживается группа точек, расположенных в виде ромба, вероятно, тамга.

Данный топорик является копией боевых железных топоров-чеканов с молоточком прямоугольного сечения на тыльной стороне обуха, с лезвием продолговато-треугольной формы. По древнерусской классификации они относятся к типу I, датируются в диапазоне X–XIV вв. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 310. Табл. 127, 1–9). На Рождественском

1

2

Рис. 2. Рождественское городище. Результаты радиоуглеродного анализа проб угля из ямы 1 (раскоп VII, 2010 г.). 1 – глубина 1.45 м от поверхности; 2 – глубина 1.6. (Анализ проведен в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН.)

языческом могильнике подобные топоры найдены в погребениях X – рубежа X–XI вв.

Условия залегания этой находки значительно проще: топорик был обнаружен в культурном слое на глубине 0.6 м от поверхности на участке В/81 и не соотносился ни с какими планиграфическими объектами.

Когда было установлено, что на топорике имеются следы погрыза щенком, сразу представилась картина игры ребенка с собакой. Версия о том, что обнаруженные на Рождественском городище роговые топорики могли быть детскими игрушками, представляется вполне правдоподобной, несмотря на то, что материал, орнаментация, тамги кажутся излишними для таких обыденных предметов. По мнению специалистов, изучающих косторезное дело, для опытного резчика вырезать изделие из рога было не намного сложнее, чем из дерева. Заботиться об экономии материала также, очевидно, не приходилось, учитывая, что на городище на 100 м² площади приходится в среднем около 10 тыс. костей, среди которых нередко встречаются рога и заготовки из них.

В Пермском Предуралье роговые топорики обнаружены не впервые. Г.Т. Ленц опубликовала два подобных предмета из коллекции резной кости городища Анюшкар, причем один из них имеет сходство с рождественской копией топора-чекана. На лезвии этого топорика имеется округлое отверстие и тамга в виде "птичьей лапы". Г.Т. Ленц предположила, что эти топорики, вырезанные из лосинового рога, имели практическое назначение – для расщепления роговых пластин (2008. С. 228. Рис. 70, 13, 14).

Роговой топорик, украшенный циркульным орнаментом, обнаружен также в Болгаре в славянском поселке (раскоп 36) в жилище-полужемлянке 3 XIII в., которое интерпретируется как специализированная мастерская по производству ножей (Закирова, 1988. С. 238. Рис. 100, 8).

Традиция изготовления вотивных костяных моделей реальных типов топоров зафиксирована на севере Западной Сибири. Большая серия костяных и роговых поделок, достаточно точно копирующих форму различных боевых и рабочих топоров, собрана при раскопках городища Ярте VI конца XI – начала XII в. на Среднем Ямале (Головнев, Зайцев, 1992. С. 12, 13). Роговые модели топоров XV–XVII вв. найдены на Ендырском I городище в Ханты-Мансийском автономном округе и в черте

г. Салехард. Исследователи интерпретируют эти находки как детские игрушки (Зыков, Кокшаров, 2001. С. 92. Рис. 40, 19).

Следовательно, можно говорить о том, что миниатюрные роговые топорики – отдельная категория предметов, свойственных для средневекового финно-угорского населения Урала и северных районов Западной Сибири. Однозначно определить назначение топориков пока невозможно. С одинаковой долей вероятности можно относить их к утилитарным предметам, культовой атрибутике, детским игрушкам. Представляется, что последняя версия наиболее правдоподобна.

Исходя из этого, можно считать, что находки роговых топориков дополнили ассортимент детских игрушек, выявленных при раскопках Рождественского городища. Эта категория включает преимущественно разнообразные керамические изделия (статуэтки-куколки, миниатюрные сосудики, изготовленные детьми, кубики, шарики и другие поделки), из кости неопытной детской рукой вырезаны два наконечника стрел, копирующих железные ромбовидные наконечники. Данный комплекс находок позволяет проследить, как в древности в процессе игр происходило обучение детей навыкам, необходимым во взрослой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008 (Археология Пермского края. Свод археологических источников; Вып. I).
- Головнев А.В., Зайцев Г.С. История Ямала. Тобольск, 1992.
- Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- Культура Бияра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985.
- Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002.

НАХОДКИ ПОДВЕСОК “ГНЁЗДОВСКОГО ТИПА” В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

© 2013 г. Р.Н. Модин

Институт археологии РАН, Москва (modin.roman@mail.ru)

Ключевые слова: подвеска “гнездовского типа”, скандинавский звериный стиль, оловянистая бронза, импорт, подражание.

The article presents “Gnezdovo-type” pendants from the Upper Oka basin, giving a description of the finds, reviewing the chronology of their use and citing analogies from other Old Rus sites. The items resemble artifacts in the Scandinavian animal style (Borre, Jelling). The article also gives the results of metallographic analysis of part of the finds.

Среди находок древнерусского времени нередко встречаются подвески так называемого гнездовского типа. Не являются исключением и памятники бассейна Верхней Оки. Всего в регионе известно 11 находок подобных изделий и их фрагментов из 5 пунктов (рис. 1). Летом 2010 г. при исследовании городища Акиньино в Тульской обл. среди подъемного материала, относящегося к древнерусскому времени, был найден фрагмент подвески из цветного металла (Воронцов, 2011. С. 40. Рис. 4, 1) (рис. 2, 2). Она похожа на скандинавские изделия, выполненные в зверином стиле (стили Борре, Еллинг), который был распространен в Скандинавских странах во второй половине IX – X в. (Лебедев, 1985. С. 128, 129). В том же году местными жителями было передано несколько фрагментов подобных подвесок, найденных, согласно полученной информации, в районе с. Доброе, недалеко от Акиньино, где находится курганный могильник роменского и древнерусского времени (рис. 2, 4–9) (Изумова, 1970. С. 191–201). Данные предметы – не первые находки этой категории вещей в бассейне Верхней Оки (рис. 1). Подобная подвеска из “белого металла” была найдена в культурном слое поселения 1 у д. Уткино Киреевского р-она Тульской обл. (рис. 2, 1) (Смирнова, 1989; КОКМ. Инв. № С105724-46). Н.И. Булычев упоминает две такие подвески из “белого сплава”, происходящие из района д. Шатуны на р. Угра, в месте впадения в нее р. Сигоза, возле которой располагался курганный могильник (рис. 2, 3) (1913. С. 31. Табл. I, 8). Среди подъемного материала в распаханном могильнике у д. Хотяжи под Звенигородом также встречена подобная подвеска, опубликованная и описанная А.В. Алексеевым (2004. С. 178, 186. Рис. 5, 13).

Большинство из перечисленных находок представлены не целыми изделиями, а фрагментами. Наиболее полно сохранились подвески с поселения Уткино 1, Хотяжи, а также подвеска, опубликованная Н.И. Булычевым. Подвеска из Уткино представляет собой плоский медальон подовальной формы с фигурными краями размером 3.4 см по горизонтальной оси, с прорезным сильно стилизованным изображением фантастического зверя, развернутого в фас. В верхней ее части находится округлая петля, расположенная перпендикулярно плоскости самой подвески. Нижняя часть утрачена. Подвеска из д. Шатуны – медальон круглой формы диаметром 3.3 см также со стилизованным прорезным изображением развернутого в фас фантастического зверя с раскрытой пастью, головой повернутого назад. В верхней части, перпендикулярно плоскости медальона, расположена широкая петля для подвешивания. В правой части от предмета отломан небольшой фрагмент. Аналогичным целым изделием является подвеска из д. Хотяжи. Остальные предметы представляют собой менее полные фрагменты, позволяющие, однако, судить о форме и типе изделия.

Подобные подвески – нередкая находка на памятниках конца I – начала II тыс. (рис. 1). В Гнёздовском кладе 1868 г., датирующемся по сасанидским монетам второй половиной X в., встречено 18 серебряных подвесок “скандинавского типа” (Гущин, 1936. С. 53. Табл. III, 1, 2, 4, 5, 7–12, 16). Такие серебряные медальоны встречены и в Гнёздовских курганах. Один из них найден в кургане 54 Центральной группы вместе с византийской монетой Льва VI (886–912 гг.), другой – в кургане 15 (раскопки 1898 г.; Сизов, 1902. Табл. IV, 14; V, 2; Ширинский, 1999. С. 108. Рис. 29.I.54, 2;

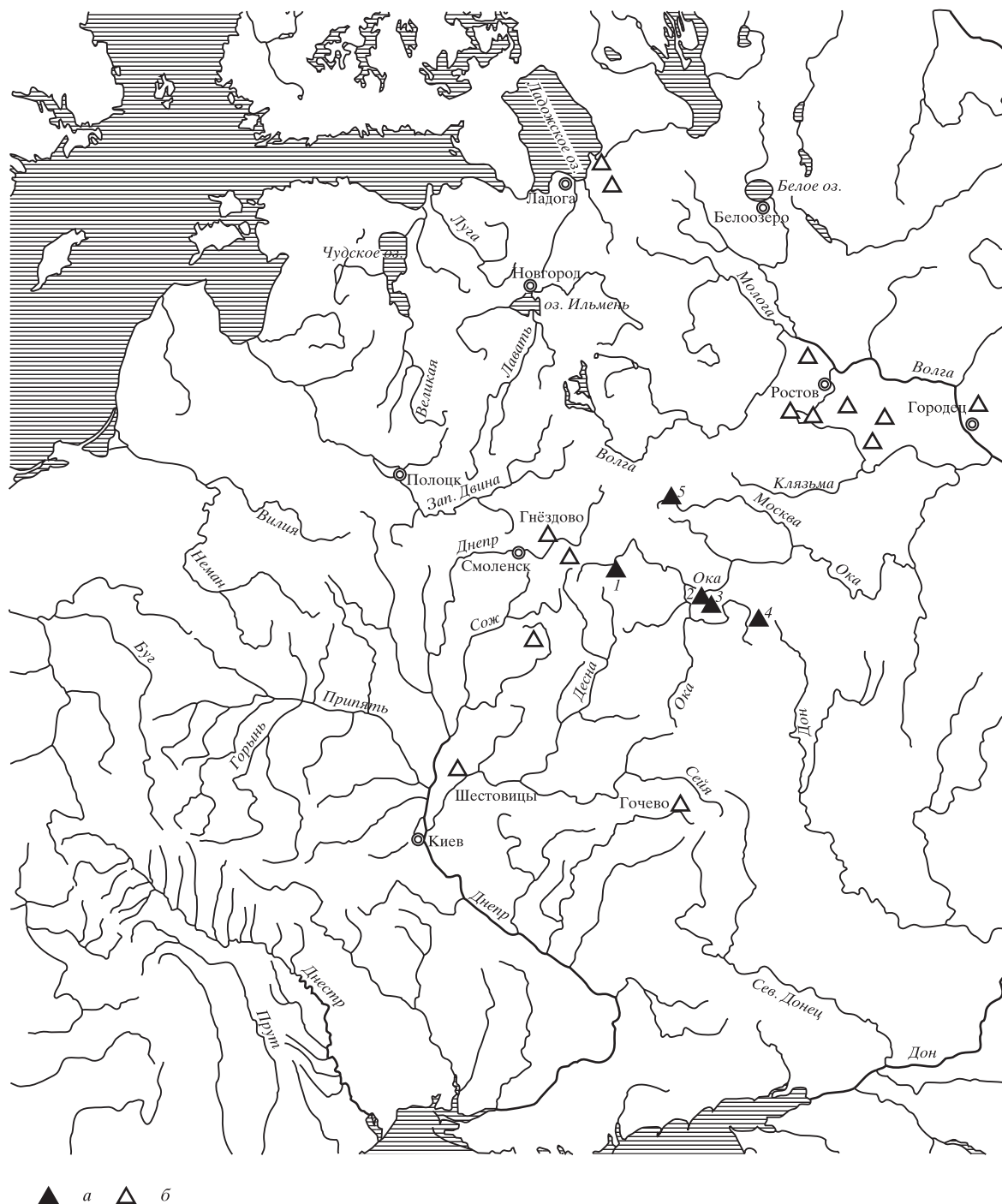

Рис. 1. Места находок подвесок гнёздовского типа на древнерусских памятниках: *а* – на территории Верхнеокского бассейна: 1 – Шатуны; 2 – Акиньино; 3 – Доброе; 4 – Уткино 1; 5 – Хотяжи; *б* – на других древнерусских памятниках.

31.I–III, 18). А.В. Успенская, рассматривая нагрудные и поясные украшения на памятниках северо-восточной и северо-западной Руси X–XIII вв., пишет, что такие привески были на Руси самыми ранними “из всех круглых привесок” (1967. С. 106). Автор приводит сводку находок этих вещей с памятников, чаще всего курганных могильников, северо-

востока и северо-запада Руси X–XIII вв. (Брянская, Владимирская, Ленинградская, Смоленская, Ярославская обл.). На территории Поволжья подобная “бронзовая с орнаментом в виде сплетенных звериных туловищ” подвеска происходит с селища Нагавицино 1 (окрестности Городца, левый берег Волги; Коновалова, 1991а; б. С. 3. Рис. 14, II; ГКМ.

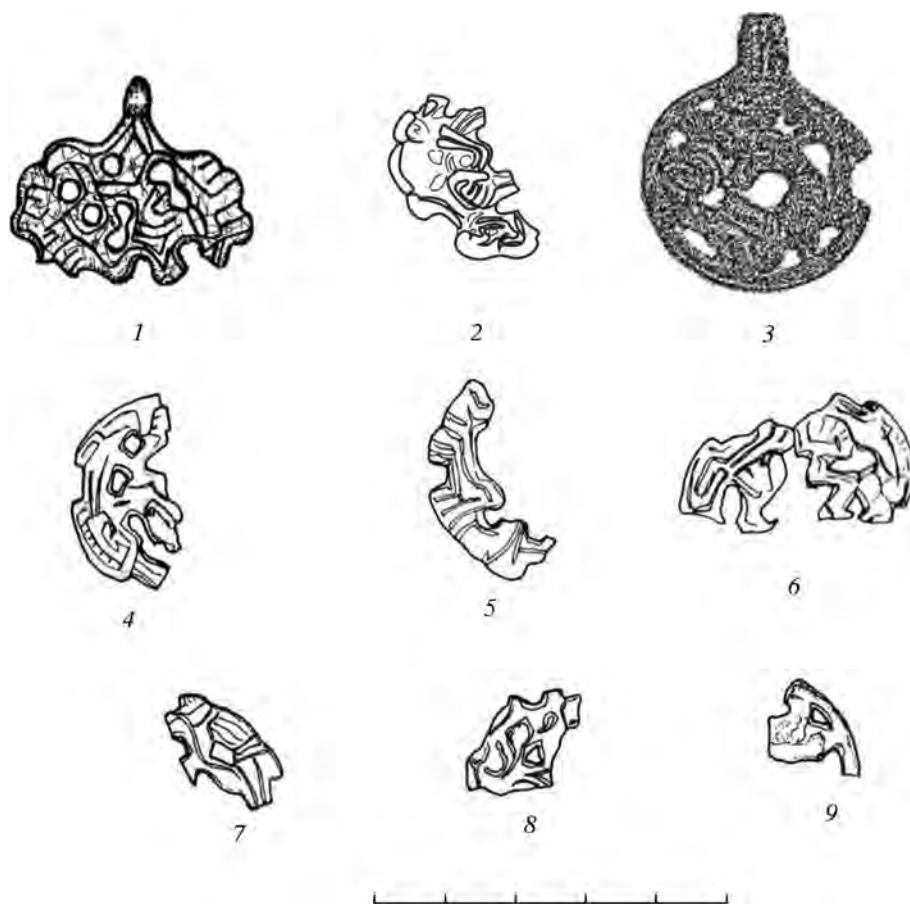

Рис. 2. Подвески гнездовского типа с территории Верхнего Поочья: 1 – поселение Уткино 1; 2 – городище Акиньино; 3 – подвеска, опубликованная Н.И. Булычевым (1913); 4–9 – находки у д. Доброе Тульской обл.

Инв. № ГРМ3408/3). На более южных территориях такие украшения встречаются в Гочевском археологическом комплексе на р. Псел “в захоронении с общерусским комплексом вещей” (Шинаков, 1982. С. 94, 95. Рис. Д), в кургане 78 Шестовицкого могильника недалеко от Чернигова, хронологически относящегося к фазе II (900–950 гг.) существования некрополя, вместе с другими вещами скандинавского типа, где она представляла собой серебряное позолоченное изделие (Андрушук, 1999. С. 51–55. Рис. 34).

Е.А. Шинаков предположил, что подобные украшения, скорее, могли быть свидетельством “присутствия скандинавов в военно-политической верхушке Юго-востока” и “восходят к опознавательным знакам королевской дружины Харальда (или ее непосредственного предводителя)”, аргументируя это тем, что они “в основном обнаружены в районах вокруг дружинных центров”, «либо в регионах, откуда при Владимире Святославиче началось “последнее” наступление на земли части северян, радимичей, вятичей» (2002. С. 256, 257). Анализ находок подобных изделий позволяет под-

вергнуть сомнению эти предположения. Описываемые предметы имеют широкое распространение во времени и пространстве и сильно отличаются по качеству и составу материала, из которого они изготовлены. Некоторые предметы изготовлены из серебра, иногда даже с позолотой (Гнёздово, Шестовицы). Два предмета из бассейна Верхней Оки, для которых удалось сделать металлографический анализ, изготовлены из медно-оловянистого сплава с большим содержанием олова (№ 4: Cu – 64.7; Sn – 32.9; Pb – 1.6; Ag – 0.24; Sb – 0.61; № 5: Cu – 51.5; Sn – 45.2; Pb – 2.18; Ag – 0.24; Sb – 0.73)¹. Интересно отметить, что из близкого по составу сплава одной из наших подвесок (рис. 2, 5) изготовлено височное кольцо из курганов у д. Кривишино (Cu – 53.14; Sn – 43.53; Pb – 2.80; Sb – 0.52) Рязанской обл. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 318. Табл. 2. № 363). Подвески из д. Шатуны изготовлены из “белого сплава” (Булычев, 1913. С. 31). Из “белого металла” также изготовлена подвеска из Уткино.

¹ Металлографический анализ выполнен в лаборатории ИГЕМ РАН Якушевым А.И. Номер предмета дается по рис. 2.

Согласно имеющейся информации, из оловянистой бронзы изготовлена подвеска из д. Хотяжи, также как, судя по всему, и подвеска с селища Нагавицино 1. Опираясь на приведенные результаты металлографического анализа, можно предположить, что часть изделий была изготовлена из похожего по составу металла. С сожалением стоит отметить, что в публикациях далеко не всегда присутствуют сведения о металле, из которого изготовлены подобные предметы.

Что касается определения хронологических рамок бытования этих предметов, то здесь возникают некоторые трудности. Не все предметы происходят из поддающихся четкой датировке комплексов. Публикации же комплексов, из которых они происходят, не всегда содержат соответствующую информацию. Тем не менее имеющиеся данные позволяют судить о временном распространении подвесок, выполненных в скандинавском зверином стиле, на древнерусских памятниках. Как уже отмечалось выше, в Скандинавии подобные изделия были распространены с середины IX по конец X в. В Гнёздово и Шестовицах они, выполненные из драгоценных металлов, происходят из комплексов X в. В кургане 10.4 у д. Исаево и в кургане 117.2 у д. Вахрушево Ленинградской обл. эти подвески встречены с монетами X в. (Успенская, 1967. С. 126). Гочевский курганный могильник датируется А.Е. Шинаковым концом X – началом XII в. (1982). Курганный могильник у д. Харлапово Смоленской обл., где также найдена подобная подвеска, датируется XI – первой половиной XIII в. (Шмидт, 1957. С. 214, 215). XI в., в том числе по германским монетам, датируется могильник у с. Воздвижение Ярославской обл., в женском погребении кургана 9 которого также найден «литой медальон “гнёздовского” типа» (Археологические исследования..., 1941. С. 82). XII–XIII вв. датирует автор раскопок селище Нагавицино 1 (Коновалова, 1991а; С. 8). Что касается подвесок из бассейна Верхней Оки, то с сожалением приходится констатировать, что все они происходят не из комплексов, поэтому говорить об их датировке можно лишь предположительно. Славянский период поселения 1 у д. Уткино определяется IX – рубежом IX–X вв., древнерусский – XII–XIII вв. (Григорьев, 2005. С. 190). Подвеска с городища Акиньюшино встречена среди подъемного материала древнерусского времени XI–XII вв. Курганный могильник у с. Доброе, из окрестностей которого происходят некоторые наши предметы (рис. 2, 4–9), содержит как ранние материалы IX–X вв., так и более поздние (Изюмова, 1970). Не ранее конца X в. определяет А.В. Алексеев время возникновения могильника у д. Хотяжи (2004. С. 166). Таким

образом, подвески, выполненные в скандинавском зверином стиле (Борре, Еллинг), происходящие с памятников конца I – начала II тыс., имеют широкий хронологический диапазон, далеко выходящий за пределы их распространения, собственно, в Скандинавии, что свидетельствует о том, что большая их часть, изготовленная из бронзовых сплавов, – подражание и датируется несколько позже своих прототипов, продолжая существовать в XI и, возможно, XII вв. Наиболее поздняя находка, судя по всему, – подвеска с селища Нагавицино 1. Предметы же высокого качества, как, например, в Гнёздово и Шестовицах, возможно, являются скандинавским импортом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // Археология Подмосковья: Матер. науч. семинара. М., 2004.
- Андрущук Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ, 1999.
- Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941.
- Булычев Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры // Зап. Императорского Московского Археологического института. М., 1913.
- Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском р-нах Тульской обл. и в г. Туле в 2010 г. Тула, 2011 // Архив ИА РАН.
- Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005.
- Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси. Л., 1936.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “Земли вятичей” второй половины XI–XIII в. М., 2011.
- Изюмова С.А. Курганы у с. Доброе Тульской обл. // СА. 1970. № 1.
- Коновалова З.С. Отчет о работе Нагавицинского отряда Нижегородской археологической службы и Городецкого краеведческого музея на древнерусском селище 1 у д. Нагавицино Городецкого р-она в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991а. Р-1. № 16065.
- Коновалова З.С. Альбом иллюстраций к отчету Нагавицинского отряда Нижегородской археологической службы. 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991б. Р-1. № 16066.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб, 1902.
- Смирнова М.Е. Отчет о работе Тульского отряда ДЭ ИА РАН СССР на селище Уткино Киреевского р-на

- Тульской обл. в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 13613.
- Успенская А.В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Шинаков Е.А.* Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестн. МГУ. История. 1982. Вып. 2.
- Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.
- Шмидт Е.А.* Курганы XI–XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской обл. Вып. 2. Смоленск, 1957.
- Ширинский С.С.* Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Ч. I. Археологические рас-

ГОРШОК С НАДПИСЬЮ ИЗ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

© 2013 г. В.Ю. Коваль, А.А. Медынцева, А.А. Еремеев

Институт археологии РАН, Москва (kavaloka@mail.ru)

Ключевые слова: археологические раскопки, эпиграфика, керамика, датировка комплексов, палеография, грамотность в Древней Руси.

The excavations at a complex from the first half of the 13th c. at Rostislavl (Moscow oblast') yielded a fragmented pot with an inscription that had been made on the raw clay prior to the baking. The paleographic features of the inscription allow dating it to the end of the 12th – first half of the 13th c. The inscription is in Cyrillic characters and reads that the pot was a present from someone to a person named Yuri. This is the second find of an Old Russian pot that shows an inscription made before baking, whereas the inscription is the first one that allows a clear reading. The find testifies to the fact of widespread literacy in Rus on the eve of the Mongol invasion.

В ходе археологических раскопок на городище Ростиславль в Озерском р-оне Московской обл., проводившихся в 2011 г. Ростиславльской экспедицией Института археологии РАН, было обнаружено несколько обломков горшка с прочерченной по его поверхности надписью кириллицей (рис. 1).

Городище Ростиславль размещается на правом берегу Оки, примерно посередине между Коломной и Каширой. Оно представляет собой остатки летописного города Рязанской земли, основанного в 1153 г. и просуществовавшего до начала XVII в. Городище планомерно изучается с 1991 г., в 1996 г. на нем уже была сделана редкая эпиграфическая находка – обнаружен обломок белокаменного намогильного и памятного креста с надписью (Коваль, Медведь, 2000). Новая находка происходит с раскопа II, которым исследовался северо-западный край площадки городища, с неплохо сохранившимися объектами и культурным слоем домонгольской эпохи.

Один из обломков был обнаружен в переотложенном культурном слое, в 12–13 м к северо-западу от места обнаружения трех других (рис. 2, 1, 2), довольно компактно залегающих в верху заполнения котлована подземной части крупной постройки (рис. 2, 3). Судя по материалу из заполнения нижней части (развалам двух горшков, керамике и единственной находке железного ножа – рис. 3), котлован заполнялся на протяжении второй половины XII в. Маркером наиболее древних отложений в постройке служил развал красноглиняного ангобированного горшка-миски (рис. 3, 3). Красноглиняная белоангобированная керамика встречена на

Ростиславле в комплексах, датирующихся только самым ранним периодом жизни города, т.е. серединой XII в. В комплексы второй половины XII в. она попадала уже в виде обломков из культурного слоя¹. Второй горшок из нижнего горизонта заполнения постройки был изготовлен из беложгущейся глины, но обгорел в пожаре. Линейный орнамент на него нанесен шестизубой (?) гребенкой по спирали против часовой стрелки сверху вниз. Профилировка венчика характерна для посуды второй половины XII в. (рис. 3, 2).

Массовый керамический материал из самого нижнего горизонта заполнения постройки (177 обломков, в том числе 26 венчиков горшков) характеризовался признаками посуды второй половины XII – начала XIII в. (невысокая доля белоглиняной керамики, отсутствие волнистого орнамента в декоре горшков). Венчики горшков, с одной стороны, включали сильнопрофилированные формы с массивными округлыми валиками (типов 18/2, 23/2, 28/2)², характерные для XII в. (рис. 4, 1, 4, 5, 7, 12–15, 18, 19, 22), а с другой – “цилиндрические” (типов 8/2, 38/2), исчезающие в первой трети XIII в.

¹ Эти изделия заметно отличаются от более поздней белоангобированной керамики XV в. как по профилировке, так и по составу теста, характеру ангоба, орнаменту. Очевидно, они имитировали посуду, производившуюся переселенцами из Южной Руси, принесшими традицию изготовления керамики из беложгущихся глин. Ранняя белоангобированная керамика Ростиславля отличалась розовато-кремовым цветом легко размывавшегося ангоба и наличием в тесте посуды крупного речного песка.

² Классификация венчиков горшков Ростиславля с нумерацией классов и типов опубликована (Коваль, 2004).

Рис. 1. Обломок горшка с надписью. 1 – фото; 2 – рисунок; 3 – прорисовка надписи с направляющей чертой и без черты.

(рис. 4, 17, 20, 21). Наряду с ними, впрочем, были широко представлены профилированные (так называемые эсвидные) венчики с уплощенными валиками или малозаметными складками, полученными заворотом “чернового края” внутрь сосуда (типов 18/1, 23/1, 28/1), появляющиеся во второй половине XII в. и доминирующие на Ростиславле в первой половине XIII в. (рис. 4, 2, 3, 10, 11).

После засыпки котлована постройки произошел эрозийный размыв склона, приведший к уничтожению части его западной стенки и частично его заполнения. Затем на эрозированной поверхности сформировался культурный слой (возможно даже искусственная присыпка склона), местами просевший в ходе уплотнения и оседания первоначального заполнения. Именно он и составил верхний горизонт ямы 560, мощность которого не превышала 40 см

(рис. 2, 3). Слой состоял из темно-серого гумусированного суглинка с включениями мелких угольков и обломков пещины, керамики и костей животных.

В отличие от заполнения котлована постройки в этом относительно маломощном горизонте было собрано более 40 вещевых находок (рис. 5), в том числе 3 обломка стеклянных браслетов (зеленого витого из 2 жил, гладкого бирюзового и коричневого, перевитого нитью желтого непрозрачного стекла), 2 шиферных пряслица, 2 перстнеобразных височных кольца, 2 пластинчатых перстня, 3 обломка белоглиняных поливных сосудов южно-русского (киевского?) производства, обломок керамического креста-тельника (искусная имитация каменного, из красножгущейся глины без видимых примесей) и 8 бусин, в том числе зонная янтарная, горнохрустальная шарообразная, сердоликовая

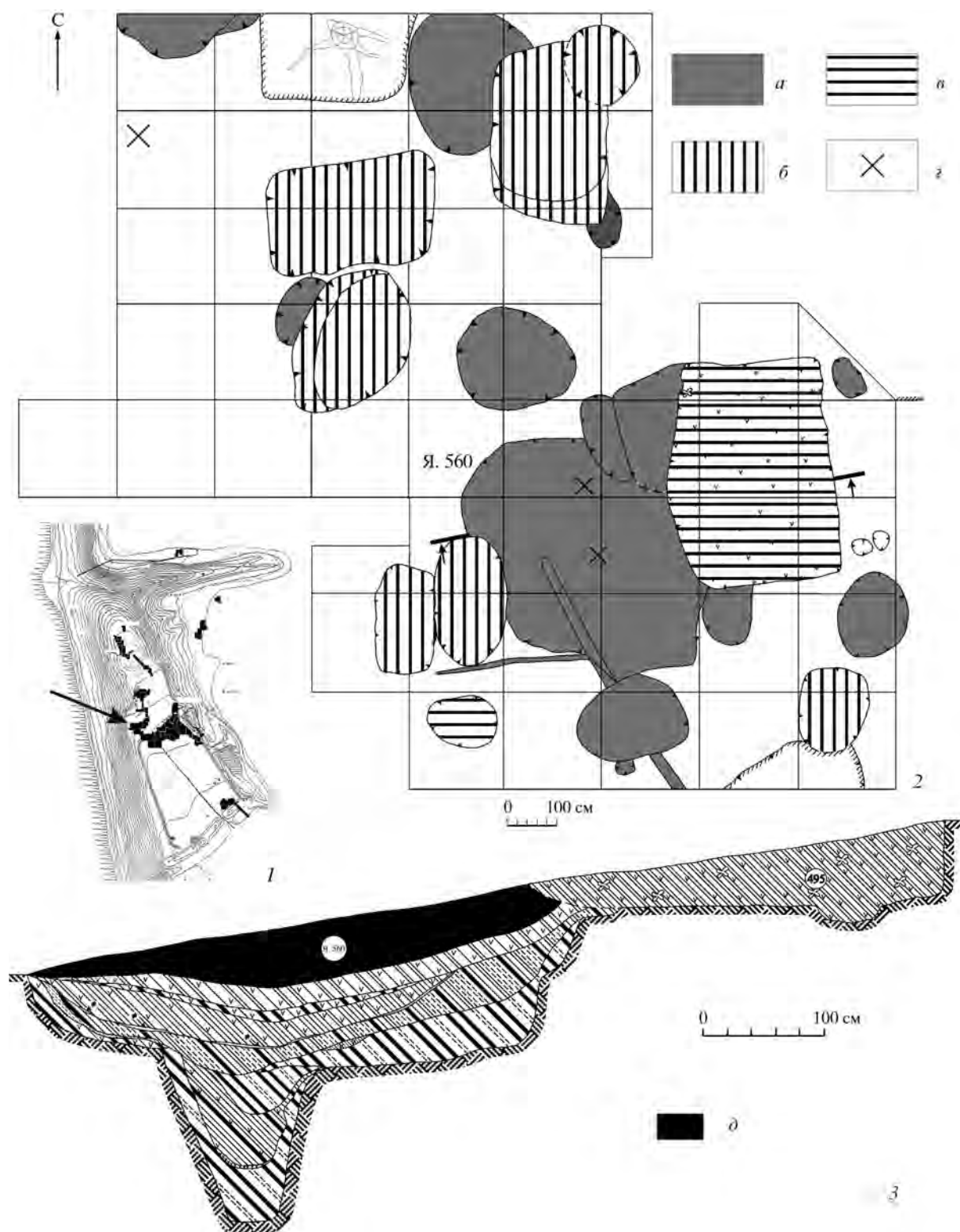

Рис. 2. Схема городища Ростиславль (1); план раскопа II с указанием мест обнаружения обломков горшка с надписью (2) и разрез я. 560. Условные обозначения: *a* – объекты середины и второй половины XII в.; *b* – объекты первой половины XIII в.; *c* – объекты XIV–XV вв.; *d* – места обнаружения обломков горшка с надписью; *e* – слой первой половины XIII в. над я. 560, в котором были найдены обломки горшка с надписью.

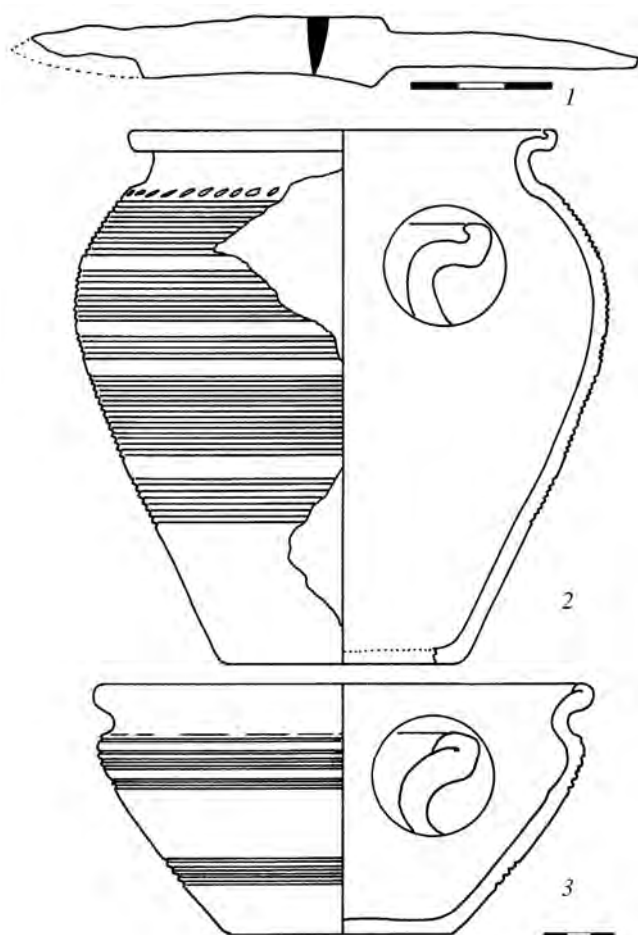

Рис. 3. Находки из нижних горизонтов заполнения я. 560. 1 – железный нож; 2 – горшок; 3 – горшок-миска.

бипирамидальная 14-гранная и 5 стеклянных (рис. 5, 15–20). Среди последних четыре зонных из желтого (1) и зеленого (3) прозрачного стекла, а также одна усеченно-биконическая синяя. Особый интерес представляет находка креста-тельника из темно-серого камня с белыми пятнами – явного импорта из Византии (рис. 5, 13). Все перечисленные вещи не имеют узких дат и относятся в целом к домонгольской эпохе (второй половине XII – первой половине XIII в.), однако среди них присутствуют стеклянные браслеты, бытовавшие на Ростиславле в основном в первой трети XIII в.

Керамический массовый материал из верхнего горизонта заполнения ямы 560 был чрезвычайно обилен (более 1000 обломков, принадлежавших не менее чем 200 сосудам³). Полные профили со-

³ Подсчет – условный, проведен, исходя из количества венчиков горшков (229 шт.), относившихся к разным сосудам. При этом надо иметь в виду, что в комплекс попали только отдельные части горшков, а не целые развалы сосудов.

хранились только от двух неорнаментированных горшков-мисок (рис. 5, 11, 12). Данный керамический комплекс обладает всеми статистическими характеристиками наборов, формировавшихся в первой половине XIII в., – высокой долей керамики полного окислительного обжига (61% от суммарного сбора), в том числе белоглиняной (30%), заметным количественным преобладанием венчиков типов 18/1, 23/1 и 28/1 (рис. 6, 1, 3, 4, 6, 10–12) над более ранними типами (18/2, 23/2, 28/2) тех же конструкций (рис. 6, 2, 7, 8, 13–15, 17) – 43% против 24. Характерны также относительно небольшая доля цилиндрических венчиков (классов 6, 8, 33 – менее 10%) (рис. 6, 9, 16) и абсолютное доминирование в декоре линейного орнамента при наличии небольшой доли (3.8%) волнистого – это тоже специфический признак керамических наборов предмонгольской эпохи. Керамические комплексы с подобными признаками составляют на Ростиславле хорошо узнаваемую обширную серию (Коваль, 1996; 2000; 2004).

Итак, судя по датировкам вещевых находок и статистическим признакам массовой керамики, отложение верхнего горизонта ямы 560 (т.е. культурного слоя, перекрывшего засыпанный котлован постройки второй половины XII в.) происходило на протяжении первой половины XIII в. (вероятно, до 1237 г.). Таким образом, дата формирования комплекса, включавшего описываемую ниже находку, установлена достаточно твердо.

Рассмотрим теперь сами остатки горшка, на который была нанесена надпись. От него, напомним, сохранились только четыре обломка венчика с частями плечиков, обломки стенок и дна в комплексе встречены не были. Горшок был изготовлен из слабожелезненной глины светло-коричневатого оттенка, формовочная масса стандартного для Ростиславля XII–XIV вв. рецепта “глина + песок мелкий”, прошел неполный (недостаточно продолжительный) обжиг (на изломе черепки трехслойные, с темно-серой полосой непрокаленной глины). Следов нагара или копоти от пребывания в печи не обнаружено, однако поверхность черепков все же была загрязнена органическим материалом. В этом убеждает обломок венчика этого же горшка, найденный в культурном слое, который отличается поверхностью телесного цвета (вероятно, он побывал в огне, что привело к выгоранию органических загрязнений). Профилировка венчика (тип 23/2) относится к числу наиболее характерных для домонгольского периода, особенно для второй половины XII в. Венчики такого типа встречаются и в первой

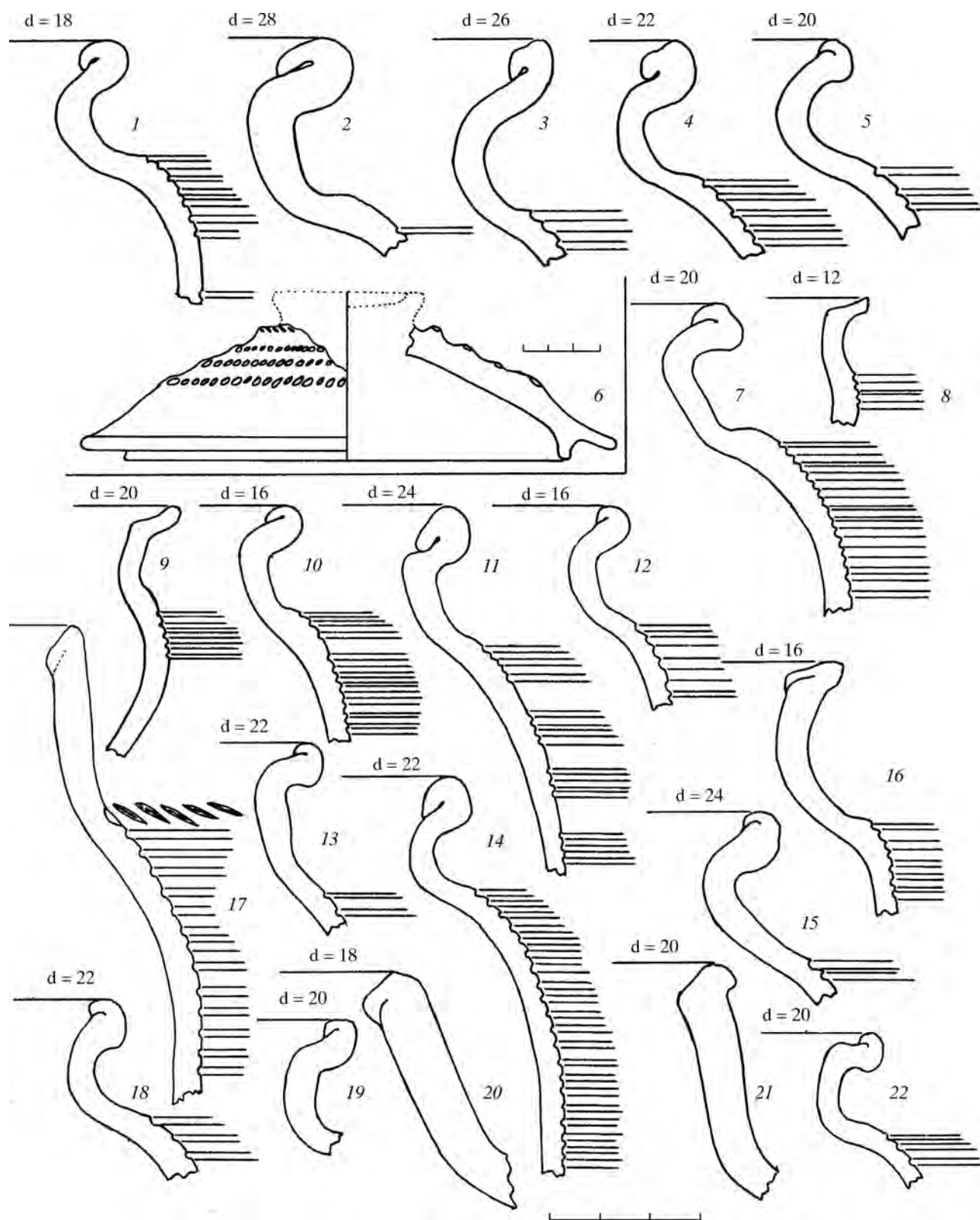

Рис. 4. Керамика из нижних горизонтов я. 560.

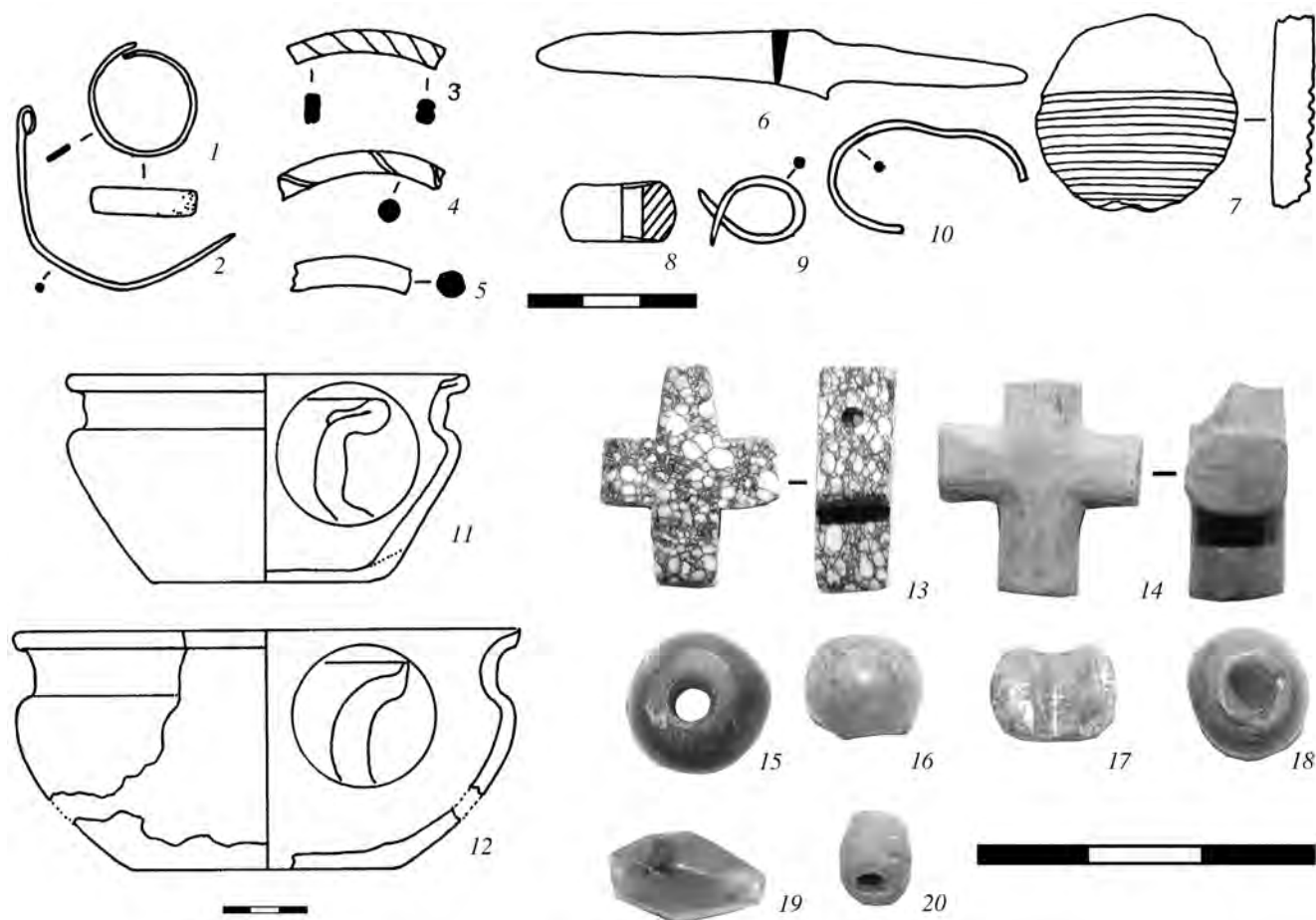

Рис. 5. Находки из верхнего горизонта я. 560. 1 – перстень; 2 – игла; 3–5 – обломки браслетов; 6 – нож; 7 – заготовка пряслица; 8 – пряслице; 9, 10 – перстнеобразные височные кольца; 11, 12 – горшки-миски; 13, 14 – кресты-тельники; 15–20 – бусы. 1, 2, 9, 10 – медные сплавы; 3–5, 16–18, 20 – стекло; 6 – железо; 7, 11, 12, 14 – керамика; 8, 13 – камень; 15 – янтарь; 19 – сердолик.

половине XIII в., однако в этот период их производство уже заканчивается.

Таким образом, обломки горшка попали в культурный слой накануне Батыева нашествия. Важно заметить, что другие части горшка (две трети венчика и придонная часть) в исследованном контексте отсутствовали. Следовательно, на северо-западном участке городища был разбит не весь горшок, а только его часть, развалившаяся на несколько фрагментов. Где находятся остальные части – не известно.

Надпись (рис. 1) была прочерчена под венчиком гончарного сосуда до его обжига, по сырой глине, о чем свидетельствуют отчетливо сохранившиеся валики глины, образовавшиеся в процессе нанесения букв по их краям, особенно явные в местах изгибов. Сохранилась приблизительно треть надписи, начало и конец которой утрачены. Она была прочерчена острым предметом, вероятно, писалом. Буквы четкие, с отчеркиваниями вертикальных мачт, из-за

чего трудно различить буквы **Ъ** и **Ь**. Дополнительную трудность в прочтении вносит горизонтальная линия, проведенная по сырой глине до нанесения надписи, по-видимому, тем же инструментом, что и надпись: некоторые отчеркивания сливаются с ней или искажены благодаря ее близости (рис. 1; 7). Судя по тому, что на стенки горшка орнамент наносился гребенкой, имевшей четыре “зуба” и оставившей, соответственно, три-четыре параллельных линии (количество линий различалось из-за изгиба поверхности сосуда), горизонтальная линия по шейке венчика была сделана другим инструментом и вряд ли имела отношение к орнаменту, а значит предназначалась специально для того, чтобы задать горизонтальную направляющую при нанесении надписи. Глубина вдавления линии составляет 0.5–1 мм, глубина вдавления линий букв в надписи – не менее 1 мм.

Первое сохранившееся слово, несмотря на утрату начала, легко восстанавливается по смыслу и

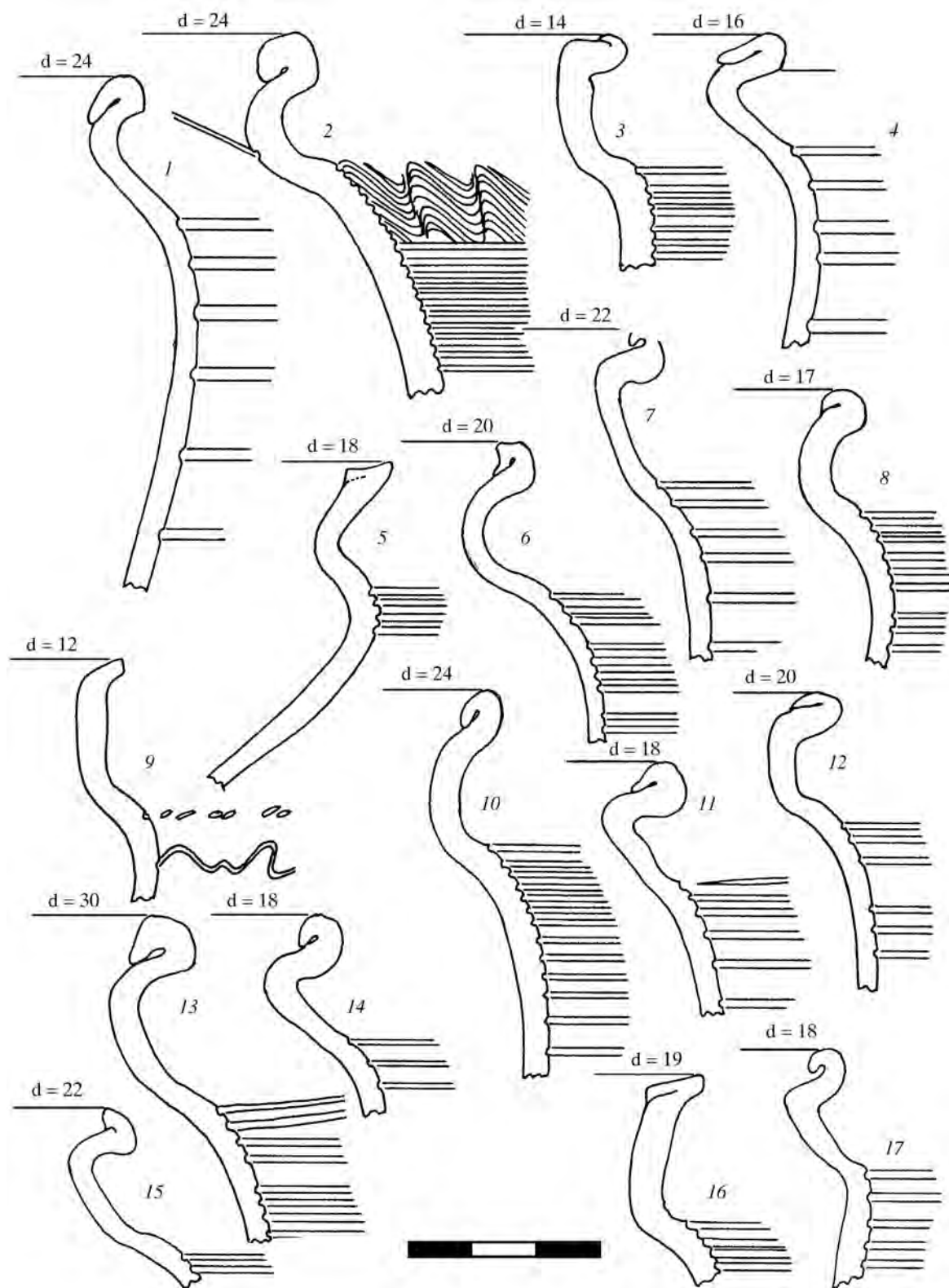

Рис. 6. Керамика из верхнего горизонта я. 560.

Рис. 7. Детали надписи.

оставшимся буквам – это, вероятно, глагол “вдалъ” (перфект 1 л. ед. ч. м. р.): можно различить остатки правой ножки (треугольника) от **Д**. Далее читается слово “гороноць” – “*гърньць*” – “горшок”, сосуд для приготовления пищи (Словарь..., 1977. С. 87; Лукина, 1990. С. 96). Буквы хорошей сохранности, читаются отчетливо. Комментариев требует только буква **Ц**. По левой ее черте проходит разлом сосуда, но эта черта не затрудняет ее прочтения, зато сложности возникают из-за способа написания “по сырому”. Дополнительный эффект изгиба на фотографии дают валики сырой глины, образовавшиеся в процессе прочерчивания вертикальной левой линии, более толстые в середине черты, чем по краям из-за большего нажима, что делает ее похожей на чашечку буквы “червь”. Правая часть буквы изображена слегка волнистой линией, образовавшейся при повороте инструмента для письма. Мастер сначала провел линию, составляющую правую часть, а затем отчеркнул мачту изогнутой, начинающейся с глубокой точки черточкой. Образовавшиеся при этом валики сырой глины искажают начертание, но чтение **Ц** не вызывает сомнений, в чем убеждает и

прямой угол, образованный левой вертикальной и нижней горизонтальной линиями. В этом же слове **О** заменяет собой **Ъ** в корне, **Ь** – в суффиксе (**Ъ** после **Р**, вероятно, вставной), что представляет собой яркий пример “неупорядоченного” правописания глухих и *o|e*. Затем следует имя – *Юрию*. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что в начале надписи содержалось имя дарителя, который подарил горшок человеку по имени Юрий, а вся надпись относится к разряду дарственных. Далее читается “...А кто возмь...” (будущее время, выраженное формой настоящего, 3 л. ед. ч) – “кто возмет” – **Ь** заменяет собой **Е** соответственно неупорядоченному правописанию, пропущенная буква **О** в слове “кто” написана позднее несколько выше. Для обозначения будущего в древнерусских текстах сосуществуют словоформы как с окончанием *-ть*, так и без него, особенно в деловой и бытовой письменности. В новгородских берестяных грамотах чаще всего примеры без *-ть* отмечены в предложениях, выражающих условие или цель, т.е. там, где глагол передает не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие (Зализняк, 2004. С. 137).

Это и предполагает следующий далее союз с частицей **А**: **ДА**... За этими словами следует ожидать “заклятие” – наказание, которое постигнет того, кто украдет сосуд. Подобное заклятие известно по надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г. В подробной вкладной надписи, содержащей год события, имя вкладчицы, описание креста и стоимости ювелирной работы, содержится и пространное заклятие нарушившему волю княжны и унесшему крест из монастыря: “да не буди ему помощник честный крест ни в этот век, ни в будущий, да будет проклят Святой Троицей...” и т.д. (Рыбаков, 1964. № 27. С. 32, 33). Аналогичные заклятия дошли до нас и в приписках писцов к некоторым рукописям. Например, в выходной записи писца о написании книги для ц. Св. Софии “повелением” князя Дмитрия Александровича на средства архиепископа Климента (около 1285–1291 гг.) имеется угроза проклятия и страшного суда похитителю: “...не буде ему наше благословение... да будет проклят...” (Столярова, 1998. С. 101). Ценность креста Евфросинии Полоцкой или священных книг, конечно, не сопоставима с бытовыми предметами, однако и на них известны подобные же заклятия. Так, на простой костяной ручке обыкновенного железного ножа из Дрогичина (Беларусь) была процарапана надпись (рис. 8, 1), датированная по палеографическим признакам концом XI – началом XII в., с заклятием против кражи: “Ежков нож, а иже его украде, то проклят...” (буде?) (Musianovicz, 1956. S. 343, 344. Tabl. XLVI; Калечыц, 2011. С. 99. Рис. 77). Судя по контексту, мы вправе ожидать подобного продолжения и от надписи на горшке из Ростиславля. За словом “возме” читаются только три буквы и начало четвертой: “**А ДА**”. Мы вправе ожидать, что следующей буквой могла быть либо **Б** (начало слова “**БУДИ**”), либо **Н** (“**НЕ БУДИ**”). Но, к сожалению, полностью она не сохранилась. Разлом проходит как раз посередине буквы. Это могла быть мачта буквы **Б** или **Н**, но, насколько можно судить по сохранившимся чертам, и особенно по отчетливо видной точке слева от вертикальной мачты (вероятно, такая же была справа от нее), это могла быть буква **Ї**-десятеричное, в данном случае “**і** с двумя точками посередине буквы” – начало слова “**иссох-нет**” или аналогичного по смыслу, но, возможно, это было и начало буквенного обозначения цифры.

Сохранность надписи не дает убедительных оснований для полной реконструкции, но ясно, что перед нами дарственная надпись неизвестного дарителя человеку по имени Юрий, содержащая заклятие от вора. Сохранившийся фрагмент читается так:

... .. (Д)АЛЪ ГОРОНОЦЪ ЮРИЮ А КТ(о)
ВОЗМЪ А ДА (і).....,

т.е. некто “дал горшок Юрию, кто возьмет, а да и будет... или не будет...” Санкция остается неясной, но по смыслу именно она должна была быть в несохранившейся части.

Несмотря на относительную краткость надписи, ее палеографические особенности достаточно ясно выражены. Письмо отчетливое, по пропорциям некоторые буквы близки к квадрату, **Н** напоминает по форме латинскую, перекадины букв **И** и **Ю** горизонтальны и расположены посередине буквы – это признаки раннего времени – XI – первой половины XIII в., хотя они могут встречаться и позже. Но петли **Ъ**, **Ь** – неправильной формы, занимают более половины мачты, **В** – с заходящими друг на друга петлями – все эти признаки указывают на первую половину XIII в. Об этом же времени говорят и несколько оплывшие (в одном случае, усеченная) петли **А** (Щепкин, 1971. С. 114, 115). Характерную форму имеет **З** – с развилкой и небольшим изогнутым хвостом. В берестяных грамотах похожие формы отмечены в группе, датирующейся 1220–1280 гг. (Зализняк, 2000. Табл. 9). С того же времени А.А. Зализняк отмечает в берестяных грамотах **Р** с треугольной головкой углом вниз, которая продолжает встречаться и позднее, в хронологической группе, ограниченной 1410 г. (2000. Табл. 18). Сочетание ранних и поздних признаков позволяет датировать надпись первой половиной XIII в. На это же время указывает отчетливо выраженное неупорядоченное употребление **Ъ/О**; **Ь/Е**; **Ь/О**. Последняя замена, третья буква **О** в слове “горнец”, вероятно, заменяет собой **Ь**, появившийся как результат мены **Ь/Ъ**! Подобная “бытовая” система письма появляется уже в XI–XII вв., но достигает максимума в XIII в., постепенно исчезая на протяжении XIV в. (Зализняк, 2004. С. 25). Графическое неразличение **Ь/Ъ** засвидетельствовано уже первыми исследователями берестяных грамот с древнейшего времени. Стратиграфическая дата, как и форма горшка, указывают на первую половину XIII в. Таким образом, надпись по палеографии, правописанию, стратиграфии и форме самого горшка надежно датируется первой половиной XIII в.

Заслуживает внимания использование русифицированной формы имени Юрий вместо *Георгий* или переходной *Гюрги*, *Гюрьги*. В новгородских берестяных грамотах такая форма, где сначала первая буква **Г**, а затем и вторая заменяются на йот, появляется начиная с середины XIV в. (Зализняк, 2004. С. 104). Надежно датированная надпись – свидетельство того, что в разго-

Рис. 8. Находки вещей с древнерусскими надписями. 1 – рукоять ножа из Гродно, без масштаба (по: Калечыц, 2011. Рис. 77); 2 – обломки горшка с селища Автуничи, фото и прорисовка (по: Моця и др., 1997. Рис. 14, 10).

ворной лексике в Рязанской земле она появилась значительно раньше, чем в Новгороде.

Особенности публикуемой надписи – это способ написания по сырой глине, и расположение на обычном горшке, тогда как большинство надписей на керамике, известных на территории Древней Руси, прочерчено на византийских амфорах, т.е. на уже давно обожженных сосудах. Единственную

аналогию представляет надпись на двух обломках горшка с селища Автуничи (в Черниговской земле, на территории современной Украины), найденных при раскопках 1988 г. (Коваленко, Моця, 1997. С. 135–142; Моця и др., 1997. С. 50. Рис. 14, 10). Надпись была нанесена по плечу сосуда до обжига, по сырой глине, вероятно, ножом, который использовался в процессе производства. На одном из обломков читается: ...(**Г**)**В****О****Є****М**(**У**) **М**..., на

другом – фрагментированные буквы ...**(Н)ОД(Ъ)** (рис. 8, 2). Обломки горшка не соединяются, но, судя по их виду и надписи, они принадлежат одному сосуду (второй фрагмент надписи в указанной публикации отсутствует и публикуется здесь впервые). Первое слово легко восстанавливается как “своему”, буква **М**, вероятно, является началом имени, второй фрагмент слишком краток и реконструкции не поддается. Надпись скорее всего представляла собой обычную молитвенную надпись “Господи помози рабу своему такому-то” – человеку, от имени которого сохранилась лишь первая буква **М**. Надпись выполнена небольшими четкими буквами с отчеркиваниями. На первый взгляд она напоминает надпись из Ростиславля: сходно начертание буквы **Д** в виде треугольника с отчеркнутыми ножками. Но совершенно разные формы имеют буква **В** и, особенно, буква **М** (дважды повторенная на фрагменте из Автуничей). Вероятно, сходство объясняется материалом, способом написания и хронологической близостью сосудов. Надпись из Автуничей содержит мало материала для палеографической датировки. Помимо отмеченной уже формы **Д** в виде треугольника (в берестяных грамотах хронологические пределы отмечены в границах 1160–1280 гг.) (Зализняк, 2000. Табл. 4), почти в таких же хронологических рамках (1140–1260 гг.) встречается и открытая, без верхней черты, форма **Е** (Зализняк, 2000. Табл. 6). Очевидно, о XIII в. говорит **У** с верхней частью во всю строку, без **О**, хотя в киевских надписях эта буква без **О** отмечается, как исключение, в некоторых граффити и ранее, например, в граффити № 3 1052 г. (Высоцкий, 1976. С. 168). Стратиграфическая дата автунической надписи – XII в., с учетом палеографии – конец XII – начало XIII в.

Интересны исторические выводы, полученные на основе двух редких надписей приблизительно одного времени, найденных в разных местах Древней Руси. Судя по находкам горшков с надписями, грамотность проникла в конце XII – начале XIII в. в среду ремесленников, занимающихся производством простой гончарной посуды, т.е. тем видом ремесла, которое было ориентировано на широкие массы городского и сельского населения. Распространение тех видов продукции, которые предназначались не для элитарных кругов, а были адресованы небогатому населению (например, украшений, изготавливавшихся литьем в имитационных формах) в первые десятилетия XIII в. отмечалось исследователями и в ювелирном деле. Очевидно, исполнителями надписей на необожженной поверхности горшков были сами гончары, а не

заказчики, тем более что само присутствие последних при сложном технологическом процессе изготовления керамики сомнительно. Да посторонний человек и не смог бы сделать надпись по сырому горшку, поскольку ему вряд ли удалось бы соизмерить усилие руки с сопротивлением материала – такая попытка закончилась бы разрушением горшка еще до обжига. Другое дело, что текст надписи мог быть продиктован заказчиком.

Ростиславльская надпись говорит о том, что один человек подарил горшок другому. Следовательно, она является свидетельством грамотности по меньшей мере трех человек: заказчика, получателя горшка и гончара, который ее сделал. Однако к этим трем прибавляются еще и предполагаемые похитители горшка, а таковыми могли быть только простые горожане, которые, следовательно, тоже были грамотными. Тем самым надпись с закланием на горшке свидетельствует о массовой грамотности населения накануне Батыева нашествия даже в таком небольшом городе, каким был Ростиславль. Надпись из Автуничей говорит о том, что грамотными были не только горожане, но и жители сел, в том числе весьма отдаленных от крупных городских центров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическая датировка // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов. М., 2000.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Калечыц І.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV ст. Мінск, 2011.
- Коваленко В., Моця А. Жилища гончаров XI–XII вв. на селище Автуничи на Черниговщине // Историко-археологический сб. № 12. Минск, 1997.
- Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии. М., 1996 (Тр. Музея истории города Москвы; Вып. 9).
- Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики. М., 2000 (Тр. Музея истории города Москвы; Вып. 10).
- Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмоскovie. М., 2004.
- Коваль В.Ю., Медведев А.Н. Новый памятник средневековой русской письменности Рязанской земли // РА. 2000. № 1.

- Лукина Г.Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990
- Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. и др.* Поселення Х–ХІІІ ст. біля с. Автунічі // Південноруське село ІХ–ХІІІ ст. (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ, 1997.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (САИ; Вып. Е1-44).
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1971.
- Musianowicz K.* Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w roku 1954 w Drohiczynie, pow. Siemiatystysze // Wiadomsci archeologiczne. T. 12. Z. 2. Warchawa, 1956.

К 250-ЛЕТИЮ СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2013 г. В.И. Гуляев

Институт археологии РАН, Москва

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были произведены в 1763 г. по поручению генерал-поручика Алексея Петровича Мельгунова, бывшего в то время губернатором Новороссийского края. Исследованию подвергся Литой курган (или Червонная Могила), располагавшийся в 60 км от Елисаветграда (совр. Кировоград). И хотя этот могильный холм не был докопан до конца из-за наступления ранних холодов, вскрытое в нем погребение знатного скифа содержало великолепные золотые вещи конца VII – начала VI вв. до н.э. В конечном счете все найденные предметы доставили в Санкт-Петербург “матушке-императрице” Екатерине II. И таким образом, в текущем году исполняется ровно 250 лет полевой скифской археологии.

В конце XVIII – начале XIX вв. в результате ряда успешных русско-турецких войн (1774, 1783, 1791, 1812 гг.) в состав Российской империи вошла огромная и малозаселенная территория Северного Причерноморья – от Дуная до Кубани, изобилующая памятниками древности разных эпох, в том числе и скифскими курганами (Тункина, 2002. С. 17). Немые руины античных городов и величественные земляные пирамиды с могилами давно исчезнувших народов и племен почти сразу же после начала освоения причерноморских земель стали вызывать пристальный интерес российской общественности, ученых и властей. И надо отметить, что проблемы именно скифской археологии всегда находились в центре внимания отечественной науки. Достаточно вспомнить о сказочных богатствах гробниц скифских “царей” Куль-Обы в Крыму (1830 г., П. Дюбрюкс)¹, Чертомлыка (1862–1863 гг., И.Е. Забелин) (Алексеев и др., 1991), Солохи (Н.И. Веселовский, 1912–1913 гг.) (Манцевич, 1987), чтобы оценить тот огромный эффект, который оказали эти открытия на развитие археологии в России. Не случайно, что организованное в 1859 г. основное археологи-

ческое учреждение страны – Императорская Археологическая Комиссия – главной целью своих исследований сделало раскопки элитных скифских курганов и античных городов Северного Причерноморья (Тункина, 2002. С. 255). История исследования скифских древностей знает немало ярких страниц: были здесь и сенсационные открытия, и глубокие разочарования. Порой рассказ об истории раскопок скифских курганов был больше похож на приключенческую или детективную повесть, чем на официальный научный отчет. Археологам приходилось сталкиваться с грабителями, бандитами и мошенниками, преодолевать всевозможные трудности (например, связанные с частной собственностью на землю, где находились древности, и т.п.). Среди первых исследователей курганов Скифии были самые разные люди – энтузиасты-любители, крупные ученые, путешественники, помещики, военные и государственные чиновники. Многие из них, особенно на заре российской археологии, по неопытности или в погоне за эффектными и драгоценными находками наносили большой вред науке. Методы раскопок в то время мало чем отличались от простого кладоискательства. Раскопки не документировались, не велись дневники по ходу работ, не составлялись планы и разрезы раскопанных объектов. Многие находки, не представлявшие с точки зрения раскопщиков интереса (лепная керамика, обломки железных предметов, кости животных и т.д.), попросту выбрасывались. Все это – невосполнимые потери. Огромный ущерб археологическому наследию страны наносили многочисленные грабители скифских могил. Практически не изучались древние поселения и курганы рядовых скифов.

После бурных событий Октябрьской революции и Гражданской войны скифская археология долгое время находилась в застое и упадке. Итоги отечественных исследований в области скифоведения до 1918 г. подвел в двух своих книгах выдающийся российский ученый, академик М.И. Ростовцев (1918; 1925). Основываясь на сравнительно ограниченных археологических материалах (только из раскопок курганов) и данных письменных

¹ Недавно полная публикация всех обстоятельств этой сенсационной находки была осуществлена И.В. Тункиной (Дюбрюкс, 2010).

источников, он сформулировал стройную и логически безукоризненную концепцию о структуре скифского общества и государства. Согласно его теории, скифы – пришедшие “откуда-то из Азии” ираноязычные кочевые племена – захватили в VII–VI вв. до н.э. все Северное Причерноморье (включая и степные, и лесостепные области), подчинили себе местное разноэтничное население и создали мощное военно-политическое объединение – государство феодального типа, где господствующее положение занимала военная знать во главе с царем. По мнению ученого, это государство в общем было очень похоже на более поздние империи воинственных средневековых кочевников: Хазарский каганат VII–IX вв. н.э. и особенно татаро-монгольскую Золотую Орду (XIII–XV вв.). М.И. Ростовцев считал, что в VI–III вв. до н.э. на обширных пространствах Северного Причерноморья существовала единая Скифия – государство, включавшее в себя как степные, так и лесостепные территории от Дуная до Дона (плюс Прикубанье), в котором господствующее положение занимали кочевые скифы-иранцы (во главе с племенем “скифов-царских”). Поскольку академик Ростовцев был по убеждениям монархистом и к тому же эмигрировал в 1918 г. в Западную Европу, а затем в США, его имя в советский период находилось под запретом, а основные научные концепции подвергались уничтожающей критике. Однако время и накопленный в скифской археологии опыт показали, что во многом он был прав (Гуляев, 2003; Фролов, 1996).

Известное оживление, а затем и подъем в области скифологии произошли в СССР лишь после 1945 г. Первоначально главными центрами по исследованию скифской проблематики были Москва (признанный лидер и основатель московской школы скифологии – профессор Б.Н. Граков; среди его первых учеников находились такие известные археологи, как К.Ф. Смирнов, А.И. Мелюкова, П.Д. Либеров) и Ленинград (среди ведущих ученых-скифологов северной столицы можно назвать М.И. Артамонова, А.А. Миллера, С.А. Руденко, М.П. Третьякова). С конца 50-х годов XX в. при Институте археологии Академии наук Украины создается и начинает успешно функционировать третий центр – Киевский. Его основателем и руководителем по праву считается А.И. Тереножкин.

Советские археологи, вполне справедливо отметив упущения предшественников, главные свои усилия сосредоточили на исследованиях поселений и городищ скифского времени, а также рядовых курганных могильников. Здесь следует особо отметить значение работ экспедиции во главе с Б.Н. Граковым на огромном Каменском городище (V–IV вв.

до н.э.) близ Никополя на Днестре и рядовых погребений на “Никопольском курганном поле” (Граков, 1954). Тем не менее долгое время признавалось существование единой Скифии в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья и единой скифской культуры, которую во многом восприняло и аборигенное нескифское население лесостепи. Таким образом, негласно основные идеи М.И. Ростовцева продолжали существовать в умах многих исследователей. Правда, велись споры о том, какого уровня развития достигло скифское общество: жили ли скифы в условиях первобытно-общинного строя, “военной демократии” или настоящего государства. И если наличие такового признавалось, то речь могла идти только о государстве рабовладельческом (такого мнения придерживались Б.Н. Граков, А.И. Тереножкин, А.П. Смирнов, Д.Б. Шелов и др.). Ни о каком феодализме в духе М.И. Ростовцева тогда не могло быть и речи.

Крупные перемены в отечественном скифоведении произошли в 1952 г., когда по инициативе Б.Н. Гракова в Москве было проведено Первое всесоюзное совещание по скифо-сарматской археологии. Главный доклад, подготовленный лидером московской школы и его ученицей А.И. Мелюковой, был озаглавлен “Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время” (Граков, Мелюкова, 1954). Основная его идея состояла в том, что степные и лесостепные области Северного Причерноморья (которые ранее считались учеными единой Скифией) были отделены теперь друг от друга своего рода “великой китайской стеной”: скифы по этносу и культуре жили только в степной зоне, а всю плодородную лесостепь от Днестра до Среднего Дона занимали “нескифские племена”, известные по “Истории” Геродота, – андрофаги, невры, меланхлены, будины и гелоны. Они имели “скифоидную” культуру с некоторой локальной окраской, но разный со скифами этнос и язык. О наличии большого и единого Скифского государства говорить, понятно, уже не приходилось. Под влиянием авторитета “главного скифолога” 40–50-х годов XX в. Б.Н. Гракова большинство специалистов согласилось с этой новой концепцией и в дальнейшем попытались на практике доказать ее право на существование, обратившись к более углубленному изучению археологических памятников приднепровской лесостепи. Единственным крупным скифологом, выступившим против основного тезиса концепции Б.Н. Гракова – А.И. Мелюковой, оказался А.И. Тереножкин (он придерживался этой позиции до конца своей жизни). Алексей Иванович считал, что различные этнокультурные группы, обитавшие в I тыс. до н.э. и в степи, и в лесостепи, были объ-

единены в пределах государства – Скифии – под господством ираноязычных скифов. И здесь самое время перейти к рассказу о деятельности украинской школы скифоведения, основанной А.И. Тереножкиным в 50–60-е годы практически на пустом месте. Сталинские репрессии “выкосили” научное поле Украины (погибли, например, Н.Е. Макаренко и М.Я. Рудинский). Поэтому Алексею Ивановичу, выпускнику МГУ и фронтовику, присланному в 1948 г. в Киев, в Институт археологии АН УССР по просьбе его директора С.Н. Бибикова, пришлось создавать Отдел скифо-античной археологии² практически на пустом месте. Он возглавлял этот отдел более трех десятилетий. Пожалуй, именно здесь, на Украине, еще больше проявились присущие ученому “удивительный симбиоз талантливого археолога-практика и теоретика, умение безошибочно видеть наиболее актуальные проблемы археологии и главное – четко определять верные пути к их решению. Таковыми для А.И. Тереножкина в археологии раннего железного века явились проблемы предскифского периода в лесостепи и степной части Юга Восточной Европы, а также скифской истории и культуры” (Скорый, 2007. С. 11). Первым его важнейшим достижением было выделение в Среднем Поднепровье в ходе собственных археологических исследований недостававшего ранее звена между поздним бронзовым веком и раннескифским периодом – *чернолесской культуры*. Он показал, что “позднейшая предскифская культура, сложившаяся на базе древностей эпохи поздней бронзы (прежде всего, срубных), может быть разделена на два последовательных хронологических периода – черноторовский (900–750 гг. до н.э.) и новочеркасский (750–650 гг. до н.э.). При этом были сделаны два важнейших вывода: 1) указанная позднейшая предскифская культура принадлежит *историческим киммерийцам*; 2) она не трансформировалась в скифскую культуру, а была сменена ею механически” (Скорый, 2007. С. 12). В завершенном виде свои идеи на этот счет А.И. Тереножкин изложил в монографии “Киммерийцы” (1976).

Тем не менее Скифия и скифская культура – главная тема в научно-исследовательской работе А.И. Тереножкина на протяжении всей его жизни. Он был последовательным сторонником теории прихода ираноязычных кочевников-скифов в Северное Причерноморье не позднее VII в. до н.э. из “глубин Азии”, подчинения ими в степи и лесостепи местных племен и создания на обширных пространствах от Дуная до Дона единого и могучего Скифского государства, устроенного на военизиро-

ванный лад и при господстве кочевой скифской знати. Основные свои идеи исследователь изложил (в соавторстве с В.А. Ильинской) в фундаментальной монографии “Скифия VII–III вв. до н.э.”, вышедшей в свет уже после его смерти, в 1983 г. Особой заслугой Алексея Ивановича было то, что он, впервые после 1917 г., начал раскопки величественных курганов высшей скифской знати (Мелитопольского в 1954 г. и др.) на совершенно новой методической и технической основе (Тереножкин, Мозолевский, 1988). “Одним из несомненных достоинств А.И. Тереножкина являлось то, что он не только многое знал и умел, но и обладал способностью передавать накопленные знания ученикам. Именно это обстоятельство позволило ему осуществить, вероятно, главную мечту своей научной деятельности на Украине – создать киевскую школу исследователей археологии раннего железного века” (Скорый, 2007. С. 12). Многие из его учеников справедливо составляют гордость украинской археологической науки: это и ушедшие из жизни Е.В. Черненко, Г.Н. Ковпаненко и Б.Н. Мозолевский, и ныне здравствующие В.Ю. Мурзин, Ю.В. Болтрик, Е.Е. Филалко, С.А. Скорый, С.В. Полин и др. За 60–80-е годы прошлого века были раскопаны многие сотни скифских курганов и поселений, в том числе такие получившие мировую известность “царские” курганы, как Мелитопольский, Гайманова Могила, Толстая Могила, Бердянский, Желтокаменка; доследованы частично раскопанные еще в XIX в. Чертомлык, Александропольский курган и Огуз. Найденные там (и чудом уцелевшие от рук грабителей разных эпох) сокровища – изделия эллинских и скифских мастеров (чего стоит одна уникальная золотая пектораль из Толстой Могилы!) – с успехом демонстрировались на выставках в Западной Европе и США и сейчас составляют основу коллекции Музея исторических драгоценностей в Киеве.

Таким образом, я, вероятно, не очень погрешу против истины, если скажу, что именно в Украине, в Киеве, в Институте археологии существовала и существует по сей день самая крупная (на территории бывшего СССР) научная школа по скифской археологии. Правда, после 1991 г. ситуация заметно изменилась. После распада СССР и появления на политической карте мира суверенной Украины там (как, впрочем, и в России) наука (включая и археологию) лишилась государственного финансирования. Практически прекратилось и выделение средств от хозяйственно-строительных организаций. Но и в этих нелегких условиях (почти полного безденежья) наши украинские коллеги продолжают по мере сил изучать скифскую проблематику. Работы ведутся по двум основным направлениям: во-первых, это раскопки важных археологических

² В настоящее время – Отдел археологии раннего железного века.

объектов с привлечением иностранных спонсоров (например, исследования украинско-германской экспедиции на гигантском Бельском городище и окрестных курганных могильниках; украинско-польский проект по раскопкам Большого Рыжановского кургана в 1995–1998 гг. и др.), а также исследования с привлечением местных ресурсов (Мотронинское и Трахтемировское городища, элитный курган Близнаец-2 на окраине Днепропетровска и др.); во-вторых, осуществляется обработка (и последующая публикация) полученных ранее огромных коллекций из ряда раскопанных в 60–80-е годы скифских могильников и городищ. В своей рецензии, опубликованной в № 4 “Российской археологии” за 2012 г., в качестве примера работ первого рода я привел раскопки элитного скифского кургана Близнаец-2, а второго – обработку и издание материалов “царского” Братолюбовского кургана. Ниже речь пойдет лишь о двух наиболее ярких и интересных работах представителей киевской скифской школы по исследованию больших курганов высшей знати Скифии, осуществленных за последние десятилетия.

Соболева Могила

Летом 1991 г. любимый ученик А.И. Тереножкина Б.Н. Мозолевский³ произвел раскопки большого скифского кургана Соболева Могила, находящегося к юго-востоку от с. Горняцкий Никопольского р-на Днепропетровской обл. Курган высотой 6 и диаметром около 50 м стоял на высоком плато левого берега р. Соленая.

Судя по размерам, в этом могильном холме должно было находиться погребение знатного скифа. Ожидания не обманули археологов. Курган использовался для скифских захоронений пять раз! Вокруг курганный насыпи был выявлен кольцевой ров шириной до 4.5 и глубиной до 1.8 м, с ходами-перемычками с западной и восточной сторон. Курган грабили дважды. Первый раз в скифский период вскоре после совершения похорон (когда были опустошены погребения 1, 3 и 5) и второй раз в средние века не позднее XII в., когда кочевники-половцы решили устроить на вершине холма свое святилище с каменной статуей (они прорыли сверху

яму-колодец и окончательно разорили погребения 1 и 3).

Первичное погребение 1 в центральной камаке, состоявшей из двух камер: первая – с хозяйственной утварью, вторая – с захоронением. Опустошены обе были так основательно, что в них практически ничего не осталось: лишь в грабительском шурфе были найдены кости барана, окрашенные окислами меди в ярко-зеленый цвет (явные следы от бронзового котла, унесенного грабителями). Знатного скифа сопровождали захоронения слуг: “вестника” (погребения 7) и “виночерпия” (погребение 8). У первого близ виска лежала серебряная серьга, у второго серьга была бронзовая, а вокруг могилы была устроена вымостка из обломков греческих амфор для вина.

По счастливой случайности полностью уцелело богатое **погребение 2**, находившееся в южной поле курганный насыпи на расстоянии 18.5 м от центра. В коридоре, ведущем от входной ямы в погребальную камеру, стояли три греческих амфоры с вином, а также бронзовый котел с останками туши овцы и ножом; к западу от котла – большое деревянное блюдо с костями ног и ребрами от мясной вырезки туши лошади и здесь же – четыре железных ножа с костяными ручками. Северную половину гробницы занимали большие деревянные носилки решетчатой конструкции (два бруса длиной около 2 м и шесть поперечных плах), на которых и покоились останки погребенного. Он лежал вытянуто на спине головой на запад. На шее – массивная золотая гривна с головками волкоподобных хищников на концах. У виска – золотая серьга. На запястьях обеих рук – спиральные золотые браслеты. На пальцах правой руки – золотые перстни. На голенях ног обнаружены распавшиеся на мелкие куски бронзовые греческие поножи. Возле левой руки найдена золотая спиральная обмотка деревянной рукояти нагайки. Под нижней частью левой руки, вдоль бедра, лежал горит, от которого сохранились золотые бляхи, украшавшие его внешнюю часть, и целая россыпь бронзовых наконечников стрел. Поверх горита с помощью золотой пластины и золотой пряжки был прикреплен однолезвийный железный меч с рукоятью, обтянутой золотом. Меч имел деревянные (почти превратившиеся в труху) ножны с серебряным наконечником. За головой покойника было обнаружено большое скопление круглых золотых бляшек с изображением крылатого дракона и розеток. Под отдельными бляшками прослежены следы ткани. Видимо, в свое время они украшали когда-то парадные одежды, первоначально висевшие на стене гробницы. Справа от черепа знатного скифа находился набор серебряных сосудов: ритон,

³ Борис Николаевич Мозолевский (1936–1993) – известный украинский археолог, канд. ист. наук, вместе с А.И. Тереножкиным принимал участие в раскопках скифского «царского» кургана в Мелитополе, а в 1988 г., уже после смерти учителя, полностью издал материалы этого важного памятника (Тереножкин, Мозолевский, 1988). Руководитель раскопок великолепного «царского» кургана Толстая Могила (Мозолевский, 1979) и многих других исследований элитных скифских курганов – Желтокаменки, Хоминой Могилы, Страшной Могилы и др.; известный украинский поэт.

круглодонный кубок с фигурами зверей и чаша (килик), а также золотая обивка от исчезнувшего деревянного сосуда. В северо-восточном углу камеры, за пределами носилок, были положены два копья с железными наконечниками и два дротика, а также пять колчанов с бронзовыми наконечниками стрел (колчаны имели украшения из серебряных и золотых бус). Эта могила сопровождалась захоронением лошади (погребение 2-А) в полном снаряжении.

Погребение 3 – женское, более позднее (впускное), дважды ограбленное, находилось в 16 м к юго-западу от центра кургана, в отдельной катакомбе. Удалось обнаружить лишь 86 золотых мелких бляшек, обломки костяного наборного гребня, ручку от амфоры и человеческий череп. Под северо-восточной стенкой гробницы, в ее полу, археологи нашли два тайника: в одном – серебряная чаша, во втором – серебряные украшения конской узды. Эту знатную даму сопровождало впускное захоронение девочки-служанки (погребение 4) с серебряными серьгами и браслетами из стеклянных бус.

Погребение 5 (впускное, мужское) было сильно опустошено грабителями, хорошо знавшими местонахождение и содержимое гробницы. Принадлежало юноше, лежавшему на деревянных решетчатых носилках. Ученые смогли найти там только обломки наконечников копья и дротика, бронзовые наконечники стрел и несколько серебряных бусин.

Погребение 6 (впускное, детское) было впущено в насыпь кургана в 14 м к северо-западу от его центра и, что особенно важно, избежало внимания искателей сокровищ. Ребенок, скорее всего, происходил из знатной скифской семьи. Он находился в отдельной катакомбе. На шее – миниатюрная золотая гривна, специально для него изготовленная. У правого виска – золотая серьга. Часть верхней одежды украшали полосы тонкой золотой фольги. Возле кисти левой руки лежал серебряный кубок, а у входа в склеп – греческая амфора.

Таковы находки этого (частично разграбленного, включая главную центральную гробницу – погребение 1) скифского кургана, явно принадлежавшего к захоронениям правящей верхушки Скифии IV в. до н.э. Но дело здесь даже не в золотых и серебряных шедеврах древнего искусства, полученных археологами. Благодаря применению методов современной полевой археологии удалось собрать бесценную информацию о погребальном обряде аристократических скифских кругов. Так, в кольцевом рве были изучены остатки тризны – обломки амфор и кости животных: семь лошадей, одна овца, одна собака, три диких кабана. Подсчеты на основе этих данных дают следующие цифры. Всего в Соболевой Могиле было съедено на тризне 1490 кг мяса и выпито

321.7 л вина. Отсюда вывод – количество участников пиршества колебалось от 298 до 497 человек. Считается, что все участники тризны так или иначе принимали участие в возведении курганной насыпи. Установлено, что насыпь, по мере новых захоронений, обновлялась и расширялась трижды. Последний раз – для могил 5 и 6 (знатного ребенка). Стоит еще сказать, что после безвременной смерти Б.Н. Мозолевого его коллега и соратник С.В. Полин издал в 2005 г. не только Соболеву Могилу, но и еще два элитных скифских кургана – Бабину и Водяну Могила (Мозолевский, Полин, 2005).

Большой Рыжановский курган

Удивительная история произошла уже в наши дни с этим погребальным памятником, раскопанным частично в 1887 г. поляком Г. Оссовским (обнаружившим в боковой могиле погребение знатной женщины-скифянки с обилием золотых украшений). Российские ученые, осматривавшие этот курган в конце XIX – начале XX в. (А.А. Бобринский, Д.Я. Самоквасов), пришли к единодушному выводу о том, что в нем должна быть, по меньшей мере, еще одна, главная гробница. Но случилось так, что исследование Рыжановского могильного холма удалось осуществить лишь в 1995–1998 гг., когда украинско-польская археологическая экспедиция (с украинской стороны ее возглавлял С.А. Скорый, с польской – Я. Хохоровский) произвела здесь впечатляющие раскопки. Во-первых, была повторно изучена боковая (с богатым женским захоронением) гробница 1, где уже побывал Г. Оссовский. А, во-вторых, ученым посчастливилось открыть абсолютно целую основную могилу (гробница 2) скифского вождя или “царя”. В первой гробнице современные археологи нашли также скелет девочки 12–14 лет – служанки погребенной здесь знатной особы, и ряд вещей, пропущенных Г. Оссовским: перстень с золотой боспорской монетой (статером) 314–296 гг. до н.э. и несколько золотых нашивных бляшек.

Что касается центральной, или главной могилы (гробница 2), раскопанной в 1996 г., то все в ней оказалось для исследователей неожиданным и удивительным. Прежде всего, гробница была устроена в строгом соответствии с канонами похоронного ритуала представителей высшей знати степной Скифии – в катакомбе и с набором всех полагающихся по такому случаю предметов и аксессуаров. Но ведь находилась она не в степи, а в глубине лесостепной зоны, чуть более чем в 100 км к югу от Киева. Здесь господствующей формой погребальных сооружений всегда были не катакомбы, а деревянные склепы на древнем горизонте или в глубоких ямах. Другая особенность гробницы 2

Большого Рыжановского кургана (он же курган 4 по старой нумерации) – это ее возраст, по поводу которого до сих пор ведутся острые дебаты в научном мире. Одни ученые-скифологи (и к их числу относятся руководители раскопок С.А. Скорый и Я. Хохоровский), ссылаясь на данные радиоуглеродного анализа дерева из могилы “царя”, золотой боспорский статер 314–296 гг. до н.э. и сероглиняный греческий флакон эллинистической эпохи (первая треть III в. до н.э.), правда, происходящий уже из боковой (женской) гробницы, относят время сооружения кургана к первой четверти III в. до н.э. и считают его самым поздним захоронением представителя высшей скифской знати, произведенным уже после краха Великой Скифии и поэтому перенесенным из привольной приднепровской степи в довольно глухой район лесостепи. Другие авторы (С.В. Полин, А.Ю. Алексеев, Ю.В. Болтрик и др.), не отрицая довольно поздний возраст рыжановских погребений, тем не менее не выводят их за пределы самого конца IV в. до н.э. По своему устройству центральная гробница Рыжановки полностью повторяет уже не раз упоминавшиеся богатые курганы степной Скифии.

Входная яма (размеры $4.4 \times 2.68 \times 2.6$ м) выкопана от уровня древнего горизонта. На дне ее находились два захоронения. Одно – “стражника”, закрывавшего вход в гробницу-катакомбу (мужчина 35–40 лет). Он лежал на подстилке из травы, головой на юго-запад; ноги у него, видимо, были связаны, позвоночник сильно изогнут; череп упирался в стену могильной ямы. Она была явно мала для покойного, и его буквально запихнули в нее. При скелете были обнаружены железное шило с деревянной рукояткой, остатки кожаного колчана с 66 бронзовыми наконечниками стрел, в ногах – деревянное блюдо с костями лошади (напутственная пища), железный нож с костяной ручкой, на запястье левой руки – браслет из 27 стеклянных бусин. Другое захоронение – яма с конем в полном уборе (железные удила и псалии, железный наносник со щитком, подпружная пряжка). Перед тем, как положить коня в могилу, ему отрубили голову.

Вход в катакомбу закрывала доска. Размеры катакомбы $3.7 \times 2.8 \times 5.1$ м. Погребальная камера представляла собой имитацию жилого помещения. Стены были задрапированы тканью-полотном беловато-серого цвета. Ткань крепилась к глинистым стенам с помощью деревянных колышков. Пол первоначально устилала циновка из луба (очерета). Вся гробницу вдоль, от входа по центру, разделяла на две части перегородка из материковой глины. Одна половина – “господская”, где находился главный покойник, вторая – “жилая”, с хозяйственной

утварью. Перегородка, между прочим, имитировала печное сооружение – черта, совершенно чуждая гробницам степных скифов. “Царь” лежал на помосте, сделанном из дубовых досок на семи поперечных брусках. Помост был отделен от остальной части склепа легкой шторой из ткани.

Погребенный – мужчина 45–50 лет, физически очень крепкий и рослый по скифским меркам (рост до 180 см). Причиной его смерти, по определению антропологов, стала тяжелая рана в правую половину лица.

Умерший лежал на толстой травяной подстилке, на спине, головой на запад. Под головой – подушка из растений. По остаткам ткани на скелете можно предполагать, что “царь” был облачен в белый кафтан и красные штаны, а на голове у него находилась шапка из красной ткани. Шею украшала массивная золотая гривна с фигурками львиц на концах. У левой руки – короткий (54 см) однолезвийный меч в деревянных ножнах с серебряным наконечником и с обтянутой золотым листом рукоятью. Впритык к мечу находился горит с набором из 94 стрел с бронзовыми наконечниками и остатками дубового лука в форме греческой буквы “сигма”. На подстилке с трех сторон от покойного были положены четыре медвежьих когтя (тоже совсем не скифская черта обряда). В головах лежал еще один колчан с 85 стрелами и железный нож с костяной рукояткой. У нижней части помоста – 5 железных наконечников дротиков, копье и колчан с 87 стрелами. Рядом с помостом, у локтя покойного находился “тайник” (углубление в материковой глине, прикрытое травой), и в нем – бронзовое греческое ведро (ситула) с фигурными ручками и носиком-сливом в виде львиной головы, серебряный килик с высокими петельчатыми ручками и серебряный греческий круглодонный сосуд, украшенный сценой терзания оленя двумя орлиноголовыми грифонами. Неподалеку стояли деревянное блюдо с жертвенной пищей (кости лошади) и железным ножом и бронзовая курильница со следами нагара. У входа в гробницу – развалы двух греческих амфор, бронзовая полусферическая чаша с костями овцы и остатками растений (бобовые и дикий чеснок).

Возле нижнего края “царского” ложа находились совершенно неожиданные в чисто мужском погребении вещи: части женского головного убора (в виде 54 золотых бляшек) и покрывала из ткани фиолетового и красного цветов, расшитого 34 золотыми пластинами с изображением Медузы Горгоны и 54 золотыми бляшками-бантиками.

В юго-западной части склепа стояли в ряд пять пеньков (четыре – дубовых, один – сосновый). На одном был поставлен чернолаковый греческий кан-

фар (двуручная чаша для вина), на другом – греческое чернолаковое блюдо. В “господской” половине катакомбы на лубяных циновках пола археологи обнаружили также бронзовый таз и в нем детали ритона (золото, серебро, рог, золотой наконечник в виде головки льва).

В “жилой” части – две большие греческие амфоры, два бронзовых котла (с лошадиными и овечьими костями), два деревянных блюда с конскими костями (напутственная пища). Примечательно, что антропологическое изучение останков главного покойника и стражника показало, что оба они относятся к *скифской степной* серии.

В целом, многие черты погребального обряда сближают гробницу 2 из Большого Рыжановского кургана со степными скифскими элитными могилами. Многие, но не все. К числу местных (лесостепных) особенностей можно отнести перегородку в виде печи внутри склепа, медвежьи когти, пеньки деревьев и устройство захоронений сопровождающих лиц (“слуг”) прямо во входной яме.

Споры вызывает и вопрос о социальном статусе главного погребенного. С одной стороны, по своим размерам (первоначальная высота 7.6, диаметр – 35 м) Рыжановский курган, несомненно, относится ко второй группе курганов высшей знати степной Скифии, выделенной Б.Н. Мозолевским. В нее входят Чмырева Могила, Мордвиновский Первый, Мелитопольский курган и др. И в них были погребены лица, очень близкие к правящей царской династии (родственники и одновременно соправители внутренних делений страны – вспомним о трех царях-соправителях Скифии, упоминаемых Геродотом, и их родственниках и семьях).

Форма (катакомба) и большие размеры (30 м²) рыжановской гробницы, весь набор вещей (многие из них сделаны из золота и серебра) также имеют множество аналогий в самых богатых степных скифских курганах (Огуз, Деев курган, Хомина Могила и др.). Тем не менее руководители украинско-польской археологической экспедиции считают, что в гробнице 2 Рыжановки был похоронен “племенной” вождь (“номарх”) “одной из периферийных лесостепных областей, вошедшей в IV в. до н.э. в состав Великой Скифии” (Скорий и др., 1999).

Выше в краткой форме было рассказано лишь о нескольких примерах той гигантской и плодотворной работы, которую осуществляют, несмотря на все трудности, украинские археологи по изучению прошлого скифов. А ведь есть еще и немалые успехи в исследовании огромных городищ в приднепровской лесостепи: Бельского, Мотронинского, Трахтемировского. Есть даже учебное пособие

“Великая Скифия”, в котором ведущие украинские скифологи в популярном виде изложили всю новейшую информацию по основным проблемам истории Скифии. В 2003 г. вышла в свет великолепная монография С.А. Скорого “Скифы в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)”, где, наконец, вносится определенная ясность в сложные взаимоотношения населения Степи и Лесостепи в VII–IV вв. до н.э. Кроме того, по скифской проблематике интенсивно и плодотворно работают археологические центры в Харькове и Запорожье.

Об успешных исследованиях харьковских археологов необходимо сказать несколько слов отдельно. Нет сомнения в том, что Харьковская археологическая школа сформировалась вокруг внушительной фигуры Бориса Андреевича Шрамко (1921–2012), который на протяжении многих десятилетий успешно готовил кадры молодых археологов в недрах исторического факультета Харьковского государственного университета. Основной круг его научных интересов сосредоточился вокруг гигантского Бельского городища на р. Ворскла (Полтавщина) и окружающих его многочисленных курганных могильниках. Квинтэссенцией взглядов исследователя на скифскую проблему в целом и на роль Лесостепи в истории Восточной Европы периода раннего железного века может считаться его монография “Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)” (Шрамко, 1987).

Между тем северскодонецкий локальный вариант лесостепной культуры скифской эпохи, выделенный еще в 60-е годы XX в. (Шрамко, 1962; Либеров, 1962), “долгое время оставался одним из наименее изученных территориально-культурных образований лесостепной Скифии” (Бабенко, 2005. С. 4). Положение заметно изменилось за последние годы, когда харьковские археологи активно взялись за исследования и публикацию ряда ключевых археологических памятников своего региона (Люботинское городище, 1998; Бандуровский, 2000; Бабенко, 2005; Гречко, 2010; Гречко, Шелехань, 2012). Бесспорно, введение в научный оборот столь значительной новой информации не могло не отразиться и на общей оценке положения северскодонецкого локального варианта на фоне других синхронных культур скифской эпохи в Степи и Лесостепи Северного Причерноморья. Здесь, конечно, главный вопрос – этнокультурная принадлежность населения северскодонецкой лесостепи: входили ли местные племена в состав единой Скифии (объединявшей Степь и Лесостепь от Дуная до Дона) или были независимыми? Б.А. Шрамко сам (и во многом он вложил эту идею и некоторым

своим ученикам) всегда выступал за независимую от скифов Лесостепь и помещал первоначально на территории Северского Донца будинов Геродота, а Бельское городище отождествлял с городом Гелон (1975).

Однако в конце своего жизненного пути Борис Андреевич пришел к следующему заключению: “археологические данные и письменные источники позволяют считать, что лесостепная часть бассейна Северского Донца входила в ту территорию Скифии в географическом понимании этого термина, которая принадлежала **меланхленам**”. И далее исследователь пишет: “Следует подчеркнуть, что Геродот отличает меланхленов от скифов, подчеркивая их самостоятельность. Меланхлены имели собственных “царей” и принимали в ответственных случаях самостоятельные решения, которые могли не совпадать с желаниями скифов. В состав политического объединения собственно скифов, где господствовали кочевники, территория меланхленов не входила” (Шрамко, 1998. С. 126, 127).

О принадлежности лесостепного Северского Донца в раннем железном веке меланхленам говорили также известные харьковские археологи А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов (2000. С.119). Но уже Л.И. Бабенко допускает инфильтрацию в V–IV вв. до н.э. в северскодонецкий регион “савроматов, степных скифов и прочих племен” и говорит о “полиэтничности” местного населения в это время (2005. С. 203, 204). Еще более решительно отходит от традиционной точки зрения воспитанник харьковской археологической школы Д.С. Гречко⁴. Во-первых, он целый курганный могильник у с. Гришковка Змиевского р-на Харьковской обл., функционировавший с середины V до конца IV вв. до н.э., связал со степными скифами (Гречко, Шелехань, 2012. С. 81). А во-вторых, рассматривая регион Северского Донца в целом, он считает, что “современная источниковая база позволяет ставить вопрос о вхождении территории северскодонецкой лесостепи в состав северопричерноморской Скифии начиная с конца первой трети – середины V в. до н.э., что открыло в регион путь для перемещения обедневших родовых кочевых групп скифов, вероятно, родственных царским скифам. Союзные отношения (местных племен – *В.Г.*) со степняками, вероятно, строились на взаимовыгодных условиях, хотя нельзя исключать и доминирование Степи, учитывая большую военную мощь и исторические параллели... Единовременное исчезновение Ски-

фии в конце IV в. до н.э. косвенно говорит о том, что скифские племена Степи и Лесостепи были вместе и в победе и в поражении” (Гречко, Шелехань, 2012. С. 116, 117).

В заключение нельзя не упомянуть о нескольких выдающихся археологических находках, сделанных в последние 15 лет на территории северскодонецкой лесостепи. Прежде всего, речь должна пойти о материальных следах переднеазиатских походов скифов на земле Восточной Европы. В 90-е годы XX в. харьковским археологам Ю.В. Буйнову и А.В. Бандуровскому удалось при исследовании разрушенных современными грабителями курганов 1 и 2 в Караванской группе в окрестностях г. Люботина обнаружить несколько вещей конца VII в. до н.э. явно древневосточного происхождения: серебряное зеркало, жезл из кости и бронзы, две серебряные с позолотой булавки, бронзовое блюдо, наконечник серебряного ритона в виде головы быка (Бандуровский и др., 1998. С. 143–150).

Другое великолепное открытие – элитное захоронение в деревянной столбовой гробнице кургана 11 у с. Старый Мерчик (Харьковщина), где были обнаружены железный меч с рукоятью, обложенной золотым листом (“чертомлыцкого типа”), бронзовые греческие поножи, наконечники копья и двух дротиков, бронзовые наконечники стрел и серебряный шаровидный кубок с букраниями (греческое производство), а также спиральная золотая оплетка рукояти нагайки. Время комплекса – IV в. до н.э. (Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 159. Рис. 19; 20). И, наконец, найденный в кургане 8 (погребение 1) Песочинского могильника роскошный женский головной убор типа калафа, украшенный золотыми пластинами и подвесками с фигурами танцующих менад, “змееногой” богини, сфинксов и сценами охоты всадника на оленя. Полной аналогией этой находке могут служить парадные женские головные уборы из “царских” курганов Скифии – Чертомлыка, Деева кургана и Большого Рыжановского кургана (Бабенко, 2005. С. 121–128. Фото 11–15).

Таким образом, есть все основания предполагать, что совместными усилиями ученых России и Украины многие сложные проблемы скифской археологии будут успешно решены уже в обозримом будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.
- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник. Харьков, 2005.

⁴ В настоящее время канд. ист. наук Денис Сергеевич Гречко является старшим научным сотрудником Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАНУ в Киеве и ученым секретарем этого отдела.

- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. Киев, 2000.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К.* Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Харьков, 1998.
- Великая Скифия. Киев; Запорожье, 2002.
- Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре. М., 1954 (МИА; № 36).
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в лесостепных областях Европейской части СССР // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Гречко Д.С.* Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ, 2010.
- Гречко Д.С., Шелехань А.В.* Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев, 2012.
- Гуляев В.И.* Донская археология, общескифские проблемы и научное наследие М.И. Ростовцева // Парфянский выстрел. М., 2003.
- Гуляев В.И.* (Рец.) А.И. Кубышев, С.С. Бессонова, Н.В. Ковалев. Братолюбовский курган. Киев, 2009. В.А. Ромашко, С.А. Скорый. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье. Дніпропетровськ, 2009.
- Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. I, II. СПб, 2010.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. М., 1962 (МИА; № 113).
- Люботинское городище: Сб. науч. тр. Харьков, 1998.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 1987.
- Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ, 1979.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы Скифского Героса IV в. до н.э. Киев, 2005.
- Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.
- Скорый С.А.* Алексей Иванович Тереножкин – выдающийся археолог современности // Ранній залізний вік Європи: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Київ; Чигирин, 2007.
- Скорый С.А., Хохоровські Я., Григор'єв В.П., Ридзевські Я.* Центральна Могила Великого Рижанівського Кургану // Археологія. 1999. № 1.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А.* Скифия VII–III вв. до н.э. Киев, 1983.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб, 2002.
- Фролов Э.Д.* Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3.
- Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Шрамко Б.А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонно-будинская проблема // СА. 1975. № 1.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Шрамко Б.А.* Люботинское городище // Люботинское городище. Харьков, 1998.

К 120-ЛЕТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2013 г. К.А. Гусев

Институт археологии РАН, Москва

В начале августа 1892 г. в Москве состоялся Международный конгресс по доисторической археологии и антропологии. В Историческом музее были открыты географическая и археологическая выставки, приуроченные к его работе. Впоследствии экспонаты археологической выставки перешли в хранение Исторического музея, а географической стали основой экспозиции Географического музея Московского университета, не сохранившегося до наших дней (Смулов, Снакин, 2011. С. 91).

Согласно уставу конгресса, встречи проводились в крупнейших европейских научных центрах. Первые такой масштабный форум по первобытной археологии и антропологии был проведен в 1866 г. в Невштателе (Швейцария) (Богданов, 1878. С. 289). Затем они проходили раз в два-три года на территории стран, имеющих важные памятники первобытной археологии, а также признанные результаты их исследования. Таким образом, проведение XI сессии конгресса в России стало подтверждением международного признания актуальных достижений отечественной археологии.

Об этом важном событии в нашей историографии практически не упоминается, в то время как оно не только уникально (ни до, ни после таких конгрессов в России не проводилось), но и по-прежнему актуально для понимания международного взаимодействия исследователей в области теории и методики междисциплинарных работ. В связи с этим необходимо упомянуть публикацию А.С. Смирнова (2012. С. 806, 807), в которой анализируются факты, свидетельствующие о длительных научных контактах лидера французской палеолитической школы Г. Мортилье с российскими археологами, а также его усилия, направленные на организацию Конгресса в России. Окончательное решение о проведении московского конгресса было принято на X сессии, проходившей в 1889 г. в Париже.

В 1889 г. в Москве создается Национальный Организационный комитет XI сессии конгресса, которую возглавил профессор Московского университета, вице-президент общества любите-

лей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), товарищ председателя Московского археологического общества (МАО) А.П. Богданов. Организация конгресса осуществлялась, в основном, силами ОЛЕАиЭ.

Первые активные шаги по его подготовке были предприняты уже в 1890 г. Отметим, что проведение форума такого масштаба преследовало не только научные цели, но и было призвано упрочить как позиции российской науки на международной арене, так и существующие связи между представителями национальных научных школ. Поэтому члены оргкомитета проводили активную работу с государственными структурами.

В мае 1890 г. ОЛЕАиЭ подготовило представление в Министерство народного просвещения (МНП), в котором были изложены правила проведения предстоящих мероприятий (Информационный листок..., 1892а). В июне 1890 г. МНП подало отношение № 10 740 в Министерство иностранных дел (МИД), прося дать заключение по поводу инициативы ОЛЕАиЭ провести в Москве Конгресс по доисторической археологии и антропологии, требующей создания специального Комитета по сбору средств. 10 июля 1890 г. МИД выразил свою поддержку начинанию и обратил внимание на то, что при организации конгрессов не должно быть отдано предпочтение какой-либо одной стране "...в ущерб тем дружественным отношениям, в которых Россия ныне находится со всеми как европейскими, так и внеевропейскими государствами" (Письма Департамента внутренних сношений..., 1892)¹. В этой бумаге сообщается, что конгресс будет, несомненно, успешным, так как его организацией занимается человек, плодотворно действующий на пользу науке в ОЛЕАиЭ и заслуживший европейскую известность "...маститый руководитель всех научных предприятий помянутого Общества, тайный советник Анатолий Петрович Богданов..."

¹ В данном деле отсутствует нумерация страниц.

(Письма Департамента внутренних сношений..., 1892).

Правительственное дозволение на проведение международного конгресса было получено в середине августа 1890 г. Попечитель Московского учебного округа граф П.А. Капнист, подавший соответствующее представление в МИД, получив положительный ответ, проинформировал об этом Общество. Со стороны организаторов конгресса предпринимались действия непосредственно через структуру МИД. Так, директор Департамента внутренних сношений МИД барон Ф.Р. Остен-Сакен стал почетным членом Комитета конгресса.

Со стороны комитета были сформулированы два предложения, опубликованные в Информационных листках (известиях), печатавшихся на правах рукописи: "...сноситься по делам Конгресса с иностранными представителями в России не иначе как через Министерство иностранных дел"; контактировать напрямую "...с нашими Посольствами, Миссиями и консулами за границей" (Информационный листок..., 1892б. С. 1).

На оба эти предложения МИД ответил согласием и обещанием помощи. Приглашения для участия в конгрессе в ряде случаев направлялись при его посредстве в министерства других государств. Высокий уровень организации мероприятия формировал к ним соответствующее отношение.

Большую подготовительную работу проводили уполномоченные Комитета конгрессов в зарубежных странах. Так, в Греции представителями были полномочный министр Российской империи М.К. Ону, а также монахи русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне (настоятель отец Андрей и библиотекарь отец Матфей). Значительную организационную помощь в Иерусалиме оказывал почетный член Комитета конгрессов архимандрит Антонин (Капустин). Представителем Комитета конгресса в Константинополе стал посол А.Е. Нелидов. Полномочный министр при Северо-Американских штатах К.В. Струве также оказывал содействие в организации предстоящего мероприятия (Информационный листок..., 1892в. С. 4). В целом, уполномоченными Комитета конгрессов за рубежом были российские дипломаты и ученые, активно контактировавшие с членами Организационного комитета XI сессии. Наиболее активно способствовали проведению конгресса в Москве французские археологи, прежде всего, Г. Мортилье.

В результате подготовительной работы над научной тематикой Конгресса были сформированы следующие секции: 1) "Геология и палеонтология в связи с изучением первобытного человека";

2) "Первобытная археология"; 3) "Курганы и городища"; 4) "Антропология"; 5) "Этнография первобытности".

Первая секция отражала тематику, получившую в современной науке дефиницию *environmental archaeology* и посвященную изучению экологического окружения первобытного человека. В работе секции принял участие выдающийся геолог и географ, представитель Геологического комитета С.Н. Никитин. Также в работе конгресса участвовал основоположник отечественного почвоведения В.В. Докучаев, имевший к тому времени опыт работы на палеолитической стоянке Карачарово, ряде неолитических памятников Рязанской и Владимирской губ. Профессор Д.Н. Анучин выступил с описанием видов ископаемых бизонов и медведей, происходивших из слоев палеолитических памятников Европейской России (Anoutchine, 1892a). Палеолитические материалы со стоянки Афонтова Гора-I близ Красноярска были доложены И.Т. Савенковым (Savenkov, 1892).

Секция "Первобытная археология" была представлена широким спектром тем – от сопоставления индустрий различных территорий Евразии в палеолитическое время до находок погребений вестготов на юге Франции. В частности, выступил Л. Нидерле с сообщением "Последние достижения первобытной археологии в Богемии и ее связи с Восточной Европой" (Niederle, 1892). Р. Вирхов посвятил свое сообщение актуальным вопросам археологии палеолита (Virchow, 1893).

Секция "Курганы и городища" представила результаты исследований российских археологов. Так, выступление А.А. Спицына было посвящено результатам его многолетних исследований городищ в Вятской губ. (реферат "Костеносные городища на севере России", см. Spitzine, 1892). В.С. Передольский подготовил сообщение о новгородских жальниках (Peredolsky, 1892). Н.Е. Бранденбург доложил материалы по поясным наборам скифов (Brandenbourg, 1892). Таким образом, были представлены интересные и актуальные археологические материалы с территории России.

Антропологическая секция была посвящена проблемам расовой антропологии, верификации методов краниометрии и антропометрии. Центральное место в работе секции заняли доклады Н.Ю. Зографа "Антропологические типы великорусов в губерниях центра России", М. Топинара "О расе в Антропологии" (Topinard, 1892), Э. Шантра "Заметка об антропометрии народов Закавказья". Выступление профессора А.П. Богданова было посвящено новым взглядам на проблему расы (Bogdanov,

1892). Особое место занимал доклад профессора Д.Н. Анучина об изучении деформированных черепов, так как он демонстрировал возможности антропологического источника для изучения культурных традиций древности (Anoutchine, 1892b).

Также в работе конгресса участвовала краниометрическая комиссия, принявшая унифицированные краниометрические стандарты, которые действуют по сей день (Comission..., 1893).

Секция “Первобытная этнография” была представлена трудами, в основном, отечественных исследователей. Н.И. Троицким был подготовлен доклад о реликтах язычества в Доно-Окском междуречье (Troitzky, 1892). Сообщение А.А. Иванова “Об одновременном бытовании обрядов трупоположения и трупосожжения” освещало вопросы реконструкции древних обрядовых действий на базе археологического и антропологического источника (Ivanovsky, 1892). Выступление И.Н. Смирнова содержало данные о свидетельствах каннибализма и человеческих жертвоприношений у предков восточных финнов (Smirnov, 1893). В докладе князя П.А. Путятина “Следы царапин на скелетах палеолитического и неолитического периодов” также анализировались результаты исследования скелетных материалов (Poutiatine, 1892).

Приведенные сведения указывают на то, что антропологический источник широко использовался в археологических и палеоэтнологических исследованиях. Представление перечисленных работ на конгрессе свидетельствует о международном признании этого направления отечественной археологии.

Таким образом, конгресс смог привлечь ведущих специалистов в области изучения археологии каменного века, физической антропологии, археологов широкого профиля. Д.Н. Анучин, избранный генеральным секретарем, впоследствии организовал публикацию докладов, рефератов и обсуждений работы сессий, вышедшую в 1892–1893 гг. на французском языке (без перевода на русский) и ставшую источником информации о достижениях российской археологии и антропологии для европейских читателей. Средства на публикацию Трудов Конгресса были собраны из взносов его участников (Отчет и письма..., 1892. Л. 7). Ведущая роль ОЛЕиА, использование связей МИД, покровительство императорской семьи, интерес российской и зарубежной научной общественности – все это способствовало тому, что конгресс достиг целей, поставленных его инициаторами – А.П. Богдановым и Д.Н. Анучиным.

Сегодня, 120 лет спустя, нам близки и понятны мотивы, побудившие выдающихся российских ученых, любивших и развивавших свою науку, организовать такое мероприятие. Структура научной проблематики конгресса 1892 г. поражает своей актуальностью. Экологическое направление исследований, источниковедческий потенциал этнографического источника, широкое использование возможностей антропологии и палеонтологии, аккумуляция региональных данных о памятниках различных эпох – все это находилось в сфере внимания участников конгресса.

В последнее время выходит много обобщающих историографических трудов по российской археологии второй половины XIX – первым декадам XX в. Этот период становления и важнейших достижений археологии в России, вероятно, еще долго будет притягивать внимание исследователей. В своей фундаментальной монографии “История археологической мысли в России” Н.И. Платонова особое внимание уделила формированию палеоэтнологической школы (2010). Описывая периодизацию “роста и развития” палеоэтнологической школы, она назвала имена ее основоположников – Д.Н. Анучина и Ф.К. Волкова, работавших в Московском и Санкт-Петербургском университетах. По мнению Н.И. Платоновой, в конце XIX в. в междисциплинарных исследованиях по археологии первобытности наступил упадок. Характеризуя деятельность Д.Н. Анучина в этом направлении, она пишет: “Наукой о первобытности он продолжал заниматься лишь постольку, поскольку, будучи человеком энциклопедического склада ума, продолжал следить за литературой и за работой многочисленных научных обществ, в которых участвовал” (Платонова, 2010. С. 147).

Затрагивает эту тему в “Истории отечественной археологии” и Г.С. Лебедев (1992). Он также пишет о методологическом кризисе в российской археологии конца XIX в. и об упущенной возможности развития сотрудничества с представителями естественных наук (Лебедев, 1992. С. 225). Продолжение традиций междисциплинарных исследований, заложенных Д.Н. Анучиным, привело бы к значительному прогрессу российской археологии, но этого не произошло, так как важнейшие парадигмы естественных и гуманитарных наук не имели общей базы (Лебедев, 1992. С. 229).

Приведенные в этой публикации факты позволяют считать, что начало 90-х годов XIX в. предшествовало зарождению этого кризиса. Успешная работа конгресса – яркое тому доказательство. Значительные усилия А.П. Богданова и Д.Н. Анучина

чина по пропаганде междисциплинарных исследований в археологии принесли свои плоды. Разностороннее привлечение археозоологического и палеоантропологического источников в работах конца XIX в. дает нам основание утверждать, что наряду с классической физической антропологией, оформившейся в самостоятельную науку, развивается научное направление, широко использующее возможности антропологического источника в исторических реконструкциях. Такая тенденция наблюдалась и в последующие годы. Она выразилась в появлении научных школ С.И. Руденко и Б.С. Жукова, В.В. Бунака. В XX в. междисциплинарные исследования в отечественной науке пережили не самые простые времена, судьба научных школ оказалась различной, однако само направление сохранилось.

В 2012 г., 120 лет спустя после проведения конгресса первобытной археологии и антропологии, можно с очевидностью констатировать преемственность развития междисциплинарных исследований в археологии и их глубокие традиции в отечественной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов А.П.* Доклад об организации международных конгрессов по антропологии и доисторической археологии // Изв. ОЛЕАиЭ. 1878. Т. XXVII (Тр. антропологического отдела; Т. 3).
- Информационный листок № 26 организационного комитета международных конгрессов 1892 г. // Архив МГУ. 1892а. Ф. 61. Оп. 1. № 147.
- Информационный листок № 24 организационного комитета международных конгрессов 1892 г. // Архив МГУ. 1892б. Ф. 61. Оп. 1. № 147.
- Информационный листок № 2 организационного комитета международных конгрессов 1892 г. // Архив МГУ. 1892в. Ф. 61. Оп. 1. № 147.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии 1700–1917. СПб, 1992.
- Отчет и письма председателя Комитета по организации международных конгрессов по доисторической археологии и антропологии и зоологии Богданова А.П. о деятельности комитета за 1891–1892 гг. // Архив МГУ. 1892. Ф. 61. Оп. 1. № 146.
- Письма Департамента Внутренних сношений Министерства Иностранных дел, русских посольств, извещающие организационный комитет конгрессов по доисторической археологии и антропологии и зоологии 1892 г. о делегатах, командируемых правительствами западноевропейских стран на конгрессы в Москву и направленных коллекций с 19 мая по 16 августа 1892 г. // Архив МГУ. 1892. Ф. 61. Оп. 1. № 149.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб, 2010.
- Смирнов А.С.* “Прошу Вас, Госпожа прославленный председатель” (письмо Мортилье П.С. Уваровой) // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М., 2012.
- Смуров А.В., Снакин В.В.* Музей Землеведения МГУ // Земля и Вселенная. № 4. М., 2011.
- Anoutchine D.* Sur les restes L’*Ursus spelaeus* et de L’*Ovibos fossilis* trouvés en Russie // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892а.
- Anoutchine D.* Sur les crânes anciens, artificiellement déformés, trouvés en Russie // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892б.
- Bogdanov A.* Quelle est la race la plus ancienne en Russie centrale? // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- Brandenbourg N.* Sur les coupes de ceinturons des ancient scythes // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- Comission craniométrique Congrès international d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 2. М., 1893.
- Ivanovsky A.* Quelques données sur les questions: 1) de l’existence simultanée de l’usage de la sépulture et de l’incinération, et 2) des statues en pierre, nommées “Kamennaya baby” // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- Niederle L.* Les derniers résultats de l’archéologie préhistorique en Bohême et ses rapports avec l’Europe orientale // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- Peredolsky B.* Le “Jalnik” (necropole) de Iurievo, dans le district de Borowitchi, gouv. de Novgorod // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- p-ce Poutiatine.* Les traces des morsures sur les ossements des périodes paléolithique et neolithique // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- Savenkov J.* Sur les restes de l’époque paléolithique dans les environs de Krasnoïarsk (gouv. de Iénisséïsk, Sibérie) // Congrès internat. d’archéologie préhistorique et d’anthropologie. T. 1. М., 1892.
- Smirnov I.* Le cannibalisme et les sacrifices humains chez les ancêtres des Finnois orientaux // Congrès internat.

- d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. T. 2. M., 1893.
- Spitzine A.* Les Goroditchtsches a ossements dans le nord de la Russie // Congrès internat. d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. T. 1. M., 1892.
- Topinard M.* De la race en antropologie // Congrès internat. d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. T. 1. M., 1892.
- Troitzky N.* Vestiges de paganisme dans la région située entre les cours supérieurs de l'Oka et du Don // Congrès internat. d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. T. 1. M., 1892.
- Virchow R.* Les changements dans les problèmes du Congrès international d'Archéologie et d'antropologie préhistorique // Congrès internat. d'archéologie préhistorique et d'antropologie. T. 2. M., 1893.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

J. Żralka. TERMINAL CLASSIC OCCUPATION IN THE MAYA SITES LOCATED IN THE AREA OF TRIANGULO PARK, PETEN, GUATEMALA. Krakow, 2008

Центральная область майя, преимущественно состоящая из гватемальского департамента Петен и примыкающих к нему отдельных районов мексиканских штатов Чиapas, Табаско, Кампече на западе, Белиза на востоке и западных областей Гондураса с р. Чамелекон и Мотагуа на юго-востоке, с давних пор привлекает особое внимание исследователей-майянистов. Это связано с тем, что данный регион, известный в историографии также как низменности майя, принято считать колыбелью классической майяской культуры; он же сохранил наиболее характерные следы ее заката. На рубеже I тыс. до н.э.–I тыс. н.э. именно в Петене происходит фундаментальная социальная трансформация, нашедшая отображение в переходе от сложных вождеств к государственным образованиям и появлении первых в области майя протогородских (Эль Миладор, Тинталь) и городских центров (Тикаль, Вашактун). Но если в том что касается генезиса социально-экономических и политических моделей, характерных для майя классического периода, концепции имеют довольно определенный позитивный вектор развития, то другая не менее важная и вызывающая гораздо больше вопросов проблема пока далека от своего решения. Речь идет о причинах и факторах глубокого кризиса, поразившего центральные области майя в IX–X вв. и спровоцировавшего массовый исход населения с этих территорий, в том числе из городов-столиц классического периода, оказавшихся заброшенными, в то время как центр общественно-политической жизни переместился на север, на п-ов Юкатан. Для понимания этих процессов необходимо систематическое и комплексное исследование материала, относящегося к терминальной (заключительной) фазе классического периода (~800–950 гг. н.э.), в сравнительном ключе, использующем данные археологии, эпиграфики, методы исторической географии и статистического анализа. Решению именно этих задач посвящена монография профессора Ягеллонского университета (Польша), руководителя археологической экспедиции в Накуме (Гватемала) Я. Зраўки. Сосредоточив свое внимание на области к востоку от Тикаля, так называемом археологическом парке Триангуло (в переводе с испанского – “треугольник”), в состав которого входят такие крупные города классического периода, как Наранхо, Накум, Йашха и дюжина более мелких, Я. Зраўка сделал акцент на анализе материала, датируемого концом VIII – началом XI в., т.е. терминальным периодом.

Прежде всего, следует сказать несколько слов о самом парке, вернее, о связанных с ним исследовательских проектах. В 1972–1981 гг. в рамках Центрально-петенского эконоисторического проекта (Central Peten Historical Ecology Project), использовавшего методику многокилометровых просек и траншей, были обследованы и нанесены на карту искусственные холмы – “маунды” и архитектурные комплексы, расположенные на прилегающей к оз. Йашха и Сакнаб территории. По схожей схеме строилась работа исследовательницы А. Форд и Межгородского проекта (Intersite Project), в 1978 г. исследовавшего полосу земли шириной 0,5 км, проходящую между Тикалем и Йашхой. Наконец, в 1989 г. начал работу проект Триангуло (Triangulo Project) под техническим руководством гватемальского археолога О. Кинтаны (с 2006 г. – Х. Санчеса).

Проект Триангуло был разделен на три основных направления: программу региональной археологии, нацеленную на исследование территорий, лежащих между крупными региональными центрами (Йашха, Наранхо, Накум, Тикаль), и проведение археологических работ в небольших центрах; программу археологического исследования основных городов региона (Топоште, Накум, Йашха и Наранхо); “спасательную” программу, целью которой была фиксация наиболее поврежденных грабителями памятников и их консервация, а также проведение необходимых работ там, где процесс разрушения памятника стал необратимым. В результате в рамках данного проекта наиболее систематически исследовались Накум, работы в котором с 2006 г. оформились в отдельную экспедицию Ягеллонского университета под руководством Я. Зраўки и В. Кошкула, и Йашха. В каждом здании, относящемся к монументальным эпицентрам двух городов, за счет исследования грабительских траншей и закладки стратиграфических шурфов были прослежены этапы их строительства, подобная же работа была проведена в отношении многих сооружений на городской периферии. Южная часть города была полностью изучена и рекультивирована, после чего работы сосредоточились на исследовании отдельных сооружений северной группы. В Наранхо работы под руководством В. Фиалко, в основном, свелись к документации грабительских траншей в центральной части города (всего более 200) и фиксации их стратиграфических профилей. Полевой сезон 2006 г. был посвящен сбору документации и общему исследованию жилых маундов на юго-западной периферии Наранхо. Археологические работы в том или ином масштабе проводились в следующих городских центрах парка Триангуло: Поза-Майя, Тинталито, Ла-Почитока, Ла-Найя, Хольтун, Иштинто, Ла-Бланка, Коросаль, Уолонтун, Чальпате, Наранхито, Сокоцаль, Эль-Сапоте, Хауйя, Эль-Тигре, Лаберинто, Кара-Феа, Шатерос, Ла-Тракторада и Канахау. Используя данный материал в качестве основы, Я. Зраўка попытался дать ответ на вопрос, какие именно процессы шли в восточно-петенских городах, в частности, и в регионе, в целом, в IX–X вв. на фоне заката классической культуры майя.

Прежде чем перейти к непосредственной интерпретации археологических данных, польский исследователь подробно останавливается на каждом из трех крупнейших городов региона (Йашха, Накум, Наранхо), предоставляя читателю максимально полные сведения по его географическому расположению, истории исследования, основным архитектурным комплексам с подробным планом монументального эпицентра и, в некоторых случаях, периферии. Автор дает общую картину развития города начиная с первых этапов активности и градостроительства на его территории в доклассический период и заканчивая оставлением поселения последними жителями. Отдельного упоминания заслуживают разделы, посвященные функционированию города в терминальную стадию классического периода. Дополняя текст качественными и наглядными иллюстрациями архитектурных комплексов и находок, их фотографиями, а также разнообразными сводными таблицами, автор заостряет внимание на подробном анализе развития архитектурных ансамблей городского центра и периферии, погребальных комплексов и погребального инвентаря, керамики

и граффити (в случае с Накумом). Далее предлагается более краткая характеристика небольших центров – Эль-Кармен, Наранхито, Эль-Тигре, Эль-Бахон, Эль-Байаль, Кара-Феа, Лос-Шатерос, Ла-Почитока, Поза-Майя, Тинталито и Лабертино – и, наконец, данные, полученные в ходе региональных проектов 70 – начала 80-х годов.

Опираясь на полученный материал, Я. Зраўка констатирует, что в то время как одни восточно-петенские центры приходят в упадок к концу VIII – началу IX в. (Наранхо, Тикаль, близлежащие городские центры), другие (Йашха) продолжают развиваться, а некоторые (Накум и ряд соседних центров) и вовсе переживают период наивысшего расцвета. В Накуме, расположенном ровно на полпути из Тикаля в Наранхо и входившем, по всей видимости, в орбиту влияния Тикаля, всплеск градостроительства происходит как раз в тот момент, когда Тикаль и Наранхо, также претендовавший на роль регионального лидера, переживают глубокий социальный и политический кризис. Тикальский эмблемный иероглиф – маркер могущества и целостности верховной власти, прежде использовавшийся лишь в царской титулатуре, появляется в титулатуре местных царьков из Ишлу, Химбала, Шультуна. В свою очередь Наранхо теряет свои предпочтения в установке монументов и на фоне монументального затишья в некогда могущественном региональном центре иероглифические тексты начинают вырезаться в соседних Шунантуниче, Ла-Почитоке и т.д. В Накуме резные стелы появляются с 70-х годов VIII в.

Монументальное строительство, развернутое правителями Накума в конце VIII – IX в., может сравниться разве что с масштабными строительными кампаниями начала VIII в. в Тикале и Наранхо. Население Накума, по всей видимости, вырастает, по крайней мере, вдвое по сравнению с периодом поздней классики (VII–VIII вв.). Знаковым моментом является расширение жилых помещений южного акрополя, где проживал царский двор и городская элита – в терминальный период он мог вместить до 700 человек против вдвое меньшего числа в позднюю классику. Схожую ситуацию автор прослеживает в Йашхе, недемонстрировавшей признаков кризиса вплоть до конца терминального периода. Задаваясь вопросом, в чем секрет жизнеспособности Йашхи и Накума и даже беспрецедентного расцвета второго, Я. Зраўка приводит несколько возможных версий, не забывая о том, что назвать безапелляционно конкретные причины кризиса классической культуры майя наука пока не в состоянии. Среди них рельеф местности, представляющий естественную фортификационную систему (это касается также переживавших период расцвета небольших центров, расположенных вблизи от двух указанных городов, в частности, Эль-Кармен и Эль-Тигре); доступ к источникам воды (р. Холмуль и оз. Йашха). Наконец, стратегически удачное географическое расположение: Йашха была крупнейшим портом в Озерном регионе (оз. Йашха и Сакнаб), куда впадает множество рек; Накум же, после краха Тикаля и Наранхо, превратился в основную силу, контролировавшую р. Холмуль на многие километры на запад и восток. Учитывая, что р. Холмуль была одной из нескольких великих рек области майя и, соответственно, одной из основных торговых артерий, контроль

над ней значительно упрочивал экономическую базу города. Активное использование в Накуме архитектурных элементов (перевернутый “талуд-таблеро”¹; сочетание классического талуд-таблеро с перевернутым; круглые и квадратные опорные колонны и т.д.), происходящих из региона Пуук и Чичен-Ицы на Юкатане и даже, вероятно, с побережья Мексиканского залива, Тахина и Шочикалько, свидетельствует о том, что в IX в. Накум глубоко интегрируется в систему мезоамериканской торговли, поддерживая тесные контакты с крупнейшими городами области майя и центральной Мексики.

В разделе, посвященном возможным причинам гибели классической культуры майя, – проблеме, над которой бьются многие ученые – польский исследователь ограничивается перечислением выдвинутых ранее концепций (войны, климатические изменения, перенаселение, восстания общинников, династические кризисы, голод, болезни и т.д.), констатируя, что ее решение кроется в комплексе причин, среди которых основными следует считать перенаселение, катастрофические изменения в окружающей среде и климате и интенсификацию войн. Несмотря на то что следы каждого из этих факторов действительно встречаются в парке Триангуло, необходимо все же постепенно отказываться от упрощенной концепции комплекса причин и, не упуская из виду все остальные факторы, искать первопричину, основной катализатор, послуживший толчком для появления остальных.

Монография Я. Зраўки – на данный момент наиболее полная работа по археологии региона Йашха–Накум–Наранхо, содержащая как тщательный анализ археологического материала, так и стройную концептуальную составляющую, множество данных компаративного характера, позволяющего рассматривать регион как часть целого, привлекающая – причем, что довольно нетипично для западных археологов, предельно аккуратно и уместно – эпиграфический материал. Безусловно, в работе есть свои недостатки: несмотря на то что монография посвящена в первую очередь городским центрам, в тексте практически не приводятся такие важные параметры города, как площадь (с учетом периферии и без), приблизительная и максимально возможная численность населения, экономический потенциал – факты, необходимые для понимания тех процессов, которые могли привести к кризису классических городов майя. Можно заметить и ряд незначительных ошибок в названиях архитектурных групп и расположении некоторых объектов по отношению к сторонам света на иллюстрациях, что ни коим образом не умаляет заслуг исследования, которое следует рассматривать как одну из наиболее целостных и, пожалуй, даже хрестоматийных работ по проблеме майяского города в конечную фазу классического периода.

¹ Талуд-таблеро (исп. *talud-tablero*) – архитектурный стиль, привнесенный в область майя из центральной Мексики в конце IV в. н.э.; состоит из наклонной панели (исп. *talud* – “склон”), на вершине которой помещается правильной формы выступ (исп. *tablero* – “доска”).

Chris Wickham. FRAMING THE EARLY MIDDLE AGES. EUROPE AND THE MEDITERRANEAN, 400–800. Oxford: Oxford University Press, 2005

Фундаментальный труд британского историка Криса Викхэма является своеобразной энциклопедией социально-экономической жизни Европы в период раннего средневековья (V–VIII вв.). Книга поистине стала настольной для всех европейских археологов и историков, занимающихся эпохой Великого переселения народов и меровингским периодом. Издание насчитывает более 1000 страниц и включает обзор письменных и археологических источников по нескольким направлениям: трансформация старых и образование новых государств, структура аристократической власти (включая вопросы землевладения), история крестьянской общины и сельских поселений, городов и торговли. Рассмотрение многочисленного материала происходит по нескольким выделенным К. Викхэмом крупным регионам: Дания, Ирландия, Англия и Уэльс, Галлия/Франция, внутренние территории Византийской империи и Западная Анатолия, Сирия и Палестина, Египет. Каждый из них представлял собой отдельную провинцию Римской империи или был сопоставим с ними по размерам. К сожалению, существующий языковой барьер не позволил автору включить в обзор славянские территории эпохи раннего средневековья (с. 5).

Первый крупный раздел книги посвящен раннесредневековым европейским государствам. К. Викхэм подробно характеризует географические и климатические особенности рассматриваемых регионов, а также основные этапы их политической истории (с. 17–55). Говоря о формах государственности, он различает три основные системы: сильная государственность (Рим, Византия, Арабский Халифат), основанная на налоговых сборах; слабая государственность (франки, лангобарды, визиготы) с военным ополчением, но сильно развитой публичной властью, основанной на представлениях о легитимности; догосударственные образования (Англия, Уэльс, Ирландия, Дания) с персонифицированной королевской властью. Рассматриваются первые два типа государственных образований (с. 57–150), которые характеризуются как идеальные: на одном полюсе находится государство, базирующееся на систематическом сборе налогов и содержащее на них армию и бюрократический аппарат, на другом – противоположная форма, в основе которой владение землей или рентой. Реальные государственные образования всегда будут находиться между этими идеальными представлениями (с. 57–59). Делая вывод, автор констатирует, что государства с развитой системой налогообложения (Римская и Византийская империи, вандальская Африка, Арабский Халифат) обычно мощнее и богаче, чем с системой земельной ренты (лангобардская Италия, визиготская Испания, меровингская Франция, хотя последняя обладает исключительным могуществом) (с. 145).

Второй раздел посвящен изучению аристократических структур власти. Он открывается главой, содержащей характеристику аристократии Европы и Средиземноморья как высшего слоя эпохи раннего средневековья. Подчеркивается многоплановость значения данного термина, по-разному трактовавшегося в рассматриваемую эпоху. Предлагается шесть критериев для обозначения аристократии: выделение по происхождению, земельное богатство, позиция в официальной иерархии, имперские или королевские дары, признание другими политическими лидерами, образ жизни. При этом К. Викхэмом подчеркивается, что все перечисленные критерии образуют идеальный тип аристократии, но реально они существуют в разных сочетаниях (с. 153, 154). Ниже приводится исчерпывающая характеристика аристократических слоев поздней Римской империи, римской Галлии и меровингской

Франции, Италии и Испании, Византийской империи и Арабского Халифата (с. 155–258). Основными выводами автора, базирующимися на широком привлечении данных письменных источников и археологии, является констатация общего обеднения высших слоев по сравнению с римским периодом, а также процесс милитаризации аристократии, выражающийся в исчезновении крупных земельных владений (вилл), перемещении высших слоев общества в города ближе к центрам королевской власти и общем упадке торговли, которая контролируется государством, на фоне политической децентрализации (с. 255–258).

Весьма важна в методологическом отношении Глава 5, посвященная вопросам земельной собственности (с. 259–302). Вообще, говоря о методологической составляющей исследования, стоит отметить, что на творчество К. Викхэма оказало сильное влияние марксистское учение об общественно-экономических формациях. Он, фактически, берет за основу три способа производства, выделенные К. Марксом (рабовладельческий, феодальный и капиталистический), добавляя от себя еще один – “крестьянский”, при котором основным производителем является свободный крестьянин-земледелец, не платящий ренту регулярным образом (с. 261). Данный способ, наиболее характерный для рассматриваемого периода, выделялся советскими историками в особую, предшествующую феодальной (дофеодальная или протофеодальная) ступень (Неусыхин, 1968; Корсунский, Гюнтер, 1984. С. 202, 203). В этом смысле исследование К. Викхэма весьма близко по своей направленности работам отечественных ученых по истории средних веков и, очевидно, будет легко восприниматься читателями.

Автором подчеркивается нехарактерность основных видов эксплуатации, выделенных классиками марксизма, для эпохи раннего средневековья – в это время уже не прослеживается рабства в его плантаторской форме и еще не выявились крепостнические отношения разных видов (с. 262, 263). К. Викхэм предлагает рассматривать раннесредневековое общество как отдельное явление, не применяя к нему терминов, наилучшим образом отражающих явления более ранней или более поздней эпохи (с. 264). Далее автор подробным образом характеризует особенности земельных владений, известных по данным письменных источников в Египте, Франции и Италии (с. 265–301).

Для отечественных археологов – специалистов по раннему средневековью – наиболее важна следующая глава работы, в которой подробно рассматривается социальная структура более примитивно организованных племенных сообществ Северной Европы, практически не испытавших влияния Римской империи (с. 303–379). Здесь преобладают свободные производители-крестьяне, крупные землевладельцы доминируют лишь над небольшой частью общества (с. 304). К. Викхэм обозначает данные сообщества термином “племенные”, принимая во внимание всю его неоднозначность. Под данным термином автор понимаются сообщества, в которых важную роль играют кровнородственные связи, а местный владетель – не собственник земли, а лишь лидер местных свободных общинников, несущих воинскую повинность (с. 305). Дается подробная характеристика социальных и политических образований Англии и Уэльса, Ирландии и Дании (с. 306–376). В заключительной части автор проводит сравнение уровня развития политических структур Северной Европы, восходящих от слабо развитых в Ирландии (Исландии) к более развитым в Уэльсе (Саксонии, Норвегии, Швеции) и далее в Дании

(Фризии) и Англии. Выделяются четыре фактора более высокого политического развития английских королевств: внешнее воздействие Франции, более тесные взаимоотношения короля и аристократии, более быстрое превращение аристократов из племенных лидеров в лендлорды с зависимыми крестьянами и более развитая торговля (с. 377, 378). В качестве главного ресурса королевской власти рассматриваются земельные владения (с. 379).

Третий раздел монографии посвящен истории крестьянства Европы в раннем средневековье. Данных о крестьянстве в письменных источниках чрезвычайно мало. Некоторую информацию можно почерпнуть в житиях святых (с. 383), косвенные сведения содержат сборники законов и хартии. В книге помещена глава с описаниями положения крестьянства в разных регионах Европы (Лючезия в Италии, Средний Рейн и Иль-де-Франс во Франции, Анатолийское плато в Малой Азии, Афродито и Джеме в Египте) по данным указанных источников (с. 387–428). Для характеристики районов, не подвергавшихся римскому влиянию, автор вводит гипотетическую деревню Маллинг конца VII в., жизнь в которой реконструируется по материалам английской и датской археологии (с. 428–434). Этот пример наиболее интересен для сопоставления с отечественными материалами, несмотря на его умозрительный характер.

В итоге К. Викхэм характеризует картину крестьянской жизни в Европе раннего средневековья как пеструю и членистую. Везде распространена система патронажа и клиенты, хотя внешне почти все население выглядит как свободные земледельцы. Однако есть существенное отличие Северной Европы – здесь патронаж складывается не на земельной собственности, которая долгое время управляется крестьянами изнутри; отношения строятся на небольших податях и повинностях от свободных земледельцев. Кроме того, разница в богатстве населения Северной Европы гораздо менее заметна, чем Южной.

Глава 7 завершается сравнительной характеристикой крестьянских обществ в разных уголках Европы и Средиземноморья (с. 434–441). Автор делает несколько важных наблюдений. Прежде всего, все рассмотренные общества объединяет то, что они очень стабильны и малоизменяемы во времени. Степень свободы крестьянства напрямую зависит от уровня фрагментированности общества. Приводятся примеры разных пространственных структур – система рассеянных поселений дает больше экономической и политической свободы, чем концентрированных, но самоорганизация деревень выше на концентрированных поселениях. Везде наблюдается деление на свободных и несвободных, но степень их взаимоотношений разная. При этом внутри крестьянских общин социальный статус выражается экономически. Завершая главу, К. Викхэм рассматривает вопросы патронажа и влияния аристократии на крестьянское сообщество.

Пожалуй, одной из наиболее важных для археологов можно считать следующую главу книги К. Викхема, посвященную изучению сельских поселений, в которой он, прежде всего, использует прекрасно обобщенные археологические источники по поселенческой археологии эпохи раннего средневековья. Приводятся общие сведения о весьма богатых сельских поселениях Восточного Средиземноморья – Сирии и Палестины, Египта и Анатолии (с. 443–465). Рассматриваются вопросы, связанные с изучением вилл в западной части Римской империи (с. 465–481). Автор выделяет две главные особенности западных римских поселенческих структур – своеобразную сеть, состоящую из многих тысяч аристократических поместий (вилл), протянувшуюся от Йорка до Лептис-Магны, и сосуществование этих поместий с многочисленными иерар-

хическими сельскими поселениями в основном рассеянного характера. Однако практически повсеместно в сельской местности виллы играли роль центральных поселений, вокруг которых группировались поселения низших рангов. Вопреки широко распространенному мнению они не исчезают с закатом Римской империи – жизнь на них постепенно замирает лишь к концу VII в. н.э., однако этот процесс неравномерен и протекает по-разному в разных уголках бывшего римского мира. Прослеживаются три модели перехода к новым поселенческим структурам: сохранение вилл как центральных поселений вплоть до самого позднего времени (Аквитания, Южная Испания), их трансформация в укрепленные замки и пограничные крепости-“кастра” (Северная Италия и Испания, Южная Франция) и более существенные изменения в поселенческих структурах, происшедшие при их исчезновении (Северная Италия, Северо-Восточная Испания, Южная Британия), когда стираются следы поселенческой иерархии, ослабевает торговый обмен, одновременно ослабляющий и влияние местной аристократии.

Особенный интерес вызывает организация сельских поселений в Западном Средиземноморье (с. 481–495). Речь идет, прежде всего, об Италии, где они достаточно активно изучались на протяжении последнего времени. Испанское и французское Средиземноморье изучено хуже итальянского, однако, судя по исследованиям в Каталонии, жизнь на виллах в некоторых случаях не прекращается вплоть до VIII в. Автор предлагает три поселенческие модели для Италии эпохи раннего средневековья (конец виллы – начало замка): рассеянная иерархия на основе поместий как наследников вилл; иерархия, основанная на концентрированных поселениях/деревнях с некоторым количеством рассеянных (дисперсных) поселений между ними; исчезновение обеих иерархий. Поселенческие материалы Испании с трудом вписываются в эти модели, но, в основном, относятся к моделям 2 и 3. При этом подчеркиваются трудности в работе с данными о раннесредневековых поселениях – неясны их размеры, отсутствуют яркие и датирующие материалы и т.д.

У отечественных специалистов в области поселенческой археологии раннего средневековья наибольший интерес может вызвать следующий раздел рецензируемой монографии, описывающий поселения Северной Европы (с. 495–514). Здесь гораздо меньше данных письменных источников, но больше информации о раскопках и, в меньшей степени, разведках на поселенческих памятниках. При этом в целом различимы два типа поселений – относительно крупные концентрированные поселения типа деревни с крупными домохозяйствами и поселения меньших размеров с небольшими домохозяйствами. Граница между пространственным распространением этих двух типов проходит к востоку от устья Рейна и делит эту часть Европы на северную (Дания, Северная Германия и Нидерланды) и южную (Южная Германия, Северная Франция, Англия).

Автор предполагает сходную структуру организации поселений в Северной Европе, выделяя ее характерные черты: преобладание концентрированных деревень, пространственное разграничение усадеб, домохозяйства больших семей, насчитывающих вместе с несвободными до 25 человек. Доминируют постройки в виде больших домов, где люди живут под одной крышей вместе с животными. Есть примеры временных занятий ремеслами и внутренняя иерархия, но мало следов внешней или внутренней зависимости. Доминируют поселения с максимальным количеством населения в 200–400 человек, что роднит их с сирийскими и египетскими деревнями.

Южнее в Северной Европе крупные деревни встречаются нечасто; жилые постройки имеют меньшие размеры, стояла расположены отдельно и хуже построены; преобладают полуземлянки. Налицо разные культурные традиции, сложившиеся

еще до эпохи Великого переселения народов у будущих франков и алеманов, отличающиеся от будущих саксов и фризов. Возможны климатические и экологические причины столь разной традиции домостроительства, прежде всего, устройства отдельных помещений для скота в более теплых по климату районах, но, очевидно, их влияние не столь велико. Примером могут служить поселения англо-саксов, культурно связанные с Северной Европой, поселенческие традиции которых похожи на франкские и алеманские.

Поселенческая археология Северной Франции, Алемании и Баварии демонстрирует сходную картину существования небольших поселений, состоящих из отдельных усадеб, иногда расположенных в виде рассеянных домохозяйств. В завершении главы автор рассматривает эволюцию термина “вилла” в разных значениях и постепенную трансформацию его от значения “поместье” к значению “деревня”. Рассматривается образ деревни франков, описанный в Салической Правде как конгломерация отдельных дворов соседей, расположенных за оградой, что прекрасно подтверждается данными археологии.

Среди выводов, приводимых в конце Главы 8 (с. 514–518), К. Виххэм выделяется главный тезис: за исключением Ирландии, в которой доминировало рассеянное расселение на небольших укрепленных селищах, мир Северной Европы в раннем средневековье был миром деревень, тогда как на руинах Западной Римской империи по-прежнему доминировали поместья и крупное землевладение. Восточные концентрированные поселения все же более стабильны и материально обеспечены, чем западные. Кроме того, у них есть местная организация, зачатки самоуправления и даже законодательство (впервые прослеживается в Восточной Британии с IX в.), чего почти нет на Западе; но подобные равноправные общины могли быть в Дании или Фризии, где отсутствуют письменные источники.

Последнее важное наблюдение, приводимое в данном разделе, касается констатации относительной слабости аристократии в период раннего средневековья, что отличает это время от более раннего и более позднего. Таким образом, рассматриваемая эпоха была самым свободным временем в истории для сельских общин, которые при желании могли сами организовываться, но в большинстве случаев предпочитали проживать в собственном слабоструктурированном окружении.

Именно вопросу организации крестьянского общества эпохи раннего средневековья посвящена Глава 9 монографии. В ее первом разделе рассматриваются особенности крестьянства в Римской империи (с. 519–535). Большая часть раздела посвящена рассмотрению таких важных понятий, как колонат и патронаж. Далее приводятся особенности крестьянского хозяйства в раннем средневековье (с. 535–550), причем начинает автор с характеристики базовых элементов феодального способа производства в его марксистском понимании. Основываясь на работах по экономической антропологии (М. Салинс, Э. Босеруп и К. Мейясу), К. Виххэм выделяет особый способ производства, основу которого составляет самообеспечивающееся индивидуальное хозяйство, названный им крестьянским. Насколько описываемая идеальная модель соответствует действительности, сказать сложно из-за отсутствия данных. Но если не прослеживается социальной дифференциации внутри крестьянских общин и отсутствует сложное ремесленное производство, подобный способ, по мнению автора, скорее всего, присутствует.

К. Виххэм выделяет два основных региона автономного крестьянского хозяйства в раннесредневековой Европе – северный и южный. Первый характеризуется племенной структурой, в которой отсутствовала римская система землевладения, и ари-

стократы не имели ни арендаторов, ни клиентов. Подобный тип крестьянского способа производства характерен для Англии, Уэльса, Ирландии, Дании и Скандинавии, Мавритании, некоторых районов Испании, маргинальных районов Франции и Италии (например, Альпы).

На большей части территории Франции и Италии, а также Испании были крупные землевладельцы, но также и крупные территории, контролируемые крестьянскими собственниками. Здесь свободные крестьяне платили мало податей – даже меньше, чем в племенных обществах, но были слишком близки к аристократической власти и попадали в зону риска порабощения. Для этих областей характерен спектр сосуществования разных по степени зависимости деревень – от полностью свободных до управляемых извне. По образному выражению автора, на территории господства римского землевладения эта картина напоминала леопардовую шкуру с темными и светлыми пятнами (с. 541).

Приводимые характеристики, безусловно, очень предположительные, никто не найдет им подтверждения в источниках по этой эпохе. Но крестьянский способ производства, по мнению автора, логически необходим при описании экономики раннего средневековья (с. 541).

Далее К. Виххэм пытается найти эмпирические критерии для подтверждения выделенного им крестьянского способа производства. По его мнению, наилучшим образом его существование подтверждает археология: данный способ наблюдается в тех сообществах, где видна неразвитость ремесленного производства и бедность и простота аристократии. Лучше всего степень развитости ремесла и товарных отношений отражается в уровне керамического производства, которое сильно отличалось на протяжении V–VIII вв. в разных районах Европы. В Северной Европе доминирует лепная керамика местного производства; Уэльс и почти вся Ирландия в рассматриваемую эпоху вообще не знали керамического производства. Все эти общества – племенные крестьянские. Первое товарное производство керамики происходит на востоке Англии – и это первые территории, которые закрепощаются с VIII в. Таким образом, по мнению К. Виххэма, слабость ремесленного производства и поселенческой иерархии – это сигналы крестьянской экономической автономии.

Напротив, развитое товарное керамическое производство в Северной Франции и Южной Италии свидетельствует о более сильной аристократии и слабой автономии крестьянства; ситуация противоположна в некоторых регионах Испании и Италии с менее развитым производством керамики. Они дают неоднозначную картину сочетания керамического производства и поселенческой иерархии. При этом далеко не всегда речь идет о низком уровне технологии сельского хозяйства – налицо присутствие плужного земледелия и использование водяных мельниц, которые широко распространены в рассматриваемый период даже в Ирландии. По мнению К. Виххэма, основные причины увеличения населения – экономические и политические: рост населения и рост эксплуатации идут параллельно вместе с интенсификацией сельского хозяйства, мажоранной системой, ростом уровня торгового обмена и т.д., что можно проследить на примере Иль-де-Франс начала IX в. (с. 550).

В следующем разделе обсуждаются особенности организации крестьянской общины эпохи раннего средневековья на постримском пространстве (с. 551–570). Все данные говорят о преобладании нуклеарной малой семьи как ячейки общества во всех рассматриваемых регионах. Упоминаются более широкие системы родства, но они менее значимы в источниках.

Лишь в Ирландии более органично присутствуют широкие родственные группы трех-четырех поколений.

Рассматриваются разные системы наследования – от равноправия сыновей и дочерей по римскому праву до варварских правд с приоритетом наследования по мужской линии. При этом автор не склонен абсолютизировать данные из этих первых сводов обычного права, приводя примеры, когда закон отличался от практики. Однако повсеместно наблюдается главное правило – у женщин меньше прав, чем у мужчин; почти у всех варварских народов присутствует половозрастное разделение труда (например, пахота – мужское занятие). Любопытно, что эти наблюдения не подтверждаются археологически – женский погребальный костюм гораздо богаче, чем мужской почти у всех варваров. К. Викхэм вслед за Г. Халльзалом считает, что захоронения женщин демонстрируют богатство, а мужчин – социальный статус; при этом у женщин пик богатства приходится на подростковый брачный возраст, у мужчин – на момент расцвета (около 30 лет). У погребенных в возрасте более 30–40 лет количество вещей в захоронении уменьшается независимо от пола.

Крестьянская жизнь нестабильна и зависит от многих обстоятельств, поэтому существующие системы горизонтальных социальных связей позволяют крестьянам пережить кризисы, однако ведут к социальной зависимости. В большинстве обществ крестьяне извне описываются как монолитная группа без внутреннего деления на слои. Только римские законы демонстрируют разный фискальный статус у разных групп крестьян, и ирландские – разный экономический статус. Эти разные статусы часто меняются, они не закреплены, поскольку базируются на экономических критериях. Такой статус наследуется, но может быть изменен. Наиболее различимо положение деревенских лидеров в разных обществах, который также может наследоваться.

Основное исключение из этого правила – разница между свободными и несвободными. Автор сознательно избегает термина “раб” – несвободные в основном живут как арендаторы либо как домашние слуги (с. 560). Существует запрет на браки с несвободными по варварским правдам, но он не исполняется в действительности, чему приводятся соответствующие примеры. При этом прослеживается разница в понятии о свободных и несвободных: она более сильна в обществе свободных крестьян, менее – среди арендаторов и совсем ничтожна среди зависимых крестьян. Приводятся примеры разных обществ по степени зависимости арендаторов.

Конец времени свободных крестьян очевиден из источников, поскольку они имели не только законные права, но и общественные обязанности – на Востоке платили налоги, на Западе выступали в судах и несли воинскую повинность. Везде крестьяне обязаны были выполнять общественные работы (прежде всего, строительство дорог и укреплений). Исчезновение воинской повинности для крестьян Западной Европы после 800 г. означает потерю их автономии – теперь это обязанность военной элиты.

Таким образом, происходит процесс, который К. Викхэм называет возвращением к феодальному доминированию на Западе (с. 570–588). Он по-разному протекает в разное время в разных частях Европы, но суть его одна – потеря независимости крестьянами из-за роста силы аристократии. Она выражается в уплате ренты, которая могла быть больше или меньше, но платилась везде, и за счет этого прибавочного продукта возник тот средневековый мир, который известен по учебникам истории. К 700 г. почти все крестьяне в Европе становятся зависимыми.

Автор считает, что крестьянский и феодальный способы производства сосуществовали, и процесс заключался в постепенной потере крестьянами контроля над своей землей, поскольку почти везде аристократы более сильны, чем зажиточные крестьяне. Им рассматриваются две основные модели потери автономного владения землей крестьянами – закрепощение извне, что характерно для более развитых обществ, и зарождение аристократии внутри деревень в регионах с племенными обществами. В последнем случае источников чрезвычайно мало; лучше всего описана милитаризованная пограничная крестьянская элита в Испании, ставшая наследственным дворянством к XI в.

Законы каролингского периода демонстрируют время повсеместного утверждения аристократии в Европе. Этот же процесс прослеживается археологически через рост обмена и экономических связей со второй половины VIII в., например, на севере Франции, что является свидетельством аккумуляции богатств аристократией. Однако следует с осторожностью относиться к обобщениям – переход к аристократической экономической модели был микрорегиональным.

Другое характерное свидетельство формирования закрепленного статуса у крестьян и окончания соревнования между относительно равными общинниками связано с исчезновением инвентаря в погребениях начиная с VII в. В качестве примера приводится возникновение аристократических элитных кладбищ рядом с крупными домохозяйствами в Алемании; на Восточном Рейне тогда же вновь занимают вершины холмов как центральные места обитания. В других регионах подобный процесс происходит позже: например, в Восточной Британии он начинается с 830-х годов.

Таким образом, данные археологии и письменных источников свидетельствуют о том, что доминирование элиты начинается во Франции с VII, в Италии с VIII, а в Британии – с IX в.

Последние страницы раздела посвящены крестьянскому сопротивлению, которое прослеживается в конце раннего средневековья везде, за исключением Англии. Приводятся примеры крестьянских восстаний, практически повсеместно имевших микрорегиональный характер и обычно описываемых лишь в одном источнике. Основное внимание уделяется антикаролингскому восстанию Стеллингов, произошедшему в Саксонии в 841–842 гг., как уникальному примеру широкомасштабного движения с политической программой.

Четвертый и последний крупный раздел рецензируемой монографии посвящен изучению уровня торгового обмена как показателя степени развития общества раннего средневековья. Автор начинает анализ с рассмотрения обширной и сложной проблемы возникновения и развития городов, прежде всего уделяя внимание проблеме урбанизма для данного времени и пространства (с. 591–596). Здесь существуют очень разные точки зрения, между которыми нет единства. Прежде всего, историки и археологи трактуют город в двух ипостасях – экономической и политико-административной. При отсутствии одной из них термин “город” ставится под сомнение (критику некоторых определений города в отечественной средневековедении можно найти, например, в недавней работе В.С. Флэрова (2010. С. 15–27). К. Викхэм следует критериям идеального города по М. Биддлу, выделившему 12 элементов, из которых присутствия 3–4 достаточно для определения городского статуса поселения (Biddle, 1976. P. 99–150). Это наличие оборонительных сооружений, уличной планировки, рынка, монетного двора, автономного законодательства, выполнение функции центрального поселения, относительно крупного и/или плотного населения, экономического многообразия, “городского” домостроительства, социальной дифференциации, сложной религиозной организации и юридических функций (с. 592).

Главная разница между городами Северной и Южной Европы, которую видит автор, заключается в том, что на севере город в основном возникает как экономический феномен (ремесленно-торговые центры), а на юге – как административно-политический, наследие Рима. Предлагается даже разница в терминологии: “city” – для юга и “town” – для севера Европы, хотя эти термины синонимичны. Но для К. Виххэма наиболее важны экономические критерии выделения города (концентрация населения, наличие рынка и другой экономической активности по сравнению с сельской местностью), т.е. автор фактически использует археологические критерии в своем определении.

К. Виххэм подчеркивает, что почти нет городов как экономических центров без административной власти – ни в римское время, ни позже; города являются центрами королевской и аристократической власти, усиливающейся под влиянием экономического развития. Очень важной дефиницией для средневековья представляется городской образ жизни – синоним культуры с римского времени; упадок городов, напротив, приводит к милитаризации аристократии и превращению культурных центров в религиозные.

Далее прослеживается изменение политической структуры позднеримского города как трансформации от места концентрации налогов к центру политической власти (с. 596–602). Автором рассматривается вопрос о том, где жили аристократы постримского времени – в городах или сельской местности (с. 602–609). Таким образом, прослеживается иерархия аристократического урбанизма – его уровень выше в Египте, Италии, Сирии и Палестине; он менее развит в Южной Испании и Южной Галлии и мало зафиксирован в Греции, Анатолии, Северной Испании и Северной Галлии.

Отдельный подраздел посвящен характеристике городской экономики Восточного Средиземноморья по археологическим данным: городам Египта, Ближнего Востока, Сирии и Палестины, Леванта, Антиохии и Апамен, которые сравниваются с византийскими центрами Греции и Малой Азии (с. 609–635). Далее дается характеристика городов западной части Средиземноморья: Северной Африки, Италии, Испании и Южной Франции, где повсеместно прослеживается упадок городской жизни по сравнению с Востоком (с. 635–674). Особое внимание уделено формированию городов в VIII в. в северной части Франции, известных как по данным письменных источников (прежде всего, описания Григория Турского), так и археологии (раскопки в Париже и Кельне) (с. 674–692). Здесь, как и в других местах Северной Европы, происходит процесс образования торговых поселений-эмпориев (Северная Галлия, Англия, Дания, Швеция). Подобные эмпории представляют собой новое явление – они являются исключительно торгово-ремесленными, а не административными центрами, хотя и контролируются королями; на них отсутствуют монументальные сооружения, они не всегда являются центрами окрестных территорий (с. 685). Но по своим размерам и активной зарубежной торговле такие эмпории, как, например, Дорестад в Нидерландах, не уступают синхронно существовавшим римским и сиропалестинским городам. Однако наиболее типичный город этого времени в Северной Европе – это центр перераспределения излишков местного сельскохозяйственного производства местными землевладельцами, центр местного ремесленного производства, рынка и политико-административной организации (с. 691).

В Главе 11 К. Виххэм дает подробную характеристику системы обмена в рассматриваемых регионах в раннем средневековье, считая ее ключевой характеристикой эпохи. Эта проблема достаточно подробно изучалась историками (Hodges, Whitehouse, 1983; McCormick, 2001; Reynolds, 1995),

но важнейшие данные все же дает археология. Первоначально рассматриваются методологические проблемы обмена (с. 693–708), который может быть коммерческим и некоммерческим; последний изучается в трудах современных антропологов, которые выделяют две его основные формы – реципрокация и редистрибуция (горизонтальный и вертикальный обмены).

Автор сосредоточивает свое внимание на местном обмене, имевшем свои особенности: прежде всего, крестьянское хозяйство стремится снизить риски и производит практически все, что требуется для жизни, самостоятельно. Поэтому до конца XIX в. в европейском сельском хозяйстве отсутствует 100-процентная специализация на каком-либо производстве сельхозпродукции. Исключение составляет пастушеское скотоводство как род постоянных занятий, требующее непрекращающегося обмена продукцией с земледельцами, но в рассматриваемый период эта деятельность еще не была широко распространена – она появляется позже, в XII в.

При этом крестьяне нуждаются в ремесленных товарах, которые добываются разными способами, – от самостоятельного производства до развитого рыночного обмена, который прослеживается по данным археологии. Обмен предметами роскоши и местными товарами был всегда, в отличие от обмена массовыми товарами. Обмен продуктами сельского хозяйства осложняется проблемой их хранения, обмен массовыми товарами ограничен покупательской способностью населения.

Товары повседневного спроса, использовавшиеся регулярно для обмена, относились к разным категориям – это предметы из железа и дерева, одежда, кожа, керамика, папирус/бумага, камень, позже медно-бронзовые изделия и стекло, соль, но не все они позволяют выделить уровень обмена. Среди них самыми распространенными были одежда, керамика, металлические и стеклянные изделия; масштаб их обмена дает представление об уровне развития торговли и сложности экономики. При этом письменные источники предоставляют мало информации для изучения массового обмена в раннем средневековье, поскольку в них описывается в основном только обмен предметами роскоши. Археология же, преимущественно, дает информацию об обмене металлом, стеклом и керамикой, т.е. об уровне массовой торговли и производства (домашнего или рыночного). И здесь наиболее полезно, по мнению К. Виххэма, изучать керамику – массовый материал, статистически достоверный, по которому складывается представление о степени развития производства. С анализом других предметов массового обмена дело обстоит сложнее.

Керамика – это самый ценный источник по изучению обмена, заключает автор, поскольку благодаря ей можно узнать о его хронологии и географии. Изучаются разные категории керамических сосудов – керамика столовая, кухонная, тарная и транспортная (амфоры). Столовая – самая дорогая, кухонная и тарная более просты в производстве, хуже датируются и имеют ограниченное хождение. Амфоры имели широкое хождение, изменялись медленно, но это предмет массового производства. Столовая и кухонная посуда использовалась почти везде, являясь стандартным ремесленным изделием, которое может быть более или менее качественно и дорого.

К. Виххэм следует за типологией керамического производства, разработанной Д. Пиком (Peach, 1982), который выделяет домашнее производство (простое), домашнюю индустрию (временная занятость гончара, производство обычно без круга быстрого вращения), индивидуальные мастерские (полная занятость гончара, следы ремесленного производства), нуклеарные мастерские (централизованные со стандартизацией, иногда высокого уровня), мануфактурное производство (бо-

лее специализированное и контролируемое) и индустриальное производство керамики Нового времени.

Анализ керамики с этой точки зрения затруднен, но главное в нем – это то, что полуремесленное производство керамики обычно связывается с домашними мастерскими, тогда как более стандартизированная посуда – с более высоким уровнем производства вплоть до нуклеарных мастерских. Более качественного производства (за исключением египетских мануфактур) в рассматриваемое время не было. Существуют и другие трудности в анализе керамики – зачастую непонятны ее датировка и географический охват. Однако разные уровни обмена и керамического производства в одно и то же время дают ключ к пониманию региональных процессов в экономике.

При этом автор призывает к осторожности в интерпретации уровня развития обмена – эта характеристика неизбежно отражает взлет и падение экономики и общества, но она, безусловно, показывает возможности элиты и простого населения потреблять товары. Если элита бедна и потребности ее невелики, экономика во многом строится на крестьянском обмене, рынок узкий; при этом крестьянство живет лучше, поскольку эксплуатируется меньше (примером здесь служат северные племенные сообщества, рассмотренные выше) и наоборот. Таким образом, степень сложности обмена говорит о степени сложности общества и эксплуатации крестьянства. Основной упор автор делает на изучении внутрирегиональной торговли, а не дальних торговых связей, которые более всего изучались в последнее время.

После такой подробной характеристики методологических основ анализа процесса обмена автор приступает к освещению его особенностей по регионам, прежде всего характеризуя средиземноморскую систему торговли, рассматривая отдельно восточный и западный регионы Средиземноморья (с. 708–720). Последний поделен на африканский (с. 720–728), итальянский (с. 728–741), испанский и южногалльский (с. 741–759). Восточносредиземноморская система торговли рассматривается отдельно для Египта (с. 759–769), Сирии и Палестины (с. 770–780), внутренних районов Византии (с. 780–793). В специальном разделе рассмотрены регионы Северной Европы: Северная Галлия/Франция (с. 794–805), Англия и ее окружение (Дания и Ирландия) (с. 805–819).

В результате подробной характеристики внутреннего обмена в рассмотренных регионах, проведенной, прежде всего, на примере керамического производства, они сравниваются между собой (с. 819–824). Основным выводом К. Вихэма заключается в том, что масштаб обмена массовым товаром есть отражение сложности региональной экономической системы, что означает богатство аристократии, и наоборот. Богатый высший класс и обмен продуктами может сформировать сильную налоговую систему, как это было в Римской империи и сохранилось в некоторых чертах в Египте и Византии. Однако если римская экономика была интеррегиональной, то к VIII в. она стала региональной и субрегиональной. Это видно на примере Западного Средиземноморья, где происходит постепенная локализация экономических структур и упрощение связей. Примером сложной внутрирегиональной экономики может служить Франция, где существовала богатая аристократия. От нее сильно отличается Северная Европа с очень разнообразными образованиями, характеризующимися племенной экономикой.

Во всех регионах автор прослеживает общий тренд – обеднение аристократии и упрощение экономики на протяжении раннего средневековья. Это время развития общества исключительно на внутренних ресурсах, которым надо уделять больше

внимания. Межрегиональные связи экономически находились на периферии, если не было обмена массовым товаром как в Средиземноморье, который базировался на налогообложении. Локальный обмен также не играл существенной роли в развитии экономики. Местные рынки и широкое распространение товарного ремесленного производства появились в последующую эпоху развитого средневековья. В Заключении К. Вихэм выделяет три группы регионов по степени сложности керамического производства и, соответственно, развитости торгового обмена, сформировавшиеся к началу IX в. (с. 823): 1) Египет – как наиболее развитый, далее – Северная Франция, Левант и Византия, где существовали региональные рынки, а керамическое производство характеризуется как смесь нуклеарных и индивидуальных мастерских; 2) Южная Италия, Южная Франция, Андалузия, Северная Италия, Центральная Испания и Восточная Англия, где существовали субрегиональные рынки и индивидуальные керамические мастерские; 3) отсутствует независимая система обмена во внутренней Греции, Северной и Восточной Испании, Центральной и Южной Англии, Уэльсе, Ирландии и Дании, где доминирует домашняя индустрия и индивидуальное производство.

В заключительном разделе монографии К. Вихэм подводит краткий итог исследования структуры раннего средневековья (с. 825–831), которое не касалось таких проблем, как система верований, ценностей, гендерных ролей и пр., по которым также можно провести сравнение выделенных регионов. Одной из особенностей своего труда автор считает то, что рассматриваемые общества зачастую изучаются по отдельности, тогда как основной его целью было показать, что их можно сравнивать. Следует признать, что К. Вихэм блестяще решил эту задачу. Без сомнения, рецензируемый труд еще долго будет служить для ответственного читателя ценной основой для сравнения европейских материалов по археологии и истории с особенностями социальной и экономической жизни населения нашей страны в раннесредневековый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.
- Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
- Флёров В.С. “Города” и “замки” Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2010.
- Biddle M. Towns // Ed. D.M. Wilson. The archaeology of Anglo-Saxon England. Cambridge, 1976.
- Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe. Archaeology and the Pirenne thesis. L., 1983.
- McCormick M. Origins of the European economy. Cambridge, 2001.
- Peacock D.P.S. Pottery in the Roman world. An ethnoarchaeological approach. L., 1982.
- Reynolds P. Trade in the western Mediterranean ad 400–700: the ceramic evidence. Oxford, 1995 (BAR; Intern. Ser. 604).

Д.С. Коробов

Институт археологии РАН, Москва

Grotowski P. ARMS AND ARMOUR OF THE WARRIOR SAINTS. TRADITION AND INNOVATIONS IN BYZANTINE ICONOGRAPHY (843–1261). Leiden; Boston, 2010. 483 p., 100 il.

В работах, посвященных военному делу Византии, обычно обращение к изображениям предметов воинского снаряжения. Однако их исследования, как правило, посвящены либо анализу одного изображения (Armstrong, Sekunda, 2006), либо одной категории военных древностей (Баранов, 2010; 2011). Работы, рассматривающие весь комплекс воинского снаряжения на примере широкого круга произведений искусства на протяжении значительного периода, буквально единичны. Из них можно выделить статью А. Брун-Гофмейер (Bruhn de Hoffmeyer, 1966) и монографию М.Г. Парани (Parani, 2003). Первая посвящена анализу воинского снаряжения на примере миниатюр Мадридского списка “Хроники” Иоанна Скилицы, но практически охватывает более широкий круг источников. Во второй рассматривается материальная культура Византии, включая оружие, на основе изображений XI–XV вв.

Указанные работы уделяют недостаточное внимание тому, в какой мере византийские художники следовали традициям античного искусства. Монография “Оружие и доспехи святых воинов. Традиции и инновации в византийской иконографии (843–1261)”¹ призвана заполнить этот пробел. Она основана на диссертации, защищенной в 2003 г. П. Гротовским, преподавателем кафедры истории искусств античности и средневековья Понтификального университета им. Иоанна Павла II (Ягеллонский университет) и посвящена сравнительному изучению оружия, доспехов, костюма и аксессуаров, а также всаднического снаряжения на изображениях святых воинов.

Текст состоит из Введения и пяти глав (“Источники”, “Истоки образа святых воинов”, “Иконография костюма и доспехов святых воинов”, “Оружие в иконографии святых воинов”, “Снаряжение всадника и коня”).

Во Введении автор ставит следующую задачу – отличать в изображениях святых воинов элементы, 1) унаследованные от античности и не использовавшиеся в Византии, 2) уже известные в античности, но по-прежнему использовавшиеся в Византии, 3) новые, 4) фантастические и символические. Обозначаются границы исследования: временные рамки и отбор материала, а также характеризуется состояние его изученности.

В качестве временных рамок выбирается средневизантийская эпоха от окончательной победы над иконоборчеством в 843 г. до освобождения Константинополя от крестоносцев в 1261. С одной стороны, выбор определяется возвращением к реалистическим установкам античного искусства в эпоху “Македонского ренессанса”, с другой – своеобразием военного снаряжения армии, отличной как от легионов поздней античности и ранней Византии, так и от наемных формирований поздневизантийского времени.

Круг изображений, привлекаемых П. Гротовским, весьма широк. Это искусство не только метрополии, но и периферии: Египта, Нубии, Сирии, Армении, Грузии, Кипра, Древней Руси и Балканских стран. Привлекаются также отдельные античные, ранне- и поздневизантийские и западноевропейские памятники. Автор не видит необходимости в составлении всеобъемлющего каталога изображений святых воинов. Тем не

менее монументальная и станковая живопись учтены им весьма полно, в отличие от произведений прикладного искусства, происходящих, в частности, из российских собраний. Впрочем, на изображениях, оставшихся за пределами выборки, воинское снаряжение единообразно с исследованным П. Гротовским.

Состояние изученности материала характеризуется автором в рамках очерков историографии военного дела и изучения иконографии святых воинов.

В первой главе характеризуются привлекаемые источники: вещественные, причем отмечается их фрагментарность, письменные и иконографические (изображения военного снаряжения в иллюстрациях исторических сочинений, например, в миниатюрах Мадридского списка “Хроники” Иоанна Скилицы). В числе письменных источников – военные трактаты, тактики и книги о церемониях, словари (например, Суда) и историографические сочинения, художественная литература и источники негреческого происхождения.

Во второй главе демонстрируются истоки иконографии святых воинов. Автор обращается к представлениям о мире и войне в христианском вероучении, к изображениям пешего и конного святых воинов в искусстве доиконоборческого периода, к связям их образов с иконографией античных богов. Он анализирует сложение представлений о небесном заступничестве за воинство в имперской армии как основной среде почитания святых воинов, прослеживает его развитие от местного до всенародного на примере Дмитрия Солунского; рассматривает разницу в восприятии двух святых – Федора Стратилата (“генерала”) и Федора Тирона (“рядового”). Эти наблюдения позволяют П. Гротовскому заключить, что изображения святых воинов появляются, начиная с VI в., в качестве апотропеев. Их присутствие стало возможным с изменением отношения церкви к войне – от подчеркнутого пацифизма Нового Завета к использованию христианской символики и риторики в качестве “идеологического обеспечения” боевых действий. Формальной моделью святых воинов послужили изображения античных богов. Однако в доиконоборческий период еще не сложились четко определенные иконографические типы святых воинов. В это время они изображаются с полным комплектом вооружения, состоящего из доспеха, копья и щита, иногда еще и меча, но часто также в гражданской одежде и лишь с символическим *crux hastata* (копьем, древко которого увенчано крестом). С окончательной победой над иконоборчеством и выделением военной аристократии к X в. меняется характер почитания святых воинов. Особую популярность приобретают великомученики Георгий, Федор, Дмитрий, бывшие патронами влиятельных родов и императоров – их потомков.

В третьей главе речь идет об изображениях доспеха и костюма святых воинов. Рассматривается защита корпуса (анатомическая кираса, чешуйчатый, пластинчатый и мягкий доспехи, причем отмечена редкость изображений кольчужного доспеха), защита для бедер и плеч, поддоспешное одеяние. Характеризуется символическое значение доспеха. Описываются щиты, их конструкция и форма (круглая или овальная, миндалевидная, треугольная), изображения на них (орнаментальные мотивы, знаки воинских подразделений, надписи, религиозные символы и апотропеи, протогеральдические символы). Анализируется символическое значение щита и описываются обычаи, с ним связанные. Рассматриваются костюм и аксессуары

¹ Книга издана также и на польском языке (Grotowski, 2011).

ры: туника, штаны, обувь (туфли, высокие ботинки, сандалии); плащи (офицерский и солдатский); фибулы, офицерские шарфы; таблионы (аксессуар придворного костюма – ромбовидные нашивки на одежду); символические инсигнии (диадемы и тиары); ожерелья-маниакионы. Характеризуются необычные варианты облачения святых воинов: парадное офицерское; в облике провинциального воина; в облике воина-всадника в тунике, продолжающее ранневизантийскую традицию; фантастические изображения. Эти наблюдения позволяют автору прийти к следующим выводам. Доспех и щит были основными элементами облачения святых воинов. Несомненно, античным наследием является “мускульная” кираса. Сложно с уверенностью судить относительно пластичных и чешуйчатых доспехов. Они бытовали уже в античности, но в средневизантийское время изображались особенно часто, что позволяет предполагать их широкое распространение в реальности. Отсутствуют кольчужные доспехи, впрочем, судя по письменным источникам, они не пользовались особой популярностью, а также античные прототипы у защиты предплечья. Реалистичны щиты миндалевидной и треугольной формы. Последние появляются в XIII в. в завоеванных крестоносцами землях и, видимо, заимствованы. К инновациям относятся и элементы костюма, такие как штаны, не известные в античности. Появляющийся в X в. иконографический тип святого воина в тунике и с ожерельем-маниакионом, держащего в руке меч и выставляющего напоказ жезл, представляется реалистичной трактовкой парадно-церемониального облачения, но, вообще, выбор инсигний не всегда отражает его реалии. В искусстве Византии и стран, находившихся под ее влиянием (Русь, Балканские государства, норманнская Сицилия, Грузия, Армения) преобладают изображения пеших святых воинов, облаченных в доспехи и плащи. Независимый иконографический вариант развивается в регионах, подвергшихся влиянию исламской культуры, где святой воин часто изображается верхом, в длинном кабадионе и, подчас, с диадемой на голове, что восходит к традициям коптского искусства.

В четвертой главе речь идет об оружии. Различаются метательные, пехотные и кавалерийские копья; характеризуется их символическое значение и описывается копье, древко которого завершается крестом; описываются флажки на копьях. Клинковое оружие включает двулезвийное (мечи) и однолезвийное (парамерионы). Раскрывается символическое значение меча. Рассматриваются прочие виды оружия, встречающиеся на изображениях святых воинов, например, лук и булава. Эти наблюдения позволяют автору прийти к следующим выводам. Основным оружием святых воинов были копье и меч (иногда заменяемый парамерионом). Символическое *crux hastata* исчезает из столичного искусства после иконоборчества, однако в провинциальном встречается и в IX–X вв. Судя по письменным источникам, длина древка копья должна быть значительно больше, чем мы видим на изображениях. Видимо, это результат композиционных ограничений, встречающихся еще в античности. Меч изображается с гораздо большей детальностью. Возможно проследить удлинение клинка со временем, отображение долов цветом более глубокого тона, подчас, передачу клинковой эпиграфики, разнообразие конструкций рукояти. Боевые топоры, использовавшиеся в византийской армии, на изображениях святых воинов отсутствуют. Лишь единожды встречена булава. Лук и стрелы появляются лишь с XIII в. Последнее связывается, с одной стороны, с популярностью этого оружия у мусульманских народов – врагов империи, а с другой – с негативными коннотациями в Библии (например, “стрелы лукавого” Эф. 6:16).

В пятой главе описано снаряжение всадника и коня: стремена, седла и чепраки, шпоры и другие элементы снаряжения. Эти наблюдения позволяют автору сделать следующие выводы. Несомненной реалией средневизантийского времени являются стремена, не известные в античности. Ремни седла, на взгляд автора, не претерпели значительных изменений, однако изменился их декор. Состоявший сначала из разного рода подвесок, он постепенно сменяется украшением, собственно, ремня – видимо, вышивкой или тиснением. Интересно отсутствие некоторых элементов всаднического снаряжения. Так, шпоры, известные еще в античности, появляются только в искусстве времени крестоносного владычества как результат западноевропейского влияния. Более знаково отсутствие конского доспеха – неперемного атрибута катафрактов. Следовательно, изображения святых воинов не отражают реалии их снаряжения.

Обобщая сделанные наблюдения, автор приходит к следующим выводам. В изображении святого воина композиционная схема наследуется от античности, а детали берутся из современной художнику действительности. Так, например, традиция определяет в качестве основного оружия копье и меч, но конкретные формы отражают реалии средневизантийского времени. Наиболее сильны отсылки к классическому военному облачению в IX – начале XI в. Наивысший уровень детализации изображения – вторая половина XII в. В искусстве провинций выделяется ряд локальных тенденций. Так, в Египте и Нубии святые воины изображаются вооруженными в соответствии с местными традициями. В искусстве Грузии сначала чувствуется влияние иранского искусства, потом наблюдается относительная независимость. С установлением владычества крестоносцев на изображения святых воинов привносится рыцарское военное снаряжение и геральдические символы.

Некоторые предположения автора находят подтверждение в натурных исследованиях. Так, по мнению П. Гротовского, шаровидные навершия мечей, обычные в иконографии (с. 354), были и в реальности популярны в Византии. Вещевой материал подобного облика опубликован В. Йотовым (Yotov, 2011a. P. 38. Fig. 2, b – e). М. Алексием установлена аналогичность перекрестья с окончаниями в виде трилистника, введенного в оборот В. Йотовым (2004. Кат. № 421), и изображения на мозаике Дафнийского монастыря (Aleksić, 2010). Мечи типа “Плиски”, выделенного в статье В. Йотова (Yotov, 2011b), фигурируют на изображениях святых Георгия, Феодора Стратилата и Евстафия на триптихе X в. из собрания Британского музея (рис. 21). Г.В. Баранов пришел к схожим с П. Гротовским выводам относительно прикрытий бедер – кремасмат (2011).

Отдельные положения рецензируемой монографии нуждаются в комментариях. Говоря о вещевом материале, характеризующем военное дело Византии (с. 17–33), автор отмечает его фрагментарность по сравнению даже с античностью. То же положение дел фиксируют и другие исследователи (Kolias, 1988. S. 34, 35) и для более позднего времени (Bartusis, 1992. P. 322). Обосновывая причины этого, П. Гротовский дает краткий очерк производства и распределения оружия в Византии на основании письменных источников. Выясняется, что распределение оружия все время находилось под контролем государства. Это обуславливало его концентрацию в нескольких собраниях и, тем самым, неизбежность распыления в случае завоевания страны внешним врагом, как это случилось в 1204 и 1453 гг. Констатируется отсутствие находок на местах битв. Указывается, что на основании письменных источников мы знаем о наказаниях за утерю оружия в бою и на марше, а также о сборе трофеев.

Представляется, что отмеченный дефицит вещевого материала – не случайность, а закономерность, причем характерная не только для Византии².

Основная масса военных древностей происходит из погребений. Но в христианских странах подобная практика отсутствует или ограничена. Единичные византийские исключения, впрочем, оговорены П. Гротовским (с. 29, 30).

Находки же на полях средневековых сражений немногочисленны³, так как оружие стоило дорого и собиралось победителями или же, оставленное бесхозным, быстро расхищалось. Кроме того, местность, где в принципе могли столкнуться значительные воинские контингенты, должна представлять собой обширную относительно ровную площадь. Тем самым она удобна для сельскохозяйственного освоения, в ходе которого подчас на протяжении многих веков изымались случайно сохранившиеся остатки оружия.

Некоторый материал дают раскопки поселений. Однако византийская археология до относительно недавнего времени была сосредоточена, в основном, на изучении архитектуры и прикладного искусства. Кроме того, поселенческая археология в отношении оружия имеет дело с более бедным материалом. Если в погребении возможна находка полного комплекта оборонительного вооружения, то на поселении – это редкое исключение. Нечасты на поселениях находки клинкового оружия. Представлено лишь то, что можно относительно легко утерять: топоры, навершия булав, наконечники копий и стрел, фрагменты доспеха. Византийский материал именно такого рода и встречен П. Гротовским в музейных собраниях (с. 28, прим. 42). Можно указать неучтенные им военные древности, в частности, происходящие с территории бывшего СССР, например, перекрестье меча из Херсонеса (Йотов, 2009). Однако число их невелико, и даже полный учет не решает проблему дефицита вещевого материала.

Весьма яркий материал дает подводная археология (с. 33, рис. 91, *b, c*). Однако, ввиду технических сложностей, количество его также невелико.

Соображения подобного рода достаточно очевидны. Не случайно Т. Колиас указывал в качестве наиболее перспективного направления поиска военных древностей периферию империи (Kolias, 1988. S. 35), где сохранялись еще языческие верования или их пережитки, обуславливающие попадание оружия, в числе которого могло оказаться и византийское, в погребения.

Об известной миниатюре Федоровского Евангелия с изображением св. Федора Стратилата сообщается, что ее происхождение связано с искусством Киева (с. 246, прим. 467). Общепринято мнение о создании рукописи на Северо-Востоке Руси, хотя вопрос о том, какой это город, остается дискуссионным (Черный, 2004. С. 125, 127, 275, 284, 285, 309, 310, 378; Попов, 2005). Это, видимо, связано с источниками информации автора: он пользовался работой, где ошибочно указано киевское происхождение рукописи (Gamber, 1995. S. 6, 7).

Редкость кольчужного доспеха на изображениях святых воинов (с. 154–162) П. Гротовский объясняет спорадичностью его использования в средневизантийское время. По его мнению, он вошел в широкое употребление лишь в ходе военных контактов с крестоносцами в XIII в. Довольно долго бытовал прямо

противоположный взгляд (Kolias, 1988. S. 39, 40), основанный на интерпретации термина “лорика” письменных источников в смысле “кольчуга”, и лишь в исследованиях последних лет его начали трактовать как “доспех из пластин” (с. 155). В дополнение к этому П. Гротовский приводит упоминания источников (с. 159, 160), описывающих негреческих воинов, несомненно, облаченных в кольчугу (Льва Диакона – о Святославе, Анны Комнин – о крестоносцах, Никиты Хониата – о бое Андроника Комнина с Торосом II). Для характеристики их доспеха используется термин “железный хитон”, причем Анна Комнина отмечает необычность доспеха из колец.

По словам автора (с. 161, прим. 142), к аналогичным выводам приходит М. Парани (Parani, 2003. P. 112). Однако она, наблюдая изображения на фреске храма Юсуф Коч-килисе в Гёреме XI в., фресках XII в. в Кастории, Нерези и ц. Св. Николая Орфаноса в Фессалониках, склонна относить появление кольчуги к более раннему времени. К такой же интерпретации подобных изображений склоняется Г.В. Баранов (2010), добавляя к этому перечню две стеатитовые иконы из Херсонеса, датированные в пределах XII и XI–XII вв., и фреску XII в. из ц. Панагии Форвиотиссы в Асину. П. Гротовский считает, что это чешуйчатые доспехи (с. 135, 136). Того же мнения придерживается он и относительно похожих изображений более позднего времени, например, миниатюры “Романа об Александре” начала XIV в., кольчуга на которых была опознана М. Бартусисом (Bartusis, 1992. P. 324). Интересно наблюдение Г.В. Баранова над фреской с изображением св. Георгия из ц. Панагии Форвиотиссы в Асину (2010. С. 199): на поднятой руке чешуйки ориентированы вертикально и обращены округлой стороной вниз. Это естественно для кольчужных колец, способных поворачиваться, но невозможно для чешуйчатого доспеха, в котором пластина закреплена: в этом случае округлая сторона чешуек была бы обращена вдоль руки. Однако ряд фресок храма, в том числе и рассматриваемая, были поновлены в третьей четверти XIV в. (Stylianou A., Stylianou J., 1997. P. 126–134). Тем не менее доспех, по всей видимости, близко воспроизводил прототип XII в., о чем можно судить хотя бы по приводимым Г.В. Барановым аналогиям, но имеет ли место копирование оригинала – вопрос, требующий специального исследования.

В качестве довода в пользу позиции П. Гротовского можно указать в вещевом материале на чешуйчатый доспех, подобный фигурирующему на указанных выше изображениях (Bruhn de Hoffmeyer, 1972. P. 173, 174. Fig. 106). Однако на текущий момент сложно сказать, имеет ли он какое-то отношение к Византии. Окончательное решение вопроса об интерпретации таких изображений – видимо, дело будущего.

Затрагивая вопрос о посадке всадника, П. Гротовский отделяет принятую в античное время манеру езды без стремян, с характерным положением ноги, от средневековой, с упором в стремя (с. 379, 380, 383, 397). К сожалению, он не останавливается подробно на эволюции посадки в средневизантийское время. Здесь же следует отметить некоторую неточность. Развитие посадки западноевропейского всадника с VI по XV в. было прослежено не А.Н. Кирпичниковым (с. 383, прим. 17), а Г. Мюллером-Хиклером (Müller-Hickler, 1923. S. 9). Иллюстрация монографии А.Н. Кирпичникова (1973. С. 46. Рис. 30) – переработка иллюстрации Г. Мюллера-Хиклера.

Автор неоднократно обращается к локальным особенностям изображения святых воинов. Однако вне его рассмотрения оказалась древнерусская специфика изображения всаднического снаряжения, отмеченная А.Н. Кирпичниковым (1973. С. 13, 77). Это двойная подпруга, а также отсутствие мундштучных оголовий, обычных на византийских изображениях. Впрочем,

² Аналогично положение дел на территории древнерусских княжеств и земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского, во второй половине XIII–XV в. (Кирпичников, 1976; Бохан, 2008).

³ В качестве исключения можно указать место битвы при Визби (Thordeman, 1939).

непрерывное наличие первой фиксируется лишь с начала XIV в.

На рис. 25 перепутаны изображения св. Федора Тирона и Меркурия.

На стеатитовой иконе XII в. из собрания Государственного Исторического музея (рис. 40) можно видеть личину на щите св. Георгия. П. Гротовский явно работал с фотографией плохого качества в старом издании (Лазарев, 1970), где она едва различима. Подобные личины считают развитием горгонейонов (Николаева, Чернецов, 1991. С. 43).

Как было отмечено, изучение военных древностей Византии находится на стадии своего становления. Важный этап его представляет собой монография П. Гротовского. Ее выводы применимы не только к собственно византийским изображениям, но и к произведениям искусства стран, находившихся под византийским влиянием, в частности Древней Руси. Это позволяет надежней вычленить местное воинское снаряжение, отличить доносимые через византийское посредство античные традиции и привносимые реалии средневизантийского времени.

Наблюдения, содержащиеся в исследованиях, подобных проведенному П. Гротовским, ценны не только для изучения военной истории Византии, но и для рассуждений о времени и месте создания произведений искусства. Проиллюстрировать это можно на примерах фрагментов каменных иконок святых воинов, найденных в Старой Рязани и на Рюриковом городище.

Старорязанская иконка была обнаружена в 2004 г. на месте раскопок Борисоглебского собора 2003 г. Обстоятельства находки не позволили зафиксировать какую-либо хронологическую информацию. Л.А. Беляев и А.В. Чернецов (2005. С. 180–185) пришли к выводу о наибольшей вероятности изготовления иконки в первой трети XIII в. Однако нельзя совершенно исключить вторую половину XI – XII в. Некоторые типологические и стилистические признаки могут указывать на XIV–XV вв., но значимость их невелика.

Иконография старорязанской находки своеобразна. Изображение святого поясное. Правая рука, согнутая в локте, сжимает древко. Левая поднята к плечу и воспроизводит “жест внимания”. Воин облачен в доспех, поверх которого одет плащ, застегнутый фибулой. Л.А. Беляев и А.В. Чернецов указывают единственную аналогию: капитель начала XIV в., происходящую из Константинополя (Byzantium..., 2004. Cat. 55). Возможно указать еще одну: медальон с полуфигурой св. Дмитрия с чеканной иконы из Ланчвала XI в. (Чубинашвили, 1957. Табл. 58).

Верхняя часть иконки обломана и не понятно, что держит святой в правой руке. Возможные варианты – копье (как на указанных выше аналогиях), жезл, крест. Жезл появляется на изображениях святых воинов начиная с X в. (с. 312) и, по-видимому, исчезает в палеологовское время. Известна иконография, сочетающая его со “знаком внимания”, – миниатюра с изображением св. Сергия и Вакха XI в. (Лихачева, 1977. Табл. 17). Однако не известно сочетание жезла с доспехом.

Не представляется возможным указать аналоги иконографии, сочетающие доспех, жест внимания и крест со средокрестием выше плеча. В средневизантийское время святой воин с крестом и в доспехах фигурирует лишь на единичных памятниках (Goldschmidt, Weitzmann, 1930–1934. Bd. II. Cat. 30), но и там крест вписывается в изображение торса.

Композиционное решение, сочетающее более или менее параллельное диагонали описывающего изображение прямоугольника древко (жезла) и жест внимания, обычно в иконографии архангелов. Возможно, имеет место контаминация образов архангела и святого воина.

Перейдем к характеристике воинского облачения святого на рязанской иконке – фибулы, плаща и доспеха. Круглая фибула не дает датирующих сведений – подобная форма бытует еще в античном искусстве (с. 271, 272).

П. Гротовский выделяет два типа плащей: застегивающуюся на правом плече хламиду и застегивающийся перед горлом сагион (с. 254–271). Последний представлен на старорязанской иконке. Рост популярности этого типа плащей отмечен в XIII в. (с. 267). Плащ обрамлен каймой, состоящей из трех валиков – широкого центрального и узких боковых, и украшен кружками, названными Л.А. Беляевым и А.В. Чернецовым “лимончиками”. Такая отделка нетипична для византийского искусства. Встречается только циркулярный орнамент, который может украшать практически все, что угодно. Например, на каменной стеле из Амасии XI–XII вв. (рис. 84) он покрывает не только плащи, но и седла, и даже фигуры коней. Отделка одежды лимончиками встречена только в изделиях древнерусской каменной пластики южнорусской группы по Т.В. Николаевой, датированных в пределах конца XII – первой трети XIII в. (1983. Кат. № 12, 30, 32; Тысячелетие..., 1988. Кат. 284).

Необходимо отдельно рассмотреть трактовку элементов доспеха, их форму и расположение. На каждой доспешной пластине повторяется ее же уменьшенная копия, переданная глубокой выемкой. Это довольно логичный для пластических искусств вариант упрощенного изображения сплошного покрова, состоящего из отдельных, частично перекрывающихся, деталей – птичьих перьев⁴ или брони. Поэтому следует считать изображенный на иконке доспех собранным из пластин, тогда как Л.А. Беляев и А.В. Чернецов не исключают, что это кольчуга (2005. С. 183). Описанная манера известна уже с V в. н.э. (Kalavrezou, 2003. Cat. 14) и, видимо, восходит к античному искусству. Представленная в средневизантийское время (Goldschmidt, Weitzmann, 1930–1934; The Glory..., 2006. Cat. 81), она бытует, как минимум, до начала XIV в. (рис. 51).

Форма доспешных пластин тяготеет к прямоугольной, нижний конец закруглен. Л.А. Беляев и А.В. Чернецов указали в качестве аналогий (2005. С. 183) рельефы из Киева XI–XII вв. (Архипова, 2005. Кат. № 193. Табл. 74.1. Рис. 4а) и со стены Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. К ним можно добавить чеканную икону из Джумати XI в. (Чубинашвили, 1957. Табл. 52), а также византийскую стеатитовую иконку св. Георгия XIV в. (Kalavrezou-Maxeiner, 1985. Cat. 140). Фигурирует такая броня и в искусстве романской Европы конца XII в. (Goldschmidt, 1923–1926. Cat. 52, 53). Встречается она и в более раннее время, например, на фигурке в виде бюста Афины V в. н.э. (Kalavrezou, 2003. Cat. 14).

Для рассматриваемого доспеха сложно решить, является ли он средневековой реальностью или отражением античной традиции. Несмотря на найденную аналогию V в., невозможно продемонстрировать непрерывный ряд изображений, доходящий до XI в., так как подобный доспех редок в ранневизантийском искусстве. Для него характерна броня, восходящая к линотаксу или к анатомической кирасе античности. Невозможно исключить предположение о воспроизведении реалий, близких ко времени создания иконки. Вообще, подобный вид естественен для чешуйчатого доспеха и мог независимо возникать в разное время. Не исключено даже различное происхождение брони на памятниках, включенных в круг аналогий.

Можно привести косвенные аргументы в пользу датирования рассматриваемой брони временем не позднее второй поло-

⁴ См., например, The Glory..., 2006. Cat. 305 и Byzantium..., 2004. Cat. 58.

вины XIII – начала XIV в. Так, во второй половине XIII в. появляются изображения с матерчатым покрытием брони на груди (Parani, 2003. Р. 120), приобретшие к XIV в. значительную популярность. Для этого же времени характерно изображение поверх доспеха рода перевязи через грудь, обычно поддерживаемой лямками через плечи либо лентой через шею. Первое восходит к устройству античных доспехов (Parani, 2003. Р. 151). Все указанное выше отсутствует на старорязанской иконке.

Таким образом, иконографические аналогии указывают на средне- или поздневизантийское время. Плащ-сагион переживает рост популярности в XIII в. Его отделка лимончиками говорит о конце XII – первой трети XIII в. и связывает старорязанскую иконку с произведениями мелкой пластики южнорусской группы по Т.В. Николаевой. Доспех, возможно воспроизводящий античный или ранневизантийский образец, бытует в XI–XIV вв. Таким образом, наиболее вероятна дата в пределах конца XII – первой трети XIII в.

Это близко к выводу, сделанному Л.А. Беляевым и А.В. Чернецовым, и кажется правдоподобным, исходя из истории Рязани. Строительство Борисоглебского собора, на месте которого была найдена иконка, предлагается относить ближе к концу XII в. (Беляев, 2005), а сам город подвергался разорениям в 1208 и 1237 гг. Незатертость рельефа иконки (Беляев, Чернецов, 2005. С. 180) указывает на утерю вещи вскоре после ее создания. Все это склоняет к предпочтению датировки в пределах первой трети XIII в.

Гораздо меньше можно сказать о фрагменте иконки с Рюрикова городища. Она была обнаружена в июле 2005 г. восточнее ц. Благовещения, в перемешанном слое, что не позволило зафиксировать какую-либо хронологическую информацию. А.Е. Мусин (2007) пришел к выводу о том, что она была изготовлена в Киеве в 1204–1220 гг. по иконографическим образцам, заимствованным из Латинской империи.

На фрагменте различимы край одежды и стремя. Также можно вынести суждение о посадке всадника. Отделка края одежды рельефными квадратами рассматривается А.Е. Мусиным как присущая исключительно древнерусским изделиям мелкой каменной пластики южнорусской группы по Т.В. Николаевой, датируемым в пределах первой трети XIII в. (2007. С. 149). В доказательство этого положения А.Е. Мусин приводит весьма полный перечень иконок, на которых фигурируют подобные одеяния (Мусин, 2007. С. 150). Изделия южнорусского происхождения в нем преобладают. Однако такая отделка встречена в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Багнер, 1964. Табл. XVII, XIX). Известна она и в Византии (Goldschmidt, Weitzmann, 1930–1934. Bd. I. Cat. 10, 101; Bd. II. Cat. 9, 12, 33, 38, 41, 57, 74, 75, 84, 89, 90, 116, 131, 135–138, 144, 145, 155, 159, 182, 183, 187) и в искусстве романской Европы (Goldschmidt, 1923–1926. Bd. IV. Cat. 128). Нечто подобное можно видеть и в каменной пластике XIV в. (Государственная Третьяковская галерея, 2005. Кат. № 101, 102), отличающейся, впрочем, от приведенных выше примеров отсутствием окаймления рельефных четырехугольников двумя валиками. На упомянутой стеатитовой иконке св. Георгия начала XIV в. также встречена схожая отделка, но элементы, заполняющие пространство между двумя валиками, сильно скруглены.

Следовательно, не представляется возможным считать описываемую отделку достаточным основанием для отнесения иконки с Рюрикова городища к кругу изделий южнорусской группы по Т.В. Николаевой. Однако на Руси несомненный

пик популярности такой отделки приходится на конец XII – XIII в.

Стремя, фигурирующее на описываемой иконке, обладает треугольной формой дужки. Она была отмечена В. Бехаймом на западноевропейских печатях XIII в. (Boeheim, 1890. S. 199), типична и для западноевропейского искусства XIII–XIV вв., и древнерусской иконописи XIV в., и византийских икон святых воинов времени латинского владычества. Однако ее бытование шире периода XIII–XIV вв.

О посадке всадника на иконке можно судить по положению ступни, которое возможно только для глубоких посадок, бытовавших в XIII–XIV вв. (Müller-Hickler, 1923. S. 9). Определенной сказать нельзя – для этого нужно видеть положение ноги. Высокая посадка исключается из-за наклона ступни к горизонту.

Использование результатов, полученных Г. Мюллером-Хиклером (Müller-Hickler, 1923) на основании изучения западноевропейских изображений, вполне правомерно для анализа древнерусской или византийской иконы. В XIII и XIV вв. на византийских и древнерусских изображениях всадников глубокая посадка не отличается от западноевропейской. Для Древней Руси это подтверждается и вещевым материалом, характеризующим верховую езду (Кирпичников, 1973. С. 37, 38, 45, 46, 58, 59, 85).

Г. Мюллер-Хиклер рассматривал посадку всадника на галопе. На иконке с Рюрикова городища не видно ног коня, поэтому нельзя выяснить, как он идет. Однако до XVI в. бытовали только естественные аллюры – шаг, галоп, иноходь, рысь. В случае галопа сказанное о посадке справедливо напрямую. В случае шага или иноходи – положение ноги либо то же, что на галопе, либо несколько более спокойное: нога несколько ближе к вертикали, а стопа – к горизонтали. Сказанное иллюстрируют два эмеевика близкой иконографии из собрания Государственного Эрмитажа и Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, датированные соответственно XII–XIII (Тысячелетие..., 1988. Кат. № 269) и XIII вв. (Гнупова, Зотова, 2000. Кат. № 52). На них конь переднего всадника идет иноходью, заднего – галопом. Положение ног соответствует посадке XIII в. по Г. Мюллеру-Хиклеру, но ступни передних всадников более приближены к горизонтали.

Изображения святых воинов, кони которых идут рысью, не представлены в византийском и древнерусском искусстве.

Таким образом, вывод о характерности положения стопы для XIII–XIV вв. правомерен независимо от аллюра, фигурировавшего на иконке с Рюрикова городища.

Следовало бы включить в анализ и обувь всадника. Резко отогнутый выступ на пятке можно счесть каблуком сапога, что наиболее определенно указывало бы на изготовление иконки на Руси: такая обувь не встречается на византийских изображениях святых воинов. А среди древнерусских можно указать известную икону “Чудо Георгия о змие” начала XIV в. из Русского музея (Алпатов, 1978. Кат. № 49). Однако каблук перпендикулярен линии, спрямляющей стопу. На иконке выступ образует с ней тупой угол. Надо полагать, мы видим передачу свода стопы в обуви с мягкой подошвой. Нечто подобное фигурирует на амулете VI в., хотя в то время каблуков просто не существовало.

Можно заключить, что наибольший интерес к отделке края плаща рельефными квадратами наблюдался в конце XII – XIII в. Посадка всадника указывает на XIII–XIV вв. Бытование изображений стремян с треугольными дужками не уже XIII–

XIV вв. Тем самым наиболее вероятно датировка иконки в пределах XIII в.

Полученный результат шире датировки, предложенной А.Е. Мусиным. Впрочем, в приведенных рассуждениях не учитывается фигурирующий на иконке тамгообразный знак, сам по себе являющийся хронологическим указателем (Мусин, 2007. С. 161–164).

Таким образом, на примере двух описанных иконок можно увидеть информативную возможность изображений воинского облачения для рассуждения о месте и времени создания произведения искусства. Но ожидаемую результативность наблюдений такого рода не следует преувеличивать, поскольку изменение во времени предметов ратного облачения было сравнительно медленным. Описанные иконки демонстрируют, что обычно удастся предложить датировку в пределах века. И только изучение ярких локальных особенностей (если они есть), таких как отделка плаща лимончиками в случае старорязанской иконки, позволяет внести соответствующие уточнения.

В связи с тем что наблюдения такого рода обладают известной значимостью, необходимо повышать их результативность. Хороший базис для этого формирует монография П. Гротовского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллатов М.В. Древнерусская иконопись. М., 1978.
- Архипова Е.И. Резной камень в архитектуре Древнего Киева (конец X – первая половина XIII в.). Киев, 2005.
- Баранов Г.В. Три вида *λορίκια* Константина Багрянородного и доспехи святых воинов на стеатитовых иконах из раскопок средневекового Херсонеса (к постановке вопроса) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. II. Севастополь; Тюмень, 2010.
- Баранов Г.В. Об одном типе неметаллической защиты византийской армии // Военная археология. Вып. 2. М., 2011.
- Беляев Л.А., Чернецов А.В. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское. М., 2005.
- Бохан Ю.М. Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мінск, 2008.
- Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской, М., 1964.
- Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М., 2000.
- Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. I. Древнерусское искусство X – начала XV в. М., 2005.
- Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна, 2004.
- Йотов В. Перекрестье меча из Херсонеса // Античная древность и средние века. Вып. 39. Екатеринбург, 2009.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973.
- Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись – статьи и исследования. М., 1970.
- Лихачева Д.В. Византийская миниатюра. М., 1977.
- Мусин А.Е. Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Городище // У истоков русской государственности. СПб., 2007.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
- Попов Г.В. О происхождении Федоровского Евангелия // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005.
- Тысячелетие русской художественной культуры. М., 1988.
- Черный В.Д. Русская средневековая книжная миниатюра: направления, проблемы и методы изучения. М., 2004.
- Чубинашвили Г.В. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в. Тбилиси, 1957.
- Aleksić M. Some typological features of Byzantine spatha // Зборник радова Византолошког института. 2010. XLVII.
- Armstrong P., Sekunda N.V. A Byzantine Solider from the Crusading Era // Quaestiones Medii Aevi Novae. V. 11. Warszawa, 2006.
- Bartusis M. The late Byzantine army. Philadelphia, 1992.
- Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890.
- Bruhn de Hoffmeyer A. Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scyltzes in Biblioteca Nacional in Madrid // Gladius. 1966. V.
- Bruhn de Hoffmeyer A. Arms and armour in Spain: a shot survey. V. I. Madrid, 1972.
- Byzantium: Faith and power (1261–1557). N.Y.; New Haven; L., 2004.
- Gamber O. Geschichte der mittelaltelichen Bewaffung. Teil 4. München; Berlin, 1995 (Waffen- und Kostümkunde; Bd. 37. H. 1, 2).
- Grotowski P. Święci wojownicy w sztuce bizantyjskiej (843–1261). Kraków, 2011.
- Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen aus der romanischen Zeit XI–XIII Jahrhunderts. Berlin, 1923–1926.
- Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Bd. I, II. Berlin, 1930–1934.
- Kalavrezou I. Byzantine women and their world. Cambridge, 2003.
- Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine icons in steatite. Wien, 1985.
- Kolias T. Byzantinischen Waffen. Wien, 1988.

- Müller-Hickler H.* Sitz und Sattel im Laufe der Jahrhunderte // *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde*. Berlin, 1923 (Neue Folge; Bd. 1. H. 1).
- Parani M.* Reconstructing the reality of images: Byzantine material culture and religious iconography 11th–15th centuries. Leiden; Boston, 2003.
- Stylianou A., Stylianou J.* The painted churches of Cyprus. Nicosia, 1997.
- The Glory of Byzantium. N.Y., 2006.
- Институт археологии РАН, Москва
- Thordeman B.* Armour from the battle of Wisby 1361. Uppsala, 1939.
- Yotov V.* Byzantine Time Swords (10th–11th Centuries) in Romania // *Studia Universitatis Cibiniensis. Ser. Historica*. T. VIII. Sibiu, 2011a.
- Yotov V.* A new Byzantine type of swords (7th–11th centuries) // Ниш и Византија. IX. Ниш, 2011b.
- А.С. Попов*

III АБХАЗСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Г.К. ШАМБА. Сухум, 2011

С 27 ноября по 1 декабря 2011 г. в столице Республики Абхазия г. Сухум, на базе Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (АИГИ АНА) прошла III Абхазская международная археологическая конференция.

Абхазские ученые посвящают международные конференции памяти своих коллег, внесших значительный вклад в развитие археологии республики. Первая конференция (ноябрь 2006 г.) была посвящена Ю.Н. Воронову, вторая (осень 2008 г.) – М.М. Трапшу, третья (осень 2011 г.) связана с именем видного абхазского археолога, доктора исторических наук, академика АНА Г.К. Шамба.

В работе конференции приняли участие ученые из Абхазии, России, а также Франции, Германии, Словакии. Российские специалисты представляли научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ижевска, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Краснодар, Азова, Минеральных Вод, Новороссийска, Сочи, республик Кавказа: Адыгеи, Южной и Северной Осетии. На конференции работало 4 секции, было зачитано около 60 докладов.

На пленарном заседании несколько выступлений было посвящено творческому наследию Г.К. Шамба. Большой отклик вызвал доклад *И.В. Ксенофоновой, Э.Р. Эрлиха, А.И. Джошуа и А.Ю. Скакова* “Георгий Кучович Шамба – ученый, археолог, друг”, сопровождавшийся показом видеофильма об абхазском археологе. Авторы подчеркнули, что наиболее яркие открытия, сделанные Г.К. Шамба, связаны с древностями абхазского с. Нижняя Эшера. Они внесли предложение о создании здесь археологического заповедника под открытым небом, основной задачей работы которого должно стать планомерное изучение, сохранение и популяризация уникальных археологических эшерских памятников. Участники конференции поддержали мнение докладчиков о том, что заповеднику должно быть присвоено имя Г.К. Шамба. В докладе *А.Ю. Скакова, А.И. Джошуа и А. Козубовой* “Открытия Г.К. и С.М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки” была подчеркнута заслуга абхазских археологов, которые ввели в научный оборот материалы Джантухского могильника, равного эталонным памятникам колхидской и кобанской культур. Директор Археологического исследовательского центра департамента Финистер (Франция) *Жан-Поль Блан* (в соавторстве с *Жаном-Франсуа Вилларом*) в выступлении “Обязательный торговый путь и точка соприкосновения древних цивилизаций – о. Уэссан на западной оконечности Европы” познакомил коллег с результатами своих археологических исследований на острове.

На пленарном заседании также прозвучали доклады В.П. Любина, М.М. Казанского, А.В. Мастыковой, В.Б. Бесолова.

Секция I. “Каменный век и бронза”¹

В.П. Любин в докладе “Страницы ранней истории Абхазии” подвел итог основным открытиям, которые были сделаны в XX в. Л.Н. Соловьевым, С.Н. Замятниным, И.И. Коробковым, М.Х. Хварцкия, Н.З. Бердзенишвили в исследовании каменного века Абхазии. Докладчик отметил, что изучение каменного века в республике требует продолжения на новом уровне. По его мнению, залежи осадочных и вулканических пород позволяют рассматривать Абхазию как выдающуюся область Кавказа в истории каменного века. Логическим продолжением доклада В.П. Любина стало выступление *Е.В. Беляевой* “Ашельские рубила Черноморского побережья Кавказа”, в котором было рассмотрено более 30 ашельских ручных рубил, найденных в разных пунктах – от Южной Абхазии до Туапсе. На основании развитого характера обработки большинство находок отнесено автором к позднему ашелю, а два рубила, обнаруженные в районе г. Сухум, по мнению Е.В. Беляевой, имеют более архаичный облик, характерный для каменных орудий среднего или раннего ашеля.

Несколько докладов было посвящено различным аспектам мегалитических сооружений Кавказа. *А.Д. Резеткин* (“Дольменный могильник Шушук”), проведшему раскопки трех дольменов и проанализировавшему полученный материал, удалось датировать исследованный могильник эпохой поздней бронзы. *В.Я. Стеганцева*, рассматривая “Ранние катакомбные погребения Северо-Восточного и Восточного Причерноморья”, предложила искать общие истоки раннекатакомбной культуры и дольменов. *Г.А. Сангулия* в докладе “Мегалитические истоки колхидской культуры Абхазии” высказал предположение о том, что в мегалитах Кавказа следует искать истоки колхидской культуры.

Три сообщения основаны на результатах экспериментальной археологии. *А.С. Кизилов* провел ряд опытов по обработке и сооружению дольменов и представил результаты в докладе “Анализ и экспериментальная реконструкция технологий строительства дольменов Кавказа”. Свои предположения о методах строительства дольменов высказал *М.И. Кудин* в докладе “Недостроенные памятники и строительная эволюция дольменов”. *Г.С. Поплевко* рассказала об опытном производстве керамики и выявленных технологических особенностях глиняных изделий. Она также провела анализ нижних слоев поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону, обобщив результаты в сообщении “Технология изготовления керамики нижних слоев поселения Нижний Яр на Нижнем Дону”. Отдельные проблемы майкопской культуры были освещены в докладах новороссийских археологов. *А.В. Шишлов, А.В. Колтакова, Н.В. Федоренко* изложили результаты исследования поселения Натухаевское в докладе “Исследование поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской в 2007 г.”. *А.П. Кононенко* предложил классификацию очажных подставок майкопской культуры в сообщении «Терминология и атрибуция глиняных “конусов” и аналогичных им предметов с поселений майкопской культуры». В докладе “Кувава (Анцза-пхэсы)” *Т.-Э.Э. Трапи* изложил гипотезу об истоках культа богини плодородия Кебабы. *Д.А. Счастливый* сделал сообщение «О некоторых кинжалах

¹ Выражаю благодарность коллегам, предоставившим информацию о работе секций: Г.Н. Поплевко (“Каменный век и бронза”), М.Т. Кашуба (“Раннее железо и античность”), А.С. Агумаа (“Охрана археологического наследия”).

Абхазии (типа “кабар”) периода поздней бронзы». Доклад *И.И. Цвинария* “Дедуктивная логика Г.К. Шамба о назначении эшерских кромехов” был посвящен методологическим подходам исследователя при работе с археологическими источниками. На секции также было заслушано сообщение *Н.А. Тихонова* и *Е.Н. Хафизовой* “Петроглифы балки Учкурка”.

Секция 2. “Раннее железо и античность”

В 20 научных докладах, прозвучавших на секции, были обсуждены проблемы, связанные с изучением древностей раннего железного века и античности Кавказского региона и соседних территорий Северного Причерноморья и Восточной Европы. Ряд выступлений был посвящен последним исследованиям известных памятников с применением новейших естественно-научных методов. Также были доклады, продемонстрировавшие результаты классификации, хронологии, атрибуции отдельных категорий находок. Научной общественности были представлены итоги полевых исследований новых археологических объектов. Специальный доклад был посвящен гипотезе Г.К. Шамба о дате основания античного города Диоскурия. Большая часть выступлений была связана с проблематикой кочевнических древностей: “киммерийцев”, ранних скифов, сарматов и алан. В докладе *Т.В. Рябковой* “Предметы узды скифских типов в Тейшебаани” дана краткая характеристика памятника Кармир-Блур и этапов его археологических исследований. На основе анализа материалов из архива Б.Б. Питровского автор восстановила местонахождение и контекст вещей скифских типов и сделала вывод о малочисленности скифского контингента и отсутствии оснований, позволяющих четко определить дату штурма Тейшебаани. В докладе “О греческих поножах из района Диоскуриады” *С. Чандрасекаран* рассмотрены элементы защитного вооружения IV–III вв. до н.э., найденные на территории Колхиды (Ахул-абаа, Вани). Автор полагает, что обнаруженные поножи изготавливали вне Западного Кавказа. По ее мнению, находки из района Диоскуриады следует датировать по известным аналогиям из Олимпии (середина V – не позднее середины IV в. до н.э.) и Македонии (середина – третья четверть IV в. до н.э.). *В.А. Горончаровский* в выступлении “О хронологии Семибратних курганов” на основе анализа конструкций погребальных сооружений и категорий инвентаря выделил три хронологические группы: 450–430 гг. до н.э. (курганы 2 и 4), конец V в. до н.э. (курганы 5 и 6), 400–370 гг. до н.э. (курганы 7, 3 и 1, из которых последний – самый поздний). В докладе *О.В. Шарова* “Римско-германская ремменная гарнитура из Золотого кладбища” рассматривались материалы из раскопок Н.И. Веселовского у ст. Казанской в 1901–1902 гг. Находкам 12 пластин, обнаруженных в конском погребении кургана 16, автор представил широкий спектр аналогий в германских материалах конца II – первой половины III в. н.э. и пришел к заключению, что рассматриваемые предметы появились в памятниках Кубани в результате мирных контактов варваров и греков во второй половине II – начале III в. н.э. *В.Р. Эрлих* в докладе “К атрибуции ситуды из Анухвы” высказал мнение о том, что ситуды являются маркерами наиболее подвижного слоя воинской элиты. Он полагает, что ситуда из Анухвы – колхидского производства и датируется концом IV – началом III в. до н.э.

В докладе *В.П. Копылова* “Историко-географические декорации культурогенеза в Нижнем Подонье в VII–VI вв. до н.э.” приведены результаты последнего исследования Таганрогского поселения (гавань Кремны по Геродоту), которые показали, что пик фанагорийской трансгрессии приходился на VII–VI вв. до н.э., соответственно береговая линия проходила в 3–6 км севернее современной. *Б.А. Раев* в докладе “Погребение из аула Кончукохабль. Новый взгляд через 50 лет” отметил, что в рассматриваемом комплексе прослеживается синтез трех культур-

ных традиций: местной меотской, пришлой кочевнической и античной. Автор охарактеризовал обнаруженную в погребении римскую бронзовую посуду, костяную пиксиду, сарматский меч и бальзамарий и датировал комплекс серединой II в. н.э.

В докладе *А.Р. Канторовича* “Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле (классификация и типология)” рассматривалась иерархия таксономических уровней анималистических образов. Автор обратил внимание на полнофигурные и редуцированные изображения лося и проследил развитие изображений от архаической до классической Скифии. *В.Е. Маслов* подробно рассмотрел узоры и технику орнаментации на сосудах из погребальных комплексов скифской знати могильников Новозаведенное-2, Красное Знамя и Нартан в докладе “Редкие орнаментальные сюжеты в составе керамических комплексов из гробниц скифской знати”. Автор считает, что между рассмотренными комплексами существует небольшой хронологический разрыв в пределах середины – последней четверти VII в. до н.э. По его мнению, в скифское время происходило перемещение керамических изделий из предгорных районов в степную зону. *А.А. Горбенко* и *В.М. Косыненко* в докладе “Редкая парадная посуда из некрополя Крепостного городища (г. Азов)” рассмотрели редкие формы парадной посуды: фрагмент чаши из черепа человека (I–II вв. н.э.); остатки оковок от деревянных сосудов; бронзовый сосуд; краснолаковый сосуд с росписью конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.; краснолаковые лекифы, две чаши и флакон; редкую сероглиняную вазу кубанского производства. В докладе дана подробная характеристика находок, в некоторых случаях отмечены контексты и приведены датировки. В сообщении *А.Б. Белинского* и *Г. Хархе* “Проблемы радиоуглеродного датирования антропологических материалов могильника Клинь-Яр (Кисловодск, Ставропольский край)” представлены результаты анализа радиоуглеродных дат, установленных для кобанского, сарматского и аланского культурно-хронологических этапов существования могильника. Авторы сделали акцент на разбросе дат по отдельным комплексам от 100 до 300 лет между традиционными датировками и радиоуглеродными датами. В особенности это касается комплексов с находками монет. По мнению исследователей, хронологические расхождения объясняются особенностями диеты населения и резервуарным эффектом. Докладчики пришли к заключению, что при радиоуглеродном датировании памятника по костным останкам необходимо учитывать присутствие древнего углерода, находящегося в продуктах питания (рыбе, минеральной воде), а также продуктов действия вулканов – источников старого углерода. Доклад *Е.А. Молева* “Юго-западный участок укреплений Китея” был посвящен раскопкам последних лет, в результате которых установлено, что крепостные стены строились на участке городских кварталов второй половины IV – середины III в. до н.э. (ниже идут слои середины V – середины IV в. до н.э.). Во второй половине II в. до н.э. западная часть города на 50–70 м сдвинулась, была построена крепостная стена.

А.В. Пьянков выступил с докладом “Комплекс деталей конской узды и украшений предскифского времени из станицы Переправной Мостовского р-на”. Он представил находки, поступившие в начале 2011 г. в фонды Краснодарского музея из органов охраны правопорядка. Автор отметил, что обнаруженные предметы относятся к раннему железному веку; удила, по всей видимости, были выполнены в северокавказских мастерских, а псалии представляют собой классический новочеркасский тип конца VIII – первой половины VII в. до н.э. По его мнению, удила не использовались по назначению и все предметы относятся к ритуальному комплексу или кладу литейщика. *М.Т. Кашиба* в докладе “Некоторые раннекочевнические комплексы из Днестровского бассейна и проблема “фрако-ким-

мерийского» круга памятников» выдвинула гипотезу, согласно которой элита, маркировавшая территорию своих интересов золотымикладами типа Михалков–Фокору–Дали, могла контролировать торговлю солью, залежами которой очень богата территория Карпатского бассейна, включая Восточное Прикарпатье. *Е.М. Черных* в своем выступлении “Позднекобанские древности и ананьинская культура: возможности сравнения некоторых предметов V–III вв. до н.э. Кавказа и Прикамья” отметил, что с VI в. до н.э. внешние связи ананьинцев изменились, в археологических памятниках начинают преобладать сакские и восточные материалы. Не исчерпали себя и кавказские связи, что, по мнению докладчика, подтверждается находкой в Эшере (Абхазия) костяного наносника, аналогии которому он видит в камском зверином стиле. *Р.Х. Гаглойти* в докладе “О некоторых культах и религиозных воззрениях населения Южной Осетии в позднеантичное время” охарактеризовал отдельные религиозные культы и предпринял попытку реконструкции религиозных воззрений населения Южной Осетии в позднеантичное время (культ коня и пр.). *Г.А. Сангулия* в “Предварительном сообщении об охранных археологических работах у стен Сухумской крепости” представил результаты раскопок памятника в 2011 г. и привел характеристики отдельных найденных материалов, в том числе нескольких исследованных погребений цебельдинской культуры (II–IV вв. н.э.). *О.А. Брилева* в докладе “Обряд винопития в антропоморфной пластике Кавказа (XV–IV вв. до н.э.)” проанализировала 19 бронзовых фигурок, держащих в руках рог. Вопрос об обряде винопития рассмотрен ею на фоне широких аналогий из соседних регионов. Автор полагает, что антропоморфная пластика, демонстрирующая данный обряд, появляется в эпоху поздней бронзы. К анализу привлекались находки виноградных косточек, обнаруженных в археологических памятниках, которые, по мнению докладчика, свидетельствуют о культивировании винограда на территории современных Грузии и Армении. В докладе *Е.В. Лурье* “Шлем из Кишпека и его место в классификации каркасных шлемов с составным куполом римского времени” было обращено внимание на пластинчатые (ламинарные) и чешуйчатые (ламеллярные) шлемы, продемонстрированы типы шлемов римского времени, показано развитие ламинарной традиции (сяньбийские шлемы) и каркасно-ламинарные шлемы, проведена корреляция типов шлемов и средств декоративного оформления. *В.М. Пачулия* в докладе “Г.К. Шамба о датировке образования античного города Диоскурия” обратился к работе Г.К. Шамба, посвященной дате основания античной Диоскурии. Докладчик считает, что дату основания города следует рассматривать как свидетельство о времени основания Сухума, который может праздновать свое 2500-летие.

В итоговой дискуссии был отмечен высокий уровень всех представленных докладов. По замечанию В.П. Копылова, идеи Георгия Кучовича Шамба нашли отражение во многих докладах. М.Т. Кашуба подчеркнула важность детальных разработок типологии отдельных предметов и групп предметов (или образов в случае звериного стиля), которые могут выступать как хроноиндикаторы. В.А. Горончаровский отметил значение введения в научный оборот новых и новейших материалов, а также результатов использования методов естественных наук. По его мнению, многие вопросы, поставленные докладчиками, дадут толчок к новым исследованиям.

Секция 3. “Средневековые”

В работе секции приняли участие 19 докладчиков. Два доклада были прочитаны на пленарном заседании. Представлен широкий тематический спектр. Рассматривались проблемы средневековой кавказской архитектуры, находки на вновь открытых археологических объектах, новые аналитические исследования известных археологических памятников, подни-

мались проблемы фальсификации исторических источников и рассматривались персоналии известных кавказоведов.

В пленарном докладе *М.М. Казанского* и *А.В. Мамыковой* “Хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.)” была предложена уточненная хронология, модифицированная в соответствии с датами центрально-западноевропейских, а также северопонтийских древностей. Авторы опирались на типологию и датировки абхазских древностей, разработанные О.А. Гей и И.А. Бажаном. В ходе обсуждения С.М. Сакания подчеркнул, что докладчики представили аргументированные хронологические реперы, сужающие временные рамки – несомненно, значимые для рассмотрения цебельдинской культуры в системе мировой хронологии.

Широкий отклик и живое обсуждение получили доклады, связанные с архитектурной тематикой. Пленарный доклад *В.Б. Бесолова* “Центральнокупольный храм Дранда раннесредневековой Абхазии в свете архитектуроведческой дилеммы “Byzanz oder Georgica”» был посвящен анализу исторического места памятника в ходе развития купольной архитектуры стран христианского Востока и Византии. В докладе *Д.К. Чачалия* “Абхазская школа византийской архитектуры IX–XIV вв. Пути развития и влияния” был представлен историографический обзор вопроса. В результате новых археологических исследований, проведенных *О.Х. Бгажба*, *С.М. Сакания* и *А.С. Агумаа* в Бедийском храме, был открыт нартекс, что позволило авторам приблизиться к разрешению спорного вопроса о датировке памятника и отнести его создание не к XIII, как считалось ранее, а к X в. Свои выводы исследователи изложили в докладе “Археологические работы в Бедийском храме в 2011 г.” *Д.Э. Василенко* согласился с мнением докладчиков о датировке памятника и особо подчеркнул значение открытого абхазскими археологами нартекса, который, по его словам, строился для того, чтобы вновь обращенные могли присутствовать при богослужении, но не находиться внутри храма. По мнению *Д.Э. Василенко*, уровень христианизации Абхазии доказывает, что Бедийский комплекс был построен в X, а не в XIII в.

В докладе “Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели Македонской династии. Звери и кресты” *Е.Ю. Ендольцева* провела сравнительный анализ группы абхазских каменных рельефов и средневековых росписей нижнего слоя церковей Каппадокии. Выявленные параллели позволили автору поставить вопрос о перспективности изучения кавказско-каппадокийских культурных контактов. *Д.Э. Василенко* акцентировал внимание на докладе *Е.Ю. Ендольцевой*, отметив, что ее исследование представляет собой возвращение к работам Л.Г. Хрушковой, но уже на материалах Абхазии. Он подчеркнул, что сейчас можно говорить о направлении архитектурного импульса из Абхазии в Алалию. Живой отклик вызвала гипотеза *Ю.В. Горлова* о том, что храмом Юстиниана может являться Севастопольский храм, изложенная автором в докладе “К вопросу о месторасположении храма, построенного Юстинианом для абазгов”. В частности, С.М. Сакания выразил свою солидарность с мнением Ю.В. Горлова об атрибуции памятника. Он особо подчеркнул вклад докладчика в развитие абхазской археологии, отметив, что Ю.В. Горлов одним из первых российских исследователей вернулся в Абхазию для научных изысканий, несмотря на тяжелую ситуацию в республике. *Д.Э. Василенко* в докладе “К вопросу о материальных свидетельствах связей расселения Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути” представил ряд вновь открытых памятников в долинах р. Мзымта, Кудепста, Сочи, Шахе. На основании сходства планов сооружений и обнаруженных предметов христианского культа автор сделал вывод о контактах жителей этого региона с населением Центрального

Предкавказья и Северо-Западного Кавказа в X–XII вв. С.М. Сакания подчеркнул важность выделенных докладчиком точек соприкосновения между средневековыми культурами Северного Кавказа и Закавказья. Он также предложил на следующей конференции обсудить проблему хронологии средневековых храмов Абхазии. По его словам, отнесение памятников только к VI или только к X в. приводит к образованию временной лакуны, требующей объяснения. З.В. Доде отметила широкий круг проблематики докладов и предложила вынести вопросы изучения, консервации и музеефикации архитектурно-археологических объектов в отдельную секцию. Оба предложения были поддержаны участниками конференции. В докладе *А.И. Джопуа* и *В.А. Ньюшкова* “Генезис апсильской культуры в трудах Г.К. Шамба” рассматривались проблемные вопросы, исследованные абхазским археологом. Докладчики особо подчеркнули его вклад в исследование генезиса апсильской культуры. *Ю.В. Зеленский* и *Р.Б. Схатум* (“Место предметов защитного вооружения в погребальном обряде оседлого населения Северо-Западного Кавказа”) установили инвариантные признаки размещения предметов защитного вооружения в захоронениях кочевого и оседлого населения. Топография защитного вооружения в погребальных комплексах, по мнению авторов, может служить этнокультурным признаком. С.М. Сакания заметил, что выделенные авторами признаки, по всей вероятности, можно обнаружить в археологических памятниках Абхазии.

В ряде докладов были представлены результаты исследований новых археологических объектов. *М.А. Бакушев* и *М.Ю. Меньшиков* в сообщении “Археологический комплекс Роза-1 на северном склоне хребта Аибга” рассказали о формировании комплекса на протяжении нескольких столетий Нового времени. В дискуссии Д.Э. Василенко подчеркнул, что исследованный докладчиками комплекс представляет несомненный интерес, поскольку является памятником Нового времени, рассмотренным в свете археологии. *М.А. Белов* в докладе “Могильник Аушедз в системе средневековых древностей Северо-Западного Предкавказья” отметил, что исследованный объект – первый выявленный грунтовый могильник в Западном Закубанье. В инвентаре обнаружены монеты третьей четверти XIV в. чекана Джанибека, Абдуллаха и Кильдебека. *Д.А. Яцук* доложил о «Новом памятнике эпохи раннего средневековья в окрестностях г. Сочи “Каштан-1”», выявленном в результате археологических разведок. По характеру подъемного материала и находкам из шурфов памятник был предварительно атрибутирован автором как святилище второй половины VI – VII в. Д.Э. Василенко подтвердил, что этот комплекс является святилищем, что было установлено в результате археологического исследования памятника в 2011 г. *Р.Г. Дзаттиаты* в сообщении «“Зангбаттан” – как предвестник ордена Подвязки» отметил, что особый способ крепления английского ордена Подвязки отображает завязывание кавказского поясного ремня. Автор высказал гипотезу о том, что такой способ крепления пояса попал в Англию с сармат-аланами. В дискуссии С.М. Сакания высказал сообщение о том, что способ завязывания ремня, продемонстрированный докладчиком, сохранялся не только у осетин, но и у абхазов. На это обстоятельство мало кто обращал внимание, но подобный способ является общим элементом культуры народов Кавказа. З.В. Доде отметила, что для установления прямого соответствия между английским орденом Подвязки и подколненными ремнями, на которые указывал докладчик, необходимы более весомые аргументы. В докладе «“Кубачинская луна”: астральный символ, мусульманский полумесяц или имперский знак?» З.В. Доде рассмотрела изображение символа луны в системе культурно-хронологической атрибуции кубачинских рельефов. По ее мнению, изображение луны на рассматриваемых в до-

кладе артефактах – монгольский имперский символ. Этот вывод подтверждается культурно-политическим контекстом создания кубачинских памятников, определенных автором ранее на основе анализа костюмов на персонажах, изображенных на котлах и рельефах. Д.Э. Василенко и С.М. Сакания отметили, что в докладе З.В. Доде был представлен новый материал, не вошедший в монографию автора.

Следует отметить несколько выступлений, в которых исследователи, раскрывая заявленные темы, поднимали и другие проблемы. Так, *Р.М. Барцыц* в докладе “Акведук – древняя система водоснабжения Великого Пятиунта” затронул проблемы сохранения памятников археологии, находящихся на частной территории. В указанном выступлении *М.А. Бакушева* и *М.Ю. Меньшикова* говорилось о проблеме сохранения памятников в зоне олимпийского строительства, где, по словам авторов, археологические объекты, с одной стороны, попадают в реестр музеефикации, а с другой – оказываются погребенными под спортивными трибунами. *Т.А. Ачугба* в докладе “К интерпретации одного сообщения Леонтия Мровели о расселении эгрисцев”, помимо лингвистического анализа терминов, использованных средневековым автором, выявил их тенденциозные интерпретации, за которыми стоит явный политический заказ на обоснование более значительного расширения территории расселения эгрисцев, чем об этом говорится в оригинале источника. К вопросам, связанным с фальсификацией истории, вернулись в своем выступлении «Некоторые “новые концепции” древней истории Кавказа и России» *В.А. Кузнецов* и *Г.Б. Романова*. По их мнению, серьезность проблемы заключается в том, что творцами невероятных датировок и сенсационных концепций мировой истории становятся преподаватели высших учебных заведений, навязывающие студентам свою точку зрения. *Р.Н. Каця* в докладе «О княжестве “Сбедиано”» подверг сомнению тезис о том, что это картвельское государственное образование возникло в результате расширения мегрельского княжества “Одиши”. В ходе дискуссии возник вопрос о назначении так называемой Гилассурской стены. Д.Э. Василенко и С.М. Сакания подвергли сомнению тезис докладчика о крепостном характере объекта. Оба исследователя подчеркнули, что не существует убедительных аргументов, объясняющих назначение данного памятника. Особый интерес вызвало выступление *М.З. Кетбиевой* “Выдающийся исследователь Кавказа Евгения Георгиевна Пчелина”, отметившей, что в 2012 г. исполняется 40 лет со дня смерти Е.Г. Пчелиной, в связи с чем назрела необходимость издать ее труды. При этом докладчица заявила о существовании препятствий, связанных с доступом к научному наследию Е.Г. Пчелиной и вызванных субъективным отношением к нему хранителя архива. А.В. Мастыкова предложила М.З. Кетбиевой объединиться с наследниками Е.Г. Пчелиной для получения доступа к архиву и подготовки к публикации собрания ее работ. В.А. Кузнецов подчеркнул, что в докладе только частично представлена проблема, обозначенная им как проблема “женщин в археологии”.

Секция 4. “Охрана археологического наследия”

В докладах, представленных на секции, прозвучала обеспокоенность состоянием охраны историко-культурного наследия в Российской Федерации и Республике Абхазия. В частности, были заслушаны доклады о важности установления охранных зон объектов охраны историко-культурного наследия и практике охраны археологического наследия архитектурно-планировочными методами (*Н.И. Завьялова*); о судебной практике Управления по охране культурных ценностей в Краснодарском крае (*Н.В. Волкова*); о проблемах консервации памятников археологии Абхазии (*А.С. Агуаа*). При обсуждении докладов

поднимались вопросы о наиболее частых случаях нарушения законодательства в области сохранения культурного наследия.

На секции было высказано предложение о внесении в резолюцию конференции раздела о проблемах охраны объектов историко-культурного наследия Абхазии, подвергшихся разрушению, вызванному, в том числе, военными действиями и их последствиями.

В заключительный день работы конференции состоялась презентация монографии В.П. Любина “Страницы древней истории Абхазии”. За научный вклад в изучение исторического наследия республики исследователь был награжден правительственным орденом Абхазии “Ахидз-Апша” (“Честь и Слава”) 2-й степени. В ответном слове В.П. Любин отметил, что в книге зафиксированы достижения пяти абхазских археологов – Л.Н. Соловьева, С.Н. Замятнина, И.И. Коробкова, М.Х. Хварцкия, Н.З. Бердзенишвили, и он разделяет с ними полученную награду. Ученый добавил, что его монография подводит черту под работами XX в. и будущее абхазской истории теперь находится в руках абхазских археологов.

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону

Жан-Поль Ле Биан выразил готовность способствовать организации научной стажировки во Франции для абхазских аспирантов, которые будут заниматься проблемами каменного века. А.Б. Белинский подчеркнул важность проведения III Международной археологической конференции в Абхазии. По его словам, конференция была представительна не только для Абхазии, но и для России. В.Р. Эрлих отметил высокий академический уровень докладов, добавив, что проведение международной конференции способствует возвращению АИГИ им. Д.И. Гулиа статуса научного учреждения республики.

По итогам конференции была одобрена резолюция, в частности было принято решение издать материалы III Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г.К. Шамба, включить в сборник доклады, прочитанные на конференции, издать собрание научных трудов Г.К. Шамба, поставить перед правительством Республики Абхазия вопрос о создании исторического музея-заповедника под открытым небом в с. Эшера, провести IV Абхазскую международную археологическую конференцию, посвященную памяти Л.Н. Соловьева.

З.В. Доде

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛИ И НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ (К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.К. ВОВКА)”.

Киев, 25–28 сентября 2012 г.

Устные и письменные утверждения о постоянно повышающемся интересе к истории археологии в последние десятилетия стали прописной истиной. Все настойчивее провозглашается мнение о формировании новой субдисциплины – истории археологической науки. Ее приверженцы справедливо утверждают, что знание истории науки является основой теоретических исследований, методологии научной археологической деятельности.

Подтверждением существования нового научного направления стало стремление институализировать этот вид исследовательской деятельности. Речь идет не только о включении в программы последних археологических съездов секции “История археологии” (Труды II ВАС, 2008. С. 103–259; Труды III ВАС, 2011. С. 311–361), но и о периодических проблемно ориентированных научных конференциях. В последнем случае инициатива принадлежит нашим украинским коллегам. В октябре 2010 г. в Институте археологии Национальной академии наук (ИА НАН) Украины (г. Киев) прошла Первая Международная научная конференция “История археологии: личности и школы (К 160-летию В.В. Хвойки)”, организованная совместно с Институтом истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) (История археологии: личности и школы, 2011). В сентябре 2012 г. там же была проведена Вторая Международная научная конференция “История археологии: исследователи и научные центры (К 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)” (История археологии: дослідники та наукові центри, 2012).

На конференции прозвучали доклады ученых Франции, Польши, Румынии. Но, как и следовало ожидать, более всего выступавших было из Украины и России. Последние пред-

ставляли Институт археологии РАН (ИА РАН), ИИМК РАН, Санкт-Петербургский, Воронежский, Кемеровский, Липецкий, Самарский, Удмуртский университеты, музей “Куликово поле”. Руководство организаторы конференции доверили представителям Москвы и Санкт-Петербурга И.Л. Тихонову, А.С. Смирнову, О.В. Шарову.

Доклады тематически можно подразделить по следующим направлениям: персоналии, посвященные деятельности конкретных ученых; источниковедческие проблемы; различные варианты структуризации и периодизации истории отечественной археологии.

В первом случае большинство выступавших, по понятным причинам, уделили внимание деятельности Ф.К. Вовка и его учеников. Это доклады В.И. Наулко (Институт украинской археологии и источниковедения НАН Украины) “Эпистолярное наследие Ф.К. Вовка – важный источник научных знаний”, В.А. Колесниковой (ИА НАН Украины) “Музей антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка”. Жизнь Ф.К. Вовка во Франции была освещена в выступлении Н. Ричард (LUNAM Université, Université du Maine, Centre de recherches historiques de l'Ouest, Франция), сообщившей о различных сторонах деятельности ученого в этой стране, в том числе о его вкладе в научную коммуникацию ученых Франции и России. Петербургский период работы Ф.К. Вовка был подробно охарактеризован И.Л. Тихоновым (Санкт-Петербургский университет). Археологическим исследованиям Ф.К. Вовка был посвящен доклад Т.Н. Радзиевской (Национальный музей истории Украины) “Археология в научном наследии Федора Вовка, материалы его исследований в собрании Национального музея истории Украины”. Достижения Ф.К. Вовка в области антропологии были освещены в

выступлении *С.П. Сегеда* (Щецинский университет) “Антропологические труды Ф.К. Вовка: современный взгляд”. Оценку трудов Ф.К. Вовка нашими современниками привел *Д.В. Толочко* (Институт украиноведения и всемирной истории) в докладе “Ф.К. Вовк и его научная школа в современной украинской историографии”. Выступавшие уделили внимание деятельности учеников Ф.К. Вовка. Так, *Л.В. Китова* (Кемеровский университет) посвятила свое выступление жизни учеников Ф.К. Вовка Б.Э. Петри, С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, А.К. Иванова в Сибири в 1920-е годы. *В.А. Старков* (Институт археологии и этноисторики НАН Украины) в докладе “Федор Вовк и семья Чикаленко: отношения сквозь призму эпистолярности” на основании переписки изложил отношения Ф.К. Вовка с украинским общественным деятелем и меценатом Е.Х. Чикаленко и его сыном Львом, которого ученый привлек к занятиям археологией, в том числе к участию в раскопках Мезинской стоянки. *И.В. Черновол* (ИА НАН Украины) рассказала об истории перевозки молодым киевским ученым А.Г. Алешо научного наследия Ф.К. Вовка из Петербурга и Москвы на Украину в 1920 г. Доклад *С.К. Козловского* (Варшавский университет) “Польские украинцы и украинские поляки во львовской археологии 1905–1945 гг.” был посвящен галицким археологам, по утверждению выступавшего, стоявшим у истоков современной польской и украинской археологической науки. Многие львовские ученые были связаны научными и личными связями с Ф.К. Вовком. Рассмотрение деятельности учеников Ф.К. Вовка, нередко протекавшей в стенах университетов, позволило обратиться к проблеме, связанной с археологическим образованием. Истории проблемы был посвящен доклад *С.С. Пичкур* (ИА НАН Украины) “Археологическое образование в Киеве во второй половине XIX – начале XX в.”. *Л.Г. Самойленко* (Киевский университет) изложила историю создания кафедры археологии и музееведения в Киевском университете в советское время. *Н.Н. Билас* (Львовский университет) в выступлении “Археологическое образование в Львовском университете: достижения прошлого, задания будущего” обрисовала ретроспективу проблемы начиная с XIX в., пояснила причины существования в университете двух археологических кафедр в 1916–1939 гг., охарактеризовала современное состояние археологического образования и сделала предложения на будущее. Сообщение *Т.В. Лозниця* (Киевский университет) было посвящено использованию Ходосовского археологического комплекса, включающего памятники начиная от эпохи мезолита до XVII–XVIII вв., в качестве базы для археологической практики студентов различных вузов.

В своих выступлениях участники конференции касались деятельности других исследователей, оставивших свой след в истории археологической науки. Так, *М.П. Сохацкий* (Борщовский краеведческий музей) рассказал об исследованиях трипольской культуры Готфридом Оссовским и на примере переписки исследователя охарактеризовал состояние археологической науки в Австро-Венгрии и России в 70–90-е годы XIX в. *А.Г. Кузьмищев* (ИА НАН Украины) познакомил слушателей с историей исследований Э.Р. фон Штерна на о. Березань, его раскопками античной Тире и трипольского поселения Петрены в начале XX в. *О.Е. Черненко* (Черниговский педагогический университет) рассказала о краеведческо-археологических исследованиях С.А. Гатцука на севере Черниговской губернии в 1901 г. Работы археолога и спелеолога И.Я. Стеллецкого на Украине в 1918–1923 гг. подробно охарактеризовал *А.В. Колыбенко* (ИА НАН Украины). *С.Б. Буйских* (ИА НАН Украины) изложил основные этапы жизни и научной деятельности А.В. Буракова, изучавшего во второй половине XX в. причерноморские древности Украины.

Значительное число докладов, прозвучавших на конференции, касалось различных этапов становления и развития археологической науки. Наиболее ранним периодам истории отечественной археологии был посвящен доклад *А.С. Смирнова* (ИА РАН) “Письмо князя Долгорукова из Киева (первые посещения Трои российскими подданными)”. Документ, содержание и анализ которого излагались в докладе, относится к 1803 г. Научную деятельность А.М. Тальгрена в своем выступлении “Археология и археологи Украины в научном наследии А.М. Тальгрена” изложил *С.В. Кузьминых* (ИА РАН). Развитие археологических знаний на Украине в период от окончания Гражданской войны и до 1941 г. охарактеризовал *В.В. Скирда* (Харьковский университет) в выступлении “Исследования харьковских археологов в межвоенный период”. К более близким временам обратились в своем докладе “ЛОИИМК–ЛОИА АН СССР и археологическое изучение Верхнего Подонья (по результатам исследований В.П. Левенка)” *А.А. Бессудный* (ИИМК РАН) и *Е.Ю. Захарова* (Воронежский университет). Тему сотрудничества ученых центральных научных учреждений и краеведов продолжил *А.Н. Бессуднов* (Липецкий педагогический университет), доложив “Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В.П. Левенка)”.

Некоторые выступавшие посвятили свои сообщения истории изучения тех или иных археологических эпох или культур. *Л.Л. Зализняк* (ИА НАН Украины) выступил с докладом “Киевская школа полеолитоведения”, в котором охарактеризовал основные этапы становления этого научного направления в Киеве. На истории изучения трипольской культуры остановилась *Н.Б. Бурдо* (ИА НАН Украины) в выступлении “Личностный фактор в исследовании проблемы трипольского домостроительства”. Периодизацию истории археологической науки в Румынии, начиная с XIX в. и заканчивая современностью, предложил в своем докладе “Румынская доисторическая археология между традициями и инновациями” *С.К. Енея* (High School Ion Neculce, Târgu Frumos, Румыния).

Несколько сообщений касалось истории всероссийских археологических съездов. Среди них – выступление *Д.В. Серых* (Самарский университет) “Развитие предварительных комитетов Всероссийских археологических съездов как научного института во второй половине XIX – начале XX в.” Эта тема была продолжена в докладе *И.Н. Скирда* (Харьковский университет) “Вклад организаторов XII Археологического съезда в Харькове в развитие археологического краеведения”. К послереволюционной истории институализации археологической науки относится доклад *М.Ю. Видейко* (ИА НАН Украины) “Организационный эксперимент: Трипольская комиссия”.

Многие участники конференции остановились на анализе взаимосвязи археологических исследований с развитием музейного дела и краеведения. Различным историческим этапам этого процесса были посвящены выступления *А.Н. Яненко* (Киевский университет) “Музейная археология советской Украины 1920 – первой половины 1930-х годов: этапы развития”, *Н.А. Нименко* (Сумской университет) “Археологические исследования на Сумщине в контексте становления и развития Роменского краеведческого музея в 20-х годах XX ст.”, *Л.В. Ясновской* (Черниговский педагогический университет) “Исследования древнерусских древностей Черниговщины сотрудниками Черниговского государственного музея в 20–30-е годы XX в.”, *Н.Н. Билас*, *А.П. Целуйко* (Львовский университет) и *И.В. Тимец* (Историко-краеведческий музей г. Винники) “Современный краеведческий музей: пути сотрудничества и взаимодействия”, *С.Н. Чаукина* (ИА РАН) «“Неакадемическая” археология в России 1920–1950-х годов. Раскопки Л.И. Пиманиным городища дякова типа Круглиця», *В.В. Бегуновой* (ИА

РАН) “Из истории археологических исследований на Смядыни в Смоленске”. Представители военно-исторического и природного музея-заповедника “Куликово поле” *Т.В. Наумова* и *А.Н. Наумов* рассказали об археологическом краеведении в Тульском крае в 20–30-е годы XX в.

Как видно из приведенного выше списка, подавляющее количество докладов было посвящено вопросам так называемой персональной истории, использующей изучение биографий как средство исторического познания. Когда “история индивидуальности неумовимо и неизбежно переходит в историю вообще” (Карсавин, 1993. С. 86). Эта тенденция в исторической науке проявилась в последние десятилетия XX в., вызвав оживленную дискуссию 1980–1990-х годов и поток исследований на рубеже XX–XXI вв. (Репина, 1999. С. 76–100; 2011. С. 287–324). Среди биографических докладов конференции многие были посвящены 20–30-м годам XX в. Это время ставит перед исследователями ряд проблем, связанных с недостатком и фрагментарностью архивных материалов, лапидарностью и малым тиражом публикаций. Но, с другой стороны, позволяет характеризовать деятельность ученых и краеведов на примере ярких, порой драматических жизненных условий, показать индивидуальную, личностную историю на примере масштабных социальных процессов.

В контексте обсуждения на конференции биографических докладов как реакция на предложения о создании биографического словаря исследователей “второго ряда” развернулась бурная дискуссия о правомерности этого термина, широко используемого в теоретических исторических трудах (Человек второго плана, 2004–2011), в применении к ученым.

Еще одним важным направлением работы конференции стало обсуждение проблем источниковедения, прежде всего история формирования и состояние архивных собраний, возможности и пути их изучения.

Заведующая научным архивом ИА НАН Украины *Г.А. Станицына* рассказала об истории архива, в фондах которого хранятся материалы как ИА НАН Украины, так и предшествовавших ему научных учреждений: Музея древностей университета св. Владимира, Всеукраинского археологического комитета и др. Документам последнего было посвящено выступление *М.Ю. Видейко* (ИА НАН Украины) “Фонд ВУАК в архиве Института археологии Национальной академии наук Украины”.

На важность изучения различных печатных источников для истории археологической науки обратила внимание участниц конференции *О.М. Мельникова* (Удмуртский университет) в докладе “Археологическая журналистика и институализация археологии в российской провинции”, ознакомив слушателей с проведенным ею анализом различных провинциальных периодических изданий Вятской и Пермской губерний второй половины XIX – начала XX в., их значением для формирования научных знаний по древней истории края. Тема критического отношения к письменным источникам была раскрыта *О.В. Шаровым* (ИИМК РАН) в выступлении “Труды А.Б. Ашика и Ф.А. Жилия: реалии XIX в. и современность”. Выступающий показал необходимость детального и скрупулезного анализа свидетельств прежних лет, пренебрежение которыми ведет к перемешиванию различных по происхождению археологических комплексов, неправильной атрибуции материалов и ошибочности выводов, кочующих из издания в издание.

Наиболее оживленная дискуссия на конференции развернулась во время проведения Круглого стола “История археологии: границы и принципы субдисциплины”, проходившего под председательством *О.М. Мельниковой* и *Д.Л. Тесленко* (История археологии..., 2013). Заседание было открыто двумя до-

кладами. Первым выступил *Д.Л. Тесленко* (Днепропетровский университет) на тему “Историография археологии: проблема структурного предметного поля”. Докладчик утверждал, что формирование историографии археологии в последние десятилетия идет в русле “антропологического поворота” в мировой гуманитарной практике. Главными проблемами новой субдисциплины он назвал неразработанность ее теоретической базы, неопределенность познавательных возможностей, отсутствие адекватной периодизации археологической науки, недостаточность изученности дореволюционного периода, наличие в истории отечественной археологии множества белых пятен и забытых имен. Излагая свое мнение о предметном поле историографии археологии, *Д.Л. Тесленко* предложил ее трехчленную структуру, основными компонентами которой служат история археологии, проблемная историография и теория археологической науки. Они равнозначны и тесно взаимосвязаны. Предметные поля каждого из компонентов частично совпадают между собой и взаимодополняют друг друга, но все они находятся в пределах археологической науки. Дискуссия по этому докладу сосредоточилась на вопросе: история археологии – это субдисциплина в рамках археологической науки или самостоятельное направление, выходящее за пределы собственно археологии. Выступившая в прениях *Н. Ричард* сообщила, что данная тема широко обсуждается в научном сообществе Франции, Англии и США. По ее мнению, предметное поле истории археологии выходит за пределы археологической науки, пересекаясь с историей и философией, что требует использования методов и методик этих наук. В определенной степени к этой точке зрения присоединилась и *О.М. Мельникова*, сказавшая, что история археологии действует на междисциплинарном поле, оставаясь в то же время археологической субдисциплиной. *И.Л. Тихонов* утверждал, что историю науки могут изучать только сами представители этой науки, но с использованием историографических методов. Он предостерег от некритического использования науковедческой методики *Т. Куна*, разработанной для точных наук, при анализе истории археологии, как это делалось некоторыми исследователями. Вторым был доклад *С.В. Палиенко* (Киевский университет туризма, экономики и права) “История археологии в Украине и России: основные тенденции и проблемы”. На основании анализа центральных (“Российская археология”, “Археология”) и региональных (“Археологические вести”, “Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині”) археологических изданий России и Украины автор попытался определить главные тенденции и проблемы в развитии истории археологии этих стран как самостоятельной субдисциплины. Отмечая сходство процессов в археологии России и Украины, проявившихся в повышении интереса к истории этой науки, особенно в 2000-х годах, автор указал на явно выраженный “антропологический поворот” в исследованиях последних лет. Хотя основная масса публикаций в проанализированных докладчиком изданиях представлена юбилейными статьями и некрологами, а не исследовательскими работами. При обсуждении этого доклада выступавшие отмечали, что бум интереса к истории археологии в России и Украине, начавшийся в 80-х годах XX в., происходит одновременно с аналогичными процессами на Западе (*И.Л. Тихонов*). Развернувшаяся на Круглом столе общая дискуссия привлекла внимание участников и к другим вопросам. Достаточно единодушно все присутствующие поддержали точку зрения о том, что правильным наименованием привлекающей их внимание субдисциплины будет “история археологии”. Термином “историография” определяется лишь ее часть. Участники согласились с тем, что главный объект истории археологии – история археологического знания, а главная насущная задача – издание источниковедческой базы, многочисленных документов, связанных с этой проблематикой.

Тем более что личные архивы многих ученых (С.Н. Замятнина, И.И. Ляпушкина и др.) до сих пор полностью не разобраны и научно не обработаны. Во многом это объясняется малым количеством сотрудников ведомственных археологических архивов, которые физически не могут обеспечить полноценную обработку постоянно пополняющихся фондов. Это может быть одной из главных причин отсутствия, за редким исключением, изданных путеводителей по археологическим архивам, личным фондам исследователей и т.п. В контексте этого вопроса Н. Ричард указала, что с целью упростить диалог историков и археологов Совет Европы осуществляет специальную программу “Европейские археологические архивы”. По мнению Л.Ю. Китовой, студенты-археологи в процессе обучения должны получать навыки работы в архивах. О важности архивных данных для повседневной работы археологов говорил А.Н. Наумов, указавший, что, руководствуясь свидетельствами З.Я. Доленги-Ходаковского, исследователи до сих пор находят городища. Этот факт, как заявил выступавший, и был первопричиной его обращения к истории археологии. Д.В. Серых обратил внимание на важность сбора устных свидетельств – воспоминаний ученых, их мнений о тех или иных проблемах, личных взглядов на исследования конкретных памятников. В последнем случае необходимо стремиться получить в архивные фонды полноценную полевую документацию – полевые дневники, чертежи, зарисовки и т.п. Как совершенно справедливо заключил А.Н. Бессуднов, внимание к подобным материалам, помимо познавательного интереса, есть дань уважения к нашим предшественникам и учителям.

По окончании дискуссий Круглого стола О.М. Мельникова сформулировала общее мнение его участников. История археологии – часть бытия археологической науки, интеллектуальной культуры ученых. Развитие этого направления археологии – свидетельство зрелости науки, зрелости ученых, активно формирующих свое мировоззрение. Одной из первостепенных задач истории археологии, по мнению председателя Круглого стола, является разработка языка исследований, терминологии новой субдисциплины, которая требует методически верно использовать понятийный аппарат, ныне существующий в науковедении в целом.

При обсуждении общих итогов конференции выступавшие обратили внимание на актуальность исследований по истории археологии. По единодушному мнению участников, развитие теории археологии, включая полевую методику, невозможно без изучения ее прошлого. Детальная разработка историографии археологической науки позволит избавиться от ложных утверждений и мифотворчества.

Тематика докладов, прозвучавших на конференции, характер прений и дискуссий, выступления на Круглом столе показывают, что участники прошедшего мероприятия едины во мнении о том, что история археологии состоялась как самостоятельная субдисциплина археологической науки. Целенаправленное обсуждение сферы деятельности и принципов этого направления, его целей и задач, определение терминологического аппарата свидетельствуют о качественных изменениях в ее развитии, превращении истории археологической науки в полноценное научное направление в пределах археологии. На повестке дня – вопрос институализации этого вида археологической деятельности.

Заканчивая анализ прошедшей конференции, необходимо отметить весьма важное, во многом знаковое обстоятельство:

Институт археологии РАН, Москва

в ее ходе неоднократно поднимались темы, характерные для современной истории науки, использовались присущие ей термины. Уже отмечалось выше обилие докладов, посвященных “персональной истории” (биографиям исследователей). Значительная часть приведенных исследований отвечает критериям “интеллектуальной” (история знания, история интеллектуальных сообществ в сочетании с микроанализом, “история историографии в человеческом измерении”, т.е. синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа) и локальной истории, в том числе “историко-культурному краеведению”, что характерно для истории науки рубежа XX–XXI вв. (Репина, 2009. С. 81–93; 2011. С. 47, 163–176, 367–388). Эти факты, а также использованный докладчиками терминологический аппарат показывают, что история археологии движется в русле развития истории науки в целом, отвечая ее критериям, являясь частью “дисциплинарной истории” (Попова, 2011. С. 474–490). Все это в очередной раз подтверждает закономерность и правомочность формирования новой археологической субдисциплины. С известной долей условности можно говорить о том, что в развитии истории археологии на смену этапу первоначального накопления материала приходит этап его научного осмысления и обобщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История археологии: границы и принципы субдисциплины: Матер. Круглого стола 26 сентября 2012 г. в рамках Второй Междунар. конф. “История археологии: исследователи и научные центры (К 165-летию со дня рождения Ф.К. Волка). Киев, 25–28 сентября 2012 г. / Под ред. Д.Л. Тесленко. Киев, 2013.
- Історія археології: дослідники та наукові центри // Археологія і давня історія України. Вип. 9. Київ, 2012.
- История археологии: личности и школы: Матер. Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб, 2011.
- Карсавин Л.П. Философия истории. СПб, 1993.
- Попова Т.Н. Историография в контексте дисциплинарной истории // Историческая наука сегодня: теории, методы. Перспективы. М., 2011.
- Репина Л.П. “Персональная история”: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999.
- Репина Л.П. Интеллектуальная история в современной России: институциональные структуры и исследовательские поля // Пути России. Современное интеллектуальное пространство. М., 2009.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011.
- Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. III. М., 2008.
- Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Руса. Т. II. СПб; М.; Великий Новгород, 2011.
- Человек второго плана в истории / Отв. ред. Н.А. Миников. Вып. 1–7. Ростов н/Д., 2004–2011.

А.С. Смирнов

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ РАБОЧИЙ СЕМИНАР “СТОЛОВАЯ ПОСУДА ЭГЕЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АНАТОЛИИ ОТ ПОЗДНЕГО ЭЛЛИНИЗМА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – ПРОИЗВОДСТВО, ИМИТАЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ”. Nieborów, Польша. 30.11–2.12. 2012

В рамках совместного франко-польского проекта по изучению столовой посуды Пергама прошел рабочий семинар по керамике Восточного Средиземноморья. Он был организован Институтом Средиземноморских и Восточных культур и Институтом археологии Польской Академии наук и проводился при поддержке CNRS.

Конференция проходила в 60 км от Варшавы, в городке Ниборов, в прекрасно сохранившемся дворце XVIII в. Традиция проведения таких семинаров существует уже много лет, хотя последний прошел в 1993 г.

Основной темой конференции было керамическое производство Пергама и других центров его округа. Это принципиальная для всех специалистов, работающих в бассейне Черного моря, тема, так как регион служил одним из основных рынков сбыта керамической продукции Пергама и его округа в позднеллинистическое и римское время.

Открыл конференцию доклад С. Янн (Германия) “Пергамская сигиллата – Восточная сигиллата С: проблемы классификации и хронологии”. В настоящее время в научной литературе не существует единой дефиниции керамической продукции Пергама и его округа. До сих пор разные исследователи используют термины *Eastern sigillata C (ESC)*, *Çandarlı Ware* и пергамская сигиллата для схожих групп керамики, производимых в самом Пергаме и Питане (мастерская неподалеку от Пергама, исследованная в 1910-х годах З. Лешке). Новые термины, такие как *lokalpergameinische Ware*, *echtpergameinische Ware* не смогли разрешить все существующие разногласия. В докладе была проанализирована история изучения пергамского керамического производства и предложена новая терминология и характеристика продукции. В настоящее время экспедицией Германского археологического института используется термин “краснолаковая керамика или керамика с краснолаковым покрытием” (*rote Überzugsware, red-slipped ware*). Кроме того, продолжается использование термина *ESC* как для продукции Пергама, так и для изделий из мастерской Питана. Археометрические исследования показывают очевидную разницу в химическом составе изделий двух центров, но выделить ее при макроскопическом исследовании пока не представляется возможным. В настоящее время к этой группе относятся сосуды с *dense* красным блестящим покрытием и традиционные двухцветные (красный-черный лак). Таким образом, подобная дефиниция основана на технологических особенностях изделий этой группы. С одной стороны, это позволяет проследить континуитет между позднеллинистической и римской посудой, а с другой – говорить о значительных изменениях в наборе форм, типах сосудов, а также характере их покрытия.

Доклад О. Бунегру (Румыния) “Восточные сигиллаты: особенности терминологии и археологическая реальность на примере Пергама” был посвящен проблемам производства пергамской керамики эллинистического и римского времени. Докладчик в очередной раз рассказал о квартале пергамских гончаров в долине Кетнос, раскрытом еще в начале 80-х годов прошлого века.

Следует отметить, что эти мастерские до сих пор не опубликованы (за исключением нескольких предварительных сообщений), а материалы из них не доступны другим исследователям. Хочется верить, что их публикация, которую уже много лет с нетерпением ожидают специалисты, даст импульс к пониманию основных проблем производства пергамской керамической продукции.

Доклад Г. Атес (Турция) “Местное керамическое производство в Элае: результаты сборов керамики в портовом городе Пергама” был посвящен результатам интенсивных разведок в Элае, служившем морским портом Пергама. В их ходе было собрано большое количество керамики разных эпох, в том числе позднеллинистической и римской. Ряд находок керамического брака, а также первые результаты археометрических исследований говорят о местном производстве *schusseln*, а также амфор и кухонной посуды. Магнитная разведка также фиксирует наличие аномалий, вероятно, связанных с обжигательными печами.

В. Ди Джовани (Италия) прочитал доклад “От *Eastern sigillata C* к *Late Roman C*. Аспекты использования столовой посуды в Кимах, Эолия”. На основании анализа нескольких керамических комплексов, открытых на разных участках города, докладчик показал, как менялось соотношение импортной и местной керамики. Так, процент *ESC* среди всего массива столовой посуды увеличился и составлял от 75 (рубеж I–II вв.) до 90% (середина II в.). В позднеантичное время доля *LRC* составляла около 77% всей столовой посуды, причем большинство сосудов представлено формой *Hayes 3*.

Д.В. Журавлев (Россия) в докладе “Пергамская эллинистическая керамика в Северном Причерноморье” охарактеризовал основные группы пергамской керамики, происходящие с черноморских берегов России и Украины. Наиболее интересны находки из Ольвии и Пантिकाпея, где обнаружены первоклассные сосуды, имеющие точные параллели в самом Пергаме. Первая группа посуды – так называемая керамика с декором *West slope*, датируемая второй половиной III – II в. до н.э. Для II в. до н.э. характерны находки пергамских рельефных чаш, а также сосудов с аппликативными рельефами. Среди последних преобладают скифосы, а репертуар рельефных мотивов представлен листьями плюща, дионисийскими и эротическими сценами. Импорт пергамских светильников был сравнительно невелик, но они выступили в качестве прототипов серии локальных осветительных приборов на Боспоре. С начала I в. до н.э. во многих городах появляется поздняя керамика в стиле *West slope*, по красной или бурой поверхности которой выписан скромный орнамент белой глиной – листья плюща, редкие линии, пояски из точек и т.п. Пергамские традиции оказали значительное влияние на развитие локального керамического производства в Северном Причерноморье и породили появление целого ряда различных имитаций столовой посуды и осветительных приборов.

К. Домжалский (Польша) прочитал доклад “Филиал в Питане (Чандарли) и наиболее успешный экспорт пергамской сигиллаты/*ESC*”. Открытие мастерской в Чандарли и

ее незамедлительная публикация З. Лешке в 1912 г. помогли выделению одной из важнейших групп восточной сигиллаты. К сожалению, исследования мастерской с тех пор не проводились, поэтому нет возможности уточнить хронологию ее функционирования. Тем не менее можно говорить о том, что основная фаза производства *ESC* приходится на II – первую половину III в. н.э. Симптоматично, что период наибольшего расцвета мастерской захватывает первую половину III в., когда большинство крупных производственных центров Восточного Средиземноморья прекращает массовое производство сигиллаты. Но мастерская в Питане была ориентирована в первую очередь на причерноморский рынок, где спрос на краснолаковую керамику был высок вплоть до готских походов середины III в., разрушивших экономику всего региона.

Доклад А. Валднер (Австрия) “Столовая керамика Эфеса – местная против региональной” был посвящен анализу производства керамики в одном из крупнейших центров Восточного Средиземноморья – Эфесе. Лидирующая роль, собственно, Эфеса ограничена II–I вв. до н.э., когда локальные керамические формы доминировали как в обиходе самих горожан, так и на внешнем рынке. В раннеимператорский период местное керамическое производство постепенно сходит на нет. Мастерские перемещаются в долину Меандра, где создается мощная индустрия по производству Восточной сигиллаты В (*Eastern sigillata B*). Отличительной особенностью является производство сосудов типично римских форм с сохранением характерных эллинистических техник декора. Впоследствии производство столовой посуды в Эфесе прекращается, и город превращается из производителя керамики в потребителя продукции других производственных центров.

А. Летцер-Лазар (Германия) прочитала доклад “Пергамская импортная керамика в Эфесе и ее имитации”. В эллинистический период и Пергам, и Эфес были крупнейшими производителями столовой посуды в регионе. Но Пергам, будучи столицей эллинистического царства, оказывал большое влияние на керамическое производство сопредельных городов массово производимой керамикой “пергамского стиля”. Наиболее показательны сосуды трех групп – с аппликативными рельефами, с белой облицовкой поверхности и пергамская сигиллата. Если раньше вся керамика этих групп считалась исключительно пергамской, то исследования последних лет с применением микроскопии и анализов глины позволяют говорить о производстве имитаций керамики пергамского стиля и в Эфесе.

М. ван дер Энден, Ф. Бесс и Д. Поблом (Бельгия) представили доклад “Позднеэллинистическая керамика из Сагалассоса”. С точки зрения исследователей античной керамики, Сагалассос хорошо известен как производственный центр римской *Sagalassos Red Slip Ware*. Среди керамического комплекса прослеживается смесь легко распознаваемых типичных эллинистических форм, с одной стороны, и столовой посуды, восходящей к ранним местным формам, – с другой. Интересны комплексы, в которых присутствуют как две эти эллинистические группы посуды, так и *Sagalassos Red Slip Ware* – какое-то время они сосуществовали.

М. Зелле (Германия) прочитал доклад “Керамические исследования в Южной Писидии, Турция: Восточная сигиллата С на территории Педнелиссоса и керамические мастерские Позднеримской D/Кипрской краснолаковой керамики”. Среди краснолаковой керамики именно *ESC* является наиболее распространенной, причем в Педнелиссосе в ходе разведок были найдены даже наиболее ранние формы этой группы, датируемые еще I в. до н.э. – I в. н.э. Это обстоятельство опровергает часто упоминаемый факт того, что *ESC* имела лишь региональное

значение в ранний период – напротив, она даже продавалась в Южной Анатолии. Здесь же найдено и огромное количество фрагментов “Кипрской краснолаковой керамики”, которую в свое время Дж. Хейс определил как производимую в одном из центров на одноименном острове. Но открытие в бассейне р. Кестрос в Памфилии семи центров по изготовлению посуды с гончарными горнами и керамическим браком однозначно говорит о том, что центр производства Позднеримской D керамики находился в Южной Анатолии.

Доклад Д. Лунда (Дания) “Пергамская рельефная кружка в Национальном музее Дании” был посвящен анализу сосуда с аппликативными рельефами. От иных сосудов пергамского производства его отличают некоторые различия в профилировке и рельефах, связанных с дионисийскими мотивами. Примечательно, что аналогии этой форме известны и в Северном Причерноморье, в частности, в Ольвии и меотских городищах.

Доклад Х. Мейзы (Польша) “Так называемая пергамская сигиллата с Делоса: постанализный обзор данных” был посвящен изучению фрагментов пергамской сигиллаты из французских раскопок на о. Делос. Группой специалистов из Франции и Польши был осуществлен проект по химическому и петрографическому исследованию 40 фрагментов керамики с Делоса, а также 20 фрагментов из других регионов – от Крыма до Ливана. Ситуация осложнена тем, что для химического анализа керамики в Греции нужно специальное разрешение соответствующих органов охраны культурного наследия, поэтому 20 фрагментов из “дома печатей” на Делосе были изучены лишь с помощью бинокулярного микроскопа. При этом даже при получении соответствующего разрешения возможность проведения анализов существует лишь для стенок сосудов, а не для профильных частей. Тем не менее этот метод также дает свои результаты, в частности, по выявлению золотистой слюды в тесте сосудов.

Доклад А. Пейгнارد-Гирос (Франция) “Восточные сигиллаты (*ESA*, пергамская и другие) в домах Делоса: соотношение и использование” был посвящен исследованию роли керамики в повседневной жизни. Исследовательница проанализировала находки из нескольких домов, раскопанных французской экспедицией в 1957–1987 гг., время гибели которых при штурме войсками Митридата точно зафиксировано – 88 и 69 гг. до н.э. Правда, в музее сохранились далеко не все находки – вещи из некоторых комплексов попали в хранилище лишь по типологическим критериям и до сегодняшнего дня дошли лишь профильные части. Один из этих комплексов, дом печатей, дал 42 сосуда Восточной сигиллаты (16,5% от всего состава всех керамических находок), среди которых преобладают сосуды Восточной сигиллаты А. Большая часть керамики происходит с пола первого этажа.

Б. Бёлендорф-Арслан (Германия) в докладе “Византийские керамические мастерские в Анатолии: производственные центры, появление и распространение их продукции” представила подробный обзор продукции византийских гончаров в Анатолии и охарактеризовала изделия каждой мастерской. Начало производства характерной византийской посуды в Анатолии относится к VIII в., в XIII количество мастерских значительно увеличивается, во многих центрах начинается производство поливной посуды. Большую популярность продолжает сохранять посуда, выполненная в технике сграффито, наиболее крупная группа которой определяется как *Zeuxippus Ware*. Лишь для Константинополя можно говорить о перманентном производстве поливной керамики до XV в.; мастерская в Амориум, в центральной Анатолии, работала до XI в., произ-

водство в Никее (сегодня Изник), напротив, начинается лишь в X в. Большинство остальных известных мастерских датируется в диапазоне XII–XIV вв.

Ряд сообщений был посвящен археометрическим исследованиям керамики. И. Ваксман (Франция) прочитала доклад “Долговременное производство керамики: примеры из средневековой Западной Турции”, в котором рассмотрела группы средневековой посуды, выявленные при помощи химических (в частности, рентгено-флюоресцентный метод) и петрографических исследований состава керамического теста. Г. Шнайдер, М. Дашкевич и М. Барановский (Германия–Польша) представили доклад “Эллинистическая столовая керамика с Делоса и из Пергама: химический анализ”, в котором обосновали разделение массива керамических находок на группы по химическому составу теста. Х. Моммзен (Германия) в докладе “Статистическая интерпретация данных о концентрации элементов и происхождение пергамской керамики” представил результаты

анализов своей лаборатории, основанные на использовании нейтронно-активационного метода.

Подводя итоги конференции, Х. Мейза представил сообщение “Пергамская столовая керамика и ее имитации – взгляд из центров потребления: предложение интернационального исследовательского проекта”. Выступавшие говорили о необходимости консолидации усилий всех специалистов в области изучения Восточных сигиллат.

Все материалы керамического семинара будут опубликованы в виде сборника статей. Хочется еще раз подчеркнуть важность темы семинара для специалистов, работающих в Северном Причерноморье: керамическое производство Восточных групп сигиллат было изначально ориентировано на восточную часть античного мира, в том числе и на черноморский регион. Несмотря на появившиеся в последние годы публикации в области римской керамики Северного Причерноморья, тема эта остается слабоизученной и таит еще много сюрпризов для исследователей.

Государственный Исторический музей, Москва

Д.В. Журавлев

К 50-ЛЕТИЮ ГРУППЫ “ИСТОРИЯ КЕРАМИКИ”

Кабинет “История керамики” был создан в 1963 г. по решению академика Б.А. Рыбакова – директора Института археологии Академии наук СССР (ИА АН СССР). Прозорливость выдающегося организатора археологической науки в стране проявилась не только в понимании важности специального исследования древней керамики – одного из наиболее массовых и информативных археологических источников, но и в назначении руководителем нового подразделения А.А. Бобринского, всего за год перед этим защитившего кандидатскую диссертацию. Подтверждением этого служат научные результаты, полученные сотрудниками кабинета за время его работы. До 1985 г. он был одним из подразделений лаборатории естественнонаучных методов, возглавляемой Б.А. Колчиным, а с 1985 в полном составе был переведен в отдел теории и методики, которым руководил Ю.Н. Захарук. С этого момента кабинет был преобразован в группу “История керамики”. Вплоть до 2010 г., т.е. в течение 47 лет, ею руководил А.А. Бобринский. В разное время в группу входили М.Г. Гусаков (до 1984 г.), И.А. Гей (до 2013 г.), Ю.Б. Цетлин (с 2010 г. – руководитель), Е.В. Волкова, О.А. Лопатина, О.Л. Шарганова (члены группы в настоящее время).

С самого начала перед сотрудниками подразделения академиком Б.А. Рыбаковым была поставлена задача разработки новых методов изучения керамики как источника исторической информации и применение их на практике к конкретным археологическим материалам.

В течение прошедших 50 лет работа группы велась по различным направлениям, были получены следующие результаты: 1) создана система технико-технологического изучения керамики (Бобринский, 1978); 2) начата разработка методов изучения форм глиняной посуды (Бобринский, 1987; 1988; 1991а); 3) проведено изучение различных специализированных устройств для обжига керамики (Бобринский, 1991б;

Бобринский и др., 1993); 4) разработана теория происхождения и развития гончарного круга (Бобринский, 1993а); 5) разработана гипотеза происхождения и развития гончарства (Бобринский, 1993б; 1999; 2006); 6) предпринята разработка методики определения пола гончаров по ногтевым отпечаткам на сосудах (Бобринский, Гей, 1996; Бобринский, 2008); 7) разработана методика реконструкции культурной стратиграфии поселений с перемешанным культурным слоем по данным изучения керамики (Цетлин, 1991); 8) разработаны методы периодизации культур по результатам изучения орнамента на глиняной посуде (Цетлин, 2008); 9) проведено всестороннее изучение гончарства фатьяновской культуры эпохи бронзы, включая технологию изготовления сосудов, их форму и орнаментацию, социальную структуру и иерархию фатьяновского общества (Волкова, 1996; 1998; 2010); 10) проводится изучение гончарства дяковской культуры раннего железного века (Лопатина, 2009а; б; 2011).

Важным направлением работы группы является активное участие ее сотрудников в Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства, организованной более 20 лет назад И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной.

В ходе разработки различных методов постепенно сформировался новый методологический подход к изучению древней керамики, названный “историко-культурным”. Суть его состоит в рассмотрении всех сторон древней керамики (технологии, формы и орнаментации сосудов) как естественно возникающих и развивающихся системных образований, что обеспечивается системностью навыков труда гончаров и самих культурных традиций в гончарстве. При таком подходе изучение древней керамики базируется на решении двух основных вопросов: какие историко-культурные явления и процессы и как отражаются (материализуются) в результатах труда древних гончаров (прежде всего, в глиняной посуде); как можно реконструиро-

вать эти явления и процессы по керамике (Древнее гончарство, 2010; Цетлин, 2012).

В процессе поиска ответов на эти и многие другие вопросы сотрудниками группы была сформирована обширная база источников – этнографических, археологических и экспериментальных.

Накопленные этнографические данные охватывают материалы анкетного опроса современных сельских гончаров (конец 1950 – середина 1960-х годов); полевых исследований современных пунктов гончарного производства (1963–1982 гг.); коллекций этнографических сосудов, гончарных кругов и других инструментов гончаров, собранных во время экспедиций. В настоящее время в архиве группы хранится информация более чем из 2000 очагов сельского гончарного производства с территории Восточной Европы, Средней Азии, Кавказа и других регионов.

Имеющиеся археологические коллекции включают керамику с технологическими следами, происходящую из памятников Восточной Европы, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа, а также из некоторых районов Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока, Африки и Центральной Америки, – в общей сложности примерно с 1000 археологических памятников.

Серии экспериментальных образцов включают специальные эталоны с различными видами искусственных минеральных и органических примесей в различной концентрации; глиняные сосуды, изготовленные с помощью различных технологических приемов; образцы с различными следами механической и химико-термической обработки поверхности; эталонные образцы и сосуды, обожженные в полевых и лабораторных условиях при разных режимах и температурах; результаты полевых экспериментов по изучению изготовления традиционных и нетрадиционных форм сосудов, проводившихся в очагах современного гончарного производства. В общей сложности группа располагает примерно 20 000 экспериментальных образцов для изучения самых разных сторон древней керамики.

Все накопленные за многие годы материалы служат не только основой для продолжения разработки новых методов изучения древней керамики с позиций историко-культурного подхода, но и для обучения и подготовки специалистов в области ее исследования. В связи с этим педагогическая деятельность представляет собой одно из важнейших направлений работы сотрудников группы. За прошедшие 50 лет было подготовлено большое количество квалифицированных исследователей, которые сейчас работают во многих научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Самары, Великого Новгорода, Петрозаводска, Оренбурга, Барнаула, Тюмени, Tobольска, Челябинска, Йошкар-Олы, Екатеринбургa, Новосибирска, Ижевска и Уфы (Российская Федерация), Киева (Украина), Петропавловска и Караганды (Казахстан).

Сотрудники группы активно участвуют в международных научных конференциях, где их доклады вызывают неизменный интерес: в Болгарии (1980), Польше (1983), Великобритании (1994; 1997; 2005), Греции (1999), Швейцарии (2001), Португалии (2003), Франции (2005), Венгрии (2007), Украине (2008), Китае (2009). Группа “История керамики” работает в тесном контакте с аналогичными научными центрами в Опшине (Украина), Лионе (Франция), Лейдене (Нидерланды), Лондоне и Бредфорде (Великобритания), Стокгольме и Лунде (Швеция), Уитоне (Иллинойс, США).

В настоящее время в группе “История керамики” продолжается дальнейшая разработка некоторых методов анализа технологии и форм сосудов, уточнение системы терминов историко-культурного подхода, практическое изучение керамики неолита, бронзы, раннего железа и средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1987.
- Бобринский А.А.* Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Бобринский А.А.* Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991а.
- Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). М., 1991б.
- Бобринский А.А.* Гончарный круг и его происхождение. Екатеринбург, 1993а.
- Бобринский А.А.* Происхождение гончарства // Українське гончарство. Кн. 1. Київ: Опішне, 1993б.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Бобринский А.А.* Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006.
- Бобринский А.А.* Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике // Проблемы современной археологии: Сб. памяти В.А. Башилова. М., 2008.
- Бобринский А.А., Волкова Е.В., Гей И.А.* Кострища для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Бобринский А.А., Гей И.А.* Первые итоги изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996.
- Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
- Волкова Е.В.* Керамика Волосово-Даниловского могильника как исторический источник. М., 1998.
- Волкова Е.В.* Новинковские могильники фатьяновской культуры. М., 2010.
- Древнее Гончарство. Итоги и перспективы изучения. М., 2010.
- Лопатина О.А.* Древнейшая керамика Каширских городищ // Археология Подмосковья. 2009а. Вып. 5.
- Лопатина О.А.* Опыт технологического изучения “текстильных” отпечатков (на примере дяковской керамики) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009б.

Лопатина О.А. Технологические особенности керамических изделий селищ Благодать и Ново-Красивое // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2011.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.

Институт археологии РАН, Москва

Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012.

Ю.Б. Цетлин

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕСКОВА

В этом году свой 80-летний юбилей отмечает известный археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института Александр Михайлович Лесков.

А.М. Лесков родился 19 мая 1933 г. в Харькове. В 1955 г. он закончил исторический факультет Харьковского государственного университета с красным дипломом и поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук УССР (ИА АН УССР), г. Киев, в отдел первобытной археологии с темой “Таврская культура в Горном Крыму” (научный руководитель – С.Н. Бибикив). По окончании аспирантуры был зачислен в отдел скифо-сарматской археологии на должность младшего научного сотрудника. В 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию и вскоре издал ее (“Горный Крым в первом тысячелетии до н.э.” Киев, 1965).

В 1959–1961 гг. Александр Михайлович провел большие разведки на Керченском п-ове, руководил крупными новостроечными экспедициями: Южно-Украинской (1961–1963) и Керченской (1964–1967).

В мае 1967 г., после назначения ответственным за организацию и проведение хозяйственных работ на новостройках, А.М. Лесков стал инициатором развития новостроечных экспедиций в ИА АН УССР и соответствующих структурных реорганизаций. В 1967 г. добился от Министерства мелиорации СССР выделения около 1 млн рублей на организацию и проведение новостроечных экспедиций в зоне строительства оросительных систем на Юге Украины. Полученные средства позволили организовать в ИА АН УССР специализированный новостроечный отдел, который возглавил заместитель директора института по науке Ю.Н. Захарук. В 1968 г. Александр Михайлович возглавил крупнейшую на Украине Каховскую новостроечную экспедицию. В августе 1971 г. по его инициативе Херсонская, Запорожская и Киевская экспедиции были реорганизованы в постояннодействующие экспедиции на правах отделов.

Нельзя не отметить выдающиеся археологические открытия юбиляра, сделанные им на Украине в эти годы: раскопки Широфанского могильника белозерской культуры в Херсонской обл., исследование Кировского поселения, до сих пор остающегося эталонным памятником эпохи поздней бронзы

Восточного Крыма. Археологическая удача сопутствовала Александру Михайловичу и при исследовании скифских погребений в курганах Восточного Крыма и Херсонской обл. у с. Ильичево, Архангельская Слобода, Любимовка и др. Здесь, среди нескольких сотен могил скифской эпохи, экспедициями, возглавляемыми А.М. Лесковым, было раскопано изрядное количество “золотых погребений”, существенно обогативших Музей исторических драгоценностей Украины. Уже в те годы среди коллег по институту он приобрел шутивное прозвище “Санька-золотая ручка”, однако за всеми открытиями стояла почти круглогодичная полевая работа экспедиций Александра Михайловича. “Везет тому, кто везет”, – скажет он позже в каком-то интервью. В 1971 г. за выдающиеся открытия на новостройках Юга Украины А.М. Лесков был отмечен премией ЦК КПУ и Совета Министров УССР.

В 1969 г. Александр Михайлович был назначен Ответственным секретарем Главной редакции готовившегося к печати трехтомника “Археологія Української РСР” (Т. 1, 2. Київ, 1972; Т. 3. Київ, 1975). Основной его задачей было максимально унифицировать подачу текстовых, картографических и иллюстративных материалов по всем томам. Кроме того, он был членом редколлегии 1-го тома и автором раздела “Срубная культура”. При этом А.М. Лесков оказался единственным членом Главной редакции, не получившим Государственную премию Украины за издание.

В 1973 г., в результате внутриинститутских интриг под надуманным политическим предлогом (проявления сионизма в экспедиции), в русле общей политической реакции на Украине, наступившей в результате смены партийного руководства в республике, А.М. Лесков был уволен из института, а экспедиция фактически уничтожена. Киевский институт и украинская археология потеряли талантливого ученого и прекрасного организатора. Самому А.М. Лескову с трудом удалось устроиться на работу в институт кибернетики АН УССР, где, вопреки всему, он писал докторскую диссертацию.

В 1974 г. Александр Михайлович переехал в Ленинград, где до 1981 г. работал в Музее истории религии и атеизма. Впервые столкнувшись с музейной работой и получив скромную должность старшего научного сотрудника отдела “Происхождение и ранние формы религии”, А.М. Лесков сумел и здесь проявить свои организаторские способности: подготовил новую постоянную экспозицию по происхождению и ранним формам религии, а с 1977 г. возглавил созданный по его инициативе редакционно-издательский отдел музея. Он также был ответственным редактором сборника “Актуальные проблемы истории религии и атеизма” (всего при нем вышло пять выпусков). Не прекращалась и научная деятельность юбиляра. За шесть ленинградских лет Лесков смог, со второй попытки, защитить докторскую диссертацию в ИА АН СССР по теме “Заклывательный период эпохи бронзы на юге Украины” (1975 г.) и издать четыре монографии, две из которых вышли в Германии (одна – совместно с В.С. Бочкаревым) в известной серии “PBF” (“Prähistorische Bronzefunde”).

В 1981 г. Министерством культуры СССР было принято решение о создании отдела археологии в Государственном музее искусства народов Востока (ГМИНВ), и А.М. Лесков был переведен из Ленинграда в Москву на должность заведующего этим отделом. Первоочередной задачей отдела стала организация охранно-спасательных археологических экспедиций на Северном Кавказе. Летом-осенью 1981 г. Кавказская археоло-

логическая экспедиция музея провела работы на территории Адыгеи. Уже в первый полевой сезон был получен интереснейший материал по древним и средневековым культурам Северо-Западного Кавказа.

Наиболее ярким открытием первых лет работы Кавказской экспедиции ГМИНВ стал комплекс памятников у аула Уляп, состоящий из меотских могильников VI–IV вв. до н.э. и подкурганых святилищ IV в. до н.э., исследованный в 1981–1983 гг. Блестящие находки из Уляпа стали основой многочисленных выставок, организованных А.М. Лесковым в 1985–1991 гг., экспонировавшихся в Москве, Краснодаре, Майкопе, многих европейских странах, а также в Мексике и Колумбии.

В 1985 г. Государственный комитет по науке и технике выделил музею дополнительные целевые ассигнования для расширения охранно-спасательных работ по изучению разрушающихся памятников культуры и искусства. Одновременно с исследованиями на Северном Кавказе отдел истории материальной культуры приступил к работам в Средней Азии и на Чукотке. В 1983 г., в рамках созданного Александром Михайловичем отдела, была организована Среднеазиатская археологическая экспедиция, а в 1986 г. – Чукотская. В связи с расширением тематики и объема научных исследований в 1985 г. в отделе было образовано два сектора – археологии Кавказа и Средней Азии, несколько позже был также создан сектор Чукотки и Сибири. Необходимо отметить, что созданный А.М. Лесковым отдел благополучно пережил все бурные перестроечные и постперестроечные годы и до сих пор плодотворно работает.

Институт археологии НАН Украины, Киев

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Еще одно из детищ А.М. Лескова – Северо-Кавказский филиал ГМИНВ в г. Майкоп, созданный в 1986 г. (окончательно вошел в строй с открытием постоянной экспозиции в 2010 г.). Внушительное здание музея с большой экспозицией и выставочной площадью быстро стало важным очагом культуры и искусства на Северном Кавказе.

После выезда дочери с семьей в США А.М. Лесков в 1997 г. переехал за океан, где продолжает заниматься научной и преподавательской работой в Калифорнийском (Беркли), Техасском (Остин) и Пенсильванском (Филадельфия) университетах. Основная тематика его публикаций и лекций осталась прежней – археология Юга Восточной Европы. В 2005–2007 гг., по гранту Фонда Фулбрайта, А.М. Лесков читал лекции в Киевском, Харьковском и Таврическом университетах. Одно из последних научных достижений юбиляра – монография “The Maikop Treasure” (Philadelphia, 2008), в которой он собрал и проанализировал хранящиеся в четырех музеях мира (двух немецких и двух американских) древности Юга России из коллекции Мерля де Массино, вывезенной за рубеж в первой четверти XX в. и получившей название “Майкопский клад”.

Сейчас в научном багаже А.М. Лескова более 100 разнообразных публикаций, в том числе 20 монографий, альбомов и каталогов, изданных в России, Украине, Германии, Швейцарии, Испании, Италии, Мексике, США.

Мы желаем Александру Михайловичу крепкого здоровья, новых научных открытий и публикаций.

С.В. Полин

В.Р. Эрлих

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **двух** экземплярах, распечатанных через **1,5 интервала** (шрифт Times New Roman, кегль 14) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290×210) с одной стороны листа **с обязательным приложением электронной версии** (на диске). К рукописям по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии” должно быть приложено **краткое резюме (не более 0,5 стр.) и ключевые слова (не более 10)**. Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

На отдельной странице приводятся **обязательно сведения об авторах: ФИО, ученая степень, должность, место работы, почтовый и электронный адреса, контактный телефон**.

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков** (с пробелами) и содержать **не более 8 иллюстраций**. Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков и 1–3 иллюстраций. **Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе “Хроника”, не должны превышать 10 тыс. знаков и не должны сопровождаться списком трудов ученого (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).**

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш.Н. Амиров

*Институт археологии РАН, Москва (электронный
адрес одного из авторов)*

Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, особенно плохой сохранности (чертежи и пр.), только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год, страница, рисунок и т.п. через точку с прописной буквы, например (Смирнов, 1964. С. 23. Рис. 5).

Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К Списку литературы должен быть приложен Список сокращений на отдельной странице. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск, включая иностранные издания. Например,

монография: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

статьи: Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. № 3.

источники: Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Присланные распечатанный и электронный варианты статьи должны сопровождаться подписанным договором о передаче авторских прав на публикацию издательству “Наука”. Текст Договора размещен на сайте Издательства “Наука” <http://www.naukaran.ru/>

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

В № 2 за 2013 год:

1) в статье Горина А.Н. “Подражание оболам Евкратида с городища Кампыртепа” последний абзац статьи “Автор выражает искреннюю признательность У Син (Wu Xin) за перевод с китайского языка” относится к последней работе СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ: *Zhang Defang. Discussion on some documents concerning the Western Region (Xi Yü) in the inscribed slips of Han Dynasty from Xuan Quan // History of relationship between China and foreign countries: new sources and new problems // Eds Rong Xinjiang, Li Xiacong. Beijing, 2004;*

2) в некрологе “Памяти Анзора Семеновича Агумаа” вместо Ведийский следует читать Бедийский храм.

Сдано в набор 15.04.2013 г.	Подписано к печати 28.06.2013 г.	Дата выхода в свет 27 кв.	Формат 60 × 80 ¹ / ₈	
Цифровая печать	Усл. печ. л. 24.0.	Усл.кр.-отт. 10.0.	Уч.-изд.л. 25.7.	Бум.л. 12.0
	Тираж 407 экз.	Зак. 1410.	Цена свободная	

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул. 90

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6